1154
529

Д. ЛОРДКИПАНИДЗЕ

ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ УЧЕНИЕ К. Д. УШИНСКОГО

ТБИЛИСИ
1948

АКАДЕМИЯ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ НАУК РСФСР

И54
52Д

Д. О. ЛОРДКИПАНИДЗЕ

Доктор педагогических наук

ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ УЧЕНИЕ К. Д. УШИНСКОГО

Под редакцией и с предисловием действительного члена
АПН РСФСР проф. Е. Н. МЕДЫНСКОГО

ИЗДАТЕЛЬСТВО ИНСТИТУТА ПЕДАГОГИЧЕСКИХ НАУК
ГРУЗИНСКОЙ ССР

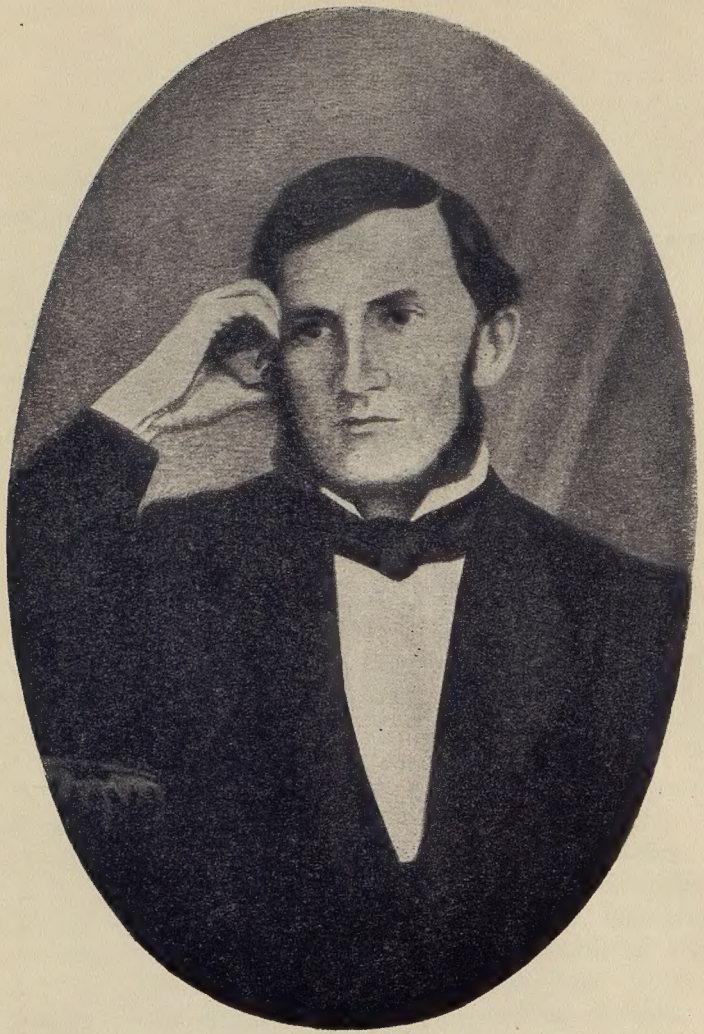
19 ТБИЛИСИ 48

5—

Отв. редактор действительный член
АПН РСФСР проф. Н. А. КОНСТАНТИНОВ

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ЛЕНИНСКАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА

914713 V



„Сделать как можно более пользы моему отечеству —
вот единственная цель моей жизни"

К. Ушинский

ПРЕДИСЛОВИЕ РЕДАКТОРА

Богатое педагогическое наследие, оставленное великим русским педагогом К. Д. Ушинским, до сих пор разрабатывалось далеко недостаточно. В многочисленных работах, посвященных творчеству К. Д. Ушинского, обычно анализировались отдельные стороны его жизни и его педагогической системы.

Капитальный труд Д. О. Лордкипанидзе, потребовавший более 10-летнего изучения архивных источников, тщательного анализа философских взглядов Ушинского, его педагогических воззрений и большой литературы о нем, представляет собой первую попытку всестороннего освещения педагогической системы К. Д. Ушинского. Совершенно прав действительный член Академии педагогических наук РСФСР, профессор Н. А. Константинов, который характеризует эту работу Д. О. Лордкипанидзе как „исследование большого значения". Также прав член-корреспондент Академии педагогических наук РСФСР профессор К. И. Львов, когда в своей рецензии пишет: „Работа Д. О. Лордкипанидзе является первым исследованием в педагогической литературе, посвященным анализу педагогического учения К. Д. Ушинского, в столь широком плане, как делается это Д. О. Лордкипанидзе. За все 76 лет, протекшие со дня смерти нашего гениального педагога, такое исследование по широте охвата темы не имело места".

Глубоко продуманно, с большой любовью и вместе с тем достаточно критически, с указанием и классово ограниченных черт, охарактеризован облик великого русского педагога, проанализованы его сложные философские взгляды, даны изложение и анализ общих основ педагогики и общепедагогических идей Ушинского, его дидактического учения и психологического обоснования этого учения, системы нравственного воспитания, взглядов Ушинского на учителя, его высказываний о роли директора школы.

Последняя (VIII) глава показывает значение Ушинского в развитии передовой педагогической мысли нерусских народов на-

шей родины на примере грузинской педагогики (в частности, на примере известного грузинского педагога Я. С. Гогебашвили).

В отличие от предшествующих работ об Ушинском, которые, говоря о философских взглядах Ушинского, брали их односторонне или неполно и характеризовали эти взгляды в общем, Д. О. Лордкипанидзе анализирует их расчлененно, памятуя, что, как указывал Ленин, диалектическая логика требует, прежде всего, чтобы были рассмотрены различные стороны изучаемого объекта. Предшествующие исследователи и комментаторы Ушинского упрощенно зачисляли его то в лагерь идеалистов, то в лагерь материалистов, то определяли его как эклектика. Лишь в работах, появившихся к 75-летию со дня смерти К. Д. Ушинского (Н. К. Гончарова, Н. А. Константинова и др.) были вскрыты материалистические черты мировоззрения Ушинского. Д. О. Лордкипанидзе пошел дальше и впервые указал, что следует различать: 1) натурфилософские взгляды Ушинского (в этой области Ушинский выступает как материалист), 2) гносеологические его взгляды (в которых преобладают материалистические тенденции, но имеются и высказывания идеалистического характера) и 3) воззрения Ушинского на общество и исторический процесс (где Ушинский стоит на позициях идеализма).

Ценной стороной глубокого анализа философских, экономических и социально-политических взглядов Ушинского, данного Д. О. Лордкипанидзе, является то, что эти взгляды даются не статически, а в их динамике, в развитии. Мировоззрение К. Д. Ушинского не оставалось неизменным. С течением времени, под влиянием бурного общественного движения 60-х годов, критики некоторых взглядов Ушинского „Современником", репрессий, под ударами которых Ушинский постепенно освободился от многих своих иллюзий более ранних лет, его мировоззрение сильно эволюционировало в сторону материализма. Особенно же эволюционировало его отношение к религии. В конце жизни он, несмотря на то, что оставался религиозным человеком, заявляет: „Всякая фактическая наука,—а другой науки мы не знаем,—стоит вне всякой религии, ибо опирается на факты, а не на верования".

Хотя Д. О. Лордкипанидзе в своей работе останавливается подробнее на положительных чертах педагогического наследства и мировоззрения Ушинского, хотя он акцентирует внимание читателя на том ценном, что было у Ушинского, но не идеализирует Ушинского, не замалчивает слабых сторон его мировоззрения и педагогической системы. Так, отмечая высокую оценку Ушинским

дарвинизма, Д. О. Лордкипанидзе правильно указывает, что Ушинский „отдавал некоторую дань метафизическим положениям Ламарка". Указав на элементы диалектики в воззрениях Ушинского, Д. О. Лордкипанидзе правильно отмечает: „Однако, мы допустили бы грубую ошибку и не могли бы правильно ориентироваться в педагогическом наследии Ушинского, если бы объявили его диалектиком, хотя элементы диалектики в его учении и имеются. Дело в том, что Ушинский не поднялся, и в силу исторических условий своего времени не мог подняться, до понимания самой сущности развития—борьбы внутренних противоположностей, как основы всякого движения и развития". Равным образом отмечая, что Ушинский в понимании опыта, факта стоит выше идеалистов и, в частности, позитивистов, Д. О. Лордкипанидзе тут же замечает, что он „не дошел до диалектико-материалистического понимания факта и процесса его познания, оставив место агностицизму". Таких примеров критического подхода к Ушинскому, привсей любви и большом уважении к нему автора, в работе Д. О. Лордкипанидзе можно указать не мало.

Впервые подробно, всесторонне раскрыты в работе Д. О. Лордкипанидзе взгляды Ушинского на педагогику, как на теорию воспитания (глава II), подробно освещены общие основы воспитания; следовало бы только несколько подробнее проанализировать принцип народности Ушинского. Но, вероятно, автор не сделал этого потому, что основные черты понятия о народности, по Ушинскому, были достаточно полно раскрыты в предшествующих работах Н. А. Константинова, Е. Н. Медынского, В. Я. Струминского.

Не вдаваясь в пересказ отдельных дидактических принципов и правил обучения, данных Ушинским, Д. О. Лордкипанидзе дал оригинальную, во многом новую трактовку дидактического учения Ушинского в его основах, в философско-педагогическом плане, уделив много места вопросам психологического обоснования процесса обучения. Поэтому, хотя о дидактических взглядах Ушинского написано уже не мало, эта глава работы Д. О. Лордкипанидзе дает много нового, свежего и помогает разобраться в богатом дидактическом наследстве великого русского педагога.

Главы V и VII (в частности, „Учение о нравственном воспитании") сравнительно кратки, но и в них много новых мыслей.

Особый интерес представляет последняя глава. Как известно, К. Д. Ушинский создал целую плеяду своих последователей—рус-

ских педагогов (Модзалевский, Семенов, Бунаков, Водовозов и др.). Его влияние на русскую педагогику было огромно и достаточно хорошо известно. В общих чертах за последние годы было установлено и подчеркнуто большое значение Ушинского для развития передовой педагогической мысли и у других народов СССР. Большая заслуга Д. О. Лордкипанидзе заключается в том, что он путем углубленного анализа подробно, в высшей степени убедительно показал проникновение учения Ушинского в Грузию и его значение для развития грузинской педагогической мысли в лице, прежде всего, Я. С. Гогебашвили.

На ярком примере педагогических связей русского и грузинского народов, в том глубоком уважении к К. Д. Ушинскому, которым согрета вся монография, Д. О. Лордкипанидзе конкретно показал великое значение нерушимой ленинско-сталинской дружбы народов СССР. В этом—большое политическое значение работы Лордкипанидзе об Ушинском.

проф. Е. Медынский

Москва
10.IV. 1948

„У нас уже социалистический строй. Но я вижу, что те идеи, которые развивал в свое время Ушинский и которые я здесь выдвинул в качестве практических предложений,—это настоящие педагогические идеи. Мало того: я считаю, что они только в нашем социалистическом обществе и могут быть полностью осуществлены".

М. И. Калинин

„В истории русского просвещения Ушинскому принадлежит почетнейшее место...

„Всю жизнь жаждал он света. Все силы положил он на то, чтобы пламенным горением своего духа, светочем свободы, знания и культуры рассеять мрак ненастного времени, когда суждено было ему жить...

„Но Ушинский принадлежит не только прошлому: он продолжает жить и в нашей современности. Идеи создателя „Детского мира", „Родного слова", „Педагогической антропологии" сохраняют по сей день свою творческую силу".

В. П. Потемкин

„Ушинский—великий русский педагог... обладавший не только глубоким всесторонним образованием как общим, так и педагогическим, но и одаренный от природы самобытным творческим талантом и всеми без изъятия признанный патриарх русской педагогики".

Я. С. Гогебашвили

К. Д. УШИНСКИЙ—ВЕЛИКИЙ РУССКИЙ ПЕДАГОГ

Классик педагогики Константин Дмитриевич Ушинский по праву занимает одно из передовых мест среди выдающихся сынов великого русского народа, покрывших свои имена бессмертной славой.

Воплощая в своей педагогической системе основные черты русской классической педагогики—пламенную любовь к родине и преданность ее интересам, демократизм и широкий гуманизм, любовь и уважение к труду и свободе, бережное отношение к достоинствам личности и уважение национальных прав и чувств всех народов, твердость и непоколебимую веру в прогресс и науку и действенный оптимизм, Ушинский вполне заслужил оценку, данную его учеником, известным русским педагогом Л. Н. Модзалевским: „Ушинский—это наш действительно народный педагог точно так же, как Ломоносов—наш народный ученый, Суворов—наш народный полководец, Пушкин—наш народный поэт, Глинка—наш народный композитор"[1].

К. Д. Ушинский был крупнейшим ученым своего времени, обладавшим обширными знаниями в разных областях науки. Окончив курс Московского университета по юридическому факультету в 1844 году с званием кандидата и уже в 1846 году, в возрасте 23 лет, занявший должность профессора кафедры энциклопедии законоведения, государственного права и науки финансов в Ярославском Демидовском юридическом лицее[2], Ушинский вско-

[1] Из прощальной речи, произнесенной на товарищеском обеде в честь К. Д. Ушинского Л. Н. Модзалевским в сентябре 1864 года, помещена в юбилейном сборнике „Памяти К. Д. Ушинского," СПБ, 1896 г., стр. 162.

[2] Утвержден в этой должности 2 августа 1846 года, как видно из формулярного списка К. Д. Ушинского, составленного, в 1849 году. Центр.

ре проявил себя, как талантливый и вполне зрелый ученый. Его блестящий труд „О камеральном образовании", написанный им на заре своей научно-исследовательской деятельности, как бы одним взмахом выдвинул молодого профессора Ушинского в первые ряды выдающихся ученых того времени. Этот труд, прочитанный Ушинским как доклад на торжественном собрании Демидовского юридического лицея 18 сентября 1848 года и изданный Московским университетом отдельной книгой в том же году, явившийся предвестником большой научной будущности „самобытным талантом одаренного"[1] Ушинского, дает яркое представление об огромной эрудиции его автора в области философии, политической экономии, истории и юридических наук. Многочисленные обзорные и критические статьи (напр., критические разборы разных книг, „Заметки путешествующего вокруг света" и др.), а также художественно-литературные произведения (напр., „Поездка на Волхов"), печатавшиеся в пятидесятых годах главным образом в журналах „Современник" и „Библиотека для чтения", обнаруживают, с одной стороны, необычайно широкий кругозор и большой литературно-художественный вкус Ушинского, получивший высокую оценку со стороны такого тонкого художника слова, как И. С. Тургенев; с другой же стороны, они говорят об его исключительных способностях и умении самостоятельно и критически подходить к разным явлениям жизни и науки. Вместе с тем труды эти указывают на необычайно интенсивный научный рост Ушинского. Дальнейшее же усовершенствование знаний в разных сферах науки, в особенности в области философии, психологии, педагогической теории и практики, а также в области естественных наук, возвели Ушинского на такую степень учености, которой не достигал ни один из классиков-педагогов домарксового периода. Самым лучшим показателем этого является бессмертное творение Ушинского „Человек как предмет

Арх. ВПК и Б, фонд департамента народного просвещения, 1849 г., д. 101590, л. л. 3—4. Из этого формулярного списка полностью подтверждается также указание В. И. Чернышева о том, что датой рождения К. Д. Ушинского следует считать 19-е февраля 1823 года. Это предположение В. И. Чернышева, основанное на данных увольнительного свидетельства, выданного Новгород-Северской гимназией и хранившегося в архиве Московского университета, подтверждается также формулярным списком К. Д. Ушинского, составленным в 1862 году, который хранится в Центр. Арх. ВПК и Б, фонд канц. IV отд. 3 эксп., дело № 4731, л. л. 5—12, 1862 г.

[1] Я. С. Гогебашвили, Разбор учебников по русск. языку, 1896 г., стр. 27.

воспитания"—этот венец неувядаемой славы русской классической педагогики.

Ушинский, являясь носителем непоколебимой веры в науку и ее могучую силу для блага народа, свою прогрессивную и оригинальную педагогическую систему построил на уровне передовой науки. „Говорить, что автор „Человека как предмета воспитания" стоит на высоте западно-европейской науки, значит говорить об Ушинском очень сдержанно. Он стоял на самых крайних высотах ее, лицом, обращенным на правильный путь грядущей педагогики" [1],—писал о нем проф. П. Блонский. И на самом деле, разрабатывая свою педагогическую систему, содержавшую учение о педагогике, как науке, учение о целях воспитания и о народности в воспитании, учение о детях и о закономерностях их развития в процессе воспитания, теорию воспитания личности, дидактику, учение о школе, об учителе и др.,—Ушинский действительно „стоял на самых высотах науки". Этим и объясняется, что его педагогическое учение сохранило свою актуальность и жизненность для той „грядущей педагогики", какой является самая передовая в мире—советская педагогическая наука.

Педагогическое учение Ушинского представляет собой неисчерпаемый источник, обогащающий советскую педагогическую теорию и способствующий дальнейшему улучшению качества учебно-воспитательной работы советской школы. Такая жизнеспособность и актуальность педагогического учения Ушинского для нашей педагогической науки и школы не только не вянет, но приобретает все большее значение и силу в связи с ростом и развитием советской системы воспитания в целом. Жизнь полностью оправдала оценку роли и места Ушинского в истории педагогики, данную теми передовыми педагогами дореволюционной России, которые считали, что „главная роль Ушинского лежит в будущем". Это „будущее" и есть наше настоящее—великая эпоха победоносного социализма в нашей стране, когда расцвели и успешно осуществляются лучшие думы и чаяния лучших сынов народа и среди них—великого русского педагога Ушинского. „Ушинский принадлежит не только прошлому. Он продолжает жить и в нашей современности" [2]. Эти слова академика В. П. Потемкина были под-

[1] П. Блонский, Место К. Д. Ушинского в истории русской педагогики, „Педагог. листок", 1915 г., № 2, стр. 96.

[2] Академик В. П. Потемкин, К. Д. Ушинский—великий русский педагог, журн. „Советская педагогика", 1945 г., № 12, стр. 7.

тверждены юбилеем, проведенным в январе 1946 года по постановлению Советского Правительства в связи с 75-летием со дня смерти К. Д. Ушинского. Юбилей превратился в подлинный праздник не только для русского народа, но и для всех народов Советского Союза.

Одним из показателей величия Ушинского является и то, что о нем написано большое количество работ. Начиная с 1860 года (со времени опубликования первой статьи об Ушинском В. Стоюнина в журнале „Воспитание" под заглавием „Новая программа журнала министерства народного просвещения") вопросам о жизни, деятельности и научно-педагогическом наследстве Ушинского посвящено свыше 300 статей и работ. До революции об Ушинском писали исследования такие крупные педагоги, как В. Стоюнин, Д. Д. Семенов, Л. Н. Модзалевский, М. Л. Песковский, А. Ф. Фрольков, П. Ф. Каптерев, Д. И. Тихомиров, В. Острогорский, М. И. Демков, Н. Ф. Бунаков, Н. В. Чехов, П. П. Блонский и др. Особо следует подчеркнуть большую заслугу в деле собирания архивных и других неопубликованных материалов Ушинского и об Ушинском В. И. Чернышева, ныне члена-корреспондента Академии наук СССР, который впервые разработал наиболее полную библиографию трудов Ушинского, доведя ее до 1907 года. За советский период наиболее систематическую работу по изучению жизни и педагогической деятельности Ушинского провели действительные члены АПН РСФСР Е. Н. Медынский, Н. А. Константинов, члены-корреспонденты АПН РСФСР В. Я. Струминский, Ш. И. Ганелин, профессора И. А. Арямов, Е. Н. Петрова, доценты Н. К. Гончаров, Н. В. Зикеев, З. А. Лир, М. А. Данилов, Н. И. Панков и др. Можно сказать, что ни об одном русском и европейском педагоге не написано на русском языке столько работ, сколько об Ушинском.

Но, вместе с тем, большинство авторов, писавших об Ушинском, отмечает, что его педагогическая система не изучена во всех ее частях и во всем ее величии. Это и понятно. Совершенно правы оказались В. Острогорский и Д. Семенов, которые еще в 1885 году писали: „И чем далее будет развиваться наша педагогическая литература, чем более будет совершенствоваться русская школа, тем более должно расти значение Ушинского"[1]. Актуальность всестороннего изучения педагогической системы Ушин-

[1] В. Острогорский и Д. Семенов, Русские педагогические деятели, журн. „Воспитание и обучение", 1885 г., № 2, стр. 65.

ского из года в год возрастает. В этом и заключается величие и жизненность педагогического наследства Ушинского.

Царизм принимал всяческие меры к тому, чтобы поколебать все возрастающее влияние и авторитет Ушинского, который, несмотря на невыносимо тяжелые условия работы и преследования со стороны царского правительства, мужественно „шел прямым путем, не зная окольных дорог и... не отступая ни на шаг от своих убеждений“ [1]. В результате этого авторитет Ушинского и любовь к нему все более росли и укреплялись среди народа и передового учительства. „Жизнь К. Д. Ушинского,—пишет действ. чл. АПН Е. Н. Медынский,—так же, как и жизнь Чернышевского, Добролюбова и многих других замечательных русских деятелей,—яркий пример мужественной борьбы за общественное дело. Царизм ставил препятствия деятельности Ушинского, но русская педагогическая общественность и прогрессивные педагоги других народов России высоко оценили его уже при жизни, группировались около него и с благодарностью следовали за ним“ [2].

Благодарный советский народ, свято храня и развивая все лучшее и прогрессивное, созданное лучшими его сынами в прошлом, высоко ценит великого русского педагога Ушинского. „Воздавая должную дань отцу русской школы, свободные и счастливые люди великой Сталинской эпохи склоняют голову перед его светлым образом. Словами надписи, начертанной на могиле Ушинского, можно сказать: „Да почиют от трудов своих, дела бо их ходят вслед за ними“ [3],—говорил академик В. П. Потемкин, характеризуя дела Ушинского, как дела великого педагога-патриота.

Изучению педагогического творчества Ушинского и посвящена настоящая работа, с большим желанием автора внести посильную, хотя бы и очень скромную, лепту в большое дело освоения советской педагогической наукой богатейшего наследства великого русского педагога К. Д. Ушинского.

---

[1] Ю. Рехневский, К. Д. Ушинский, некролог, журн. „Вестник Европы“, 1871 г., февр., стр. 900.

[2] Действ. чл. АПН РСФСР Е. Н. Медынский, Великий русский педагог К. Д. Ушинский, журн. „Советская педагогика“, 1945 г., № 12, стр. 12.

[3] Академик В. П. Потемкин, К. Д. Ушинский—великий русский педагог, журн. „Советская педагогика“, 1945 г., № 12, стр. 10.

Глава I

ФИЛОСОФСКИЕ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ВОЗЗРЕНИЯ К. Д. УШИНСКОГО

А. ФИЛОСОФСКИЕ ВОЗЗРЕНИЯ

Каждая наука насквозь пронизана определенным мировоззрением, философией. Философия—это методологическая основа и, следовательно, душа всякой науки, в особенности такой социальной науки, каковой является педагогическая наука. Поэтому естественно: чтобы раскрыть любое педагогическое учение, прежде всего, необходимо иметь ясное представление об его общефилософских основах. Это положение особенно относится к изучению педагогической системы Ушинского, который является не только классиком педагогической мысли, но и крупным философом, по праву занимающим видное место среди представителей русской классической философии 60-х годов XIX столетия.

Как философ-мыслитель Ушинский еще тогда был вполне оформившимся и зрелым человеком, когда он только приступал к своей научно-педагогической деятельности. Главным образом этим и следует объяснить зрелость и глубину мысли в первых же его педагогических работах. Нельзя назвать ни одной статьи Ушинского по вопросам воспитания, чтобы она не была написана на основе определенной философской концепции.

Правда, Ушинский сам не претендовал на роль и звание философа в подлинном значении этого слова и даже писал, что, якобы, он не имеет своей философской концепции, но мы допустили бы грубейшую, непоправимую ошибку, если бы это указание Ушинского наивно приняли в прямом значении и отсюда сделали

вывод об отсутствии у него философской концепции вообще и как основы его педагогической системы, в частности. Полная несостоятельность и вредность такого рода выводов, имевших место в некоторых трудах об Ушинском, очевидна.

Во-первых, педагогика, так же, как и всякая другая наука, не может не иметь своей философской основы, тем более, что она по своему существу является социальной наукой. Более того, сам Ушинский учит, что „педагогика все же в основании наука философская и потому требует единства идей“ [1]. Именно на этом „единстве идей“, т. е. на определенном философском мировоззрении и построено все педагогическое учение Ушинского. Особо подчеркивая значение философии для определения целей воспитания, Ушинский писал: „Имея постоянно в виду необходимость определить цель воспитания, мы должны были делать такие отступления в область философии“ [2]. В связи с утверждением необходимости философского обоснования теории воспитания, Ушинский удачно сравнивает педагогику, оторванную от философии, и воспитателя без теории с таким архитектором, „который, закладывая новое здание, не сумел бы ответить вам на вопрос, что он хочет строить“ [3].

Поэтому основательное рассмотрение вопросов о философских основах воспитания и педагогической теории Ушинский считал „одним из главных стремлений“ своего капитального труда „Человек как предмет воспитания“. И не только научно-педагогические труды, но и его замечательные учебники „Родное слово“ и „Детский мир“ насквозь пронизаны мировоззренческим духом, „единством идей“, как говорил сам Ушинский.

Во-вторых, такие труды, как „О камеральном образовании“, „Человек как предмет воспитания“, „Материалы для педагогической антропологии“, „Вопросы о душе в его современном состоянии“ и др. в значительной степени являются трактатами философского характера, в которых такие основные мировоззренческие вопро-

---

[1] К. Д. Ушинский, Письма к Л. Н. Модзалевскому, журн. „Русская школа“, 1893 г., № 7–8, письмо 17-е.

[2] К. Д. Ушинский, „Человек как предмет воспитания“, т. I, изд. 10-е, 1901 г., стр. VI.

[3] Там же, стр. VI.

сы, как, например, что такое мир, что такое материя, что такое душа, что такое общество и каковы цель и назначение человека, что такое истина, что такое религия и др., рассматриваются не только в плане педагогической науки, но вместе с тем и прежде всего с точки зрения философии.

Прав проф. М. М. Рубинштейн, когда пишет, что „вопрос о философском миросозерцании является вполне уместным и даже необходимым, когда идет речь о педагоге. Тем более необходим он, когда речь идет о такой крупной личности, как Ушинский".[1] Но он глубоко ошибается когда указывает, что „хотя он не дал трудов, непосредственно трактующих о философских вопросах, тем не менее он обладал хорошим философским образованием и, как показывают его труды и материалы, умел отнестись с большим по тому времени критическим смыслом к философским трудам, с которыми он обнаруживает широкое знакомство".[2] М. М. Рубинштейн не увидел главного, что Ушинский не только обладал хорошим философским образованием и что его труды не только „полны" ссылками на философов всех времен, но, что главное, в этих трудах Ушинский ставил и самостоятельно разрешал основные вопросы философии, давал оценки разным философским направлениям, подходя к ним с точки зрения своей философской концепции. Ушинский, говоря о целях той критики, которую он вел против идеализма и вульгарного материализма, писал: „Мы считаем полезным, от времени до времени, очищать метафизическую атмосферу от накопляющихся в ней миазмов, что особенно важно в области воспитания"[3], „...я старался критическими разборами убедить людей, принявших уже то или другое мнение"[4]. Этим Ушинский сказал многое. Прежде всего, косвенно, но со всей убедительностью указал на то, что он имеет определенную философскую концепцию, на основе которой только и возможно „очищать метафизическую атмосферу" и разубеждать людей, „принявших то или другое мнение".

Для раскрытия философской основы педагогической системы Ушинского решающую роль играет вопрос о том, с какой пози-

---

[1] М. М. Рубинштейн, Жизнь в понимании К. Д. Ушинского. „Вестник воспитания", 1915, № 1, стр. 67—68.

[2] Там же, стр. 69.

[3] К. Д. Ушинский, Человек как предмет воспитания, т. I, стр. 179

[4] Проект прогр. педаг. курса, Гос. Арх. ВПК и Б, фонд канц. ведом. им. Марии, Б. № 150.

ции, с какой методологической точки зрения мы сами подойдем к ней. История этого вопроса, т. е. история подхода к Ушинскому ярко показывает, что основная причина правильного или неправильного толкования Ушинского прежде всего заключается в тех точках зрения, в тех методологических позициях, с которых к нему и, в частности, к его мировоззрению подходили. Подлинно научный подход к Ушинскому возможен лишь на основе марксистско-ленинской материалистической философии. Она и является для нас верным путеводителем в нашем исследовании вообще и в освещении мировоззрения Ушинского, в частности.

Ставя задачей для этой подглавы показать философские воззрения Ушинского, мы хорошо понимаем, что затронутые в ней вопросы не являются предметом специального педагогического исследования. Но отсутствие до настоящего времени таких трудов, которые в достаточной мере освещали бы философские взгляды Ушинского, побудило нас несколько расширить эту главу с тем, чтобы дать более или менее цельное представление о методологических основах педагогической системы Ушинского. Вместе с тем мы полностью отдаем себе отчет и в том, что анализ философских взглядов Ушинского хотя и представлен несколько более широко с точки зрения того места, которое он должен был бы занимать в педагогическом исследовании, все же далеко не может претендовать на полный охват и всестороннее освещение философских взглядов Ушинского. Это тем более следует учесть и потому, что эти взгляды нами преимущественно освещаются постольку, поскольку они необходимы для анализа педагогического учения Ушинского. Богатое же философское наследство Ушинского, равно как и в области политической экономии и права, ждет своего специалиста-исследователя, и чем раньше будет это сделано, тем лучше для нашей отечественной философской науки в целом и педагогики, в частности.

Для более или менее цельного представления философской концепции Ушинского мы считаем нужным рассмотреть ее по следующим основным вопросам и в следующей последовательности: 1) как освещена философская концепция Ушинского в работах о нем, 2) каковы исходные положения философии Ушинского, 3) какова сущность натурфилософских взглядов Ушинского, 4) как освещаются и понимаются Ушинским вопросы об обществе и законах его развития,

5) какова гносеологическая точка зрения Ушинского, 6) как расценивает Ушинский науку и ее значение для познания истины на благо народа.

1. Оценка философской концепции Ушинского в работах о нем

В дореволюционных работах философия Ушинского толкуется с разных позиции, в разных направлениях.

Одни считают Ушинского последовательным идеалистом. Типичным представителем такого толкования был проф. М. М. Рубинштейн, который утверждал, что „фихтеанское идеалистическое следствие чувствуется у Ушинского на каждом шагу“ [1] и что источником мировоззрения Ушинского „действительно мог быть Фихте“ [2]. Основным доводом этого для Рубинштейна служит то, что „Ушинский не раз цитирует Фихте и в „Человеке как предмете воспитания“ и в „Материалах“ [3]. Характеризуя Ушинского с такой позиции, М. М. Рубинштейн писал:“ Ушинский по своему направлению шел по пути, направленному против материализма, поддерживаемый своим тонким педагогическим чутьем. Он не только отклоняет материалистическое понимание человека, жизни и мира, но своим пониманием воли, как „власти души над телом“, он дает яркое и энергичное указание на преобладание духа“ [4]. Более того, Рубинштейн считал, что Ушинского преследовали за его идеализм, что „Ушинский был гонимый своим скрытым философско-идеалистическим настроением“ [5].

Другие также считали Ушинского идеалистом, но идеалистом непоследовательным. Они упрекали Ушинского в том, что в его философии имеют место элементы материалистической философии. Так, напр., проф. Ир. Скворцов с позиций субъективного идеализма критикует Ушинского и особенно упрекает его в том, что он защищает известное положение материалистического сенсуализма—„Нет ничего в уме, чего раньше не было в чувстве“ [6].

---

[1] М. М. Рубинштейн, Жизнь в понимании Ушинского, „Вестник воспитания“, 1915 г., № 1, стр. 79.

[2] Там же, стр. 79.

[3] Там же, стр. 79.

[4] Там же, стр. 77.

[5] Там же, стр. 81.

[6] Ир. Скворцов, К. Д. Ушинский как педагог и публицист, „Вестник воспитания“, 1894 г, № 6, стр. 208.

Некоторые из толкователей, рассматривая его философские воззрения с разного рода идеалистических позиций, критикуют его как материалиста. Среди них, в первую очередь, следует отметить проф. М. Владиславлева, который направил свою критику против Ушинского с позиций неокантианской философии. Указав, что „Человек как предмет воспитания" написан с большим знанием дела и более глубоким изучением литературы"[1], что „автор знаком с трудами английской школы, в частности, с трудами Бэна, Рида, Милля, еще более с немецкими—Бэнеке, Гербарта, Розенкранца, Лотца, Фихте, т. е. со всем, что в настоящее время есть интересного по части психологии"[2], Владиславлев обвинял Ушинского в том, что „он в физиологическом направлении нашел хорошее то, что он ставит душевные явления в строгую зависимость от нервной системы"[3] и что "он дает ход предположению, которое с неуверенностью высказывалось материалистами"[4].

Среди критиков Ушинского есть и такие, которые его философскую концепцию рассматривают как дуалистическую. Так, например, В. А. Гольцев, отмечая, что „Ушинский внимательно изучал естествоиспытателей, и философов-позитивистов, и материалистов", писал: „Мы видим, что весь трактат (речь идет о „Человеке как предмете воспитания"—Д. Л.) проникнут идеей дуализма—субстанционального различия духа и вещества"[5].

Помимо этого, одна группа толкователей философии великого русского педагога близко примыкает к пониманию Ушинского как дуалиста и объявляет его эклектиком. Такое направление в толковании философии Ушинского представлял проф. П. Блонский. „Он ставит целью,—писал Блонский об Ушинском,—сочетать дуализм Декарта с индукцией Бекона, психологию Локка и мысли Канта, идеализм и материализм"[6]. Многие представители этого направления в оценке философской концепции Ушинского цитировали самого Ушинского, указывая на то, что он „всегда шел за

---

[1] М. Владиславлев, „Человек как предмет воспитания" Ушинского, „Журн. М. Н. П.", 1868 г., май, стр. 544.

[2] Там же, стр. 593.

[3] Там же, стр. 594.

[4] Там же , стр. 595.

[5] В. А. Гольцев, Воспитание, нравственность, право, сборник статей, 1897 г., 106.

[6] П. Блонский, Место К. Д. Ушинского в истории русской педагогики, „Пед. листок", 1915 г., № 2, стр. 94—95.

фактами, где факты переставаали говорить, там ставили гипотезу... Мы не стеснялись брать их у Локка или Канта, Декарта или Спинозы" и т. д. и без учета всего духа философии Ушинского считали его эклектиком.

Наконец следует отметить и представителей церковной мистики, вроде Филонова и Радонежского, которые нападали на Ушинского с позиций клерикализма и не только объявляли его „материалистом-нигилистом", выступая на страницах печати как литературные критики, но и составляли на него гнусные доносы как об атеисте, как о неблагонадежном человеке и т. д. Этим самым они стремились изолировать, оторвать Ушинского от общественно-педагогического мира, ставили его судьбу в опасное положение и отравляли жизнь великому педагогу. Эти господа свою злостную борьбу против Ушинского начали с критики материалистического направления его учебников. И Филонов, и Родонежский в своих мнениях о „Родном слове", представленных в Ученый совет МНП, указывали на реальное направление всех учебников Ушинского, в частности, „Родного слова", особенно подчеркивали игнорирование Ушинским религиозных материалов в учебниках и требовали их изъятия из употребления в школах. „Главное направление издания (речь идет о „Родном слове"—Д. Л.) преимущественно реальное... какую страницу вы не раскроете, вы увидите множество названий мира видимого, материального" [1],—писал в своем „мнении" о „Родном слове" Ушинского Филонов. „Поэтому следует теперь же исключить „Родное слово", год первый, из числа одобренных руководств и немедленно приступить к пересмотру других книг Ушинского" [3],—подкреплял доводы Филонова его друг, член Ученого комитета министерства просвещения А. Радонежский. Как известно, в результате всего этого было ускорено запрещение „Родного слова" Ушинского, как „книги материалистическо-нигилистического и атеистического направления". Еще при жизни Ушинского Ф. Филонов нападал на Ушинского, обвиняя его в деизме. Обращаясь к нему он писал: „Скажите честно, милый

---

[1] Ц. Г. Архив ВПК и Б СССР, Департ. Нар. Просв., 1889 г., № 176670-а, л. л. 94—115. Этот фонд, содержит богатый материал о разборе „Родного слова" Ушинского в Ученом комитете МНП. Материал не опубликован.

[2] Там же, Доклад Радонежского в Ученом комитете МНП, 1889 г., л. п. 1—25.

педагог, не следуете ли вы Руссо, который не сообщал своему Эмилю религиозных истин до юношеского возраста?"[1].

Характерна также такая, как-бы, половинчатая, но весьма хитро направленная критика против мировоззренческих установок Ушинского, какую вели церковные служители с этих же позиций клерикализма. Так, напр., в 1897 году орган св. Синода—„Народное образование" писал: „Детский мир" в 1866 году был изъят из школ министерства народного просвещения. Причиной изъятия послужили именно статьи по естествознанию, которые будто-бы могли способствовать развитию у детей материализма и нигилизма... Упреки эти служили косвенным обвинением его самого (Ушинского—Д. Л.) в причастности к вредным мыслям, ибо можно думать, что в книгах Ушинского только отразилось направление его мыслей... Естественно является вопрос: насколько справедливо такое обвинение? Действительно ли Ушинский был по своим убеждениям материалист? Этот вопрос важен в особенности потому, что книги Ушинского разошлись по России в громадном количестве экземпляров и, следовательно, имели громадное влияние на русскую публику"[2]. Ставя этот вопрос, церковный орган хорошо понимал, что вести прямую, открытую борьбу против Ушинского, пользовавшегося всенародной любовью и авторитетом, было невыгодно для своего же собственного авторитета. Боясь именно этого, но одновременно, считая необходимым не дать развернуться идеям Ушинского, на поставленный ими же вопрос представители синода дали „мягкий" ответ: „Некоторое пристрастие к естествознанию нужно признать по отношению к „Детскому миру" действительным фактом..." Но „творцу природы—истина не может быть вредна", отмечая там же, что „Ушинский указал те границы, за которые не должен выходить воспитатель, преподавая детям истины природы"[3]. Это предупреждение—„не выходить за границы"—характерно и знаменательно и в том смысле, что борьба против материалистических тенденций Ушинского продолжалась в разных формах и в последующие, более поздние периоды.

Кроме этих общих направлений в оценке философии Ушинского встречаются также отдельные неправильные высказывания,

---

[1]. Ц. Г. Архив. ВПК и Б, СССР, Департ. народного просвещения, 1889 г. Д. 176670-а, л. л. 94—115.

[2] Там же.

[3] Там же.

приводившие к неправильному толкованию педагогической системы Ушинского. Так, напр., В. А. Волкович в своей солидной монографии об Ушинском пишет: „Мы будем удовлетворены, если нам удастся углубить педагогические взгляды К. Д. Ушинского, их систематизировать, найти основную педагогическую идею, объединяющую все многообразие, высказанное Ушинским по вопросам воспитания и обучения в одно связное философское мировоззрение“ [1]. Ошибочность этого положения и вытекающие отсюда заблуждения В. Волкович заключаются в том, что можно и следовало бы говорить не о тождестве педагогики и философии, а о построении Ушинским педагогической системы на основе своего философского мировоззрения, на основе своей философской концепции.

Имеют место также и такие факты, когда некоторые авторы в своих исследованиях об Ушинском (монографии М. К. Песковского, Н. Грунского, А. П. Флерова и др.) совершенно обходят или же недостаточно останавливаются на вопросах, связанных с философскими основами педагогической системы Ушинского. Такой „отход“ от философии и рассмотрение педагогической системы Ушинского в отрыве от его философской концепции, делают исследования о нем неглубокими и, порой, даже односторонними.

Так обстоит дело с пониманием и оценкой философских воззрений Ушинского в дореволюционных работах о нем. Такой многообразный, принципиально различный подход к философии Ушинского, как было указано выше, объясняется неправильностью тех методологических принципов, с которыми подходили к Ушинскому. Но вместе с тем нельзя не отметить, что философские воззрения Ушинского, будучи подчас ограниченными и недостаточно последовательными, давали повод так разно толковать их.

Несмотря на все это, оценки философских воззрений Ушинского, которые даются в дореволюционных исследованиях, все же имеют значение в том смысле, что они, в своем большинстве, подчеркивают, с одной стороны, большую философскую эрудицию Ушинского, с другой же стороны, как увидим ниже, указывают на ряд важных моментов в понимании философии Ушинского, с которыми нельзя не считаться и в настоящее время.

И в нашей советской педагогической литературе еще недостаточно раскрыты философские воззрения Ушинского. Не

---

[1] В. Волкович, Национальный воспитатель К. Д. Ушинский, 1913 г., стр. 94.

вдаваясь в детальное рассмотрение тех трактовок, которые имели место за советский период в области освещения философии Ушинского, укажем только, что на отдельных этапах развития нашей советской педагогической науки были факты неправильного подхода к философии Ушинского, приводившие, естественно, к неправильному пониманию, а подчас и к вредному толкованию педагогического учения великого педагога. Газета „Правда" в номере от 10 апреля 1937 года, в статье „Великий русский педагог и его судьи" вскрыла и осудила эти извращения в деле понимания и оценки Ушинского и дала руководящие указания для широкого и всестороннего изучения и правильного освоения богатейшего педагогического наследства Ушинского.

Следует отметить, что за последние годы, в особенности после создания научно-исследовательского центра советской педагогической мысли—Академии педагогических наук РСФСР, изучение педагогической системы Ушинского во всей широте было поставлено на правильные, подлинно государственные и научные рельсы. Естественно, что в этом отношении особое место заняло изучение философских основ педагогической системы Ушинского. Плодотворность такого изучения показывают труды об Ушинском, вышедшие за последние годы. Такие работы, как „Великий русский педагог К. Д. Ушинский" действ. члена Академии педагогических наук РСФСР Е. Н. Медынского, „Материалистические черты в педагогической системе К. Д. Ушинского" доц. Н. К. Гончарова, „Принцип народности в педагогической системе К. Д. Ушинского" действ. члена АПН РСФСР Н. А. Константинова, опубликованные в 1945 году, являются большим шагом вперед в деле изучения Ушинского на правильной методологической основе, на основе марксистско-ленинской философии.

2. Исходные принципы философии Ушинского

При освещении философской концепции Ушинского прежде всего необходимо исходить из того положения, что она (концепция) складывалась в условиях борьбы двух противоположных укладов общественно-экономической жизни в России, когда старая, отжившая форма производственных отношений—крепостническая система, превратившаяся в преграду для дальнейшего развития производительных сил, неминуемо должна была навсегда сойти с исто-

рической сцены и уступить место новым формам производственных отношений. Этот глубокий процесс в общественно-экономической жизни России, одним из важнейших моментов которого была так называемая крестьянская реформа 1861 года, этот—„один из эпизодов смены крепостнического (или феодального) способа производства буржуазным (капиталистическим)“ [1]—по меткой характеристике В. И. Ленина, создавал необходимую предпосылку для плодотворного развития более прогрессивных идей во всех сферах общественного сознания, с одной стороны, а, с другой стороны, обусловливал характер и направление этих же идей. Это влияние эпохи нашло свое отражение и в мировоззрении Ушинского.

Ушинский свободно владел английским, французским и немецким [2] языками и в оригинале изучал крупнейших философов всех времен и всех направлений. Он особенно основательно изучал Аристотеля, видя в нем зенит античной мысли, Бекона, Декарта, Спинозу, Локка, Юма, Канта, Гегеля, Фихте, Шеллинга, Спенсера, Милля; французских просветителей—Руссо, Гольбаха, Дидро, Ламетри и др. Изучая этих философов, представителей разных философских направлений и школ, Ушинский никогда не оказывался у них в плену и обнаруживал большую самостоятельность и глубину в их оценке. Все это указывает на то, что Ушинский относился к этим философам не как ученик, изучающий их философские системы, а как вполне зрелый мыслитель, стоящий на должной высоте философской мысли своего времени. Знаменательно и то, что он не подпал слепо под влияние такого крупного представителя философской мысли, каким был Гегель. В этом отношении Ушинский во многом превзошел своих непосредственных учителей—профессоров Грановского и Редкина, которые менее критически подходили к гегелевской философии.

Изучая представителя той или другой философской школы, Ушинский прежде всего искал ясного ответа на самые важные и жизненные вопросы философии: что такое мир, куда идет жизнь, каково отношение человеческого сознания к бытию и др.

---

[1] Ленин, Соч., т. XV, стр. 93.

[2] Знаменательно, что, Ушинский, будучи еще учеником Новгород-Северской гимназии, как указывает его товарищ по школе М. Чалый, свободно переводил отрывки из произведений Шиллера.

Его не удовлетворяло идеалистическое направление в философии, вершину которого представлял Гегель. Он резко отрицательно относился к вульгарному материализму Фогта и Молешотта. Ушинский критиковал и позивитизм Спенсера, которого он ошибочно считал представителем материализма.

В оценке основных положений философии Гегеля Ушинский обнаруживает не только глубокое знание ее, но дает замечательный анализ основ идеалистической философии вообще и гегелевской, в частности. Он писал: „Идеалистическая система представляет мир воплощением идей. Идея, по убеждениям идеалистов, воплощается во внутренней своей разумной необходимости, потому что иначе и быть не может. Самое воплощение ее производится по логическим категориям, которые в ней заключены. Главных категорий воплощений идей или духа три: объективная, субъективная и абсолютная. Объективно воплощается дух в природе; и в этой форме распадается на все множество природных явлений. В такой распадающейся форме идея оставаться не может, потому что такая форма противоречит сущности идей и духа, которая состоит в сосредоточенности. В форме внешней природы дух находится сам по себе (an sich), но не для себя (für sich). Из этой распадающейся формы дух, в силу противоречия этой формы с его сущностью, возвращается к самому себе в форме субъективного духа, в форме человеческого сознания“ [1].

В философском идеализме Ушинский видел отуманивающую силу человеческого сознания, приводящую к шаманству и фетишизму. „Мыслящее человечество, — писал Ушинский, — как-бы утомленное бесплодными абстракциями шеллинговской и гегелевской философии, абстракциями, доведенными до того, что уже некуда было итти далее, тем с большим сочувствием обратилось к материализму. Чем абстрактнее, бесполезнее и неуловимее становилась философия, тем труднее она выносилась человеком“ [2]. И далее: „Гегелевская философия имела какое-то отуманивающее свойство, так что человек, втянувшийся в нее, переставал понимать возможность мыслить другим способом: он не мог вырваться из этих

[1] К. Д. Ушинский, „Вопрос о душе в его современном состоянии“ „Отечеств. записки“, 1866г., IX, стр. 77.

[2] Там же, стр. 96.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

диалектических форм, растяжимых до бесконечности и всегда готовых к его услугам, к чему бы он ни обратился, и не мог взглянуть на них со стороны простым, здоровым взглядом"[1].

Ушинский особо подчеркивал, что „идеалистическая философия лишила естественные науки необходимого для них содействия философии"[2], и что наука развивалась именно „спокойным занятием естественными науками тех людей, которые не были отуманены... гегелевскими и шеллинговскими дифирамбами"[3].

Ушинский правильно подметил, что прогресс в науке вовсе не обязан идеалистической философии. „Если идеальная философия не наделала сравнительно слишком много промахов,—пишет Ушинский,—если в ней часто слышится яркая истина, то этим она обязана только тому обстоятельству, что в т а й н е она прислушивалась и присматривалась к опыту, а если позволяла себе иногда оторваться от него, то попадала в сильный просак"[4]. Тут замечательно не только то, что Ушинский подходил к философскому идеализму с точки зрения позиции своей концепции, в основном в духе материализма, но и тем, что он, подчеркивая слово „в т а й н е", этим самым указывал, что, с одной стороны, философские категории обусловлены объективно существующими „фактами", действительностью, с другой же стороны, эти категории лишь тогда верны, когда правильно отражают эти „факты", эту „действительность". Подчеркиванием слова „в т а й н е" Ушинский указывает и на то, что как бы ни восставали идеалисты против фактов, как бы они ни маскировались, они не могут до конца миновать эти „факты" и, иногда, хоть и „втайне", т. е. не называя себя материалистами, поневоле не могут не считаться с ними, не отражать их в той или иной мере в своей философии. „Собственно говоря,—пишет Ушинский,—все, или по крайней мере большая часть категорий гегелевской философии (он имеет в виду логику Гегеля—Д. Л.) была плодом опыта и наблюдений; только философия не сознавалась в этом и выдавала их за н е п о с р е д с т в е н н ы е (подчеркнуто нами—Д. Л.) диалектические выводы"[5].

---

[1] К. Д. У ш и н с к и й, Вопрос о душе в его современном состоянии, „Отечеств. записки", 1866 г., IX, стр. 80.

[2] Там же, стр. 83.

[3] Там же, стр. 97.

[4] Там же, стр. 79—80.

[5] Там же, стр. 80.

Эта оценка гегелевской философии замечательна и в том смысле, что здесь Ушинский вполне правильно подчеркивает то основное положение, что не человек дает природе законы развития, а они присущи самой этой природе, миру и что „категории гегелевской логики были плодом наблюдения". Если сравним этот взгляд Ушинского с положением марксизма о том, что „извращение диалектики у Гегеля основано на том, что она должна быть у него „саморазвитием мысли" и потому диалектика вещей—это только ее отблеск... А на самом то деле ведь диалектика в нашей голове—это только отражение действительного развития, которое совершается в мире природы и человеческого общества"[1], то станет ясно, насколько глубоко и в основном верно понимал Гегеля Ушинский и насколько близко подошел он к материалистическому пониманию отношения человеческого сознания к бытию.

Для характеристики мировоззрения Ушинского большое значение имеет тот, в основном правильный подход к Гегелю, которого он держится до конца. Указывая на то, что гегелевская философия в целом является отуманивающей человеческое сознание и что общий дух его философии приводит к такому пониманию жизни, по которому „все существующее разумно, и все разумное существующее", Ушинский с глубокой философской прозорливостью оценил то „рациональное зерно", которое содержал в себе гегелевский метод. Он писал: „Первая категория гегелевской логики, которая, как мы думаем, останется навсегда образцом диалектического искусства, категории—бытия, небытия и их примирения в становлении (sein, nicht sein, werden), в сущности есть не что иное, как отвлеченная логическая форма векового опыта и наблюдения человечества над проходимостью и беспрестанным вновь совершением всего мира. Гегель как-будто с педагогической целью прибегает к примерам проходимости и совершаемости всего в мире, но не показывает только, что на этой педагогике и сам учится"[2].

Таково отношение Ушинского к философскому идеализму вообще и его вершине—Гегелю, в частности. Как видим, в таком подходе Ушинского к Гегелю и идеалистической философии много общего с той оценкой идеализма и Гегеля, которая характерна для виднейших представителей русской классической философии. Гер-

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Письма, 1931 г., стр. 393.

[2] К. Д. Ушинский, Вопрос о душе в его совр. сост., „Отеч. зап.", 1866 г., IX, стр. 80.

цен писал: „Гегель держался в кругу отвлечения для того, чтобы не быть в необходимости касаться эмпирических выводов и практических приложений... Редко выходил он на воздух, и то на минуту, закутавшись, как больной, но, и тогда оставлял в диалектической запутанности именно те вопросы, которые более всего занимали современного человека“ [1].

Вместе с тем русская классическая философия признавала прогрессивность метода Гегеля. „Мы не последователи Гегеля,—писал Чернышевский,—а тем менее Шеллинга, но не можем не признать, что обе эти системы оказали большие услуги науке раскрытием общих форм, по которым движется процесс развития“ [2]. можно сказать, что эта оценка Гегеля великими русскими мыслителями близко стоит с той оценкой, которую дают гегелевской философии классики марксизма-ленинизма, признающие, что вместе с „разумным, рациональным зерном“ в своем методе Гегель открыл и „затмение“ [3].

Ушинский высоко ценил философский материализм и считал его заслугой содействие развитию научной мысли во всех областях человеческого знания. Он писал: „Нас бы дурно поняли, если бы подумали, что всю заслугу материалистической философии мы находим только в противоречии ее идеализму. Нет, много положительного внесла и продолжает вносить эта философия в науку и мышление“ [4].

В то же время Ушинский, считая степень развития материалистической философии недостаточной, ждавшей, по его образному и меткому выражению, „своего Гегеля“ [5], критиковал представителей механистического материализма: Фогта, Молешотта и др., этих „дешевых материалистов“ (К. Маркс), которых В. И. Ленин характеризовал так: „Фейербах был „материалист внизу, идеалист вверху“;—то же относится в известной мере и к Бюхнеру, Фогту, Молешотту и к Дюрингу с тем существенным отличием, что все эти философы были пигмеями и жалкими кропателями по сравнению с Фейербахом“ [6].

---

[1] А. И. Герцен, Былое и думы, т. II, 1937 г., стр. 198.

[2] Н. Г. Чернышевский, Соч., т. II, стр. 197.

[3] К. Маркс и Энгельс, Письма, 1931 г., стр. 105.

[4] К. Д. Ушинский, Вопрос о душе в его современном состоянии, „Отечест. записки“, 1866 г., IX, стр. 92.

[5] Там же, стр. 98.

[6] Ленин, Соч., т. XIII, стр. 269.

Ушинский, указывая, что материализм „много положительного внес и продолжает вносить в науку и мышление" и что „вред приносит только шарлатанство и фразерство, вроде бюхнеровского и фогтовского" [1], острие своей критики направлял главным образом против такого вульгарного материализма. При этом мы должны помнить, что критика Ушинского, направленная против Бюхнера, Фогта, Молешотта и других представителей вульгарного материализма, имеет принципиально иной характер, по сравнению с той критикой, которую вели против материализма разного рода идеалисты, представители эмпириокритицизма, махизма. В то время, когда Мах, Авенариус, Богданов и другие махисты, признававшие так называемые „элементы" (т. е. ощущения в таком же понимании, как у Беркли) за самостоятельную, первичную субстанцию и отсюда утверждающие возможность движения без материи, критиковали Фогта, Молешотта, Бюхнера и других с точки зрения субъективного идеализма, солипсизма, Ушинский в основном критиковал вульгарный материализм с позиций более развитого материализма.

Материализм Фогта, Молешотта и др. Ушинский называл „философией тождества", т. е. философией, отождествляющей душу с материей. Ленин, характеризуя взгляды «вульгарных» материалистов по этому вопросу, писал: „От „вульгарных" материалистов Фохта, Бюхнера и Молешотта Энгельс отгораживался, между прочим, именно потому, что они сбивались на тот взгляд, будто мозг выделяет мысль т а к ж е, как печень выделяет желчь" [2]. Именно такой взгляд Фогта, Бюхнера и других на отношение мысли к мозгу и послужил одной из основных причин отрицательного отношения к их учению со стороны Ушинского. Критикуя положение Фогта, что „мысль находится почти в таком отношении к головному мозгу, как желчь к печени или моча к почкам", Ушинский пишет: „Приравнивать деятельность мозга в отношении мысли к деятельности печени или почек—значит говорить фразы, лишенные смысла"... Может ли самая беззаконная фантазия представить себе мысль в виде жидкости или газа?" [3].

---

[1] К. Д. Ушинский, Вопрос о душе в его современном состоянии „Отечеств. записки", 1866 г., IX, стр. 92.

[2] Ленин, Соч., т. XIII, стр. 38.

[3] К. Д. Ушинский, Вопрос о душе в его современном состоянии. „Отечеств. записки", 1866 г., XII, стр. 235.

Так же критикует Ушинский и Молешотта по этому вопросу. „К слабым доказательствам, не выдерживающим ни малейшей критики,—писал Ушинский,—принадлежит знаменитая у нас фраза Молешотта, облетевшая едва ли не всю Россию: „ „без фосфора нет мысли"... почему же Молешотт не сказал: „без воды—нет мысли". Разве без воды может мозг мыслить? Но Молешотт мог сказать, заменив фосфор мозгом: „без мозга нет мышления" или „без головы нет мышления"—это было бы ново! Нелепая фраза Молешотта, не имеющая ни физиологического, ни психологического, ни просто логического смысла" [1].

Вскрывая ненаучность и полную несостоятельность понимания сознания вульгарными материалистами, Ушинский пишет: „...если бы наука, удовлетворяя нашему любопытству, указала нам сознание в форме какого-нибудь химического элемента, или в химическом соединении, и механическом движении или физическом явлении, заключила бы для нас сознание в колбу или электрический аппарат, или выразила его в математической формуле движения или геометрической фигуре... то мы сомнительно покачали бы головой: мы не признали бы в этих движениях сознания, тождественного нашему и увидали бы в них только оболочку, форму проявление сознания, а не самое сознание" [2],—и заключает: „Нам кажется, что деятельность этих писателей (Фогта и Молешотта—Д. Л.) сильно напоминает Шеллинга и шеллингистов—те же отрывочные фразы и тирады ...тот же образ выражений, более свойственный поэзии, чем науке" [3].

Каковы отправные положения философских воззрений К. Д. Ушинского? Прежде всего—признание им существования вне нас и независимо от нас реальной действительности, т. е. „фактов". Рассматривая познание этих „фактов" как объекта человеческого познания, Ушинский пишет: „В настоящее время возможна только такая философия, которая основывала бы постройку научного мировоззрения, с одной стороны, на фактах, добытых психическим самонаблюдением, а с другой—на фактах, добытых наблюдением над внешнею для человека природою. Другой философии в настоящее время—я не понимаю... Отправляясь от идеального воз-

[1] К. Д. Ушинский, Вопрос о душе в его современном состоянии, „Отечеств. записки", 1886 г., XII, стр. 227.

[2] Там же, стр. 75.

[3] К. Д. Ушинский, Вопрос о душе в его современном состоянии, журн. „Отечеств. записки", 1866 г., XI, кн. 1, стр. 97.

зрения Гегеля и от позитивной философии Конта, как бы забывшей самое существование психических явлений, мыслитель одинаково удаляется от действительного знания и попадает уже в мир фантастических построек, где величественные дворцы выстраиваются очень легко и скоро именно потому, что эти дворцы карточные"[1].

Критикуя Канта, за то, что из apriori нельзя выводить истину и что „основою науки, точкою ее отправления должны быть факты"[2], Ушинский указывал: „Гипотеза не может быть основанием научных соображений, а только ключом в своде научного здания, который придется и переменить, когда, при новых материалах, явится возможность поднять здание выше, основой же этого здания должны быть факты, и ничего более, кроме фактов"[3].

Но мы допустили бы грубейшую ошибку и исказили бы все направление мировоззрения Ушинского в самом его основании, если бы отождествили понимание „факта" и „опыта" Ушинского с тем пониманием, которое „факту", „опыту" или „ощущению" давали те или другие представители различных направлений философского идеализма. „Под словом „опыт",—указывает Ленин,—несомненно, может скрываться и материалистическая и идеалистическая линия в философии, а равно и юмистская и кантианская"[4].

И, на самом деле, известно, что и такой крайний идеалист-солипсист, как епископ Беркли, не говоря уже о представителях объективного идеализма, свой основной философский трактат и свою философскую систему начинает с признания опыта, ощущения основой познания мира. А родоначальники позитивизма—Конт, Милль, Спенсер и их последователи „опыт" объявляли краеугольным камнем своей философской системы. Мах, Авенариус, Богданов и другие представители эмпириокритицизма также твердили, что они при построении своей философии исходят из „элементов" („ощущений") и т. д. И не редки такие случаи, когда в результате непонимания того содержания, которое подразумевал Ушинский в слове „факт", философию Ушинского относят то к субъективному идеализму, то к объективному идеализму, больше всего—к позитивизму. Так, напр., М. М. Рубинштейн пишет: „Из многочислен-

[1] К. Д. Ушинский, Человек как предмет воспитания, т. II., стр VII.
[2] К. Д. Ушинский, Человек как предмет воспитания, т. I, стр. 498.
[3] К. Д. Ушинский, Человек как предмет воспитания, т. II, изд. 6-е, 1884 г., стр. 23.
[4] Ленин, Соч., т. XIII, стр. 125.

ных влияний, которые испытал Ушинский на поле философской мысли, повидимому, очень значительным было влияние Дж. Ст. Милля. По крайней мере, метод и многие построения Ушинского дышат духом „Логики" Милля. Он везде ссылается на факты, это тот последний этап, дальше которого он не стремился итти" [1].

Ушинский далеко стоит от позитивистического понимания фактов вообще. Здесь в нем больше всего чувствуется материалистическое направление и лишь в отдельных случаях, когда ставит вопрос о познании этих „фактов", он нередко действительно выступает, как мы это увидим при рассмотрении гносеологических взглядов Ушинского, как „стыдливый материалист". Дело в том, что для Ушинского факт является не комплексом или комбинацией ощущений, как это представляли себе идеалисты, в частности, позитивисты, а вне нас существующим объектом познания, который познается человеком при посредстве „нервных ощущений". Правда, Ушинский не поднялся до подлинного материалистического, диалектико-материалистического понимания самой сущности факта и процесса его познания, оставив место агностицизму, но все же признание им факта как вне нас существующей реальной действительности обусловило материалистическое направление его философии.

„Факты", как независимо от нас существующие явления природы и общества, для Ушинского существуют не как застывшие, извечно в одном состоянии, состоянии покоя находящиеся, а они существуют как вечно движущиеся, вечно развивающиеся. Ушинский, так же как и его непосредственные учителя по гимназии в лице гегельянца проф. И. Ф. Тимковского и, в особенности, по университету—в лице профессоров—Грановского и Редкина, считавших, что „все меняется, одна правда остается" (Редкин), возвел принцип движения во всеобщий принцип существования мира. Во многом опередив своих учителей, Ушинский приблизился к классикам русской философии 60-х годов, которые считали, что „непрерывное изменение является общим законом, которому подчинено развитие всего материального и нравственного мира" (Чернышевский).

Ушинский, все время указывая и защищая мысль о том, что все движется и развивается, для доказательства этого положения, наряду с многочисленными доводами приводит взгляды филосо-

---

[1] М. М. Рубинштейн, Жизнь в понимании Ушинского, „Вестник воспитания", 1915 г., № 1, стр. 72.

фов-мыслителей, главным образом Гераклита и Анаксагора—этих великих диалектиков древнего мира. Ушинский, доказывая, что все непрестанно движется и развивается, приводит известное изречение Гераклита о том, что „мир похож на беспрестанно текущую реку, в которую нельзя вступать два раза в одну и ту же воду“ [1]. Ушинский учит, что „условия жизни на земном шаре не оставались и не остаются неизменными, а постоянно изменялись и будут изменяться“. Это положение Ушинский рассматривал как такую „истину, которая не подлежит никакому сомнению“.

Но если все движется, все развивается и эта истина не подлежит сомнению, то что же представляет собой само движение, существует ли оно самостоятельно, или его нельзя оторвать от материи? Выяснение того, как понимал Ушинский этот важный в методологическом отношении вопрос имеет исключительно большое, решающее значение для понимания его мировоззрения в целом. Ленин, характеризуя точку зрения представителей махизма, в частности, такого представителя так называемой „новой физики“, как Оствальд, писал: „Оторвать движение от материи равносильно тому, чтобы оторвать мышление от объективной реальности, оторвать мои ощущения от внешнего мира, т. е. перейти на сторону идеализма... признанию существования мысли после исчезновения материи“ [2]. Отсюда понятно, какое важное значение имеет для оценки мировоззрения Ушинского вопрос о том, как понимал он движение, как таковое, и как объяснял он причины этого движения, развития.

Если идеалисты, и в том числе Гегель, признававшие принцип движения, понимали движение, развитие как движение мысли, духа, понятий в отрыве и независимо от материи, то Ушинский, подобно Аристотелю, указывавшему, что „не существует движения помимо вещей“ [3], считает, что „всякое движение предполагает материю—то, что движется“. Исходя из этого верного принципа, Ушинский развивает в основном также правильное положение о причинах движения. Причину движения Ушинский называл силой. Но эту силу он искал не вне материи, а внутри ее, как свойства материи. Он пишет: „Сила долго считалась чем-то отдельным от материи,—каким-то таинственным, улавливающим движение материи. Но новая наука не только внесла силу в материю, как ее

[1] К. Д. Ушинский, Вопрос о душе в его современном состоянии, „Отечественные записки“, 1886 г., XI, стр. 80.
[2] Ленин, Соч., т. XIII, стр. 219.
[3] Аристотель, Физика, стр. 40

неотъемлемое свойство, но самую силу объяснила движением... и далее... нет сомнения, что такое представление силы в форме движения... значительно упрощает объяснение и связь множества физиологических фактов". Ясно, что Ушинский, отрицая всякую внешнюю силу, внешний толчок движения и объясняя силу как свойство самой же материи, в понимании причин движения в основном стоит на материалистических позициях. Естественно также, что такое понимание причин движения не могло не привести Ушинского если не к отрицанию бога и всяких сверхестественных сил в целом, то, во всяком случае, к большим сомнениям и, нередко, к рассуждениям о боге в духе „стыдливого материализма". И на самом деле, Ушинский, в особенности в своих более поздних работах, признается, что „бесконечные вопросы", неразгадываемые загадки бога... больше его не занимают" [1]. Объясняя происхождение религии с исторической точки зрения, Ушинский пишет: „Как бы кто ни смотрел на христианскую религию, но наука не может на нее смотреть иначе, как на историческое явление, возникшее из потребности и свойства души человеческой" [2]. Но особенно важно то, что именно такое понимание причин движения привело Ушинского, да и не могло не привести, к полному отмежеванию науки от религии. Говоря о том, что „сознательная мысль есть основание науки, вера—основание религии", Ушинский прямо указывает, что „наука не имеет права смотреть на человека, как на существо двух миров, наука не начинает с верований и т. д.". Этим самым Ушинский считает, что всякая религия несовместима с наукой и что религия должна удалиться в сферу чувства субъекта.

Ушинский движение рассматривал не как замкнутый или круговой процесс, а как вечно, беспрестанно поступательное развитие от низшего к высшему, все более и более совершенному. В том же духе, как и его великий современник Н. А. Добролюбов, считавший, что все развивается „от простого к более сложному, от несовершенного к более совершенному", Ушинский указывал, что „низшая сфера переходит в высшую и так далее". Вместе с тем он учит, что каждый последующий этап в развитии является более усовершенствованным шагом вперед. „В средние века,—писал Ушинский,—все европейские общества распадаются на множество

---

[1] К. Д. Ушинский, Собр. неизданных сочинений, т. III, Материалы для биографии, 1908 г., стр. 36.

[2] К. Д. Ушинский, Человек как предмет воспитания, т. I, стр. 287.

отдельных, мелких, замкнутых общин; но это было уже шагом вперед в сравнении с римским, исключительным эгоизмом"[1].

Вместе с этим, Ушинский развивал правильную и глубокую мысль о том, что мир, находясь в постоянном развитии, не может приостановиться, что это „развитие не может дойти до совершенства и, следовательно, прекратиться"[2]. Такой взгляд Ушинского почти совпадает со взглядом Белинского, который писал: „Нелепо было бы думать, что теперь развитие дошло до самой крайней степени и дальше итти не может. Нет предела развитию человечества, и никогда человечество не скажет себе: стой, довольно, больше итти некуда"[3].

Положив в основу своих взглядов об обществе и природе принцип поступательного развития, Ушинский не мог не уяснить вопрос о всеобщих формах этого движения, т. е. не мог не уяснить вопрос о времени и пространстве. Он пишет: „Предмет есть явление в пространстве, явление есть предмет во времени: при постижении предмета мы представляем себе признаки существующими одновременно, при постижении явления мы представляем признаки его разновременно, т. е. следующими друг за другом. Только в явлении видимого движения разноместность и разновременность соединяются нами в одну идею движения"[4]. В этом положении не трудно видеть, как ошибочные, так и правильные стороны. Ошибочность этого положения заключается в том, что здесь имеет место механистическое отмежевание времени от пространства, предмета от явления, хотя они и соединяются в одну идею движения. Этим самым Ушинский, во-первых, не дошел до понимания времени и пространства, как объективных форм существования материи, во-вторых же, допустив раздвоенный процесс познания предмета в пространстве, а явления—во времени, он вместе с тем допускает упрощенное понимание и самого движения, что с материалистической точки зрения совершенно недопустимо, ибо „диалектический материалист не только считает движение неразрывным свойством материи, но и отвергает упрощенный взгляд на движение"[5].

Признав объективный мир и его вечное движение, Ушинский признал объективное, независимое от нас существование времени

[1] К. Д. Ушинский, О камеральном образовании, 1848 г., стр. 41.
[2] Там же, стр. 71.
[3] В. Г. Белинский, Соч., т. XII, стр. 460.
[4] К. Д. Ушинский, Человек как предмет воспитания, т. I, стр. 348.
[5] Ленин, Соч. XIII, стр. 221.

и пространства. Критикуя трансцендентальную точку зрения Канта в понимании им времени и пространства, как необходимое представление их a'priori, Ушинский замечает: „Выходит, что первоначальное представление пространства есть созерцание a'priori, а не понятие, которое может быть извлечено из явлений“ [1]. Вместе с этим Ушинский писал: „Сторонники опыта и материи (т. е. материализма—Д. Л.) доказывают наоборот и, как нам кажется, совершенно правильно, что понятие пространства приобретено нами через посредство опыта. Философы-примирители, как, например, Фихте и Фортлаге говорят еще о пространстве, как о создании души, но это уже нам кажется просто непонятною метафизическою тонкостью, и создавать пространство, как мы думаем, значит ровно ничего не создавать“ [2].

Ушинский защищал принцип движения не просто, как-бы созерцательно, а, что самое главное, этот принцип положен в основу всего его учения, всей его педагогической системы.

Однако мы допустили бы грубейшую ошибку и не смогли бы правильно ориентироваться в педагогическом наследстве Ушинского, если бы объявили его диалектиком, хотя элементы диалектики в его учении и имеются. Дело в том, что Ушинский не поднялся, и в силу исторических условий своего времени не мог подняться, до понимания самой души развития—борьбы внутренних противоположностей, как основы всякого движения и развития. Он не понимал, что „развитие есть борьба противоположностей“ [3]. В результате этого, он не мог с научной точки зрения полностью уяснить себе основного положения диалектики о том, что переходы, „качественные изменения наступают не постепенно, а быстро, внезапно, в виде скачкообразного перехода от одного состояния к другому состоянию“ [4].

Но, мы допустили бы грубую ошибку и в том случае, если бы считали Ушинского метафизиком. Ушинский, который признавал: а) всеобщность принципа движения, б) неотъемлемость движения от материи, как свойства последнего, в) поступательность всякого движения от низших ступеней к высшим, г) беспрестанность движе-

---

[1] К. Д. Ушинский, Вопрос о душе в его современном состоянии, „Отечественные записки“, 1866 г., № XI, стр. 222.

[2] Там же, стр. 215.

[3] Ленин, Соч., т. XIII, стр. 301.

[4] И. Сталин, О диалектическом и историческом материализме, Вопросы ленинизма, изд. 11-е, 1939 г., стр. 537.

ния и развития природы и общества, д) беспредельность мира, времени и пространства,—идет по пути диалектики, не достигая, однако, ее вершин.

Признание поступательного развития дало Ушинскому непоколебимую веру в светлое будущее своего отечества, во многом укрепляя его силы и творческую деятельность на благо родины, народа, на благо всего прогрессивного человечества. Проникнутый действенным оптимизмом и глубоко уверенный в правоте своего дела, Ушинский писал: „Я не ждал похвал, да и не дождусь их, хотя они, без сомнения, будут“ [1]. Не случайно, что Ушинский, „этот смелый, энергичный человек, несмотря ни на какие препятствия и гонения, шел своею дорогою с гордо поднятой головою“ [2].

3. Натурфилософские воззрения

В философских воззрениях К. Д. Ушинского одну из ведущих линий представляют его взгляды на природу. Для выяснения основного характера этих взглядов первостепенное значение имеет отношение Ушинского к дарвинизму. Это и понятно, так как „природа есть пробный камень диалектики“ [3] и именно „Дарвин положил конец воззрению на виды животных и растений, как на ничем не связанные, случайные, „богом созданные“ и неизменяемые, и впервые поставил биологию на вполне научную почву, установив изменяемость видов и их преемственность между ними“ [4]. Дарвин впервые „нанес сильнейший удар метафизическому взгляду на природу, доказав, что весь современный органический мир, растения и животные, а, следовательно, также и человек, есть продукт развития, длившегося миллионы лет“ [5]. Выход в свет „Происхождения видов“ Дарвина, по меткому выражению великого русского естествоиспытателя К. А. Тимирязева, „представлял революцию в понимании природы“ [6].

---

[1] К биографии К. Д. Ушинского, из письма Ушинского к Л. Н. Модзалевскому, „Русская школа“, 1893 г., № 7—8, стр. 81.

[2] Е. Н. Водовозова, На заре моей жизни, 1934 г., стр. 506.

[3] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XIV, стр. 23.

[4] Ленин, Соч., т. I, стр. 62.

[5] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XIV, стр. 23.

[6] К. Тимирязев, Наука и демократия, 1920 г., стр. 467.

К. Д. Ушинский, говоря о Дарвине, как о „великом современнике", писал: „Мы можем только радоваться, что французские и английские мыслители не были в состоянии подняться до высоты германской метафизики и, скромно признавая условия пространства и времени, разрабатывали вопросы на этих условиях. Этим и объясняется плодовитость их работ, назначенных для существ, также живущих в условиях времени и пространства. Все эти последовательные работы, направленные к разрешению вопроса о причинах дивной приспособленности организмов, увенчались, наконец, обширною и бесконечною плодовитою мыслью Дарвина. Учение нашего великого современника имеет не только специальное значение для естественных наук, но и для психологических" [1].

Для Ушинского „природа едина и всякое существо природы существует как единое" [2]. Как нам уже известно, в противовес учению метафизиков, Ушинский развивал мысль о том, что мир состоит из вечно движущихся материй, которые не создаются и не уничтожаются, а развиваются, переходят из одного состояния в другое. „Давно уже в науках физических,—писал Ушинский,—существует полное убеждение, что материя не может быть уничтожена нашими средствами, равно как не может творима вновь... Наука пришла к убеждению, что сила, как и материя, не уничтожается, когда мы перестаем замечать ее проявление, а переходит в другую форму, и не творится вновь, когда вновь проявляется, а только из формы скрытых движений переходит в форму движений открытых" [3]. Этот переход, это движение происходит по внутренним своим законам. „Существует каждый предмет природы самобытно, по внутренним своим законам, как и проявление этих внутренних законов в мире действительном" [4].

Ушинский ставит вопрос о том, что же создал мир во всем своем бесконечном движении и развитии, что является субстанцией этого мира, и сам же дает ответ на него: „Субстанции вещей мы не знаем, потому, что не можем ничего ощущать в предметах природы, кроме их действия друг на друга и оконча-

---

[1] К. Д. Ушинский, Человек как предмет воспитания, т. II, стр. 271.
[2] К. Д. Ушинский, О камеральном образовании, стр. 50.
[3] К. Д. Ушинский, Человек как предмет воспитания, т. II, стр. 236.
[4] К. Д. Ушинский, О камеральном образовании, стр. 50.

тельно на нашу нервную систему...“ [1] „Бесконечные вопросы, неразгадываемые загадки бога меня больше не занимают... Да и зачем?“ [2] В этих основных положениях Ушинского ярко выступает такого рода агностицизм, который Энгельс характеризовал так: „Действительно, что такое агностицизм, как не стыдливо прикрытый материализм. Взгляд агностика на природу насквозь материалистичен. Весь мир, вся природа управляется законами и абсолютно исключает всякое воздействие извне. Но, продолжает осторожно агностик, мы не в состоянии показать существа вне известного нам мира“ [3] „... агностик может быть скажет: поскольку нам известно, материя и движение, или, как теперь говорят энергия, не могут быть ни созданы, ни уничтожены, но мы не имеем никакого доказательства того, что и то и другое в какое-то неизвестное нам время сотворено... Но если вы попытаетесь как-нибудь использовать против него в каком-нибудь данном случае это признание, то он моментально спроваживает вас и приказывает молчать. Если он допускает возможность спиритуализма in abstracto (абстрактно), то in concreto (конкретно) и знать не желает об этой возможности. Он вам скажет: насколько мы знаем и можем знать, не существует никакого творца или вседержателя вселенной: поскольку имеет значение наше „я“, материя и энергия так же не могут быть созданы, как и уничтожены; все, что мы знаем, сводится к тому, что материальный мир управляется неизменными законами и т. д., и т. д. Таким образом, поскольку он человек наук, поскольку он что-либо знает, постольку он материалист; вне же своей науки, в тех областях, которые ему чужды, он переводит свое название на греческий язык и называет его агностицизмом“ [4]. При этом, если вспомнить положение Ушинского о том, что наука не может начинать с верований и что земля принадлежит науке, а небо религии, а потому „изучение земли обширно до бесконечности“, станет ясно, что в вопросе первопричины мироздания Ушинский выступает не как Юм и Кант или другие агностики-идеалисты, а именно как „стыдливый материалист“.

---

[1] К. Д. Ушинский, Человек как предмет воспитания, т. I, стр. 345.

[2] К. Д. Ушинский, Собр. неизд. соч., т. III, Матер. для биогр., 1908 г., стр. 36.

[3] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XVI, ч. II, стр. 292.

[4] Там же, стр. 294.

Такой подход Ушинского к вопросу о субстанции во многом созвучен с общим духом дарвинизма, который призывал знать природу и сделать ее источником счастья человечества. „Человек,—писал Ушинский,—овладевает природой, овладевая ее тайнами, он проникает внутрь природы и, овладевая ее законами, заставляет ее действовать сообразно своим целям“ [1].

Однако, говоря о месте религии в мировоззрении Ушинского, нельзя забывать о том, что он был религиозным человеком. Но вместе с тем нельзя не учесть и того, что отношение Ушинского к религии и ее роли в развитии науки и воспитания, несмотря на то, что он оставался религиозным человеком, резко изменилось после 60-х годов под влиянием, главным образом, „Современника“, а также „Происхождения видов“ Дарвина. Если в своих ранних работах Ушинский мир рассматривал как создание бога и христианскую религию считал основой человеческой морали вообще и воспитания, в частности, утверждая, что „древнеправославная религия, с ее всемирно-историческим значением, религия, превратившаяся в плоть и кровь народа,—вот что должно проявиться в народности русского воспитания, если оно хочет сделаться действительным выражением народной жизни“ [2], если церковь он рассматривал как единственную надежную опору и идейного и организационного руководителя народной школы, то в своих более поздних работах, в особенности в „Человеке как предмете воспитания“, в замечательной статье „Общий взгляд на возникновение наших народных школ“ Ушинский стоит на позиции размежевания религии и науки, школы и церкви. Вот почему религиозный элемент в мировоззрении Ушинского, несомненно, сказывается на педагогической теории, главным образом на ранних работах, а также на его „Родном слове“. В целом же педагогика Ушинского является, прежде всего, научной, светской системой воспитания, а не системой, пронизанной религиозным духом, как это встречается иногда в работах об Ушинском. Игнорирование этого положения недопустимо при изучении и освоении научно-педагогического наследства Ушинского.

Ушинский стоит на почве дарвинизма и в вопросах о развитии органического мира и отдает некоторую дань метафизическим положениям Ламарка. Как известно, основное положение дар-

[1] К. Д. Ушинский, О камеральном образовании, стр. 46.

[2] К. Д. Ушинский, Собрание педагогических сочинений, т. I, О нравственном элементе в русском воспитании, стр. 258.

винизма заключается в том, что развитие органического мира происходило от наиболее низших форм организмов к высшим и что происхождение видов было обусловлено борьбой за существование и естественным подбором. Принимая это учение как единственно научное в объяснении происхождения и развития живого мира, Ушинский писал: „Таким образом, естественные науки приводят нас к трем причинам, обусловливающим удивительную приспособленность организмов к разнообразным условиям жизни на земном шаре... Такими средствами великого процесса природы являются: 1) подбор родителей, объяснимый Дарвином; 2) влияние усилий животных организмов приладиться к условиям жизни на развитие органов и инстинктов, или уничтожение их от неупотребления; 3) половая борьба особей мужского пола; 4) подбор, производимый особями женского пола; 5) наследственность, как тех уклонений в органах и инстинктах, причин которого мы не знаем, так и тех, которые происходят вследствие усилий животных приспособиться к условиям жизни“[1].

Ушинский, разделяя основные положения Дарвина, все же недооценивал некоторые из них, в особенности, в вопросе о значении борьбы за существование в развитии органического мира. Указывая на то, что „постоянный вид делался постоянным не потому только, что одолевал другие виды в борьбе за существование, а именно потому, что находил себе особенную сферу жизни, или особенный элемент для питания, который более утишал борьбу за существование“[2], Ушинский тем самым отделяет условия жизни от борьбы за существование. Здесь и берут свое начало некоторые отклонения Ушинского от дарвинизма, в частности, в вопросе о наследственности и инстинктах. Если Дарвин вопросы о наследственности и инстинктах рассматривал с точки зрения исторического процесса подбора и борьбы за существование и этим самым вытеснил религию в объяснении целесообразного построения и деятельности организмов, то Ушинский не поднялся до этого и указывал на них, как на необъяснимые. Он писал: „Маленькая черепаха, только что вылупившаяся из яйца на морском берегу, бежит уже не к горам, но по направлению к морю; пчелка, только что вышедшая из червя, летит уже за медом не на камень, а на цветок. Как это делается, какими иероглифами начертаны в

[1] К. Д. Ушинский, Человек как предмет воспитания, т. II, стр. 282.
[2] Там же, стр. 281—282.

организме потребность и средства ее удовлетворения, как и когда душа разбирает эти иероглифы,—этого мы не знаем"[1].

Такое утверждение необъяснимости причин наследственности и инстинкта нередко приводило Ушинского к телеологическому толкованию ряда вопросов о действии организмов. Это в значительной мере отразилось и на разрешении Ушинским некоторых вопросов психологии.

Приняв дарвинизм как единственно научную теорию о происхождении и развитии органического мира, Ушинский и в вопросе о происхождении и развитии человека в основном придерживался принципа дарвинизма. Еще в 1848 году, т. е. за 11 лет до появления „Происхождения видов" Дарвина, в своем труде „О камеральном образовании" он указывал, что надо „смотреть на человека как на произведение земли, восставшее из ее органических сил"[2]. Ушинский считал, что на лестнице биологического развития человек занимает самую высшую ступень, подчиняясь в своем биологическом развитии общему закону развития органического мира. Ставя вопрос о том, „приспособлялся ли человеческий организм к условиям жизни на земном шаре тем же путем, как приспособлялись к нему другие животные организмы", Ушинский указывал, что „факты по этому вопросу, собранные до сих пор, свидетельствуют о значительном изменении в форме человеческого черепа... Совершалось ли это изменение, без сомнения имеющее важное значение, вследствие постоянного, продолжительного и наследственного действия причины, указанной Ламарком, т. е. вследствие усиленной работы мозговой системы, или вследствие причины, указанной Дарвином, т. е. вследствие подбора родителей,—решить трудно. Вероятнее, однако, что обе причины действовали вместе... Мы замечаем уже большую разницу в черепах людей, живших, по всем признакам, не далее как за три или четыре тысячи лет"[3].

Вместе с этим Ушинский правильно указывает, что „человеческое приспособление к условиям жизни" отличается от приспособления, существующего в мире животных. Это отличие, по Ушинскому, в основном заключается в том, что „тогда как жи-

---

[1] К. Д. Ушинский, О камеральном образовании, стр. 60.

[2] Там же, стр. 60.

[3] К. Д. Ушинский, Человек как предмет воспитания, т. II, стр. 285—286.

вотное неудержимо повинуется стремлению организма к жизни и все его действия объясняются только этим стремлением, человек, как мы видим, может вооружиться против самого этого стремления, подавить и отвергнуть его... Вся громадная сила природы, устремляющая к жизни все организмы, уступает воле человека, который, руководясь совершенно новыми стремлениями, чуждыми другим организмам, может пренебречь своими органическими стремлениями: не позиноваться тому голосу природы, которому животные и растения и не пытаются не повиноваться. В человеке, следовательно, есть какая-то особая, чуждая всему остальному миру, точка опоры, дающая ему самостоятельность во все увлекающем великом процессе природы"[1]. Однако, Ушинский далек от того взгляда, что человека можно было бы „вырвать из природы"[2] и поставить его вне ее.

Таков общий дух натурфилософских воззрений Ушинского. Нельзя не согласиться с проф. В. А. Гольцевым, который писал: „К. Д. Ушинского можно причислить к сторонникам эволюционной теории, к Дарвину"[3].

4. Взгляды Ушинского на общество

Ушинский был полон непоколебимой веры в светлую будущность своей родины и всего человечества. Он с глубочайшим уважением относился к правам личности и глубоко верил и надеялся на могущественный расцвет человеческих сил и способностей на благо всего народа. Источниками бодрости, действенного оптимизма, пронизывающего все педагогическое учение Ушинского, всю его личность, а также и его повседневную практическую деятельность, являются его философские воззрения и, прежде всего, взгляды на общество. Такие вопросы, как, например: что представляет собой общество, на чем оно строится, развивается ли оно или находится в состоянии покоя, если развивается, то по каким законам, куда ведет это развитие, какое место занимает человек в общем движении общества и в чем его назначение и др., —занимают большое место в учении Ушинского. Они во многом определяют не только общеполитическую концепцию Ушинского, но и его общепедагогических идей. Взгляды Ушинского на общество

[1] К. Д. Ушинский, Человек как предмет воспитания, т. II, стр. 287.
[2] К. Д. Ушинский, О камеральном образовании, стр. 78.
[3] В. А. Гольцев, Воспитание, нравственность, право, 1897 г., стр. 113.

и законы его развития особенно ярко представлены в его труде „О камеральном образовании", а также в „Лекциях", прочитанных в Ярославском Демидовском лицее в 1846—1848 г. г.

Будучи ближайшим учеником знаменитого историка Т. Н. Грановского, которого Чернышевский характеризовал как человека, имевшего „такие качества ума и такое обширное знание, что нельзя не признать его одним из первых историков нашего века, ученым, который был не ниже знаменитейших европейских историков"[1], и который, по меткому замечанию Герцена, „думал историей, учился историей и историей впоследствии делал пропаганду"[2], Ушинский обладал обширными знаниями и в области исторических наук. Всякие исторические обобщения даются Ушинским с привлечением многочисленных и разнообразных фактов из истории всех народов мира и всех времен. В подходе к историческим явлениям Ушинский не только шел за своим учителем Грановским, но далеко опередил его в понимании основ общественной жизни и законов ее движения.

Ушинский, так же как и Грановский, общественные явления и факты рассматривает в их историческом развитии. „Историческая точка зрения едва ли не самая верная",—писал он, и при этом подчеркивал, что при изучении исторических фактов и общественных явлений необходимо „схватить верно и выразить данный момент в этом движении, в этом развитии общественного организма, а не срисовать с живого тела мертвый скелет"[3].

Ушинский выдвигает положение о том, что человек действует на природу орудием производства и одновременно и сам зависит от этого орудия. „Всего осязательнее действует природа на человека свойством тех произведений,—пишет Ушинский,—которые она доставляет ему для жизни. Правда, человек в этом отношении употребляет природу как орудие, но человек в этом больше зависит от тех орудий, которые он употребляет"[4]. И все это совершается в процессе труда, труда, который, по определению,

---

[1] Н. Г. Чернышевский, Соч., т. X, ч. 2, стр. 200.

[2] А. И. Герцен, Полн. собр. соч. и письма, под ред. М. К. Лемке, т. XIII, ч. IV, стр. 112.

[3] К. Д. Ушинский, О камеральном образовании, стр. 71.

[4] Там же, стр. 48.

Ушинского „есть единственно доступное человеку на земле и единственно достойное счастье“ [1].

Но человек не живет обособленно от общества и не может жить вне его. Ушинский пишет: „Дидро говорит, что „только злой человек живет один“, а Руссо на это возражает, что только „добрый живет один“, и то и другое ложь...[2] Общество обнимает все развитие человека... удаление из общества для человека то же, что смерть“. Правда, Ушинский не до конца понял в этом отношении противоречивые положения французских просветителей, но он правильно указывает, что „человек развивается только в истории, только в истории сознает свое развитие“.

Что такое общество, на чем строится оно и каким законам подчинено его существование?

Ушинский указывает на то, что „другая половина мира, сознательная его половина,—человечество также развивается, также проходит ряд ступеней, в которых высказывает свое содержание“ [3]. Но это развитие хотя и сходится с общим законом поступательности развития в природе—„от простейших форм к более совершенным“, но оно не тождественно с законом развития природы. „В философии и истории человечества науки и наука о природе соединяются, но не смешиваются“ [4]. „В человеческом организме действует закон органической наследственности... но эта органическая наследственность, имеющая все еще большое значение в индивидуальных характерах, не имеет уже почти никакого значения в том общем для человечества приспособлении к условиям жизни, которое передается уже не органическою наследственностью, а исторической преемственностью“ [5]. „Вот почему,—заключает Ушинский,—приписывая немаловажное значение влиянию произвольных условий, оказываемых человеком на изменения в своем собственном организме, мы никак не ожидаем подобно некоторым мечтателям, чтобы эти усилия могли со временем ускорить до чрезвычайной степени движения человека, дать ему громадную физическую силу, или вырастить ему крылья. Сила че-

---

[1] К. Д. Ушинский, Собрание педагогических сочинений, т. I, 1916 г., Труд в его психическом и воспитательном значении, стр. 153.

[2] К. Д. Ушинский, Собрание неизданных сочинений, т. III, Мат. педаг. антроп., стр. 124.

[3] К. Д. Ушинский, О камеральном образовании, стр. 30.

[4] Там же.

[5] К. Д. Ушинский, Человек как предмет воспитания, т. II, стр. 287.

ловека—его паровая машина, быстрота—его паровозы и пароходы; а крылья уже растут у человека и развернутся тогда, когда он выучится управлять произвольно движением аэростатов. Он и теперь уже бегает быстрее оленя, плавает лучше рыбы, и скоро, вероятно, будет летать неутомимее птицы. Ход приспособлений к условиям жизни принял у человека, следовательно, совершенно новое направление, чуждое другим организмам земного шара“ [1].

Эта возможность, эта способность развития человека, в первую очередь, скрывается в его производительных силах, в его „экономическом хозяйстве“. Указывая на то, что „огромность размеров человеческого хозяйства, стройность его организации, непобедимая сила этого хозяйства, его развитие в истории ... заставляют нас отказываться от смешения человеческого хозяйства с добыванием средств к жизни у животных“ [2], Ушинский приходит к заключению, что „отличительный признак человеческого рода должен составлять сущность этого хозяйства“ [3], и, что „каждый народ, являясь членом в истории человечества, является в то же время живым членом в истории великого хозяйственного общества, в истории так называемой борьбы человека с природой“ [4].

Борьба человека с природой никогда не прекратится, не остановится, а потому и развитие человеческого общества не имеет своего предела. Так же, как и Белинский, который считал, что „борьба эта необходима: она есть процесс развития, без которого нет жизни“ [5], Ушинский указывал на то, что в таком постоянном развитии находится „всякое историческое общество и каждый член его (страна, народ—Д. Л.) и это развитие не может дойти до совершенства и, следовательно, прекратится, иначе, если это совершится для целого организма, он умрет“ [6].

По образному определению Ушинского, „развитие формы без содержания—мыльный пузырь“. Критикуя Гегеля, Ушинский правильно подметил, что гегелевское положение „все существующее разумно и все разумное существующее“—является выражением

---

[1] К. Д. Ушинский, Человек как предмет воспитания, т. II, стр. 287.

[2] К. Д. Ушинский, О камеральном образовании, стр. 34—35.

[3] Там же, стр. 35.

[4] Там же, стр. 48.

[5] В. Г. Белинский, Соч., т. IV, стр. 10.

[6] К. Д. Ушинский, О камеральном образовании, стр. 70.

антинародной, реакционной идеологии. „Когда ...окончилось сложение второго периода общества,—общества гражданского,—пишет Ушинский,—появилась потребность возвести его в сознание. Это прекрасно исполнили: Гроций, Гоббс, Локк, Фергюсон, школа шотландских моралистов; Руссо, Кант, Фихте... но ошибка последователей состоит именно в том, что они видят в этой форме последнюю форму общества, а ошибка Шеллинга и даже Гегеля состоит в том, что они не дают надлежащего места этой идее, что они не сознают всей ее юридической силы"[1]. Рассматривая взгляды Ушинского в этом направлении, С. Покровский писал: „Таким образом, Ушинский не удовлетворялся утверждением разумности существующего. Принадлежа к левому крылу последователей этой философии, он находил в ней прочную уверенность в улучшении существующих отношений"[2].

Вместе с тем Ушинский считал, что переход общества о одной ступени к последующей совершается в поступательно направлении и каждая новая ступень знаменует новое совершенствование по сравнению с пройденной. Но Ушинский не понимал основных закономерностей этого перехода от одной ступени к последующей, которые впервые были открыты и научно обоснованы К. Марксом.

Подметив некоторые стороны закономерностей развития общества, Ушинский писал: „Низшая сфера переходит в высшую и так далее... это и есть развитие общественного организма..."[3] „В средние века все европейское общество распадается на множество отдельных мелких, замкнутых общин; но это был уже шаг вперед в сравнении с римским исключительным эгоизмом..."[4] „А когда города успели освободиться от феодального ига и приобрести своим богатством независимое и почетное положение, когда торговля и промышленность заняли важнейшее место в народной жизни,—это уже было с XV века"[5].

Человека Ушинский рассматривал как продукт исторического развития. Подчеркнув то обстоятельство, что человек развивается

---

[1] К. Д. Ушинский, О камеральном образовании, стр. 42.

[2] С. Покровский, Государственные и правовые воззрения К. Д. Ушинского, „Вестник воспитания", 1911 г., № 5, стр. 10.

[3] К. Д. Ушинский, О камеральном образовании, стр. 70.

[4] Там же, стр. 41.

[5] Там же, стр. 6.

в обществе, Ушинский определяет понятие развития и в отношении человека в духе своей теории поступательного развития. Он пишет: „Развитием человека я называю тот процесс, которым он ближе и ближе приближается к своей человеческой сущности, к своему человеческому назначению, более и более сознает его и выражает в своих действиях“ [1]. Но это развитие человека происходит не вне времени и обстоятельства, а только в истории. Указывая на единое развитие человека и общества, Ушинский формулирует свои взгляды в следующих сжато и образно выраженных положениях: „Общественная жизнь необходима для развития и, вызывая это развитие, она сама строится по степени этого развития, сама является его выражением. Без общества нет развития. Без развития нет общества. Развитие есть принцип общества. Общество есть необходимая и единственная форма, в которой совершается история развития человечества... удаление из общества человека развитого, то же что смерть“ [2].

Но человек не теряет свое я в обществе, а наоборот, совершенствуется в обществе. В этих целях „общество должно удовлетворять, во-первых, тем материальным потребностям, которые могут быть удовлетворены только в обществе, во-вторых, его инстинкту общественности, и в третьих, его высшей потребности развития. Этого человек может требовать от общественной сферы, как от гражданской—исключительного признания свободы своей личности“ [3].

Человек же с своей стороны должен находить свое основное назначение на земле в труде и способствовать росту экономического состояния народа, так как „чем более развита экономическая деятельность народа, тем более гармонии в интересах его членов“. Одновременно Ушинский восставал против такого понимания человека, когда его считают машиной или экономической единицей. Подобно Добролюбову, который писал: „мы совсем не хотим сказать, что телесная деятельность важнее духовной, совсем не хотим выставить довольство физическое целью нашей жизни“ [4], Ушинский указывал: „Политико-экономическая точка

---

[1] К. Д. Ушинский, О камеральном образовании, стр. 37.
[2] Там же, стр. 66—67.
[3] Там же, стр. 66.
[4] Н. Добролюбов, Собр. соч., т. III, стр. 92.

зрения, без сомнения, тоже очень важна для воспитания, но как бы ошибся тот, кто смотрел бы на человека только как на экономическую единицу—на производителя и потребителя ценностей!"[1]

Развивая эту мысль о человеке в плане психологии, Ушинский писал: „Человек есть существо, занимающее место в мироздании, в планетной системе, на земном шаре, существо известной расы, известного племени, народа, рода, семейства, с особенными ему врожденными только идиосинкразиями—словом—индивид. Как индивид, человек живет общею жизнью со всею природою, но отражает ее в себе особенным образом, индивидуализирует ее. Душа человека есть идеальная форма всех индивидуальностей человека, есть идея тела"[2].

Как действует развитие общественно-экономической жизни на идеологию и на нравственность? К этим вопросам Ушинский подходил с исторической точки зрения. По его мнению, „настоящее положение общества есть плод прошедшего, история этого общества". Ушинский указывает, что в истории, на основе изменения и развития общественно-экономической жизни, меняются и идеология и психология человека. Исходя из того положения, что „...законы развития общества улавливаются местным и историческим положением этого общества, и что они особенным своим развитием выполняют единый общий закон развития всего человечества", Ушинский писал: „Душевный строй народа также меняется с течением истории, и что пугало наших предков, то смешит нас теперь. В душевном строе народа, и особенно высших слоев общества, беспрестанно замечаются также частные изменения, не касающиеся коренного настроения. Что лет пять тому назад встречалось в нашем обществе рукоплесканиями, то теперь может быть встречено насмешками. Угадывать это душевное настроение общества и руководить им составляет главную задачу политики; но содействовать образованию в душе дитяти такого коренного строя, который достоин человека,—вот величайшая задача воспитания и воспитателя"[3]

---

[1] К. Д. Ушинский, Человек как предмет воспитания, т. I, стр. XXI.

[2] К. Д. Ушинский, Вопрос о душе в его современном состоянии, журн. „Отечест. записки", 1868 г., стр. 76.

[3] К. Д. Ушинский, Человек как предмет воспитания, т. II, стр. 78.

Ушинский не раз указывает на то, что и нравственность человека, и понятие о нравственности уходят глубоко в жизнь и историю народа, и что с изменением общественной жизни изменяется и сама нравственность, изменяется и понятие о ней. Правда, он писал и о том, что цивилизация действует разрушительно на нравственность каждого народа, что железные дороги разрушают исторически сложившиеся нравы и патриархальный быт, но общий дух его взглядов дает право заключить, что Ушинский вовсе не имел в виду отрицания цивилизации вообще; он отрицал лишь такую цивилизацию, которая шла вразрез с интересами народа. Хорошо понимая, что его могли и упрекнуть за отрицание положительного влияния цивилизации на общественную жизнь, Ушинский писал: „Нам так часто придется говорить о вредном влиянии цивилизации на общественную нравственность, что мы должны серьезно опасаться, чтобы нас не причислили к противникам цивилизации. Вот почему мы просим у читателей позволения высказать раз и навсегда искренние убеждения в этом отношении“ [1]. Смысл этих убеждений Ушинского заключался в том, что „цивилизация действует разрушительно на патриархальную нравственность каждого народа, если сама цивилизация не вносит собой новой, уже не патриархальной, а гражданской нравственности“, т. е., говоря иначе, не несет свободного развития общества и свободы личности.

Ушинский обратил внимание и на то, что знание истории общества, законов ее развития необходимо для понимания настоящего и для правильного предвидения будущего. „Опыты веков,— писал он,—проходят бесплодно для грубого, неразвитого народа: дети и внуки повторяют ошибки, сделанные отцами и дедами, страдают от этих ошибок, но не замечают их, и если развитие ползет вперед путем одного опыта, то—это движение, сравнительно с движением жизни, руководимой развитым, свободным сознанием и наукою, также быстро, как ход черепахи, сравнительно с ходом паровоза, несущегося на всех парах“ [2].

Ушинский особо подчеркивает значение темпа в общественном развитии и призывает родину к тому, чтобы не отстать от

---

[1] К. Д. Ушинский, Собр. пед. соч., т. I, О нравств. элем. в русском воспит., стр. 215.

[2] К. Д. Ушинский, Собр. пед. соч. т. II, Вопрос о народных школах, 1939 г., под редакц. В. И. Чернышева, стр. 132.

общего хода развития человечества. „Для тех же,—пишет Ушинский,—кому, может быть, при этих словах придет в голову русская пословица: тише едешь, дальше будешь, мы скажем, что эта пословица берет только одну сторону истины, выпуская из виду другую, что слишком медленное кровообращение также производит болезни, как и слишком быстрое. Движение народного развития должно быть сообразно, с одной стороны, с силами народа, а с другой—с современностью: народ не современный, отставший от общего исторического движения, неизбежно страдает...“ [1] и „если только справедливо определение истории, что она есть развитие духа человеческого в пространстве и времени, если движение развития в пространстве не остановилось, то русская земля является необходимым звеном такого движения“ [2].

Таковы, в общем, взгляды Ушинского на общество и его развитие.

Наряду с таким прогрессивным духом взглядов Ушинского следует отметить и всегда иметь в виду, что эти взгляды не были последовательными. Основной причиной этого является непонимание Ушинским самой движущей силы этого развития, непонимание того, что развитие общества прежде всего есть история развития производительных сил и производственных отношений людей.

Правда, Ушинский не отрицает того положения, что человек—продукт общества, создание истории, что характер и взгляды отдельного человека обусловлены его средой и жизненными условиями, что общество развивается по законам хозяйства, но дело в том, что, по его определению, сама общественная среда и законы хозяйства в конечном счете находятся в зависимости от законодателя, от разума. Получается замкнутый круг, из которого Ушинский не находит выхода и остается идеалистом: законы и законодатели обусловливают и хозяйственное, и социально-политическое, и культурное развитие общества. Помимо этого, идеализм Ушинского заключается и в том, что он не понял сущности борьбы противоположностей в историческом развитии общества и скачкообразности при переходе от более низших форм к более высшим. И, хотя Ушинский и считал, что „если зерно раз посаже-

---

[1] К. Д. Ушинский, Собр. пед. соч., т. II, Вопрос о народных школах, 1913 г., под редакц. В. И. Чернышева, стр. 132—133.

[2] К. Д. Ушинский, Собр. неизданных педагогических сочинений, т. III, Материалы для биографии, стр. 82.

но в землю и начало прорастать, тогда нет уже никакой возможности приостановить его развитие, или лучше сказать, приостановить в нем процесс жизни"[1], но в то же время он не понимал (и не мог понять, ввиду отсталости русской жизни в тот период, по сравнению с другими развитыми в капиталистическом отношении странами), что это зерно в обществе есть новый класс, появившийся внутри самого же этого общества, и что „если переход медленных количественных изменений в быстрые и внезапные качественные изменения составляет закон развития, то ясно, что революционные перевороты, совершаемые угнетенными классами, представляют совершенно естественное и неизбежное явление"[2] и не дошел до признания классовой борьбы и необходимости революционного переустройства общества. Таким образом, в понимании законов развития общества Ушинский является идеалистом. В результате этого в общественно-политических взглядах Ушинского, наряду с прогрессивными, ярко проступают и отсталые, исторически ограниченные черты. Достаточно сказать, что он признавал монархию, хотя и требовал, чтобы монарх управлял жизнью народа в соответствии с интересами самого же народа[3].

5. Гносеологические взгляды

Как мы уже видели, Ушинский рассматривает „факты" как вне нас и независимо от нас существующую реальную действительность, как объект познания. Эти „факты" природы и общества для него существуют, как „самобытные", „единые" и по своим „внутренним законам" вечно развивающиеся, вечно движущиеся; существуют они в пространстве и времени, как в неотделимых формах своего существования, не имеющих ни предела, ни конца. Человек органически включен в этот великий процесс мироздания, его „не вырвать из него", но, как существо сознательное, представляет и субъект и объект познания, т. е. выделяет себя из внешнего мира,

---

[1] К. Д. Ушинский, Собр. пед. соч., т. I, О нравственном элементе в русской воспитании, стр. 216.

[2] И. Сталин, О диалектическом и историческом материализме, Вопросы ленинизма, 11-е издание, 1939 г., стр. 541.

[3] см. работу Ушинского—„Письмо о воспит. наследника русского престола", Собрание неизданных педагогических сочинений, т. III, Материалы для биографии, стр. 127—168.

Но в каком отношении находится человеческое сознание с окружающим миром, с бытием, познает ли человек явления и предметы таковыми, каковыми они являются в действительности, т. е. возможно ли превращение „вещи в себе" в „вещь для нас", каковы источники и каков процесс познания, наконец, что является критерием достоверности наших знаний о внешнем мире?

Рассмотрение этих гносеологических вопросов, занимающих в философских воззрениях Ушинского самое значительное место, является весьма важным и необходимым условием для того, чтобы понять его педагогическое учение в целом и дидактику, в особенности.

После того, как мы установили, что понимал Ушинский под „фактами", для рассмотрения его гносеологических взглядов, т. е. взглядов по теории познания, в первую очередь необходимо ответить на вопрос: как понимал Ушинский сознание и какое содержание вкладывал он в это понятие.

При разрешении вопроса о сущности сознания, Ушинский, не давая прямого ответа на него, всегда объективно приходил к тому заключению, что сознание есть такое свойство человека, которым он выделяет себя из внешнего мира, что человек прежде всеэтим свойством отличается от всего животного мира. „Произвольный рассудочный процесс,—писал он,—свойственен только человеку: только человек, часто с заметным насилием для своего нервного организма, ищет различий, сходств, связи и причин там, где их и не видно; перебирает с этой целью свои произвольно или непроизвольно составленные представления и понятия, связывает те, которые связываются, разрывает те, которые должны быть разорваны, ищет новых"[1].

Сознание человека, по Ушинскому, отражает внешний мир, но оно не тождественно с ним. Выдвигая вопрос о том, является ли сознание материальным или нематериальным по своей сущности, он пишет: „Видя в сознании—свойство, мы не можем приписать этого свойства ничему материальному: во-первых, потому, что самое понятие о материи есть не что иное, как понятие о существе, составляющем предмет сознания, но чуждому для него. Во-вторых, мы не можем приписать сознания ничему материальному потому, что самый существенный акт сознания — сличение, различение и сравнение, акт, лежащий в основе всех

[1] К. Д. Ушинский, Человек как предмет воспитания, т. I, стр. 493.

сознательных психических процессов—не может быть выполняем ничем материальным, насколько мы знаем материю. В третьих, во всех процессах сознания, которые мы только подвергали анализу, мы видели в них не одного, а двух агентов: Одним из этих агентов является нервная система; другим должно являться нечто другое, чему принадлежит способность сознания, и это нечто другое мы называем душою... Сознание, следовательно, есть одна из душевных способностей. Может ли эта душевная способность появляться вне нервного организма—этого мы не знаем; но во всех душевных процессах, которые были нами анализированы, мы видели, что сознание пробуждается в душе только при воздействии на нее нервного организма или при воздействии души на нервный организм... Воздействие нервного организма на душу, который вызывает в ней сознание, мы не можем представить себе иначе, как в форме движения частиц, составляющих мозг и нервы; но душа не сознает этих движений, а прямо отзывается на них разнообразнейшими актами сознания, которые мы называем разнообразными ощущениями. Мы не можем сознавать ничего, идущего из внешней для нас природы, помимо нашей нервной системы. Только то, что способно возбудить в ней своеобразные движения, может быть сознаваемо нами"[1].

Из анализа этих основных исходных положений не только теории познания Ушинского, но и его психологической концепции, можно заключить следующее: 1) Ушинский совершенно верно указывает на невозможность и неправильность качественного отождествления сознания с материей и, следовательно, прав, когда с точки зрения психологии сознание он относит не к материи, а к „душевным", „психологическим явлениям"; 2) понимая душу как нечто само по себе бессодержательное, каким-то резервуаром, который наполняется через сознание, получая материал из внешнего мира, этим самым Ушинский переносит сознание не в какой-то виталистический мир, а относит ее именно к человеку, как его свойство, хотя и через признание его свойством души человеческой (иногда душа и сознание для Ушинского идентичные понятия); 3) ничего не попадает в сознание, если не проходит через „нервный организм", через ощущение. Все это говорит о том, что в общем понимание Ушинским сознания является материалистическим. Правда, мы находим здесь и такие толкования, которые

[1] К. Д. Ушинский, Человек как предмет воспитания, т. I, стр. 488—489.

могут указывать на агностицизм или дуализм Ушинского (как, например, невозможно ответить на вопрос, что такое сознание, два агента сознания и др.), но они вовсе не могут изменить в основном материалистический характер взглядов Ушинского по вопросу о сознании. Не случайно, что известный психолог-волюнтарист проф. М. Владиславлев, который был врагом материализма и считал, что „современный материализм... в нашей науке имеет значение полезного предостережения психологии"...[1] (сравн. с той оценкой материализма, которую давал Ушинский—Д. Л.), отзываясь об Ушинском, как о материалисте, писал: „Если бы привязываться к буквальному смыслу, то мы могли бы найти множество доказательств... что автор материалист"[2].

Каково отношение сознания к внешнему миру по Ушинскому? Ушинский исходил из того, что „понять предмет природы или явление, или закон этого явления, или его причину,—значит все то же, что составить понятие о предмете...Не испытывая субстанции нигде во внешнем мире, мы ищем ее в вещах; не зная причины ничему, что не сделано нами, мы везде ее предполагаем как необходимую"[3].

Не ставя вопрос о том, что является в познании демургом —сознание, идея, дух и. т. д. или вне нас существующий материальный мир, все же Ушинский в своих гносеологических взглядах приходит к признанию именно первичности внешнего мира. „Понять предмет природы, значит, просто, заметить его признаки, кажущиеся нам наиболее постоянными и соединить их в одно понятие предмета"[4] и „...как бы ни были логически верны наши выводы, но если данные, воспринятые нами из внешнего мира, неверны, то и выводы будут ложны"[5], —пишет Ушинский. „Человек долго вдыхал в себя воздух, прежде чем узнал о его существовании, и долго знал о существовании воздуха, прежде чем открыл его свойства, его состав и его значение в жизни тела"[6]. Потому что, прежде „чем человек из опыта выведет пра-

---

[1] В. Владиславлев, Психология, 1881 г., стр. 171.

[2] В. Владиславлев, Человек как предмет воспитания Ушинского журн. МНП, 1863 г., т. 138, май, стр. 610.

[3] К. Д. Ушинский, Человек как предмет воспитания, т. I, стр. 351.

[4] Там же, стр. 3.

[5] К. Д. Ушинский, Избр. пед. соч., т. II, 1939 г., стр. 156.

[6] К. Д. Ушинский, Собр. пед. соч., т. I, стр. 187.

вило действия, что делается не скоро, уже есть закон"[1]... „В химии, ботанике, зоологии, в физике, в анатомии, в географии везде один и тот же закон является окончательным выводом. Везде приближением к открытию этого закона, оценивается совершенствование этой науки"[2].

Ушинский критикует представителей идеалистической гносеологии, считавших мир производным от идей. Он пишет: „Думая же объяснить природу идеями, подобными тем, которые образуются в его собственном уме, человек, весьма естественно, придает этим идеям и волю. Такая персонификация природы, такое уподобление ее человеком самому себе, облеченное всею яркостью красок воображения, создает разнообразнейшие мифологии; возведенная же в абстрактную систему мышления, в цепь причин и следствий, делается философскою теориею. На этом основании Огюст Конт имел полное право взглянуть на подобные философские системы как на новую форму мифологии. И действительно, рассматривая вероучения буддизма или браманизма, мы найдем в них много родственных черт с системами Спинозы, Шеллинга и Гегеля. Иногда сходство поразительно. Мысль одна и та же, только язык другой, сообразно веку и народности: там пламенная фантазия поэта тропических стран; здесь—отвлеченная, выработанная схоластикою, холодная речь немецкого ученого; там—краски и образы, действующие прямо на чувство; здесь—искусственная условная терминология, которой надобно прежде выучиться, чтобы понимать ее; там—пестрая смесь ярких картин; здесь—стройная система, разделенная и подразделенная и озаглавленная буквами всех возможных азбук. Содержание же в сущности одно и то же—олицетворение внешнего мира по образу и подобию души человеческой"[3].

Если мир, независимо от нас существующий, является объектом познания, постижим ли он для человеческого сознания? Ушинский в этом вопросе стоит, с одной стороны, на позиции, признающей постижимость мира, когда речь идет о познании природы и общества, с другой же стороны, он стоит на позиции агностицизма, когда речь идет „о познании бога", „неба", „перво-

---

[1] К. Д. Ушинский, Собр. неизд. педаг. соч., т. III, Матер. для педаг. антропологии, стр. 10.

[2] К. Д. Ушинский, О камеральном образовании, стр. 46.

[3] К. Д. Ушинский, Человек как предмет воспитания, т. II, стр. 264.

причины". Первое он относит к сфере науки, второе—к сфере религии. Такое отмежевание науки от религии гносеологическим воззрениям Ушинского в первом случае придает научный, материалистический характер, во втором же—характер агностицический, но в форме „стыдливого материализма". Общее же гносеологическое положение Ушинского о постижимости истины выражено в его следующем положении: „Если бы перенести человека в такой мир, где все было бы непонятно и непостижимо, то, без сомнения, душою его овладела бы невыносимая тоска"[1].

При разработке своей теории познания Ушинский исходит из того, что человек, как сознательное и общественное существо, свои отношения с природой устанавливает в процессе труда. Человек, действуя на природу, изменяет ее и этим изменяет самого себя. Ушинский не только понимал, что „труд, исходя от человека на природу, действует на него не одним удовлетворением его потребностей, но и „расширением их круга"[2], что человек, в процессе познания природы, все более и более приближается к истине и все более и более ставит ее на службу своим интересам, на службу покрытия своих все более и более расширяющихся потребностей. „Природа до тех пор еще грозна,—учит Ушинский,—пока непостижима, пока успевает скрывать свои тайны от человека, но как только человек успевает вырвать у нее эти тайны, он тотчас вводит природу в круг своих сознательных действий, заставляет ее служить себе".

Поэтому и познание для Ушинского является историческим процессом, все более раскрывающим сущность вещей и все более приближающим человека к истине. Говоря о том, что сознание человека непрерывно обогащается новыми и новыми знаниями и что вопросительные знаки не должны страшить человека по пути познания истины, Ушинский пишет: „Глядя на эти повороты мысли с исторической точки зрения, убеждаемся, что вопрос о сущности сознания представляет одну из антиномий ума человеческого, которые, оставаясь неразрешенными сами, двигают ее все перед своим, может быть вечным, вопросительным знаком, приводят человека к решению множества, стоящих по дороге вопросов"[3].

---

[1] К. Д. Ушинский, Человек как предмет воспитания, т. II, стр. 210

[2] К. Д. Ушинский, Соч., т. I, Труд в его псих. и восп. значении, стр. 145

[3] К. Д. Ушинский, Вопрос о душе в его современном состоянии. „Отечеств. записки", 1866 г., № 11, стр. 75.

В этом, с внешней стороны, как бы в агностическом положении, кроется непоколебимая вера Ушинского в возможности сил человека к раскрытию тайн природы, к познанию реальной действительности. И не случайно, что такой, если можно так выразиться, боевой дух гносеологических взглядов Ушинского определился еще на заре его научной деятельности. В своем труде „О камеральном образовании" Ушинский писал: „Истинная мысль не есть мнение о вещи; но понятие самой вещи. Наука должна открывать человеку глаза на явления внешнего мира, а не предаваться бесплодным сожалениям и утопиям, должна предоставлять индивидуальному чувству каждого—любить или ненавидеть эти явления"[1].

„Стыдливый материализм" Ушинского выражен в таких его положениях, как, например: „Геология показала нам,—пишет Ушинский,—до очевидности ясно, что земной шар не только не всегда представлялся в том виде, в каком мы его теперь видим, но что и теперь он, как и в прежнее время, беспрестанно изменяет свои формы. Причин этих изменений много, но первая причина этого движения в изменении форм земного шара точно также признается всеми неизвестною"[2]. Если к этому прибавим, что Ушинский нигде и никогда даже не ставил вопроса, что этой причиной может являться бог или какой-то мировой дух, станет ясно, что его агностицизм в отдельных вопросах гносеологии является типичным „стыдливым материализмом".

Что является источником познания по Ушинскому? Прежде всего, этими источниками являются внешние чувства. Он пишет: „Единственной пищей для организма (т. е. души, сознания—Д. Л.) может быть опыт, сообщаемый нам через посредство нашего тела, без опыта дух человеческий не может сделать ни малейшего шага в своем развитии"[3]. Более того, Ушинский прямо высказывал мысль, что процесс сознания имеет материальную основу, без которой нет и не может быть и сознания. В связи с этим он считал, что „непосредственным орудием жизни является нервная система во всей своей полноте, т. е. мозговые центры, нервы, органы чувств и органы движения, мускулы"[4].

---

[1] К. Д. Ушинский, О камеральном образовании, стр. 68.

[2] К. Д. Ушинский, Человек как предмет воспит., т. II, стр. 281.

[3] К. Д. Ушинский, Вопрос о душе в его совр. сост., „Отеч. записки", 1866 г., № 11, стр. 91.

[4] К. Д. Ушинский, Человек как предмет воспитания, т. I, стр. 168—169.

Внешний мир, воздействуя на нервную систему, вызывает душевные явления. Этот процесс Ушинский представляет себе в таком виде: „Воздействие нервного организма на душу, которым вызывается в ней сознание, мы не можем представить себе иначе, как в форме движения частиц, составляющих мозг и нервы“ [1].

Таким образом, говоря о материальных основах отношения человеческого сознания к объективному миру, Ушинский приходит к заключению, что связь между сознанием и внешним миром непосредственно осуществляется через внешние чувства, которые и являются источником познания. При этом он правильно указывает, что человек устанавливает связь с окружающим миром не только посредством одного какого-либо органа чувств, а всей нервной системы, нервным организмом, как он ее называет. Он пишет: „Теперь, по крайней мере, ясно для нас уже одно, что нервный организм стоит неизбежным звеном и единственным посредником между внешним миром и душою. Душа не ощущает ничего, кроме разнообразных состояний нервного организма, и насколько внешний мир своими влияниями отражается в этих состояниях, настолько он и доступен душе. Если предположим, что во внешнем мире существуют явления, не производящие никакого влияния, ни непосредственного, ни посредственного, на изменение состояния нервного организма, то такие явления останутся для души навсегда неизвестными. Если, наоборот, предположить (курсив наш—Д. Л.), что в душе есть явления, которые не производят никакого впечатления на нервный организм, то такие явления ничем не заявят о своем существовании во внешнем мире“ [2]. Отсюда легко понять, почему идеалист-неокантианец проф. Скворцов, Рубинштейн и другие так нападали на Ушинского, упрекая его и его теорию познания в материализме. И, на самом деле, если сравнить положение Ушинского о том, что „нервный организм стоит неизбежным звеном и единственным посредником между внешним миром и душою“ с ленинским положением материалистической теории познания, что „ощущение есть действительно непосредственная связь сознания с внешним миром, есть превращение энергии внешнего раздражения в факт сознания“ [3], станет ясно, насколько близко подошел Ушинский к научному пониманию этого вопроса.

---

[1] К. Д. Ушинский, Человек как предмет воспитания, т. I, стр. 489.
[2] Там же, стр. 170.
[3] Ленин, Соч. т. XIII, стр. 41.

Но на этой ступени процесс познания лишь начинается. „Для того, чтобы сознавать, душа наша должна получить возможность сличать и различать, т. е. сравнивать, так что сознание само есть не что иное, как душевный акт сличения, различения, или, просто акт сравнения двух или нескольких впечатлений. Где душа не имеет возможности сличать, различать, сравнивать, там она не начинает или перестает сознавать“ [1]. Таким образом следующим этапом познания для Ушинского является переработка, обобщение, абстрагирование полученных извне впечатлений.

Но верны ли эти наши обобщения и представления об объектах познания, что является критерием достоверности наших знаний о вещах? Ушинский пишет: „Единственным критериумом вещи есть сама вещь, а не наше понятие о ней“ [2]. Исходя из такого понимания истинности наших знаний, Ушинский указывает: „Единственным основанием критики в общественном праве должен быть тот принцип, который развивается обществом, а не какое-нибудь внешнее явление или внешнее мнение“. Такое понимание критерия истины близко примыкает к незыблемому материалистическому пониманию, что истина проверяется общественной практикой.

Таким образом, несмотря на ряд противоречащих и порой агностицических взглядов Ушинского в области теории познания, а также на некоторые терминологические неточности, Ушинский и в области гносеологии в основном придерживается точки зрения материализма. Конечно, это вовсе не говорит о том, что Ушинский так же понимал познание и процесс познания, как этому учит нас диалектический материализм. Например, Ушинский исходил из того, что процесс познания начинается от внешнего впечатления, восходит к понятиям и истинность результатов познания проверяется жизнью, но это понимание, конечно, не тождественно основным положениям ленинской теории отражения о том, что путь процесса познания истины это—путь „от живого созерцания к абстрактному мышлению и от него к практике“ [3]. Во-первых, Ушинский не понимал процесса познания, как процесс отражения диалектически развивающегося объективного мира, бытия в сознании человека и ос-

---

[1] К. Д. Ушинский, Человек как предмет воспитания, т. I, стр. 490.
[2] К. Д. Ушинский, О камеральном образовании, стр. 68.
[3] Ленин, Философские тетради, 1939, стр. 166.

новные закономерности этого отражения. Во-вторых, хотя агностицические положения Ушинского и имеют материалистический оттенок, но они все же делают до некоторой степени непоследовательной всю гносеологическую концепцию Ушинского. Эти отрицательные стороны взглядов Ушинского в области теории познания мы должны иметь в виду при изучении основ его теории обучения.

6. О науке и ее роли в познании истины

Человек в своей трудовой деятельности познает мир. В этом процессе и в смысле познания истины, и в смысле превращения ее в богатый источник человеческого счастья, для Ушинского особое значение приобретает наука, которая „должна открыть человеку глаза на явления внешнего мира". Объектами науки являются природа и общество, им „принадлежит человек и человечество земли", а потому эти объекты „обширны до бесконечности..." „Предмет науки должен существовать сам по себе, независимо от мнения, как существует всякий предмет природы" [1].

„Если под именем науки,—пишет Ушинский,—мы будем разуметь объективное, более или менее полное и организованное изложение законов тех или других явлений, относящихся к одному предмету или к предметам одного рода, то ясно, что в таком смысле предметами науки могут быть только явления природы или явления души человеческой, или, наконец, математические отношения и формы, существующие также вне человеческого произвола" [2]. Из этого положения Ушинского видно, что человек может научно изучать только объективно, независимо от него существующие явления и законы их развития.

Также прогрессивным является положение Ушинского о том, что наука должна освободиться от религии, от слепой веры в ее авторитет и развиваться свободно, самостоятельно, без всякой поповщины. „Нужно ли доказывать,—писал Ушинский,—что всякая фактическая наука,—а другой науки мы не знаем,—стоит вне всякой религии, ибо опирается на факты, а не на верования, на

[1] К. Д. Ушинский, О камеральном образовании, стр. 93.
[2] К. Д. Ушинский, Человек как предмет воспитания, т. I, стр. 1.

известности, а не на вероятности, на определенных знаниях, а не на определенных чувствованиях? Нужно ли доказывать, что наука, которая бы опиралась, как на доказательства, уже не требующие доказательства, на слова корана или законы Ману, точно так же невозможна, как и такая наука, которая указывала бы свой ultimum argumentum в Аристотеле или Платоне"[1]. Исходя из этого положения, Ушинский верно указывал на то, что наука не имеет дела ни с мечтательством, ни с кантовскими a'priori и что каждая система, которая строит свои доводы не на основе науки, окажется построенной на песке и скоро развалится, как бесплодная фантазия. „Фантазировать же о том,—писал он,—чего мы не знаем, или что знаем только в его малейшей части, можно сколько угодно. Можно также поверить и правильности создания этой фантазии по законам рассудка; но проверить ее всю по фактам действительности—невозможно; а ближайшее изучение геологии, которую Гегель должен был отвергать, астрономии, в которой он так неудачно пророчествовал, и естествознания—скоро обнаружили всю несостоятельность этой мировой системы. Философия Гегеля быстро созрела и распространилась, но на европейской почве она еще скорее завяла, чем созрела"[2].

Замечательны высказывания Ушинского о значении выносливости и уверенности в разработке науки. Указывая на то, что „уверенность ведет науку вперед", Ушинский писал: „Сколько раз убеждался человек, что есть тысяча явлений, причин, которых он не знает и тысячи раз обманутый в своих ожиданиях найти истинную причину, снова принимается ее отыскивать"... Вот почему мы говорим, что уверенность ведет науку вперед, а сомнение только прокладывает ей тропу...[3] постановка же ясного вопроса есть выигрыш для науки, и мы везде предпочитаем ясный вопрос неясному ответу"[4].

Наука должна служить народу и должна быть народной. Практическое значение науки, как говорил Ушинский, в том и состоит, чтобы овладевать случайностями жизни и покорять их разуму и воле человека. Наука доставила нам средство плыть

---

[1] К. Д. Ушинский, Человек как предмет воспитания, т. II, стр. 426.
[2] Там же, стр. 265—266.
[3] Там же, стр. 213.
[4] К. Д. Ушинский, Человек как предмет воспитания, т. I, стр. 141.

не только по ветру, но и против ветра; не ждать в ужасе громового удара, а отводить его, не подчиняться условиям расстояния, но сокращать его паром и электричеством. Указывая на то, что двери „храма науки"—университета должны быть открыты для всех, без ограничения сословным и имущественным цензами, Ушинский требовал, чтобы наука была достоянием широких масс. Ведя борьбу против пересаживания европейских наук на русскую почву, он твердо стоял за самобытное процветание русской земли. Вместе с тем он и не возводил китайской стены между науками отдельных народов и не замыкался в узко националистический круг. Он указывал на то, что „наука, открывающая законы мира, является, как самый мир и разум, познающий его, общим достоянием человечества. Если мы замечаем оттенок народности в науке, он, проглядывая в обработке ее, не может касаться ее результатов... наука потому и наука, что принимает в область свою только те выводы, которые справедливы по законам общего человеческого мышления"[1].

Ушинский хорошо понимал, что успехи науки во многом зависят от путей и средств научного изучения явлений. Говоря о том, что методы науки о природе и науки об обществе не сходятся, а объединяются, в этом едином методе он подразумевал общий путь познания явлений и предметов общества и природы. Таким основным методом, ключом познания, в соответствии со своими гносеологическими взглядами, он считал индуктивный метод. Однако же он вполне правильно указал и на то, что одним этим путем истину нельзя открыть, что это приведет к односторонности познания. Ушинский писал: „Мы назвали индуктивный процесс просто процессом понимания, т. е. процессом образования понятий,и признали этот процесс единственным способом добывания действительных знаний, как в мире физическом, так и в мире психических явлений. Знание, не основывающееся на наблюдении и опыте, не есть знание, а вера, которая сама может быть психическим фактом, и предметом наблюдения, и изучения путем индукции или понимания. Оба эти процесса, индуктивный и дедуктивный, мы предполагали-бы назвать процессом постижения"[2].

---

[1] К. Д. Ушинский, Собр. пед. соч., т. I, О народности в общ. воспитании, стр. 24.

[2] К. Д. Ушинский, Человек как предмет воспитания, т. I, стр. 498—499.

Наука так же развивается, как и сама жизнь. „История всех истинно-великих открытий, и замечательных систем,—писал Ушинский,—послуживших ступенью в развитии человеческой мысли, показывает нам, что они родятся не внезапно и часто не в одной голове, а подготовляются долго в человечестве и начинают усиленно и в разных местах пробиваться перед тем, когда приходит им пора раскрыться вполне и цвести на удивление миру в обширном уме какого-нибудь великого человека“ [1].

Подходя к развитию науки с исторической точки зрения, Ушинский считал, что и гений человечества является созданием эпохи. Так, приводя в пример Аристотеля, как защитника рабства, Ушинский писал: „Упрекать Аристотеля в том, что он не вывел настоящего понятия человеческого хозяйства, было бы так же несправедливо, как упрекать его в том, что он доказывал возможность и необходимость рабства, что он не выставил понятия гражданского права, как его выставляли римляне. Что он не имеет того же понятия о государстве, о чести, о любви, какое мы имеем. Не было предмета и Аристотель не мог знать его“ [2]. Век требует соответствующей своему духу науки: „Индустриальное направление века,—пишет Ушинский,—требует и науки индустриальные“ [3].

Ушинский считал, что рядом с наукой может и должно существовать искусство, „которое будет доказывать, каким образом человек может извлекать выгоды в жизни, пользуясь положениями науки“ [4]. Указывая на различие между наукой и искусством, Ушинский писал: „Правил может быть бесконечное множество, и они могут изменяться бесконечно, но истины науки не изменяются произвольно, а развиваются, и это развитие состоит в том, что человек от причин более видимых восходит к причинам более глубоким, или, что все равно, приближается более и более к сущности предмета“ [5].

---

[1] К. Д. Ушинский, Вопрос о душе в его современном состоянии; „Отечествен. записки“, 1866, т. IX, стр. 89.

[2] К. Д. Ушинский, О камеральном образовании, стр. 33.

[3] Там же, стр. 93.

[4] Там же, стр. 29.

[5] Там же, стр. 29.

Таков общий дух взглядов Ушинского на науку, органически вытекающий из его философской концепции в целом. Эти взгляды воплощают в себе глубокую веру в науку и в ее прогресс на благо народа. Этот демократизм в науке нашел свое отражение и в педагогическом учении Ушинского.

Заключение

Рассмотрев в самых общих чертах философские воззрения Ушинского, мы приходим к выводу, что Ушинский был не только великим педагогом, но также и крупным мыслителем в области философии. Всякие попытки считать Ушинского лишь философски образованным человеком, но не имевшим своей собственной философской концепции, следует рассматривать совершенно необоснованными.

Также следует считать совершенно неверным, тенденциозным или результатом непонимания учения Ушинского, когда его рассматривают как идеалиста, дуалиста, эклектика, позитивиста и т. д. Правда, в философии Ушинского ряд вопросов освещается и с точки зрения позитивизма и, отчасти, с точки зрения агностицизма (хотя и в духе „стыдливого материализма"), но все это не может заслонить материалистическую струю в философских взглядах Ушинского, которая и определяет все направление мировоззрения Ушинского.

Не дает нам право считать Ушинского идеалистом и то положение, что сам Ушинский не считал себя материалистом, однако он никогда не считал себя и идеалистом. История знает не мало фактов, когда тот или иной мыслитель, будучи на самом деле материалистом, не только не называет себя материалистом, но даже избегает этого слова, восстает против него. Достаточно указать, что даже Фейербах, „будучи в основном материалистом, восставал против названия—материализм"[1].

И известный английский естествоиспытатель Гексли, который „пустил в ход термин „агностик" и которого, несомненно, имел в виду Энгельс и прежде всего и больше всего, когда говорил об английском агностицизме"[2], был „стыдливым материалистом", не считавшим себя материалистом.

---

[1] И. Сталин, О диалектическом и историческом материализме, Вопросы ленинизма, 11-е изд., 1939 г., стр. 536.

[2] Ленин, Соч., т. XIII, стр. 170.

Ушинского, автора труда „О камеральном образовании", „Человека как предмета воспитания", „Вопроса о душе в его современном состоянии" и других научных трудов, автора замечательных учебников „Детского мира" и „Родного слова", составленных в духе реализма, нельзя не считать в области натурфилософии и гносеологии в основном, в большей степени, материалистом.

Одновременно Ушинский оставался идеалистом в области понимания законов развития общества, придавая в конечном счете решающее значение в развитии общества законам и законодателю, совершенству разума.

Оценивая в целом мировоззрение Ушинского, мы рассматриваем его в развитии и считаем, что он шел по сложному пути преодоления идеализма, он шел от идеализма к материализму. Ушинского вполне можно отнести к числу представителей тех направлений, о которых Ленин говорил: „У главных направлений передовой общественной мысли России имеется, к счастью, солидная материалистическая традиция"[1]. Именно эта „солидная материалистическая традиция" и является той основой, на которой построена прогрессивно-демократическая педагогическая система Ушинского.

Б. ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ

История развития педагогической мысли показывает, что всякое педагогическое учение в своей основе и по своему содержанию в той или иной мере отображает экономические и социально-политические интересы определенного общественного класса (в классовом обществе)—либо господствующего, либо угнетенного. Поэтому для того, чтобы правильно оценить педагогическое учение Ушинского с точки зрения нашей советской педагогической системы, необходимо, наряду с философскими основами, вскрыть и общественно-политическую основу этого учения.

Общественно-политические взгляды Ушинского складывались в очень сложный период истории России. Это был период, когда крепостное право, как „определенная форма хозяйственной организации"[2], со всеми его порождениями в экономической, социаль-

[1] Ленин, Соч., т. XXVII, стр. 180.
[2] Ленин, Соч., т. I, стр. 219.

ной и юридической области, не могло уже вместить в себе новое содержание—тенденции к капиталистическому развитию страны, зародившемуся и до известной ступени развившемуся в недрах самой этой формы. Потому и „конфликт между старым содержанием и новой формой“ [1] принимает все более и более ярко выраженный характер.

С разрушением старинной экономической замкнутости происходят глубокие изменения в политической жизни русского государства—„абсолютизм и бюрократия наскозь пропитаны крепостнически-буржуазным духом“ [2], свирепствует реакция николаевской политики. Напуганное декабристским движением и революционными событиями на Западе, царское правительство преследует все новое; всеобщим принципом всякого движения в экономике, в политике, в мысли объявляется „самодержавие, православие, народность“. Лучшие сыны народа, передовые люди страны кончают жизнь на эшафоте, в царских застенках, в ссылке. Пушкин и Лермонтов, Гоголь и Грибоедов, Белинский и Добролюбов, Грановский и Ушинский и др. гнусной политикой царского самодержавия были обречены на преждевременную смерть. На похоронах Пушкина воспрещено было присутствовать профессорам и студентам, которые „тайком, как воры, должны были прокрадываться к нему“ [3]. Правительство Николая I душило все новое не только внутри страны, но оно стало жандармом-душителем народов и их борьбы за свободу и на Западе. Царское правительство создавало барьеры на пути распространения образования среди народа, всячески препятствовало развитию науки, техники, культуры в целом.

Однако остановить движение вперед не могла никакая сила. Николаевское время, по образному выражению Герцена, „было удивительной эпохой внешнего рабства и внутреннего освобождения“. Возникновение капиталистических тенденций в экономике означало, что победа над крепостническим, феодальным строем принадлежала этому новому зарождающемуся общественно-экономическому укладу жизни.

---

[1] И. Сталин, цитировано по книге Л. П. Берия—К вопросу об истории большевистских организаций в Закавказье, 1939, стр. 142.

[2] Ленин, Соч. т. I, стр. 161.

[3] А. В. Никитенко, Моя повесть о самом себе и о том, „чему свидетель в жизни был“, т. I, стр. 285.

„Если бросить общий взгляд на изменение всего уклада российского государства в 1861 году,—пишет Ленин,—то необходимо признать, что это изменение было шагом по пути превращения феодальной монархии в буржуазную монархию. Это верно не только с экономической, но и с политической точки зрения“ [1].

Развитие капиталистического уклада в экономической жизни России не только разрушало основы крепостного права, но и изменяло социальное лицо общественных классов страны. Усиление капиталистического хозяйства в пореформенной России содействовало еще большей экспроприации крестьянства, одновременно прокладывая путь к формированию рабочего класса, как класса „для себя“. Прогрессивная работа капитализма отразилась и на развитии общественной мысли, поэзии, науки, искусства и др., оказавших в свою очередь влияние на разрушение старых политических убеждений. Новое бытие вырабатывало также новые, более прогрессивные, демократические политические идеи и убеждения. Но вместе с тем двойственность в экономическом укладе эпохи создавала двойственность и в идеологии: одна линия—реакционная, стремившаяся спасти феодально-помещичий класс, обреченный на гибель исторической необходимостью, другая линия—прогрессивная, признававшая капиталистический путь развития единственно верным и необходимым для поднятия России на высшую ступень. Эта идеологическая борьба, которая фактически являлась борьбой между новым и старым, с особенной силой выявилась в период падения крепостного права, когда шла борьба между крепостниками и крестьянами по вопросу о способах проведения реформы. „Шла борьба из-за способа проведения реформы между помещиками и крестьянами—писал В. И. Ленин.—И те и другие отстаивали условия буржуазного экономического развития (не сознавая этого), но первые—такого развития, которое обеспечивает максимальное сохранение помещичьих хозяйств, помещичьих доходов, помещичьих (кабальных) приемов эксплоатации, вторые—интересы такого развития, которое обеспечивало бы в наибольших, возможных вообще при данном уровне культуры, размерах благосостояние крестьянства, уничтожение помещичьих латифундий, уничтожение всех крепостнических и кабальных приемов эксплоатации, расширение свободного крестьянского землевладения. Само собой разумеется, что при втором исходе развитие капитализма и

[1] Ленин, Соч., т. XV, стр. 96.

культуры производительных сил было бы шире и быстрее, чем при помещичьем исходе крестьянской реформы"[1].

Ушинский, живя в такую бурную эпоху борьбы нового общественно-экономического уклада жизни в России со старым, не мог пройти мимо жизненных для народа экономических, общественно-политических и культурно-просветительных вопросов и без них разрешать сложнейшие вопросы воспитания будущего человека.

В своих работах, письмах, дневниках, учебниках Ушинский охватывает те основные вопросы общественной жизни России, которые дают нам полное представление об общественно-политических основах его педагогической системы.

Для общей характеристики этих основ необходимо выяснить: 1) каковы экономические взгляды Ушинского и каково его отношение к развитию капитализма в России; 2) каковы социально-политические воззрения Ушинского и его отношение к царизму и, наконец, 3) как реагировало и относилось царское правительство к Ушинскому.

Освещая взгляды Ушинского на эти вопросы, необходимо подходить к ним исторически и с точки зрения марксистско-ленинской методологии анализировать эти взгляды в связи с общественно-экономической жизнью страны того периода, когда жил и работал Ушинский.

1. О путях экономического развития России

Для правильного понимания и оценки общественно-политических взглядов Ушинского большое значение, прежде всего, имеет вопрос о том, каково было отношение Ушинского к вопросу о капиталистическом развитии России. Это и понятно, ибо „история развития общества, есть прежде всего, история развития производства, история способов производства, сменяющих друг друга на протяжении веков, история развития производительных сил и производственных отношений людей"[2].

---

[1] Ленин, Соч. т. XI, стр. 349.

[2] И. Сталин, О диалектическом и историческом материализме Вопросы ленинизма, 11-е изд., 1939 г., стр. 551—552.

Обладая глубокими познаниями в области экономической науки, Ушинский основательно разбирался в вопросах экономической жизни России. Еще в своей речи „О камеральном образовании" и в лекциях, прочитанных им в Демидовском лицее в 1846—49 г.г., он обнаружил огромную эрудицию также и в области политической экономии. Не говоря уже о его блестящей критике немецкой камералистики, которую Маркс характеризовал, как „мешанину разнообразнейших сведений, чистилищный огонь, который должен выдержать каждый преисполненный надежд кандидат в германские бюрократы" [1], в своих трудах Ушинский обнаружил глубокое знание политико-экономических систем Адама Смита, Рикардо, Джон-Стюарт Милля и др. Ушинский, как указывает его личный секретарь А. Фролков, „принимал участие вместе с другими в переводе „Политической экономии" Милля" [2].

Не вдаваясь в детальный разбор политико-экономических взглядов Ушинского, так как это не составляет нашей задачи, укажем лишь на те стороны его экономического учения, которые помогут нам раскрыть его основную концепцию в вопросе об экономическом развитии России.

По определению Ушинского, человек прежде всего есть „существо хозяйственное", что „только в мире материальном может осуществиться исключительно гражданская личность". Указывая в то же время, что „человеческое хозяйство может быть только общественное", Ушинский также верно понимает то положение, что „частного хозяйства (по своей природе — Д. Л.) нет и быть не может... как нет звериного хозяйства [3], т. е. Ушинский считает, что только человек является носителем хозяйственной жизни. Более того, критикуя немецкую камералистику, Ушинский писал: „Ни Аристотель, ни принявшие его мнение немецкие камеральные писатели не отделили в своем определении человеческого хозяйства от хозяйства животных. А разница между Аристотелем и немецкими камеральными писателями только та, что Аристотель понимал свое определение, понимал, что смешивает в

---

[1] К. Маркс, Капитал, т. I, 1935 г., стр. XVII.

[2] А. Фролков, К. Д. Ушинский, 1881 г., стр. 20.

Перевод политической экономии Милля печатался в журн. „Современник" в 1860—1861 г. г. Перевод принадлежит Чернышевскому. Участие К. Д. Ушинского в этом переводе еще не установлен.

[3] К. Д. Ушинский, О камеральном образовании, стр. 24.

нем хозяйство человеческое и хозяйство животное, хотел даже этого смешения и в свой век имел право на него, а немецкие писатели, живя в XVIII и XIX столетии, не имели права смешивать этих двух хозяйств"[1].

На чем основывается „человеческое" хозяйство? Ушинский, как уже знаем, писал: „Человек больше всего зависит от тех орудий, которые он употребляет"[2]. Это положение красной нитью проходит через все его высказывания по вопросам экономики. Исходя из этого, становится ясным, почему Ушинский, „во главе" всех сторон жизни человека, в частности „природы и капитала", а не „рядом с ними" ставит труд, „который, исходя от человека на природу, действует обратно на человека"[3]. Положение Ушинского о том, что „дело индустрии сделать природу орудием человека"[4], является показателем того, как глубоко понял он дух эпохи. Считая разделение труда основой „политико-экономического общества", т. е. капиталистического общества, Ушинский писал: „Адам Смит понял важность этого закона, увидел, что на нем строится и человеческое хозяйство, и человеческое общество, он первый выразил внутреннюю необходимость этого закона и положил его в основу своей книги, которая вся есть только развитие этого закона в разных сферах, а эта книга легла в основу науки хозяйства. И притом только в его время можно было сделать это, потому что только в его время политико-экономический закон лег в основу общественного устройства. Вот почему с Адама Смита начинается история этой науки, а все прежние сочинения были только попытками отыскать этот единый основной закон человеческого хозяйства, были только введением в историю этой науки. Это основной закон человеческого хозяйства,—этот отличительный признак есть свободное разделение труда и соединение этого разделения... на этом законе должно строиться человеческое хозяйство и хозяйственное общество людей"[5].

В этих взглядах Ушинского, высказанных им еще в 1848 году, ценно не только то, что он указал на основной отличительный

---

[1] К. Д. Ушинский, О камеральном образовании, стр. 32.
[2] Там же, стр. 48.
[3] К. Д. Ушинский, Собр. пед. соч., т. I, Труд в его воспит. и псих. значении, стр. 145.
[4] К. Д. Ушинский, О камеральном образовании, стр. 93.
[5] Там же, стр. 34.

признак нового, капиталистического общества, но, что самое главное, в соответствии с принципом поступательного движения, он признал это „общество", т. е. признал буржуазно-экономическую формацию прогрессивной.

Исходным положением в идее народности Ушинского, которым проникнуто все его учение, является требование, чтобы, хозяйство служило интересам народа. „Такая хозяйственная деятельность, выгода которой не совпадает с выгодой народа, есть или безумный проект, обломки которого задавят самого составителя, или преступный умысел, совершение которого скажется рано или поздно. Недаром твердит наш народ, что дурно нажитая деньга впрок не пойдет. В этой простодушной вере в силу истины скрыт глубокий неодолимый закон этого мира" [1],—пишет Ушинский.

Совершенно правильно указание Ушинского, что человек не пассивно должен следовать природе, а, овладевая знанием законов ее развития, активно преобразовывать ее на свой лад, добиваться все более и более лучших результатов в превращении богатства природы в благо народа. „Человек не должен равнодушно, сложивши руки, оставаться на берегу этого бесконечного моря материальных интересов, или бросаться в него очертя голову, не изведавши глубины, не открывши законы волнения, не изучивши направления ветров, приливов и отливов. Нет в гении человечества достаточно силы, чтобы обуздать эту хозяйственную стихию, более непокорную, чем стихия водная, стихия, волнение которой потрясает теперь человечество" [2]. Этим и объясняется, что Ушинский, из всех других общественных наук самое большое значение придавал политической экономии. „По нашему мнению,—писал он,—другой науки общего хозяйства, кроме политической экономии, нет и быть не может... И странное дело, самый живой, самый, современный предмет, который теперь движет человечество, достался такой жалкой обработке, такой категории ученых, каковыми являются немецкие камеральные писатели" [3].

Таковы общие положения Ушинского в области политической экономии, выдвинутые им еще в 50-х годах прошлого столетия,

---

[1] К. Д. Ушинский, О камеральном образовании, стр. 49—50.
[2] Там же, стр. 93.
[3] Там же, стр. 21.

из которых видно, что Ушинский и здесь не изменяет прогрессивному направлению своего мировоззрения в целом. Имея в виду такой характер политико-экономических взглядов Ушинского, мы легко можем понять концепцию Ушинского по вопросу об экономическом развитии России.

В целях освещения этой концепции, имеющей решающее значение для понимания общественно-политической основы педагогической системы Ушинского, необходимо выяснить его отношение к так называемой крестьянской реформе 1861 года и его позицию в вопросе о путях капиталистического развития России.

Ушинский хорошо понимал, что крепостное право отжило свой век и что исторической необходимостью оно обречено на гибель. Не имея возможности прямо высказать свою мысль о приближении конца крепостнических отношений, Ушинский полунамеками в 1860 году писал: „К величайшему счастью, рабство было чуждо славянскому духу, прежде даже, чем он просветился евангелием; а теперь скоро и слабая тень его исчезнет“ [1].

Беспощадно высмеивая и осуждая дворян-крепостников за их жестокость, бездушие, за неискренность и лицемерие, Ушинский писал: „Во многих дворянских семействах, особенно в богатых, старались по возможности прикрыть крепостные отношения, но эта искусственная гуманность редко могла обмануть чуткость детской души“; [2] и, „если бы для наших дворян было дорого истинное, а не фальшивое воспитание детей, то нет таких пожертвований, на которые они должны бы были решиться, только бы отделаться от крепостного состояния“ [3].

Для полноты определения и правильной характеристики социально-экономических воззрений Ушинского весьма важное значение имеет выяснение его позиции в той борьбе, которая в 50-х годах имела место между славянофилами и так называемыми западниками по вопросу о капиталистическом пути развития России.

Как известно, славянофилы придерживались точки зрения отгораживания, изоляции России от европейского, т. е. капиталистического пути развития, что вовсе не являлось отражением интересов русского народа.

---

[1] К. Д. Ушинский, Соб. пед. соч., т. I, О нравст. элем. в русск. воспит., стр. 243.

[2] Там же, стр. 245.

[3] Там же, стр. 242.

Другие, так называемые западники, ранними представителями которых были Станкевич и Грановский, признавали необходимость развития России по европейскому, т. е. капиталистическому пути. Этого прогрессивно-буржуазного направления придерживался и Ушинский. Он еще в 50-х годах убедительно доказывал преимущества и необходимость этого пути для блага народа, для всей будущности России.

Ушинский правильно подметил, что для развития капитализма необходимым условием является наличие свободного рынка, свободной торговли, способствовавших беспрепятственному развитию производительных сил. Ленин, указывая на реакционность протекционизма и вскрывая значение свободной торговли для развития капитализма, писал: „Русские марксисты, подчеркивая прежде всего и сильнее всего, что вопрос о свободе торговли и протекционизме есть вопрос капиталистический, вопрос буржуазной политики, должны стоять за свободу торговли, так как в России с особенной силой сказывается реакционность протекционизма, задерживающего экономическое развитие страны“ [1]. И если в свете этих указаний Ленина проследим взгляды Ушинского о „свободном развитии экономического общества“, о „свободном развитии промышленности“, станет ясной прогрессивность этих взглядов не только для 50-х годов, когда Ушинский писал об этом, но и для более поздних этапов экономического развития России. Указывая на то, что помешать свободному развитию „экономического общества“, значит приносить вред народу, Ушинский писал: „Нельзя не видеть, что многие из обыкновенных запрещений и поощрений, которыми думают усилить и обеспечить народную промышленность, ведут только ко вреду ее, мешают ее развитию и вообще, служа пользе какого-нибудь отдельного класса или какой-нибудь отдельной промышленной отрасли, приносят более вреда, чем пользы целому ходу хозяйства“ [2]. Критикуя немецких камералистов, наука которых „вместо законов разума набита правилами домашней немецкой мудрости и благоразумнейшими немецкими хозяйственными опытами“, когда „такие шаткие, пустые философские основы, какие-то фразы без смысла, какие-то устарелые поговорки о человеке и его деятельности служат основанием камеральной энцикло-

[1] Ленин, Соч., т. I, стр. 305.
[2] К. Д. Ушинский, О камеральном образовании, стр. 99.

педии Баумштрака“ [1], Ушинский считал, необходимым „показать нелепость всего этого“ и этим способствовать свободному развитию хозяйства,—экономической жизни народа.

2. Социально-политические взгляды Ушинского

В понимании сущности социально-политических воззрений и убеждений Ушинского в историко-педагогической литературе, как в дореволюционной, так и нашего времени, определились разные подходы. Подавляющее большинство авторов правильно считает Ушинского представителем народа, хотя, часто, и не диференцируя и не конкретизируя этого понятия. Некоторые характеризуют Ушинского как либерала-примирителя. Есть и такие толкователи, которые спорят между собой о том, к какой части либерального дворянства—„мелкой“, „средней“ или „крупной“—следовало бы отнести Ушинского. Некоторые из этих толкователей впадают в другую крайность, объявляя Ушинского почти революционным демократом наравне с Герценом, Белинским, Добролюбовым, Чернышевским.

Были и такие факты на пройденных этапах нашей историко-педагогической науки, когда Ушинского считали за „реакционера“, но одновременно в его педагогическом учении находили „некоторые“ положительные черты. Они часто ссылаются на ту критику, которая имела место в отношении Ушинского со стороны самого прогрессивного печатного органа 60-х годов—журнала „Современник“. Мы имеем в виду статьи молодого, способного революционного демократа-публициста И. Пиотровского:[2] „Мотивы общественного воспитания по поводу педагогических статей г. Ушинского“, „Погоня за лучшим“, помещенные в журнале „Современник“ в 1861 году (№ № 5, 6, 10).

Не понимая цели этой критики, направленной не на обречение и общественную изоляцию Ушинского, а на изжитие и прео-

---

[1] К. Д. Ушинский, О камеральном образовании, стр. 18.

[2] И. А. Пиотровский (1841—1862) сотрудничал в журналах „Современник“, „Северная пчела“, „Библиотека для чтения“, „Русский педагвестник“ и др. Подавал большие надежды. Его высоко ценили Добролюбов и Чернышевский. Покончил самоубийством в результате гонений со стороны царского правительства и крайней материальной нужды (см А. Панаев, Мои воспоминания, стр. 412—415).

доление им отдельных неправильных социально-политических положений, эти толкователи Ушинского делали ложный вывод, что, якобы, „Современник" причислял Ушинского к враждебному „Современнику" лагерю, к лагерю реакционных деятелей.

Прежде всего следует признать не случайным, что в том же номере „Современника", в котором Ушинский был раскритикован Пиотровским, редакция свою передовую статью—„Внутреннее обозрение"—целиком посвящает вопросу об отношении журнала к общественным деятелям, в частности, к виднейшим педагогам. В этой статье „Современника", на примере оценки деятельности Н. И. Пирогова, полностью определена эта линия редакции. Давая высокую оценку Н. И. Пирогову, как „замечательной личности" и „истинному педагогу", „сумевшему сделать предмет воспитания предметом первостепенной важности", „уяснить его истинное значение и для воспитывающего юношества, и для общества" и т. д., „Современник" писал: „Вот они— скажут—"Современник"-то бранил, бранил Пирогова, теперь хвалить начал". Вскрывая подлинную причину такого отношения к Н. И. Пирогову, „Современник" отмечал: „Когда появился первый литературный труд Н. И. Пирогова, обличавший в нем самостоятельный взгляд на жизнь вообще и на дело воспитания в особенности—мы говорим о „Вопросах жизни"—мы отозвались об этом труде с горячим сочувствием и со всем уважением, какого он заслужил. Когда затем Н. И., сделавшись воспитателем, публично заявил, что в деле воспитания без розог совершенно обоитись невозможно и что, кроме того, необходим какой-то кодекс, точно определяющий наказания за каждый детский поступок,—мы, по крайнему нашему убеждению, не ожидавшие ничего, кроме вреда, от подобных приемов при воспитании, вооружились против них со всей энергией... Но, говорят—„вы резко пишете против лица почтенного, авторитета" ... Что делать, если мы думаем напротив, что тут-то и должен быть возвышен и усилен голос, где высказывает ошибку, делает промах, идет на ложную дорогу, талант, заслуга, слава? Для чего резкость против мнений и NN, и XX, и ZZ, когда мнения этих господ прямо из-под печатного станка идут в лету или вызывают только улыбку на устах читателей? А мнения Н. И. Пирогова—совсем другое дело. Мысль о том, что в деле воспитания без розги обоитись нельзя, высказанная таким знаменитым теоретиком и практиком в деле воспитания, как он,

сделалась бы аксиомой не для одной, может быть, тысячи педагогов, и без того поползновенных к употреблению,—и боже мой! сколько бы напрасно истреблено было отечественных лесов. Мы говорили напрасно потому, что недавно сам Н. И. сознался, что в деле воспитания можно обойтись и без розги... Поверьте нам, что если эти лица трудятся действительно ради добра и истины, если они уважают сами себя, то они с большим удовольствием прочтут наше смелое и горькое обличение, чем наши подобострастные похвалы. Наше смелое слово, наше обличение, если они справедливы, если по крайней мере искренни и могут указать им слабую сторону в деле, заставят обратить на нее внимание, во всяком случае не дадут ослабнуть их энергии, будут держать их в постоянном внимании к своему делу... Н. И., как человек, уважающий истину, не может не отдать нам чести за то, что мы высказали со всей откровенностью наше мнение о его воззрении, невзирая на лицо" [1].

Из этой длинной выписки из „Современника" легко можно заключить, что, „Современник", видевший в Ушинском виднейшего педагога-теоретика, пользующегося большим влиянием во всей России, не мог простить и ему таких отсталых взглядов в ранний период его деятельности, как, напр., признание им руководящей роли церкви в народном образовании, некоторую идеализацию патриархального быта в разработке вопросов нравственного воспитания и др., что и было резко и заслуженно раскритиковано в статьях И. Пиотровского.

Но эта резкая критика со стороны „Современника" проведена была в том же духе и с той же целью, как и критика в отношении взглядов Н. И. Пирогова. Она и достигла своей цели: принесла большую пользу для дела вообще и для дальнейшего развития социальных идей Ушинского. Можно сказать, что одной из основных причин того, что Ушинский резко изменил свои взгляды на роль церкви в народном образовании, что он совершенно иначе подошел к проблеме подготовки учителя для народной школы, изменил свои взгляды в понимании патриархальности и роли цивилизации в развитии нравственности общества и др.,—следует отнести за счет именно правдивой, прямой критики

[1] Журн. „Современник", Внутреннее обозрение, 1861 г., т. 87, июнь, стр. 368—376.

„Современника", хотя сам Ушинский этого, может быть, и не замечал.

Также несостоятельно причисление Ушинского к реакционным группам по той причине, что он ушел из „Современника" в тот период (1855 г.), когда в этом журнале начинает работать и руководить им великий революционный демократ Чернышевский. Разделяющие это мнение наивно верят и повторяют воспоминания редактора „Библиотеки для чтения" А. Страчевского, который с корыстной и, что самое главное, с определенной политически направленной целью писал в своих воспоминаниях о том, что, якобы, первыми словами Ушинского, с которыми он обратился к Страчевскому, были: „Я решил предложить вам свои услуги. Я работаю в „Современнике", но не сочувствую его направлению. Я среди редакции чужой" [1]. Оставив в стороне вопрос о том, насколько достоверны эти воспоминания Страчевского, который был, как справедливо отмечает известный биограф и знаток Ушинского В. Чернышев, „не всегда точный в своих показаниях и всегда почти неопределенный" [2], не принимая также во внимание его личных отношений с издателем журнала Панаевым и, отчасти, с Некрасовым, что не могло не сыграть некоторую роль в уходе Ушинского из „Современника", можно ли считать Ушинского противником, чуждым направлению „Современника"? Конечно, нет. Мы всегда должны иметь в виду, что Ушинский в своем мировоззрении объективно близко стоял к направлению „Современника". Не случайно, что Ушинский с большим уважением относился к Белинскому, как к крупнейшему мыслителю, гордился им, не говоря уже об его отношениях со своими непосредственными учителями—с Редкиным, памяти которого он посвятил свой капитальный труд „Человек как предмет воспитания", Грановским, которому преподнес с надписью первый свой научный труд „О камеральном образовании" и т. д. Вместе с тем нельзя упускать из виду и того положения, что Ушинский не поднялся до уровня радикально-демократического направления журнала.

Для того, чтобы иметь более или менее цельное представление о социально-политических взглядах Ушинского, прежде все-

---

[1] А. Страчевский, Мои воспоминания о К. Д. Ушинском, журн. „Народная школа", 1885 г., № 1, стр. 37.

[2] К. Д. Ушинский, Собрание педагогических сочинений, т. II, 1913 г., стр. 326.

го необходимо ответить на вопрос: каковы корни и источники социально-политических воззрений Ушинского?

Социально-политические взгляды Ушинского складывались под большим влиянием той среды, в которой он воспитывался. В этом смысле особое значение имели два фактора: Новгород-Северская гимназия и Московский университет.

Когда говорим о влиянии Новгород-Северской гимназии, в которой с 1833 по 1840 г. учился Ушинский, мы прежде всего должны иметь в виду то благотворное влияние, которое эта одна из самых старых (основана в 1789 году как главное народное училище) и передовых гимназий в России в тридцатых годах прошлого столетия имела в деле выработки в Ушинском таких высоких качеств его личности, как уважение к товарищам, любовь к труду и умение ценить чужой труд, правдивость, честность, принципиальность и т. д. Большую роль в этом направлении сыграл известный педагог-демократ проф. Илья Феодорович Тимковский, который с 1825 года по 1838 год был директором Новгород-Северской гимназии. Высокообразованный человек, ученый, автор многочисленных трудов в области законоведения (главная работа—„Система расположения законов России", за которую в 1802 г. получил в награду бриллиантовый перстень) и с большими дарованиями (за период своего учения в Московском университете—1789—1795 г.—получил 4 медали), И. Ф. Тимковский был прогрессистом, гуманистом-демократом, противником крепостного права, крупным общественным деятелем, принявшим активное участие в организации Киевского университета, как один из его основателей. И. Ф. Тимковский был чутким педагогом, педагогом-энтузиастом, уважающим личность ученика. При нем в гимназии был проведен в жизнь ряд преобразований: отменены телесные наказания, организованы детские ученические кружки. Занимаясь с учениками в этих кружках, он особое внимание уделял вопросу об общекультурном и нравственном воспитании и развитии учащихся, был убежденным сторонником реального образования и большое место отводил изучению явлений природы, подбирал самых лучших учителей, систематически вел работу с ними и т. д. В результате этого гимназия, наряду с высоким для того времени уровнем знаний, вырабатывала в учащихся демократические взгляды и убеждения. Эта гимназия, как указывает И. Шугуров[1],

[1] И. Шугуров, К 100-летию Новгород-Северской гимназии, „Киевская старина", 1888 г., № 9, стр. 71.

построенная на передовых принципах того времени, „выставила не мало работников на разных поприщах деятельности... первого ректора университета св. Владимира (Киевского университета—Д. Л.) М. Максимовича, бывшего попечителя Киевского округа П. А. Антоновича, братьев Андрея и Павла Парфен, известного педагога Ушинского, писателя П. А. Кулиша и др".

Сам Ушинский с глубочайшей признательностью и любовью отзывается о Новгород-Северской гимназии и дает высокую оценку ее работе, в особенности духу гуманизма, царившему в ней. Сравнивая с этой стороны Новгород-Северскую гимназию с другими гимназиями Российской империи, Ушинский заключал: „Познакомившись впоследствии ближе с настоящими учебными заведениями и в губерниях, и в столицах, встречаясь потом в жизни с воспитанниками самых разнообразных заведений и определяя характер общего типа данного им воспитанием, я убедился, что в Н-ской (Новгород-Северской—Д. Л.) гимназии 30-х годов было действительно много хорошего посреди немалого количества дурного" [1].

Вспоминая жизнь в гимназии, вспоминая как воспитывали в учащихся любовь к науке, к жизни, людям и, сравнивая воспитанников этой гимназии с другими, Ушинский с восторгом отмечает заслугу И. Ф. Тимковского в этом большом деле: „О! тогда я оценил по достоинству покойного Илью Федоровича, и наше уважение к одам Горация, и нашу любовь к учителю истории, и нашу гордость своими маленькими сведениями, и почтительный страх, который овладевал нами при слове: Университет!" [2]

Яркое представление о том, какое влияние оказывали на молодого Ушинского школьный коллектив, крестьянские семьи, дружба с детьми-бедняками и какие качества обнаруживал сам Ушинский в своих отношениях к ним, дают воспоминания М. Чалого—школьного товарища и друга Ушинского, впоследствии известного педагога и директора Киевской гимназии, автора исследования „100 лет Киевской гимназии". Ушинскому приходилось повседневно наблюдать крестьянский быт, вращаться в крестьянской среде. Исключительный интерес проявлял он к духовной жизни своих школьных товарищей-крестьян. Он часто шел в школу в группе крестьян-детей и с ними же вместе возвращался об-

[1] К. Д. Ушинский, Собр. неизд. соч. т. III, Материалы для биографии, стр. 9.
[2] Там же, стр. 10.

ратно домой. Это давало ему возможность еще в юношеские годы поглубже вникать в условия жизни крестьянина. На Ушинском тем легче отражалось влияние товарищей-крестьян, что в большинстве случаев это были люди старше его по возрасту и более зрелые по своему жизненному опыту.

М. Чалый, вспоминая о том, что „идучи в класс, Костя стал заходить за мной", отмечает, как Ушинский сравнивал жизнь своей семьи с бытом крестьянским, как глубоко вникал он в различные вопросы жизни, с каким уважением и симпатией говорил он о тяжелом крестьянском труде, презирая безделие и праздность. „Все, что он передавал мне об образе жизни своих родителей, родственников и знакомых отца,—писал Чалый,—для меня было совершенно ново: там, в этом недоступном для меня круге, все было так непохоже на бедную обстановку той среды, в которой протекало мое невеселое детство. Равным образом все, что сообщал Косте о себе, в такой-же степени интересовало его"[1].

Ушинский сочувствовал другу и товарищу по школе Чалому, как-бы через него пробивал путь к еще более глубокому пониманию интересующих его вопросов: почему один трудится и живет в бедноте, другой не трудится, а живет в богатстве. „Костя бывал у меня часто... дружба наша росла летами". Эта дружба была не только привязанность школьных товарищей—она была основана на глубоком уважении трудового крестьянства, его высоких качеств, что с такой силой, так ярко отмечено во всей жизни и деятельности Ушинского.

Уходя из Новгород-Северской гимназии в университет, Ушинский нес с собой правдивость и честность, скромность и гуманность и, наконец, нес сердцевину своей жизни—беззаветную любовь к народу и родной стране.

Московский университет, несмотря на все попытки царского правительства задушить науку и держать народ в темноте и невежестве, твердо шел вперед по пути развития отечественной науки.

В этот период большой известностью пользовались имена профессоров университета Грановского, Редкина и других, насаждавших новые идеи и взгляды на жизнь, на общество. Это была новая струя в ученом мире страны, оказавшая такое

[1] М. Чалый, Материалы для биографии К. Д. Ушинского, „Народная школа", 1874 г., № 4, стр. 46.

сильное влияние на формирование передовой русской общественной и научной мысли. В области юридических наук исключительно большой популярностью пользовался П. Г. Редкин, прозванный Герценом „радикальным юристом". Среди историков же ведущую роль играл Грановский, которого тот же Герцен считал „лучшим из молодых ученых того периода". Царское правительство всячески травило этих лучших сынов русского народа, добиваясь их удаления из университета. В годы усиления реакции царские палачи, напуганные революцией 1848 года, охватившей почти всю континентальную Западную Европу, еще больше усилили эту травлю прогрессивных ученых и под разными предлогами обрекали их на преждевременную смерть. „Наши профессора,—писал Герцен по случаю смерти Грановского,—привезли с собою... заветные мечты, горячую веру в науку и людей, они сохранили весь пыл юности и кафедры для них были святыми налоями, с которых они были призваны благовестить истину" [1].

Ушинский имел счастье быть не просто слушателем этих замечательных „молодых ученых"—Грановского и Редкина,—он был самым близким, самым лучшим их учеником. Грановский и Редкин по своим личным качествам во многом напоминали И. Ф. Тимковского. Будучи сами глубоко искренними, правдивыми, честными, справедливыми и гуманными, горячо любившими Родину, народ, труд, науку, они еще более укрепили в Ушинском высокие моральные качества, выработанные в нем в гимназические годы. Правда, Грановский и Редкин, так же, как и Ушинский, не были революционерами в полном значении этого слова, но их идеи во многом способствовали развитию прогрессивно-демократических взглядов в передовой части общества. Характеризуя личность Грановского с этой стороны, Герцен писал: „Его сила была не в смелом отрицании, а именно в положительно-нравственном влиянии, в безусловном доверии, которое он вселял, в художественности его натуры, покойной ровности его духа, в чистоте его характера и в постоянном и глубоком протесте против существующего порядка в России. Не только слово его действовало, и его молчание... мысль его, не имея права высказать, проступала так ярко в чертах его лица, что ее трудно

[1] А. И. Герцен, Полное собр. сочин., т. XIII, ч. IV, 1919 г., стр. 109.

было не прочесть, особенно в той стране, где узкое самовластье приучало догадываться и понимать затеянное слово"[1].

Вместе с тем, трудовая студенческая жизнь, пребывание в кругу передовых товарищей-студентов, практическая работа, как репетитора-педагога, чтение западно-европейской и отечественной художественной классической литературы, увлечение Пушкиным, Грибоедовым, Гоголем, Гёте и др., не только укрепляли положительное влияние университетских учителей, но и еще выше поднимали и углубляли демократизм в мировоззрении Ушинского. Его ближайший друг по университету Ю. Рехневский в своем некрологе, посвященном смерти Ушинского, отметив блестящие дарования покойного, дал яркую картину его жизни в студенческие годы и при этом, насколько это было возможно в те времена, достаточно много внимания уделил социально-политическим идеалам и убеждениям Ушинского: „Уже во время приемных экзаменов,—пишет Рехневский,—и первых лекций в университете все обратили внимание на Ушинского, тогда весьма молодого, почти мальчика, с черными выразительными глазами, с умным и чрезвычайно симпатичным лицом, которого живая и бойкая речь, с чуть заметным малороссийским акцентом, оригинальные и резкие суждения по поводу университетских лекций, тогдашних литературных и театральных явлений и всего того, что интересовало наш университетский мир, невольно возбуждали общее сочувствие, какое возбуждает всякий, выходящий из ряда обыкновенных, молодой человек"[2].

Вся история жизни и деятельности Ушинского за университетские годы ярко показывает, что он не только дышал воздухом учебным, не только показал себя как одаренный большим талантом студент, но и активно реагировал на все явления общественной жизни России того периода, подходя к этим явлениям критически, с определенной точки зрения. Ушинского весьма заинтересовала также и история общественного движения на западе. Он с исключительным увлечением изучал эпоху французской буржуазной революции 1789 года, „к героям которой имел особенное пристрастие"[3].

---

[1] А. И. Герцен, Полное собр. сочин., т. XIII, ч. IV, 1919 г., стр. 109.
[2] Ю. Рехневский, К. Д. Ушинский, некролог, „Вестник Европы" 1871 г., февр., т. 1, стр. 884.
[3] Там же, стр. 886.

О степени заинтересованности Ушинского социальными вопросами говорит и тот факт, что Ушинский сделался одним из самых видных членов того студенческого кружка, который под влиянием Белинского стал центром, душой и сердцем литературно-политического движения московского студенчества 40-х годов прошлого столетия.

У Ушинского актуальные социальные вопросы всегда стояли в центре внимания и „служили поводом к бесконечным спорам с товарищами“ [1]. Будучи горячим поборником свободы и „порицая Наполеона за его посягательство на политическую свободу, Вольтера же—за его вторжение в область свободы совести“ [2], Ушинский и в кружке, и в своем повседневном общении со студентами и профессорами всегда „шел прямым путем, не зная окольных дорог, добивался своих идей, настойчиво, со свойственной ему энергией и резкостью, не щадя чужого самолюбия и не отступая ни на шаг от своих убеждений“ [3]. Он сделался вскоре авторитетом для студенчества не только как талантливый и с большими познаниями студент, но и как носитель демократических идей и убеждений.

О демократизме Ушинского говорит и тот факт, что он, как видно из свидетельства об окончании университета, по всем дисциплинам имел отличные оценки [4], за исключением уголовного права. Главной причиной этого исключения является несоответствие взглядов и убеждений Ушинского с тем духом курса уголовного права, который ему преподавали. „Ненавистен был ему,—пишет Рехневский,—еще один профессор, которого теория уголовного права не отличалась гуманностью взглядов“ [5].

Ушинский был „отъявленным врагом всякой пошлости“ [6]. Он ненавидел и бичевал тех студентов, которые перед экзаменами

---

[1] Ю. Рехневский, К. Д. Ушинский, некролог, „Вестник Европы“ 1871 г., февр. т. 1, стр. 886.

[2] М. А. Песковский, К. Д. Ушинский, 1893 г., стр. 21.

[3] Ю. Рехневский, К. Д. Ушинский, некролог, „Вестн. Европы“ 1871 г., февр. т. 1, стр. 887.

[4] По всем 15 дисциплинам Ушинский получил 74 балла, из 75 возможных.

[5] Ю. Рехневский, некролог, „Вестник Европы“, 1871 г., февр. т. 1. стр. 884.

[6] Там же, стр. 887.

заискивали у профессоров, на лекциях принимали искусственную позу дельных людей, а на самом деле „вовсе не думали о науке". Ушинский резко выступал против своих товарищей-студентов, которые с неуважением относились к родному языку, к родной литературе, родному быту. „Студенты аристократы,—пишет Рехневский,—любившие пускать пыль в глаза французскими фразами, рысаками, франтовскими мундирами и всякими модными затеями, страшно боялись Ушинского, которого остроты попадали очень много"[1].

Ушинский, будучи по своим убеждениям демократом, находил полное духовное удовлетворение лишь в кругу студентов-бедняков. „Придерживаясь преимущественно бедной среды товарищей, как наиболее преданных интересам науки, он делился с ними не только своими знаниями, но и последним рублем"[2]. „Ушинский,—пишет Рехневский,—при возвращении (с каникулов—Д. Л.) обыкновенно привозил малороссийского сала, которое для нас служило важным подспорьем во время частых финансовых кризисов"[3]. Отмечая ряд таких моментов из студенческой жизни Ушинского, Рехневский заключает: „И в частном студенческом быту К. Д. Ушинский был совершенный студент-демократ, живший, что называется, душа на распашку и делившийся с товарищами последним рублем и последней трубкой табака"[4].

Ушинский всегда был готов помочь своим товарищам и в учебе. Ю. Рехневский вспоминает: „Ушинский с необыкновенной легкостью и быстротою усвоил себе самые трудные философские и юридические теории, относясь к ним всегда критически. Нередко случалось, что после выслушивания лекций, в которой нам передавалась какая-либо мудреная теория (например, теория владения по римскому праву и разъяснение немецких юристов, или Нибуровские идеи о древней римской истории), слушатели, плохо поняв суть дела, обращались к Ушинскому"[5].

---

[1] Рехневский, К. Д. Ушинский, некролог, „Вестник Европы", 1871 г., февр., т. 1, стр. 887.

[2] М. А. Песковский, К. Д. Ушинский, стр. 21.

[3] Ю. Рехневский, К. Д. Ушинский, некролог, „Вестник Европы" 1871 г., февр., т. I, стр. 887.

[4] Там же, стр. 887.

[5] Там же, стр. 886.

В 1844 году К. Д. Ушинский кончает Московский университет с высокой оценкой и лучшими отзывами не только со стороны своих учителей—Редкина и Грановского, но и всего профессорского состава. Постановлением Совета университета от 8 июня 1844 года Ушинскому было присуждено ученое звание кандидата юридических наук.

Горячий патриот, беззаветно преданный своей родине и непоколебимо веривший в светлое будущее России, в творческие силы русского народа и русской науки, готовый отдать все свои силы делу служения народу—таким вступал в жизнь Ушинский как ученый, педагог, общественник. „Приготовлять умы! Рассеять идеи!... Вот наше назначение",—таков был боевой призыв Ушинского к самому себе. Он хорошо понимал, что перед ним—тяжелый путь борьбы с насилием и невежеством. Но это не страшило его, ибо он верил в жизненные силы народа, в его окончательную победу, верил, что „будет построено чудное здание, которому внуки наши дадут свое имя" [1]. „Мы живем не в те годы,—записал Ушинский в своем дневнике,—чтобы могли действовать сами. Отбросим эгоизм, будем трудиться для потомства! Как отцы, отдадим себя трудам и страданиям, бесплодным для нас, плодовитым для детей наших. Соберем неиссякаемые сокровища, которые пусть расточат наследники наши. Рано еще действовать! Пробудим требования, укажем разумную цель, откроем средства, расшевелим энергию,—дела появятся сами... не будем спешить, побуждаемые эгоистическою жаждою вкусить от плодов дел наших! Тихо, покорно будем нести гнет, от которого избавим наших потомков. Предупредим бедствия перелома. Будем трудиться над постройкой чудного здания, которому внуки наши дадут свое имя, истинных творцов которого никто и никогда не узнает. Пренебрегая насмешками, вытерпевая гонения, жертвуя всем: счастьем забытья (в котором теперь так немногие живут), наслаждением семейства, почестей, славы, богатства,—не убегая туда, где живут счастливые,—отказавшись совершенно от самого себя,—работаем для потомства!" [2]. В этих высказываниях, в этой программного значения записи как в зеркале отражается как положительное, прогрессивное в общественно-политических взглядах и убеждениях

[1] К. Д. Ушинский, Собр. неизд. соч., т. III, Материалы для биографии, стр. 17.

[2] Там же стр. 17.

Ушинского, так и некоторая отсталость и историческая ограниченность.

Приняв решение—всегда быть на страже интересов народа, самоотверженно бороться за дело освобождения его от притеснений, нужды и невежества, жертвовать этому великому делу „всем счастьем забытья, наслаждением семейства, почестей, славы, богатства, не предаваться соблазнам и не убегать туда, где живут счастливые", трудиться для потомства, трудиться „над постройкой чудного здания, которому внуки наши дадут свое имя", „пробудить требования и разумную цель к жизни, расшевелить энергию, открыть средства и этим самым приблизить дела", Ушинский до конца твердо стоял на посту служения интересам родины.

Он никогда ни отступал от своих позиций, переносил мужественно все невзгоды и гонения и до конца своей жизни искренно служил делу построения „нового здания потомков отечества". Этими высокими идеями честного служения родной стране и согреты социально-политические взгляды Ушинского. Линия демократизма в его учении не только никогда не охлаждалась, а все более и более усиливалась и укреплялась. В этом деле не малую роль сыграли как условия его жизни и деятельности, так и журналы „Современник" и „Колокол".

Рассмотрев в общих чертах генезис социально-политических взглядов Ушинского и проследив процесс их формирования, теперь нам легче будет понять сущность его общественно-политических взглядов.

С самого же начала своей общественно-педагогической деятельности Ушинский предметом особого наблюдения и научного изучения избрал экономическое, правовое и культурное положение крестьянства. Еще в студенческие годы ему, как студенту юридического факультета, приходилось заниматься вопросами, связанными с жизнью крестьянства, позднее же, в годы научно-педагогической деятельности, крестьянский вопрос был для него одним из ведущих вопросов.

В 50-х годах Ушинский получает долгосрочную командировку в Черниговскую губернию, что дает ему возможность еще глубже вникнуть в крестьянскую жизнь. Так, в своем титулярном листке он указывает, что „был командирован в Черниговскую губ. 1851 г. июля 11 дня и, окончив с успехом поручение, возвратился из командировки 17 апреля 1852 года" [1].

[1] Ц. Г. Архив ВПК и Б, СССР, канц. IV, отд. III эксп., 1862 г., № 9 4731, л. л. 5—12.

В повести „Поездки на Волхов“ [1] Ушинский дает глубокую характеристику крестьянина накануне 60-годов. И в дальнейшем, в особенности в период составления своих учебников, он всегда наблюдал жизнь крестьянства, его быт в широком смысле этого слова.

Поэтому, говоря о социально-политических взглядах Ушинского, всегда следует рассматривать эти взгляды с точки зрения их развития в связи с развитием жизни крестьян в России, жизни народа в целом и условий, в которых это развитие происходило.

Ушинский хорошо понимал, что крепостное право это не только экономическое и правовое угнетение широких масс общества, но и убийственно действующие отношения на человека, на народ. „Нравственность и свобода—два такие явления,—писал Ушинский,—которые необходимо обусловливают друг друга и одно без другого существовать не может, потому что нравственно только то действие, которое проистекает из моего свободного решения... все, что делается не свободно, под влиянием чужой воли, под влиянием ли страха, под влиянием ли животной страсти, есть если не безнравственное, то по крайней мере не нравственное действие; отсюда человеческое хозяйство может иметь успехи лишь при условии, если оно основано на свободном труде, на истинном труде... Труд же вынужденный, на пользу другому, разрушает человеческую личность того, кто трудится или, вернее, работает“ [2]. Так смело и открыто в своих литературных произведениях и на страницах своих учебников Ушинский ратовал за уничтожение крепостного права или, как он говорил, за „гражданское общество“. Еще в 1846 году Ушинский в своих лекциях указывал, что гражданское право должно „вполне определить, укрепить и постоянно сохранить исключительную личность человеческую“ [3].

Имея ввиду такие взгляды и убеждения Ушинского по вопросу об уничтожении крепостного права, становится понятным, почему так радостно, как-бы с детской искренностью, встретил Ушинский так называемый „манифест освобождения крестьян“ 1861 года. Эти взгляды, выраженные Ушинским в своей статье—„5-ое марта 1861 года“, указывают на его веру в справедливость „царя-освободителя“. Но вскоре его радостный порыв, его оптимистическое настроение сменились глубоким разочарованием, когда

---

[1] „Современник“, 1852 г. № 9.

[2] К. Д. Ушинский, Собр. пед. соч, т. I, Труд в его псих. и воспзначении, стр. 46.

[3] К. Д. Ушинский, Собр. неизд. пед. соч., т. III, мат. к биогр., стр. 63.

он увидел в этой реформе „сверху" обман народа. Главное, что не удовлетворяло Ушинского, это то, что крестьяне не получили землю и они не могли создать свое собственное хозяйство, т. е. мелкое фермерское хозяйство. Это требование Ушинского вполне созвучно с его концепцией о капиталистическом пути развития России.

Ушинский считал, что благоденствие России заключается в ее беспрепятственном экономическом развитии. Он открыто говорил о том, что царизм мешает развитию народного хозяйства по новому пути, не отражает требований и интересов народа и тянет назад все государство. В своих письмах о воспитании русского наследника Ушинский писал: „Благоденствие России, а, следовательно, и счастье ее монарха, заключается не в остановке развития,... а в самостоятельном развитии государственного народного организма, вытекающем из сознания действительных народных потребностей" [1]. Ушинский не только отмечал бедственное положение крестьянства, но все эти бедствия и несчастья ставил в вину царскому правительству и помещикам. Выступая в защиту свободы личности и в хозяйстве, и в области юридических прав, Ушинский требовал изучения материальных и духовных запросов народа, их социально-экономических и культурно-просветительных целей и, сообразно с этим, создания „высшего человеческого общества-государства".

Ушинский требовал участия народа в политической жизни государства: „Если принцип, развиваемый обществом, действительно развивается свободно в данной форме, то эта форма хороша для вещи. Изучать отношения членов общественного организма, изучать связь формы с содержанием, вот задача общественного права, а не построение производственных теорий и не резонерство, основанное на шатких понятиях о каком-то общем совершенстве и какой-то общей справедливости. В общественное право, как я понимаю, должны войти не только одни правительственные места и лица, но все то, в чем выразилась общественная жизнь народа, и что в то же время выразилось в обществе как жизнь народа и что в то же время достигло высоты права, в письменных законах или на факте. Следовательно, здесь должны быть изложены, кроме органов верховной власти, также общества, ко-

[1] К. Д. Ушинский, Собр. неизд. соч., т. III, Материалы для биографии, стр. 134.

торые мы называем сословными,—общества городские, сельские и так далее, и должны войти не одним остовом своим, но и самой жизнью, так, чтобы в этой науке выражены были отношения этих общественных кругов, не только выраженные в законе, но и существующие фактически"[1].

Осуждая царское правительство и самого царя в злоупотреблении властью, с целью защиты интересов и прав народа в целом и каждого отдельного человека, Ушинский писал: „Законодатель должен всегда помнить, что закон не есть выражение его произвола, но выражение исторической необходимости общества"[2], что „почти каждый закон гражданский и даже уголовный, а тем более каждая политическая мера производит неотразимое влияние на народное хозяйство, неотразимое уже потому, что закон есть высшая сила в обществе. Закон этот, падая в известный народ, в известную сферу хозяйственной деятельности, должен произвести и известное влияние на эту деятельность". Ушинский считает совершенно недопустимым „издать такой закон или предпринять такую меру, не рассчитавши вперед всех последствий"[3].

В вопросе о форме государственного правления Ушинский не обнаруживает твердых убеждений, будучи непоследовательным в своих взглядах. С одной стороны, он допускает возможность существования монархии, с другой стороны, не возражает и против республиканского строя,—и, ссылаясь на пример Америки, считает, что обширность территории не может служить препятствием для установления республиканской формы правления.

В своих письмах „О воспитании русского наследника" Ушинский выдвигает ряд таких положений, которые характеризуют его как противника абсолютного монархизма. Он пишет: „Пусть он вынесет (речь идет о наследнике царя—Д. Л.) из изучения политических наук глубокое убеждение на всю жизнь, что слова неограниченная монархия означают только то, что верховная власть, существующая и в республиках, сосредоточивается в неограниченной монархии на одном лице, но вовсе не означает того, что неограниченный монарх может делать что ему угодно"[4]... „Монарх

---

[1] К. Д. Ушинский, О камеральном образовании, стр. 68.

[2] К. Д. Ушинский, Собрание неизданных сочинений, т. III, Материалы для биографии, стр. 156.

[3] К. Д. Ушинский, О камеральном образовании, стр. 100.

[4] К. Д. Ушинский, Собр. неизд. соч., т. III, Материалы для биографии, стр. 155.

может быть и не быть полководцем, но политиком, законодателем, верховным правителем и верховным судьей он не может не быть по самому сану своему“ [1]... „Из такого понятия правительства выходит, что все его действия должны быть сообразны с законами развития данного общества или, лучше сказать, совершаться по ним, как в сфере гражданской все решения судьи и действия лиц должны быть сообразны с законами гражданскими—с правом, в тесном смысле этого слова“ [2]. „...политические убеждения монарха не должны быть эгоистичны, потому что они должны сделаться убеждениями лучших людей государства, а эгоистические убеждения не передаются другим. Требуя от подданных бескорыстного служения отечеству, монарх должен подать собою пример такого служения, тогда только требование его найдет отголосок в сердцах подданных. Так называемые династические интересы не могут привлечь ни одного искреннего сердца и тем более соблюдаются, чем менее заботится о них правительство и чем более забывает оно их для пользы государства“ [3].

Указывая на то, что „возможно полная гармония государственной и народной жизни составляет крепость государства“, Ушинский требует, чтобы законы и права личности охранялись самим народом. „Все учреждения, а, следовательно, и полицейские, должны быть народными и по их направлению и по их форме“ [4],— писал он.

„Любимой фразою покойного Ушинского было,—писал И. Чечет в своем некрологе об Ушинском, помещенном в „Одесском вестнике“,—„я делаю дело для дела, тружусь для труда“ [5]. Он жестоко осуждал всех, кто присваивал чужой труд. Отмечая, что „возможность труда и любовь к нему лучшее наследство, которое может оставить своим детям и бедный ,и богач“ [6] и что „труд только и может быть свободный ,..труд же вынужденный, на пользу другому, разрушает человеческую личность того, кто тру-

[1] К. Д. Ушинский, Собр. неизд. соч., т. III, Материалы для биографии, стр. 139.

[2] Там же, стр. 70.

[3] Там же, стр. 154—155.

[4] Там же, стр. 46.

[5] Газ. „Одесский вестник“, 1871 г., № 6, стр. 18.

[6] К. Д. Ушинский, Собр. пед. соч., т. I, Труд в его психич. и воспит. знач., стр. 165.

дится“ [1], Ушинский писал: „Машина и животное работают; работает и негр, боящийся только плети надсмотрщика и не ожидающий для себя никакой пользы из своей работы... Не трудится капиталист, придумывающий только как бы прожить доход с своего капитала. Купец, надувающий покупателя, чиновник, набивающий карман чужими деньгами, шулер, в поте лица, подделывающий карты,—плутуют. „Богач... не трудится, и его деятельность, как бы она тяжела для него ни была, нельзя назвать трудом“ [2]. Ушинский считал позором для общества, когда оно терпит существование этих плутов и шулеров. Он писал: „Труд должен быть поставлен во главе двух других содеятелей человеческого богатства, природы и капитала“ [3].

Правда, Ушинский так и не понял до конца глубоких процессов социальной диференциации, вызванных развитием капиталистического способа производства, но отдельные, характерные для данного развития условия им были подмечены весьма удачно и правильно. „В этом обществе,—писал Ушинский в 1848 году,—чем ближе люди по своим занятиям, тем они дальше, и чем дальше, тем они ближе. Интересы двух фабрикантов одних и тех же материй, живших в одном и том же городе, противоположны, а интересы русского фабриканта с интересами того индейского производителя, который доставляет ему краску, одни и те же. Этот фабрикант, желая чтобы фабрика его соперника подорвалась, желает в то же время, чтобы дела индейского производителя шли как можно лучше... ремесленники одного города смотрят враждебно друг на друга, но между тем единство их занятий соединяет их в одно сословие“ [4].

Замечательны высказывания Ушинского относительно того, какое влияние оказывает развитие капитализма на отдельные стороны общественной жизни. Он пишет: „Роскошь, которая в последнее время так быстро начала распространяться между всеми сословиями... развивает фабрики, фабрики развивают роскошь; капиталист сколачивает новые капиталы; но капиталист бьется из всех сил и лезет в долги, чтобы не отстать в роскоши

[1] К. Д. Ушинский, Собр. пед. соч., т. I, Труд в его психическом и воспит. значении, стр. 165.

[2] Там же, стр. 116.

[3] Там же, стр. 141.

[4] К. Д. Ушинский, О камеральном образовании, стр. 43.

от капиталиста; человек вертится на своем бархатном кресле, придумывая как бы добыть бархатные драпри; потребность бо́льших и бо́льших капиталов для всякого самостоятельного производства увеличивается; число самостоятельных производств уменьшается; одна громадная фабрика поглощает тысячи маленьких и превращает самостоятельных хозяев в поденщиков; один дуреет от жиру, другой дичает от нищеты; одного губит богатство, другого крайняя бедность превращает в машину; тот и другой приближаетоя к состоянию животному; а новые потребности, создаваемые ежеминутно промышленностью, увеличивают число недовольных жизнью. Таким путем идет экономическое развитие общества, не опирающееся на духовном и нравственном развитии его содержания и формы"[1].

Хотя для Ушинского было ясно, что развитие капиталистического хозяйства вызывает разорение крестьянских масс, он все же не отрицал, как это было уже отмечено, прогрессивного значения капитализма для России. Защищая принцип капиталистического развития, Ушинский звал родину итти вперед. „Итти вперед необходимо,—писал Ушинский,—необходимо не только потому, что ход назад государственного организма есть разрушение, но и потому, что позади в истории России нет ничего, к чему желательно было бы воротиться"[2].

Одновременно, Ушинский требовал коренного улучшения положения трудящихся масс: „Народ наш,—пишет он,—находится на крайней степени невежества, и его обработка земли... остается в том же первобытном положении, в котором находилась она, может быть, до татарского нашествия. Ясно, что такое положение долго протянуться не может, потому что с каждым годом оно становится все неестественнее и напряженнее"[3]. Но Ушинский не понимал, что единственный путь коренного улучшения положения народа—есть путь революционный. Именно в этом непонимании и следует искать основную причину расхождения Ушинского в таком важном вопросе с великими русскими революционными демократами-шестидесятниками.

---

[1] К. Д. Ушинский, Соб. пед. соч., том I, Труд в его психическом и воспитательном значении, стр. 157—158.

[2] К. Д. Ушинский, Собр. неизд. соч., Мат. для биог., стр. 133—134.

[3] К. Д. Ушинский, Собр. пед. соч., т. I, Общ. взгл. на возник. нашар. шк., стр. 526.

С исключительной силой и беспощадностью ополчался Ушинский против просветительной политики царского правительства, разоблачая антинародный, крепостнический характер проводимых им в этом направлении мероприятий. В этой просветительной политике Ушинский видел не „просвещение" народа, не „прогресс", а „ход назад", когда „граф Толстой тяжестью двух министерств давит народное образование"[1]. Отсюда становится понятным его настойчивое требование передать дело народного образования самому народу, так как „все прежние попытки ввести школьное образование сверху (курсив Ушинского—Д. Л.) и не нашедшие себе никакого отзыва в народе, можно, кажется, считать окончательно неудавшимися и даже не оставившими по себе никаких прочных следов"[2].

Ушинский неоднократно указывал на необходимость самостоятельного развития русской общественной жизни. „Те, которые хотят все переделать у нас по общественной форме запада и те, которые бы хотели воротить нас в общинно-родовое устройство, хотят разрушить самостоятельность русской жизни, уничтожить нас как народ, отняв у нас наш отличительный тип, вырвать идею из нашей жизни, разрушив великую цель в истории. В этом соединении еще пока скрывается идея назначения нашего государства; по крайней мере, то верно, что это соединение дает нам самостоятельный тип, делает самостоятельным в кругу других, а без этой самобытности нет для народа жизни в истории"[3]. „...Пока Россия не будет самобытным государством, до тех пор она и все славянские племена будут жертвой западных государств"[4],— писал Ушинский с глубокой проницательностью о роли России в деле освобождения братских славянских народов от немецкого засилия.

Беззаветно преданный интересам трудового народа, Ушинский всегда с большой любовью отзывался на его нужды и страдания. Он первый поднял вопрос об организации широкой помощи крестьянству, пострадавшему в голодный 1868 год. В своем пись-

---

[1] Письмо Ушинского к Н. А. Корфу, М. А. Песковский, Барон Николай Корф в письмах к нему разных лиц, СПБ, 1895 г.

[2] К. Д. Ушинский, Общ. взгляд на возникн. наших народных школ, журн. „Народная школа", 1870 г., № 5.

[3] К. Д. Ушинский, Собр. неизд. соч., т. III, Матер. для биог., стр. 121.

[4] К. Д. Ушинский, Из письма к Л. Н. Модзалевскому, 1863 г. „Русская школа" (К биог. Ушинского), 1893 г., № 7, стр. 57—81.

ме „Голод в России", помещенном в газете „Голос", Ушинский с глубоко патриотическим, волнующим призывом обращается ко всему русскому народу, ко всем газетам, к каждому русскому человеку притти на помощь населению Архангельской губернии и спасти его от голода. Вместе с тем Ушинский, с присущим ему благородным чувством национальной гордости, разоблачал газету „Биржевые ведомости", которая оповестила петербургское общество об организации в клубе немецкого танцовального общества лотереи в пользу пострадавших от голода. „Спасибо добрым немцам!—с иронией пишет Ушинский,—„Биржевые ведомости", объявляя эту весть, надеются, что русское общество не останется равнодушным к этому предприятию, но что же делать тем русским, которые не ходят в немецкое танцовальное общество и вообще не желают никаких аллегри, танцев и пения по поводу голода?"[1] Ушинский призывал петербургские газеты создать временное петербургское общество по организации помощи. „Денег писал он, у петербургского общества довольно. Посмотрите на наши театры, с раннего утра окруженные толпами людей... и вы убедитесь, что петербургская публика имеет средства прокормить до весны тысячи людей"[2]. В результате выступления Ушинского, как известно, голодающая область страны получила значительную поддержку со стороны не только Петербурга, но и других городов России.

Ушинский, горячо сочувствуя людям в их горе и несчастьи, оказывал им посильную помощь, и в этом видел он свое назначение. Об этих замечательных чертах Ушинского, как человека в высшей степени гуманного, отзывчивого, писал один из его ближайших друзей и сослуживцев по Смольному институту Я. П. Пугачевский. „Человек этот,—писал он,—был с теплою душою и горячо сочувствовал горю и несчастью ближнего. Он с наслаждением делал благодеяния, где только мог, и в то же время скрывал свою личность, как благодетеля. Он платил за воспитание нескольких сирот в общественное учебное заведение, но так, что ни сами сироты, ни их матери не знали, кто за них платит. Он поручал мне вносить деньги от имени неизвестного жертвователя. Бедных родных своих он никогда не оставлял без помощи"[3].

---

[1] К. Д. Ушинский, „Голод в России", газ. „Голос", 1868 г., № 17.
[2] Там же.
[3] „Русская школа", 1912 г., № 3, приводится из статьи В. И. Чернышева.

Для полноты характеристики социально-политических взглядов и убеждений Ушинского необходимо учесть тот протест против существующего строя и порядков, который отражен в его письмах, к своим ближайшим друзьям, а также—в записях и дневниках.

Ушинский еще в 1849 г., убедившись на своем личном примере в преследовании царизмом всякого проявления свободы и свободной мысли даже в научной сфере, выразившемся в изгнании его из лицея, как неблагонадежного „молодого" профессора, в своем дневнике записал: „Небольшой толчок судьбы разбил все мои предположения, весь тот мир, который так долго во мне строился. И если я не вооружусь твердою волею, то погибну посреди этих обломков, сделаюсь п у с т ы м человеком... Тяжело бороться одному против усыпления, заливающего со всех сторон" (20.XII.1849 г.). И далее: „Как неестественна наша жизнь! Это какая-то сеть, сплетенная из самых ничтожных нитей, но способная задушить льва. Много ли я прошу у тебя судьба? Самый маленький уголок под ясным небом, посреди благоухающих полей, тенистых рощ, умеренный труд и забытье, забвение всех и от всех... Неужели мне придется погибнуть в этой тюрьме... в которой нет даже стены, чтобы разбить себе голову? Почему тебе хочется меня испортить, загрязнить, истоптать и тогда уже бросить в землю? О, неужели же целый век этих глупых, бесцельных, ребяческих забот?!.. Я не хочу ничего, я не хочу никуда, куда ты толкаешь меня, о, нищета проклятая!.. Чиновничий пролетариат—едва ли не самый грустный, самый тяжелый пролетариат в мире—самый убийственный... Душа отравляется мало-помалу, жизнь истощается с болью и по каплям... И много нужно времени, пока перестанешь презирать свою жизнь, пока сойдешь с ума или помиришься с нею!.." [1]

Оценив царскую Россию, как „тюрьму", Ушинский никогда не изменял этого своего отношения к существующим порядкам. В 1862 г., т. е. через год после так называемого „великого освобождения", в письме к своему другу, первому русскому ученому в области тифлопедагогики, доктору медицины А. И. Скребицкому [2] Ушинский пишет: „Из России получаю часто письма и

[1] Собр. неизд. соч., т. III, Мат. для биогр., стр. 49.

[2] А. И. С к р е б и ц к и й (1827—1915) является автором труда „Признание воспитания и образования слепых на западе". Ему же принадлежит труд: „Крестьянский вопрос в царствование Александра II".

все самые печальные, графа Толстого, известного тебе писателя, который живет у себя в деревне, держит школу и издает педагогический листок, схватили и привезли в Москву и, продержав неделю, обыскали и отпустили, ничего не отыскав. Семевского—исторического писателя (ученик и друг Ушинского, работал по приглашению Ушинского учителем истории в Смольном институте и снят с должности почти одновременно с Ушинским—Д. Л.) тоже взяли при возвращении его в Петербург, обыскали, ничего не нашли и отпустили, но тем не менее не дали места, на которое был уже назначен. Что сделали с писателями, которых взяли при их возвращении из-заграницы, не знаю, но вероятно тоже подержат и отпустят. Все это показывает, что правительство решительно не понимает своего положения и, как глупая старуха, боится домовых и привидений"[1].

Указывая на преследования царизмом свободы слова и предупреждая о необходимости быть предусмотрительным в своих разговорах с людьми, Ушинский писал своему другу М. И. Семевскому, затравленному царским правительством: „Извините за откровенность, что вы вовсе не бережетесь не столько в трудах, сколько в дружеских беседах, а вам должно быть крайне, крайне осторожным"[2]. Это письмо знаменательно особенно потому, что оно показывает, насколько осторожным и предупредительным в словах принужден был быть и сам Ушинский.

Хорошо понимая, что уход Н. И. Пирогова с должности попечителя Киевского учебного округа есть результат гонений со стороны царизма, Ушинский в письме к Л. Н. Модзалевскому писал: „... Я узнал много любопытного о Киевском учебном округе. Да, не весела вообще теперь участь истинных педагогов не чиновников. Что положение министра шаткое,—это не трудно видеть... Безидейные чиновники—самый вредный народ"[3]. Обвиняя министерство народного просвещения в безделии и незаинтересованности делом народного образования, в своем письме к тому же Л. Н. Модзалевскому Ушинский отмечал: „Министру, кажется, мало дела до пользы дела".

---

[1] Архив Московского гос. литературного музея, фонд В. И. Чернышева.

[2] В. В. Тимощук, М. И. Семевский, биография, 1895 г., письмо 38-ое.

[3] К. Д. Ушинский, Письма к сослуживцам, „Русская школа", 1893 г., №№ 7—8, письмо 12-е, 9.XII.1863 г.

В своих письмах к близким друзьям Ушинский, выражая свое отношение к царизму, вселял в них бодрость и желал им принести гораздо больше пользы отечеству, чем сам он принес. В полной мере свое отношение к существующему строю Ушинский выразил в письме к Н. А. Корфу, написанном незадолго до смерти. „Дай бог вам принести гораздо больше пользы, не только более того, что я принес, но даже более, чем я мог бы принести, под другим небом, при других людях и при другой обстановке!"

Таким образом, оценивая основные общественно-политические взгляды Ушинского; следует признать, что Ушинский был прогрессистом-демократом, пламенным патриотом своей родины. Все это дает нам основание считать вполне применимым к Ушинскому слова Герцена, сказанные им относительно Грановского: „Его сила была не в самом отрицании, а в постоянном, глубоком протесте против существующего порядка"[1].

3. Отношение царского правительства к Ушинскому

Для того, чтобы иметь полное представление об общественно-политических взглядах и убеждениях Ушинского в целом, немаловажное значение имеет выяснение вопроса о том, каково было отношение царского правительства к Ушинскому, считало ли оно его своим, надежным или чужим для царизма человеком.

В отношениях царского правительства к Ушинскому можно проследить два периода. Первый период охватывает время работы Ушинского в Ярославском Демидовском лицее, его снятия с этого лицея и поисков места сельского учителя, поступления на должность помощника столоначальника в Департамент духовных дел инославных исповеданий и снятия с этой должности, а также период его работы в Гатчинском сиротском институте в должности учителя, а затем инспектора классов. Второй период охватывает время работы Ушинского в Смольном институте, уход из этого института и период нахождения его в заграничной командировке.

События в жизни Ушинского за эти два периода дают нам возможность внести полную ясность в разрешение интересующего нас вопроса. Не вдаваясь в детальное рассмотрение и подробное описание деятельности Ушинского в означенные периоды его жиз-

[1] А. И. Герцен, Полн. собр. соч., т. XIII, ч. IV, 1919 т., стр. 109.

ни, остановимся на вопросе, как реагировало и как расценивало царское правительство эту деятельность Ушинского.

Профессорская деятельность Ушинского в Ярославском Демидовском лицее, „эта молодая пора жизни великого педагога“ [1] совпала с периодом усиления николаевской реакции, охватившей и область научной мысли в России. Это была пора, когда министр народного просвещения Уваров, который „и мертвому Пушкину не мог „простить“ выздоровления Лукулла“ [2], проводил политику подчинения научной мысли принципу „самодержавия, православия и народности“, душил всякое проявление новых идей, в особенности в науках общественных. Эта политика преследования всякого проявления нового еще более усилилась с 1848 года. Царское правительство не щадило сил, чтобы предупредить распространение влияния революции на западе не только в области социально-политической жизни страны, но и в науке. Эта политика давления на науку нашла свое полное отражение и в жизни Демидовского лицея, так как это было высшее учебное заведение, где преподавались науки актуального политического характера.

Еще в 1835 году, по так называемому уваровско-университетскому уставу, Демидовский лицей лишился и той призрачной самостоятельности, которой он пользовался, когда находился в ведении Московского университета. Этот устав усилил власть попечителя учебного округа над всей жизнью лицея. 31 мая 1847 года, как указывает проф. А. В. Никитенко, „состоялось чрезвычайное собрание Совета университета под председательством попечителя (Мусина-Пушкина). На Совет был приглашен и директор педагогического института Давыдов. Читали предписание министра Уварова, составленное по высочайшей воле, где объяснялось, как понимать народность“... „народность состоит в беспредельной преданности и повиновении самодержавию“,—так объяснялось в предписании... Краевский получил благодарность за эту линию своего журнала „Отечественные записки“ от III отделения“ [3].

В 1848 году был установлен полицейский надзор над профессурой. От каждого профессора-преподавателя требовалось пред-

---

[1] С. Покровский, Страница из профессорской деятельности К. Д. Ушинского в Демидовском лицее, „Вестник воспитания“, 1911 г., № 9.

[2] Проф. А. В. Никитенко, Моя повесть о себе самом и о том, чему свидетель в жизни был, т. 1, стр. 284.

[3] Там же, стр. 373.

ставление не только развернутого конспекта лекций (этот порядок был введен по уставу лицея 1845 г.), но и указание цитат авторов, подлежащих использованию в лекциях. Еще в 40-х годах в Демидовский лицей, в котором с самого основания главным образом преподавались юридические науки, ведущую роль стали отводить камеральным наукам, а с начала 1849 года был изъят ряд таких наук, как, например, право и др., чтобы они „никакого применения не могли бы найти место в умах молодых людей“ [1].

По уставу 22 ноября 1845 года, утвержденному для Демидовского лицея, основной его задачей, вместо распространения знаний в области права, стало „расположение основательных сведений по части камеральных наук в связи с отечественным законоведением“.

Вступив в должность и. о. профессора кафедры энциклопедии законоведения, государственного права и законов казенного управления и финансов [2], Ушинский начал читать курс энциклопедии законоведения. Но он сразу почувствовал тяжелые, совершенно неприемлемые условия для научного построения курса. И уже 3-го сентября 1846 года, как только он приступил к исполнению своих обязанностей, представил Совету лицея обстоятельный письменный доклад, в котором подверг строгой критике существовавшую систему расположения курса науки и доказывал невозможность получения студентами последовательных знаний при этой системе. Он предлагал установить в преподавании научных дисциплин последовательность как в самих научных дисциплинах, так и соблюдение определенной преемственности в распределении наук, обеспечивающих овладение студентами знаний в области юридических дисциплин. В этом докладе, наряду с обоснованными с педагогической точки зрения требованиями, Ушинский развивает новые идеи относительно содержания и назначения этих наук. „Преподавание энциклопедии законоведения на втором отделении Демидовского лицея,—писал Ушинский в своем докладе,—совместно с преподаванием на том же отделении частных юридических наук, каковы науки государственного, гражданского и уголовного права (как назначено это было до моего вступления на службу), я по-

[1] Из доклада Ширинского-Шахматовского, цитируется по С. Покровскому—Страница из профессорской деятельности К. Д. Ушинского в Демидовском лицее, „Вестник воспитания“, 1911 г., № 9, стр. 62.

[2] Рекомендацию на эту должность Ушинскому дал его учитель П. Г. Редкин.

читаю совершенно невозможным. Во-первых, потому, что чтение частных юридических наук без предварительных общих сведений о праве и его отделах чрезвычайно затруднительно и шатко. Во-вторых, без предварительного преподавания энциклопедии законоведения при начале каждой частной науки должны быть излагаемы общие сведения о праве, что будет напрасною тратою времени и стеснит до крайности преподавателя в курсе, и без того уже кратком. В третьих, энциклопедия законоведения, по самому назначению нашего лицея, не может быть излагаема философски, как наука самостоятельная, но только как наука, дающая предварительные сведения о праве для изучения его в частных науках. В четвертых, будучи преподавателем на одном и том же отделении приготовительной и одной частной науки права, я буду поставлен в затруднительное положение—излагать моим слушателям то, значение чего буду объяснять еще может быть через несколько недель. В пятых, студенты будут также в странном положении—слушать различные проявления закона и потом, через несколько времени,—что такое самый закон и как он является, слушать государственное право и потом через несколько времени, что такое государство и почему право государственное отделяется от гражданского права и тому подобное" [1].

Этот доклад, который является первым столкновением Ушинского с официальной системой высшего юридического образования, имеет тот глубокий смысл, что Ушинский на первый план выдвигает требование философского анализа и обоснования законоведческих категорий. Наряду с этим он указывает на необходимость осознания студентами учебного материала, а не догматического зазубривания ими существующих юридических устоев царского законоведения. Эта линия составляет основную характерную черту его лекций в Демидовском юридическом лицее.

Проводя в своих лекциях идею развития общества, и на основе этого принципа вскрывая несостоятельность как исторической, так и естественной школы государственного права, Ушин-

[1] К. Д. Ушинский, Из доклада, представленного Ушинским ученому совету лицея 3-го сентября 1846 г.; приводится из книги В. Г. Щеглова—Высшее учебное заведение в г. Ярославле имени Демидова в первый век его образования и деятельности, Ярославль, 1903 г., стр. 145—146.

ский, как указывает и С. Покровский, „не удовлетворялся утверждениями разумности существующего; он не следовал слепо за теоретиками-правоведами государства, находя их ошибку в том, что „они готовы были видеть в правовом государстве окончательную форму человеческого общежития“ [1]. В то время, когда царизм выкорчевывал всякое проявление элементарнейших демократических требований, Ушинский в своих лекциях, еще за 15 лет до реформы 1861 года, проводил идею о необходимости создания „городской думы, волостных и сельских мест... сельских обществ, сельских сходов, сельского начальства, сельской расправы, управления удельных крестьян и т. д., т. е. правового государства. Несмотря на ограниченность историческими условиями государственно-правовых воззрений Ушинского, они представляют смелый протест против существующих устоев государственного устройства тогдашней России. Эти воззрения, несомненно, были оригинальными и смелыми на русской почве, где государственная политика была далека от осуществления идеи правового государства, и где условия были крайне неблагоприятны для разработки государственных вопросов“ [2].

Проведение в лекциях принципа поступательного развития общества, демократический дух государственно-правовых воззрений, гуманизм и демократизм в обращении со студентами, постоянная забота о выявлении наиболее одаренных студентов и содействие правильному и свободному развитию их таланта, беспощадное осуждение и критика деятельности всех, вплоть до начальства, последователей и приверженцев уваровской политики, новаторство и смелость в науке—всем этим вскоре Ушинский, как и его товарищ по университету—молодой профессор Львовский, заслужил репутацию политически неблагонадежного человека. За ним устанавливается слежка как со стороны начальства, так и полицейских органов.

В начале 1847 года, когда Ушинский представил требование директору лицея дать распоряжение библиотеке о приобретении необходимой литературы по его дисциплинам, директор возбудил по этому поводу ходатайство перед попечителем Московского учебного округа Строгановым. „Предлагается истребовать от ис-

---

[1] С. Покровский, Гос. правовые воззрения К. Д. Ушинского. „Вестник воспитания“, 1911 г., № 6, стр. 17.

[2] Там же, стр. 20.

правляющего должность профессора Демидовского лицея Ушинского и доставить ко мне список тех книг, какие признает необходимым в пособие при чтении лекций, хотя бы без обозначения продажной цены этим книгам, если он затрудняется этим делом в настоящее время",—был ответ попечителя округа директору лицея.

Ушинским был составлен список, переслан попечителю и через два месяца директор лицея получает обратно список и предписание попечителя, в котором указывается, что он разрешает лицею выписать по этому списку только те книги, „против коих поставлен знак креста, взамен коих я назначаю пять сочинений означенных в особо препровождаемом письме". Эти „кресты" оказались лишь на 14 книгах из 47 названий по финансам и на 3 книги из всей литературы по государственному праву. Вычеркнуты были все те авторы, в работах которых более или менее были отражены идеи конституционализма. Это был первый результат „наблюдения" за Ушинским и первый удар, полученный им от начальства.

С усилением реакции в стране усилился и надзор за Ушинским. Этот надзор вскоре принял характер преследований. Так, Демидов, в своем отчетном докладе попечителю округа о результатах ревизии лицея, указывал на Ушинского, как на молодого профессора, имевшего „большие дарования и отличные познания", но в то же время писал: „Ушинский имеет большое влияние на студентов; он мог быть полезным в лицее, но нужно иметь за ним постоянное наблюдение со справедливой строгостью в отношении к службе"[1]. Указывая на причины создавшегося положения в лицее, Демидов в своем докладе отмечал, что „после 1846 года в лицей стали поступать в профессора молодые люди 22—23 лет, которые не признавали в должной степени начальства директора и тем ослабляли его управление и, кроме того, находились со студентами в товарищеских отношениях, отчего и в студентах было ослаблено уважение к начальству, и они стали производить шалости, отклонившие дворян и других родителей от отдачи в лицей своих детей. Тогда как старые профессора действуют совершенно согласно с директором... младшие—Ушинский и его товарищ

[1] Цитируется по статье С. Покровского, Страница из профес. деятельности Ушинского в Демидовском лицее, „Вестник воспитания", 1911 г., № 9, стр. 74.

Львовский, читавший в лицее политическую экономию, статистику и науку о торговле, особенно первый, увлекаются иногда своей молодостью и имеют наклонность действовать по своему впечатлению"[1]. ...Таким образом, Демидов, считавший Ушинского и Львовского, в особенности Ушинского, ненадежными в политическом отношении людьми, считал необходимым „для примера из лицея удалить одного из профессоров, того, который будет главной причиной раздора"[2].

Доклад был представлен министру народного просвещения, в результате чего в сентябре 1849 года в лицей прибыл попечитель Московского учебного округа, который оказался столь „щедрым", что для „примера" заставил подать прошение об „уходе из лицея" не одного из профессоров, а сразу двух: Ушинского и Львовского. Ушинскому формально было предложено направиться в Петербург или Москву „для совещания с тамошними медиками о болезни", а на самом деле, как правильно отмечает С. Покровский, „кандидат для замещения его места был подобран еще до увольнения Ушинского".

В преследованиях Ушинского принимали участие и полицейские органы. Так, например, начальник Ярославской губернии в 1849 г. в своем секретном докладе о Демидовском лицее писал: „Обращаясь к прошедшему времени (это было полгода тому назад), я находил в студентах лицея большое своеволие, а в начальниках их—нечто похожее на початку, обращение с воспитанниками, так-сказать, панибратское, и что всего нетерпимее, видел в них дух неуважительности к начальству и даже противодействие директору лицея г. Лиличеву. Впрочем отзыв этот до всякого и каждого не должен касаться, а следует исключительно к профессорам Ушинскому и Львовскому, которые подали невыгодное о себе понятие за свободу мысли и передачу оных воспитанникам лицея"[3].

Из всего этого ясно видно, как ошибаются те, которые считают, что Ушинский ушел из лицея, якобы из-за того, что „он

---

[1] Цитируется по статье С. Покровского, Страница из профес. деятельности Ушинского в Демидовском лицее, „Вестник воспитания", 1911 г., № 9, стр. 75.

[2] Там же, стр. 75—76.

[3] Московский обл. ист. архив. Дело общественных поступков студентов Ярославского лицея. Известил об этом материале доц. Н. В. Зикеев, за что ему выражаю благодарность.

не пожелал подчиниться распоряжению министерства о составлении профессорами подробных конспектов лекции". Правда, Ушинский горячо выступил против полицейских замыслов этой меры, но это послужило не причиной, а одним из поводов к его увольнению из лицея.

Вполне правильно отмечает проф. Н. А. Константинов, что „увольнение Ушинского из Ярославского лицея—это, конечно, не просто удаление строптивого преподавателя, не желавшего подчиниться требованиям министерства о составлении подробнейших программ и конспектов читаемых лекций. Едва ли правильно только констатировать, что „Ушинский решительно высказался против этой антипедагогической меры"[1]. И на самом деле, все фактические данные об уходе Ушинского из лицея говорят о том, что Ушинский, находившийся под надзором начальства и полиции, был снят с должности как неблагонадежный, как „вольнодумец". Это подтверждается также и тем, что Ушинский не был допущен на педагогическую работу и что ему, профессору, с большим трудом удалось в начале 1850 года получить место лишь помощника столоначальника в канцелярии департамента духовных дел инославных исповеданий.

Вопиющим фактом преследований Ушинского является также факт его увольнения и с этой самой ничтожной должности. Неправы некоторые биографы Ушинского, объясняющие его уход из департамента на почве ухудшения личных отношений с графом Толстым. Правда, царские сатрапы, как обычно, и здесь „нашли" формальный выход и уволили Ушинского в результате, якобы, „упразднения III отделения департамента духовных дел инославных исповеданий по высочайше утвержденному в 16 день июня 1854 года", и что, Ушинский, поэтому, якобы, „по мнению Государственного Совета высочайшим приказом по гражданскому ведомству, отданным 1 августа 1854 г. за № 152, уволен от службы за штатом 1854 г. августа 1-го"[2]. На самом же деле, настоящей причиной этого снятия Ушинского с должности было разоблачение им той неправды и нечеловеческого отношения к людям, которые имели

[1] Н. А. Константинов, По поводу издания избр. пед. соч. К. Д. Ушинского, журн. „Советская педагогика", 1940 г., № 9, стр. 105

[2] ЦГ архив ВПК и Б СССР, Формул. список о службе инсп. классов Восп. общ. благородн. девиц Петербургского Александ. училища, коллежск. советн. Ушинского, 1862 г., Фонд соб. е.и.в. канц. IV отд. III эксп., № 4731 л.№ 5—12.

место в департаменте, возглавляемом мракобесом Толстым. Это был второй удар, нанесенный К. Д. Ушинскому со стороны царизма. Так был выброшен Ушинский за борт и обречен на голодное существование. Ему лишь через 8 месяцев (3 апреля 1855 г.), по предложению Голохвостова, который знал близко Ушинского, удалось начать работу в качестве преподавателя русской словесности, а потом инспектора в Гатчинском Николаевском сиротском институте, где директором был сам Голохвостов.

Это двоекратное снятие Ушинского с занимаемых должностей было совершено бесцеремонно, почти открыто, если не принять во внимание обычный порядок увольнения под другими предлогами, к которым прибегали тогда органы царского правительства. В обоих случаях Ушинский был оставлен без места и без всякого содержания. Это было тогда, когда имя Ушинского еще не пользовалось известностью.

Но совершенно другую форму принимают преследования Ушинского со стороны царского правительства, когда Ушинский, благодаря своей природной одаренности, настойчивости в преодолении преград в деле служения интересам народа, приобрел большую известность и популярность во всей России. Царское правительство уже не могло не считаться с его большим авторитетом и не изменить форму своих преследований. Выражением нового, замаскированного преследования Ушинского является факт его вынужденного ухода из Смольного института с командировкой в Швейцарию для изучения, якобы, постановки дела женского образования там и в других государствах Европы.

Как известно, 25 января 1859 года Ушинский, по рекомендации Ланского, из Гатчинского Николаевского сиротского института был переведен на должность инспектора классов Смольного института благородных девиц. Это самое старое среднее женское учебно-воспитательное учреждение к этому времени переживало полный застой в своем развитии и совершенно не соответствовало духу эпохи и новым педагогическим требованиям. Бывшая воспитанница Смольного института Е. Н. Водовозова так описывает Смольный институт интересующего нас периода: „Поступив в институт в раннем детстве и во время своего пребывания в нем, удаленная от природы и людей, институтка не имела ни малейшего представления о жизни. За высокие стены ее заколдованного замка не долетало ни одного человеческого стона, ни малейшего сведения не доходило до нее о каком-нибудь общественном движе-

нии, и вообще решительно ничего не знала она о положении своей родины, о ее несчастьях и надеждах... Все точно нарочно было приноровлено к тому, чтобы воспитать не человека, а монахиню, во всяком случае, слабое, беспомощное, бесполезное, беззащитное существо..."[1] „В институте девушка лишена была всего, что дает возможность выработать собственное суждение, наблюдательность, волю, характер. Она не могла догадываться, какою тяжкою борьбою добывают люди свой насущный хлеб. Институтка была конфузлива до дикости: самый простой вопрос ставил ее втупик. Она не умела разобраться даже в том, смеются над нею или обращаются к ней серьезно..."[2] „Институтка вступала в жизнь с самыми дикими воззрениями, с самыми наивными предрассудками, с нелепыми требованиями, с пошлыми и сентиментальными мечтами"[3].

Даже Н. И. Черепнин, автор большой монографии об истории Смольного института, который солидаризировался с общим духом института, вынужден признать, „что к моменту прихода Ушинского в Смольный, последний нуждался в коренной реформе"[4].

Приступив к исполнению своих служебных обязанностей, Ушинский со свойственной ему энергией взялся за полное переустройство всей жизни института на новый лад. Изучив все детали устоев и порядков института, Ушинский в мае 1859 года представил в Совет института проект „О преобразовании в распределении классов Воспитательного общества благородных девиц и Петербургского Александровского училища" (т. е. обоих отделений института). В этом проекте Ушинский обращает внимание Совета на необходимость уравнения, унификации курса наук для обоих отделений. Этим самым Ушинский фактически требовал одинакового образования дочерей дворян (Воспитательного общества отделения благородных девиц) и девиц недворянского происхождения (отделения Александровского училища).

За этим последовал ряд требований о переустройстве учебного дела в институте. Для характеристики социальных основ этой реформы, приведем некоторые места из этого доклада. „Прини-

---

[1] Е. Н. Водовозова, На заре моей жизни, 1934 г., стр. 351.

[2] Там же.

[3] Там же, стр. 350.

[4] Н. И. Черепнин, Имп. Восп. общ. благ. девиц, ист. очерк (1764—1914), 1915 г.

мая в соображение,—писал Ушинский в своем проекте,—что всякое учебное заведение должно хвалиться не только обширностью познаний и блестящим развитием способнейших из своих воспитанниц, но еще более тем, что сделало из самых слабых и менее одаренных природой, я полагаю сделать следующие изменения в учебном курсе обоих заведений: 1) уравнить курс учения в обоих заведениях; 2) для обоих заведений устроить один специальный педагогический класс с тем, чтобы лучшие из воспитанниц седьмого класса (т. е. старшего—Д. Л.) по собственному желанию могли оставаться в нем на год или даже на два, в качестве пепеньерок, упражняющихся в практических занятиях по обучению и воспитанию; 3) в оба заведения не следует принимать воспитанниц моложе 10 лет, требуя с поступающих небольших сведений по программе, заранее объявленной..., а для сирот, или по другим уважительным причинам не имеющих достаточных сведений, устроить младший, подготовительный класс. И позже 12-летнего возраста в младший класс не принимать, а допустить в соответствующие их возрасту классы не иначе, как выдержав экзамены по предметам, пройденным в низших классах; 4) переводы из класса в класс должны совершаться ежегодно по экзаменам, которые в обоих заведениях должны совершаться одновременно; 5) долее 2-х лет девица в одном и том же классе остаться не может и должна быть переведена в высший класс, но с ограничением курса в дальнейшем“ [1] и т. д. Наряду с этими требованиями, коренным образом изменяющими направление института, Ушинский разработал совершенно новые программы, в которых главное внимание было уделено родному языку и родной литературе. Этим самым Ушинский отодвинул на задний план французский язык, который господствовал и в учебе, и в разговорной речи в институте. Из учебных предметов большое место им было отведено естествознанию, географии, математике, отечественной истории и др. Продолжительность уроков была сокращена с 2-х до $1^1/_2$ часов с перерывом в середине. Установились новые порядки и в обращении с преподавателями. Родителям в определенные дни разрешено было посещать своих детей. В институте введен был порядок отпуска детей по домам в период летних каникул, а

[1] Ц. Г. архив ВПК и Б, фонд Имп. восп. общ., 1859 г., дело № 77, л. 5 (приводится по В. И. Чернышеву, „Русск. нач. учит.“, 1910 г., № 12, стр. 507—509).

этим самым отменена была практика, когда дети за 10 лет ни разу не выходили из института и не имели возможности видеть своих родителей.

В деле проведения в жизнь этих реформ основное значение имело приглашение соответствующих педагогов, способных проводить новые идеи и требования в области воспитания и образования. Ушинский приглашает на должности преподавателей талантливых педагогов—Д. Д. Семенова, Л. Н. Модзалевскогс, В. И. Водовозова, М. И. Семевского и других. Они не только проводили в своей работе линию Ушинского в институте, но сделались ближайшими его учениками и впоследствии видными педагогами страны. Они составили школу Ушинского, разрабатывающую отдельные вопросы по теории и практике воспитания и обучения.

В результате проведенных Ушинским и его ближайшими учениками реформ рушились старые, отжившие свой век устои Смольного института. Закипела работа, направленная на полное его преобразование в духе передовых педагогических идей.

Ученик и друг Ушинского Д. Д. Семенов так описывал этот глубокий процесс преобразования: „В Смольном в это время происходила какая-то усиленная, лихорадочная, напряженная умственная деятельность. Смольный, точно сказочный русский богатырь, после долгой, столетней спячки, воспрянул духом и хотел наверстать потерянное время. Все, и учителя, и ученицы, казалось, спешили отличиться друг перед другом. Девицы, и большие, и маленькие, стали учиться отлично. С каким-то захватывающим все существо вниманием следили они за каждым уроком своих преподавателей, как-бы боясь проронить хоть одно слово. А с какою неподдельною охотой отвечали на каждый вопрос преподавателя, какой восторг написан был на их свежих личиках, с какой изумительной аккуратностью приготовляли они заданные уроки и письменные работы!.. Так обаятельно подействовало на восприимчивые души воспитанниц живое слово после мертвящего, скучного, схоластического преподавания. И та же институтка, которая лишь год тому назад заботилась только о своей наружности, думала о танцах, мечтала о выездах и победах, в тиши ночи вздыхала и предавалась несбыточным иллюзиям,—теперь полюбила и чтение, и науку, и труд“ [1].

[1] Д. Д. Семенов, Речь, Памяти К. Д. Ушинского, 1895 г., стр. 44.

Одновременно с переустройством внутренней жизни института, Ушинский организовал воскресную школу для неграмотных служащих института, а также привлек в эту школу и обитателей Смольного. Занятия в школе, как преподаватели, вели ученицы педагогических классов, которые приучались к самостоятельному труду и начинали понимать его значение для морального облика человека.

Ушинский устраивал на своей квартире так называемые педагогические четверги, где кроме ближайших учеников Ушинского собирались и передовые учителя разных школ. „Четверг" превратился в подлинный центр обмена педагогической мысли и распространения передовых идей в этой области в широких кругах учителей школ тогдашнего Петербурга.

Эти мероприятия вызывали у начальства института в лице М. П. Леонтьевой и других царских служителей полное недоверие к Ушинскому, как носителю прогрессивных демократических идей. Леонтьева, которая с самого же начала была настроена против Ушинского, еще более усилила его травлю и лишь выжидала благоприятного случая для нанесения Ушинскому и его товарищам окончательного удара. Такой случай представился в начале 1862 года. Этот год в жизни России, по образному выражению Герцена, вообще был годом, когда „реакция была в инкубации и из внутреннего скрытого гниения еще не вылезала наружу" [1].

Еще в конце ноября 1861 года Ушинский увольняется от должности редактора „Журнала министерства народного просвещения", который он перестроил в соответствии со своими педагогическими воззрениями, при ближайшем сотрудничестве в нем самых прогрессивных педагогов того времени, в частности, своих учеников—Семенова, Модзалевского, Семевского, Водовозова и других.

В начале же 1862 года на Ушинского и на всех его учеников сослуживцев был сделан донос, который послужил поводом увольнения Ушинского, а за ним—всей группы его учеников. Почти все биографы Ушинского, исходя из биографического очерка Фролкова (личного секретаря Ушинского), отмечают, что Ушинский, узнав о содержании доноса, в течение 3-х суток не вставая с места, писал объяснение, и что Ушинский, „садясь за отписку бодрым и здоровым, встал поседевшим и начал харкать кровью" [2].

[1] А. И. Герцен, Полн. собр. соч., т. XIV, ч. VI, стр. 398.
[2] М. Ѳ. Песковский, К. Д. Ушинский, биография, 1893 г., стр. 42.

Это объяснение, текст которого, по указанию В. И. Чернышева, обнаружен нами в 1940 году в Московском государственном литературном музее[1] дает яркое представление о подлинных причинах ухода Ушинского из Смольного института и до некоторой степени вскрывает и содержание самого доноса, текст которого, к сожалению, пока не найден.

Из этого объяснения видно, что травля Ушинского и приглашенных им учителей со стороны начальницы института Леонтьевой имела систематический характер, начиная уже с первых же дней поступления Ушинского на должность инспектора классов, и продолжалась все время до ухода его с означенной должности. „Через две или три недели,—пишет Ушинский в своем объяснении,—госпожа начальница начала уже жаловаться вашему сиятельству на меня, а через два месяца подала письменную жалобу как на меня, так и на выбранных мною преподавателей“[2]. Указывая на то, что эти жалобы и доносы подавались „неоднократно,“ Ушинский отмечает, что ему „все время приходилось защищаться от этих доносов“.

Выясняется также, что Ушинского ставили в известность лишь частично и надо полагать, что от него скрывали самые острые политические моменты, отмеченные в доносах. Говоря о последнем доносе, который явился причиной составления означенного „Объяснения“, Ушинский указывает: „Госпожа начальница подала

---

[1] Работая над изучением Ушинского, я был командирован Тбилисским государственным университетом имени Сталина в 1940 году в Ленинград к известному библиографу Ушинского члену-кор. АН СССР—В. И. Чернышеву (род. 1867 г.). Он в 1904—1912 годах, по поручению семьи Ушинского, провел большую специальную работу по изучению и разработке материалов об Ушинском и составлению библиографии. В. И. Чернышев любезно указал нам, что в 1928 году им был сдан в Московский литературный музей ряд ценных материалов, среди них и означенное „Объяснение“. Пользуясь случаем, выражаю большую благодарность В. И. Чернышеву, который впервые поставил меня в известность об этом и дал ряд других указаний о жизни и деятельности Ушинского.

Об этих новых материалах нами было сообщено проф. В. Я. Струминскому, который и опубликовал их текст в журнале „Советская педагогика“, 1941 г., № 3.

[2] К. Д. Ушинский, „Объяснение инспектора классов Восп. общ. благородн. девиц и Александровского училища по поводу письменной жалобы, поданной на него и на некоторых выбранных им преподавателей госпожей начальницей сих заведений“, Архив Московского гос. литер. музея, фонд В. И. Чернышева.

на меня и на некоторых преподавателей письменную жалобу, из которой вам угодно было прочесть мне только те пункты, которые лично до меня относятся, и предмет для которых взят из моей домашней жизни и домашних разговоров, сделавшихся известными начальнице по доносу законоучителя Гречулевича".

Ясно видно, что Ушинского и его учеников обвиняли как людей новых идей, с новыми взглядами на жизнь, идущими в разрез с существующим порядком. Особенно обвиняли Ушинского в атеизме, что в ту эпоху являлось одним из самых сильных обвинений и считалось антигосударственным поступком. „Обвиняют меня также в том,—пишет Ушинский,—что когда-то и кому-то я говорил, что всегда предпочту преподавателя атеиста, но человека честного и правдивого,—ханже и фарисею. Не помню, так ли и кому это говорил, но это действительно мое мнение, но хотя вовсе не значит того,—защищается Ушинский,—чтобы я искал или терпел на службе заведомых атеистов".

Обвинение было направлено против всей группы учителей и приписывало этой группе во главе с Ушинским согласованное, единое действие против существующих порядков. Это хорошо чувствовал и понимал сам Ушинский и требовал, чтобы его поставили в известность—в чем обвиняются приглашенные им учителя, „В жалобе, поданной госпожей начальницей,—пишет Ушинский,—обвиняются еще некоторые преподаватели. Но позвольте выразить вам мое глубокое огорчение, что эти обвинения, по неизвестной мне причине, скрыты от меня, тогда как по закону они прямо должны бы быть мне переданы для расследования их справедливости".

Ушинский хорошо понимал, что доносы и обвинения являлись отражением борьбы старого и нового, что те люди, „которые хотят сохранить свое господство, не могут примириться с новыми устоями жизни". Это положение Ушинского хорошо видно в заключительной части его "объяснения", когда по адресу доносчиков он пишет:—„Неужели можно было ожидать, чтобы все эти нововведения (речь идет о той реформе, которую он провел совместно со своими учениками-преподавателями—Д. Л.) не вызвали на меня обвинений у тех, кто не хочет привыкнуть к новому порядку".

Для характеристики отношения царского правительства к Ушинскому знаменательно и то, что просьба Ушинского „расследовать дело и объявить ему, каким поступком заслужил он недо-

вѣріе", осталась без всякого ответа и внимания и, как известно, дело не было „расследовано". А. И. Герцен, разоблачая роль государыни (речь идет об имп. Марии—Д. Л.) и несправедливость Леонтьевой в отношении к Ушинскому, в своем „Колоколе" в 1862 г. писал: „По несчастью она (имп. Мария—Д. Л.) сильна, когда делает, не ведая что творит, волю всяких Леонтьевых, Налетовых, подковырнувших в Смольном монастыре Ушинского" [1].

Через несколько дней после подачи „объяснения", Ушинский был вынужден подать заявление об отставке и был уволен. Но царское правительство, как совершенно правильно указывает академик Е. Н. Медынский, „опасаясь большого влияния Ушинского на прогрессивных педагогов, удаляет его на длительный срок за границу под предлогом командировки для изучения женского образования" [2].

Ярким примером того, насколько неблагонадежным человеком был Ушинский по мнению министерства народного просвещения, является и тот факт, что министерство за время заграничной командировки отказалось причислить Ушинского к себе. „Ушинский по известным причинам не может быть причислен к министерству народного просвещения" [3],—говорится в представлении министерства, адресованном на имя императрицы.

Находясь в командировке за границей (с 1862 по 1867 г. и во время кратковременных поездок позже), Ушинский и здесь не был свободен от преследований со стороны царского правительства. Запрещение учебников, преследования его сослуживцев-учеников и т. д., отравляли жизнь Ушинскому. Вместе с тем, видя в Ушинском крупнейшего педагога, пользующегося огромным авторитетом, царское правительство не раз пыталось подкупить Ушинского и сделать его своим человеком. В 1864 году Ушинский пишет Л. Н. Модзалевскому из Гейдельберга: „Головнин предложил мне взять на себя неофициальным образом ЖМНП, переменить ему заглавие и издавать как частное издание с поддержкою от правительства". Аналогичное предложение было повторено Головниным несколько раз, но Ушинский, с присущей ему принципиальностью, отвел эти полицейские предложения. В письме к Модза-

[1] А. И. Герцен, Полн. собр. соч., т. XV, под ред. М. К. Лемке, стр. 236.

[2] Акад. Е. Н. Медынский, Великий русский педагог К. Д. Ушинский, 1945 г., стр. 9.

[3] Ц. Г. Архив ВПК и Б СССР, IV отд. канц. е. и. в. по III эксп., дело № 111, 1862 г..

левскому он пишет: „Я, конечно, отказался от этого неразумного предложения, ссылаясь на здоровье, но отказался бы и потому, что скорее мог принять на себя открытое издание официального журнала, чем делать это под рукою".

Ушинский глубоко переживал гонения со стороны правительства. Еще в первый год своего пребывания за границей Ушинский писал своему близкому другу А. И. Скребицкому: „Теперь я приготовил книгу к печати, но не знаю еще, когда начну печатать. Теперь готовлю письма из педагогической поездки, но все это пахнет какою-то вялой работой, которой недостает живой веры в лучшее будущее. Грустно сеять на поле, где завтра же могут все вырвать, что сегодня посеяно. Долго нам еще суждено толочь воду?" [1] В этом же письме Ушинский, опасаясь, что заметки Герцена в „Колоколе" о разоблачении императрицы Марии и начальницы Смольного института Леонтьевой, в связи с уходом его из института, послужат новым поводом для преследований, писал: „Того смотри, что позовут в Россию, т. е. при теперешнем состоянии моего здоровья приготовят к смерти".

И, на самом деле, если Герцен писал о Грановском, что „Грановский не был гоним... но тем не менее я удерживаю мое выражение: да, он много страдал. Не одни железные цепи перетирают жизнь", то тем более, мы имеем полное основание сказать, что Ушинский, который пережил троекратное увольнение со службы, систематическую травлю со стороны царских сатрапов, был поистине гоним. Потому совершенно прав действ. чл. АПН Е. Н. Медынский, когда он пишет: „Вина за раннюю смерть великого русского педагога ложится на царское правительство и на реакционеров, затравивших его. Троекратное увольнение со службы, доносы, борьба, которую ему пришлось вести против реакционеров, материальная нужда и ряд других ударов подточили здоровье Ушинского и рано свели его в могилу" [2].

Ушинский умер в полном расцвете научно-творческих сил—3 января 1871 года (по старому стилю—22 декабря 1870 г.), на 48-м году своей жизни. О том, как реагировало царское правительство на болезнь и смерть Ушинского, вызвавшую глубокую скорбь русского народа и всех народов России, легко можно по-

---

[1] Архив Московского гос. литературного музея, фонд В. И. Чернышева (см. стр. 103 настоящей книги, прим. 2-ое).

[2] Акад. Е. Н. Медынский, К. Д. Ушинский—великий русский педагог, 1945 г., стр. 10.

нять по тому сообщению, которое было помещено в газете „Одесский вестник": „Вчера мы случайно узнали в книжном магазине Белло,—говорится в сообщении,—что известный наш педагог К. Д. Ушинский месяц тому назад приехал больной в Одессу и скончался в понедельник в 2 часа пополуночи. Покойный провел последний месяц своей жизни в одной из наших гостиниц и хотя был окружен своей семьею, но тем не менее испытывал многие лишения и неудобства. Страдая смертельными припадками, он даже не знал, к какому из медиков обращаться за помощью. А между тем, в Одессе не найдется ни одного учителя, ни одного образованного человека, нет ни одной матери, заботящейся о своих детях, которым не было бы известно имя К. Д. Ушинского. Без всякого сомнения, каждый из них готов был бы сделать всевозможное для успокоения и облегчения страдальца. Но подчас судьба подсмеивается самым беспощадным образом над нашими лучшими намерениями". Понимая под судьбой именно царский режим, автор продолжает: „Приезд иного фокусника мгновенно становится известным по всем закоулкам, а человеку, так много потрудившемуся для образования своей родины, суждено страдать и умирать в неведении даже своих почитателей"[1].

Царские сатрапы не прекратили преследований Ушинского и после его смерти. Не говоря уже о запрещении его учебников и всякого рода других мер, которые царское правительство принимало против популяризации идей Ушинского среди народа, достаточно указать, сколько хлопот и труда пришлось приложить дочери Ушинского—Вере Константиновне, чтобы в 1901 году получить от министра народного просвещения разрешенне повесить в библиотеке, ею же устроенной при школе в гор. Киеве, портрет своего отца! Не меньше труда стоило получить разрешение на допущение в качестве учебника, и только в этой школе, „Родного слова" ч. I.

Но на стороне Ушинского был весь трудовой народ, который бережно и с любовью относился к нему как к своему верно-

[1] По поводу кончины К. Д. Ушинского, газ. „Одесский вестник" 1870 г., № 283, 29/XI.

Тело покойного Ушинского было перевезено в Киев и, согласно предсмертному его завещанию, предано земле в Видубицком монастыре

См. И. Чечет, К некрологу К. Д. Ушинского (газ. „Одесский вестник", 1871 г., № 6, стр. 18).

му сыну, просветителю-педагогу. Народ из поколения в поколение передавал свои чувства любви к этому благородному служителю интересам родины.

В результате победы Великой Октябрьской социалистической революции учение К. Д. Ушинского нашло свою долгожданную почву. Положительные, ценные идеи этого учения были широко использованы советской педагогикой, кек это отметили Н. К. Крупская и М. И. Калинин.

Глава II

УЧЕНИЕ УШИНСКОГО ОБ ОБЩИХ ОСНОВАХ ПЕДАГОГИКИ

К. Д. Ушинского справедливо называют родоначальником, отцом русской педагогики. Конечно, это вовсе не говорит о том, что история русской педагогики, якобы, начинается с Ушинского: история русской педагогической мысли уходит в глубь веков так же, как и сама гражданская история русского народа. Говоря же об Ушинском, как об основоположнике педагогической науки в России, мы должны иметь в виду, что именно Ушинский впервые у нас оформил педагогику как науку, как теорию о воспитании. Правда, отдельные стороны этой теории были разработаны и до Ушинского и современниками Ушинского, но они еще не были подняты на уровень определенной научной системы воспитания. Осуществление же этой исторической миссии перед отечеством выпало на долю Ушинского. Оценивая качество выполнения этой миссии, с полным правом можем сказать, что Ушинский принадлежит к числу тех великих русских гениев, о которых академик С. И. Вавилов говорит: „История русской науки показывает, что ее вершинам, ее гениям свойственна особая широта задач и результатов, связанная, однако, с удивительной почвенностью и реальностью и вместе с тем простотой подхода к решению“ [1].

Вместе с тем, когда говорим об Ушинском как об основоположнике русской педагогической науки, мы говорим о нем как об основоположнике педагогической науки, отражающей интересы восходящего, прогрессивного для того времени класса, класса буржуазии. Советская педагогика, это единственно подлинная наука о детях, о воспитании, построенная на великом учении Маркса-Энгельса-Ленина-Сталина, на основе ленинско-сталинского отношения к буржуазному наследству, критически изучает и осваивает

[1] С. И. Вавилов, „Большевик“, 1945 г., № 6, стр. 36—37.

все прогрессивное, которое добыто человечеством в области теории и практики воспитания, и, следовательно, критически изучает и осваивает педагогическое учение Ушинского, в особенности то, чем Ушинский „продолжает жить и в нашей современности".

Разрабатывая педагогическую систему на основе своей философской и общественно-политической концепции, Ушинский, прежде всего останавливается на вопросах, касающихся общих основ педагогики. Из этой области педагогической системы Ушинского необходимо рассмотреть: учение Ушинского о педагогике как науке, о ее структуре и содержании, о философских основах педагогики, о принципе народности в педагогической науке и о значении педагогической теории для успешной постановки воспитания детей.

1. Педагогика как наука и как искусство воспитания

Под педагогикой Ушинский понимал теорию воспитания. Отсюда ясно, что основной педагогической категорией Ушинский считал воспитание.

Воспитание Ушинский понимал как целенаправленный процесс формирования „человека в человеке", т. е. формирования личности под руководством воспитателя. Воспитание, по Ушинскому, является сложным процессом развития в человеке сознания, воли, нравственных привычек и физических сил и т. д. Само же воспитание для Ушинского является „созданием истории". Отсюда—воспитание общественное, социальное явление.

Воспитание происходит главным образом через обучение,—обучение,—„могущественный орган воспитания" [1], т. е. обучение—это процесс образования определенных качеств в человеке.

Воспитание и обучение человека имеет свои объективные законы, знание которых необходимо для того, чтобы педагог свою деятельность мог сообразовать с этими законами. Зная законы развития своего предмета—воспитания ребенка, педагог должен являться не автоматическим исполнителем разных педагогических правил, рецептов, а созидателем, творцом, художником своего дела. Именно с этой точки зрения педагогика—„искусство самое обширное, сложное, самое высокое и самое необходимое из всех искусств" [2]. Это „искусство", это „творчество" в воспитательном

[1] К. Д. Ушинский, Соб. пед. соч., т. II, под редакцией В. Чернышева, 1913 г., стр. 26.

[2] К. Д. Ушинский, Человек как предмет воспитания, т. I, стр. XIX—XX.

деле должно быть построено на основах науки, которая „в такое практическое дело, каково воспитание", должна „входить не своею гипотетической стороною, а тем, что в ней есть бесспорного и вполне доказанного" [1].

Из этого вполне понятно, почему Ушинский придавал особое значение педагогике, как теории о воспитании для педагогической практики. И не случайно, что свой капитальный труд „Человек как предмет воспитания" Ушинский начинает именно рассмотрением вопросов о педагогике как науке, о ее значении и пользе, о ее содержании, методах и т. д. Эти же вопросы в разной мере и в разных направлениях затрагиваются во многих работах Ушинского и, в особенности, в замечательной статье „О пользе педагогической литературы". Ценными являются также и программы по курсу педагогики, составленные Ушинским в разное время.

Прежде всего Ушинский ставит вопрос о том, является ли педагогика наукой или искусством. Еще в 1864 г. Ушинский выступил против Паульсона в Собрании Петербургского Педагогического Общества. Паульсон утверждал, что педагогика является не самостоятельной наукой, которая имела бы свои собственные закономерности, а прикладной, которая и цель, и содержание, и методы берет из других наук и лишь соединяет их. Это фактически означало отрицание педагогики как теории воспитания. Ушинский резко раскритиковал Паульсона за выхолащивание педагогики и ограничение ее задачей сбора отдельных, заранее готовых рецептов, получаемых из других наук и требовал, чтобы педагогика была построена на самостоятельном изучении ребенка, с привлечением других наук и, в первую очередь, психологии, построенной на основах физиологии. Вместе с тем он прямо указывал, что „Основанием воспитания должна служить и руководить философская идея" [2]. Одновременно, говоря о педагогике в смысле практической приложимости, Ушинский защищал мысль, что педагогика есть искусство самостоятельное, которое „производит новое, различное от того, что уже существует в природе. Человек воспитывается по идее и воспитание создает человека" [3]. Против Паульсона выступил и П. Г. Редкин, который руководил собранием (как председатель Общества). Редкин утверждал, что „наука есть всякая

---

[3] К. Д. Ушинский, Вопрос о душе в его современном состоянии, журн. „Отечественные записки", 1866 г., XI, стр. 222.

[1] Жур. „Учитель", 1864 г., № 18, IV, стр. 775—776.

[2] Там же.

теория, обобщающая выводы из практики, из опытов, из других наук, в этом смысле педагогика должна быть признана самостоятельной наукой"[1]. Точку зрения Паульсона раскритиковал присутствовавший на собрании Л. Н. Модзалевский, который и положение К. Д. Ушинского находил неточным.

Как известно, Ушинский в Собрании Петербургского Педагогического Общества, приблизительно через месяц после этих прений, прочел реферат на тему „Педагогика как искусство", в котором отстаивал свою основную мысль, высказанную против положений Паульсона. Взгляд на педагогику как на искусство, корни которого имеются еще в труде „О камеральном образовании", Ушинский защищает и в других работах, в особенности в введении к I тому „Человек как предмет воспитания". В этих утверждениях Ушинского некоторые (Каптерев, Волкович и др.) находят недооценку педагогики как науки и неправильное разрешение Ушинским исходного вопроса педагогической науки. На самом же деле Ушинский, определяя формально педагогику как искусство, фактически этим самым, прежде всего, объявлял войну против рецептурной официальной педагогики, предлагаемой Паульсоном, помимо этого, защищал принцип созидательной педагогики, давал высокую оценку значению самодеятельности и инициативы учителя, которые в то время были скованы различными „уставами" и „распоряжениями" министерства народного просвещения и, наконец, что самое главное, говоря о педагогике как об искусстве, он всегда имел в виду не педагогику, как теорию и даже не воспитание, а главным образом непосредственную педагогическую деятельность преподавателя. Отсюда нетрудно видеть, как глубоко ошибались и заблуждались те, которые приписывали Ушинскому недооценку педагогики как науки.

Исходя из основного положения, что педагогика, как наука, имеет свой предмет, свои объективные законы, Ушинский пишет: „Почему от воспитателя можно не требовать предварительной подготовки к своему делу, предоставляя все его личной наблюдательности и его личному опыту? Разве дело воспитания менее важно, чем дело медицины? Разве предмет воспитания, душа человеческая, не имеет таких своих законов, как и предмет медицины, тело? Почему анатомия, физиология, патология возможны для тела и не нужны для души? Разве душа, как и тело, не имеет своего орга-

[1] Жур. „Учитель", 1864 г., № 18, IV, стр. 775—776.

низма, не развивается по внутренним своим законам, не подвержена уклонениям от нормального состояния? Разве в явлениях душевной деятельности, в развитии души в различных личностях, мы не замечаем ничего общего? Разве здесь нет также фактов и законов?"[1]

Но чтобы знать эти факты и законы и сообразоваться с ними, надо, прежде всего, изучать эти факты. „Если педагогика хочет воспитывать человека во всех отношениях, то она должна прежде узнать его также во всех отношениях"[2], —учил Ушинский. Но чтобы знать „предмет воспитания", педагог должен стремиться узнать его, „каков он есть в действительности, со всеми его слабостями и во всем его величии, со всеми его будничными мелкими нуждами и со всеми его великими духовными требованиями. Воспитатель должен знать человека в семействе, в обществе, среди народа, среди человечества и наедине со своей совестью, во всех возрастах, во всех классах, во всех положениях, в радости и горе, в величии и унижении, в избытке сил и в болезни, среди неограниченных надежд и на одре смерти, когда слово человеческого утешения бессильно. Он должен знать побудительные причины самых грязных и самых высоких деяний, историю зарождения преступных и великих мыслей, историю развития всякой страсти и всякого характера. Тогда только будет он в состоянии почерпать в самой природе человека средства воспитательного влияния,—а средства эти громадны!"[3].

Исходя из этих задач педагогической науки, Ушинский намечает и основные пути изучения „предмета воспитания", т. е. изучения ребенка. Прежде всего, Ушинский хорошо понимал, что педагогика, как наука, должна иметь свои собственные методы исследования своего предмета. Одновременно он хорошо понимал также, что этот живой предмет данной науки—ребенок находится в постоянном развитии и что изучение ребенка возможно лишь в процессе его развития, в процессе его воспитания. Отсюда—основной путь педагогического исследования—наблюдение над ребенком в процессе его воспитания. Но голый педагогический факт, единичный вывод из практики не в силах дать научное объяснение законов развития ребенка в процессе воспитания. А рецептурные

[1] К. Д. Ушинский, Собр. пед. соч., т. I, О пользе пед. литературы, стр. 6.

[2] К. Д. Ушинский, Человек как предмет воспитания, т. I, стр. XI.

[3] Там же, стр. XXII.

педагогические правила, которые лишь и возможно выработать в результате такого наблюдения, не могут быть названы наукой. „Главное дело,—пишет Ушинский,—не в изучении правил, а в изучении тех научных основ, из которых эти правила вытекают... Мы не говорим педагогам: поступайте так или иначе; но мы говорим им: изучайте законы тех явлений, которыми вы хотите управлять, и поступайте соображаясь с этими законами и теми обстоятельствами, в которых вы хотите их приложить".

Ведя борьбу против поверхностной, рецептурной педагогики, Ушинский требует, чтобы педагогика была основана на научном обобщении педагогической практики. Такое обобщение он считает основным путем педагогического исследования и, следовательно, совершенствования самой науки. „Практика, факт—дело единичное,—пишет Ушинский,—и если в воспитании признавать дельность одной практики, то даже и такая передача советов невозможна. Передается мысль, выведенная из опыта, но не самый опыт; если только это не передача тех старушечьих рецептов, в которых говорится: „ты, мой батюшка, возьми эти слова, напиши их на бумажке, а потом сожги и пепел выпей с водой против утренней зорки, и там увидишь, что выйдет". Неужели искусство воспитания может упасть в такую бессознательную область предрассудков, поверий и фокусов, а такова судьба его, если оно будет предоставлено единичной практике каждого" [1]. Задачей педагогического изучения должно быть: „...свести эти избранные факты лицом к лицу и, осветив один факт другим, составить из всех удобообозреваемую систему, которую без больших трудов мог бы усвоить каждый педагог-практик и тем избежать односторонностей, нигде не столь вредных, как в практическом деле воспитания" [2].

Понятно, почему Ушинский, разрабатывая свою научно-педагогическую систему, особое место отводил фактам и стремился возвести их на уровень научного обобщения. Отмечая высокий научный уровень педагогического учения Ушинского, проф. Н. К. Грунский правильно указывает, что „главное достоинство его идеи было в том, что она, не теряя своей красоты и художественной обдуманности, в то же время далеко не была фантастична, не была способна обманывать себя и других заоблачностью меч-

---

[1] К. Д. Ушинский, Собр. пед. сочинений, т. I, О пользе педагог. литературы, стр. 5.

[2] К. Д. Ушинский, Человек как предмет воспитания, т. I, стр. XVII.

таний, она была строго и твердо обдумана и вполне жизненна"[1]. Эта жизненность педагогического учения Ушинского объясняется и тем, что оно само опирается на передовую педагогическую практику и представляет научное обобщение лучшего опыта этой практики.

Ушинский требовал диференцированного подхода к изучению ребенка в соответствии с его возрастными особенностями, в тесной связи с изучением деятельности ребенка. „Чем меньше возраст учеников, над образованием которых трудится воспитатель, тем больше требуется от него педагогических знаний, и это требование не возрастает, а уменьшается по мере возраста ученика. У педагогики очень широкое основание и очень узенькая верхушка: дидактика первоначального преподавания может наполнить томы; дидактика чтения лекций в университете может быть выражена в двух словах: „Знай хорошо свой предмет и излагай его ясно". Вот почему по большей части профессорам, не занимавшимся специально психологией и педагогикой, всегда кажутся даже странными и лишенными дельного содержания педагогические толки и споры. Но пусть эти люди сами устроят первоначальную школу и станут преподавать в ней; тогда они очень скоро убедятся, что есть многое в первоначальном воспитании, о чем следует подумать, что следует изучить"[2], —пишет Ушинский.

2. Философия—основа педагогики

Чтобы изучить законы развития детей в процессе их воспитания путем обобщения данных из практики, необходимо к этим явлениям подойти на основе „единства идей". Исходя из этого положения, Ушинский писал Л. Н. Модзалевскому о том, что он против, когда „общая часть педагогики поручается одному, а специальная—дидактика специалистам... вообще плохо верю,—писал он,—в возможность „артельной" педагогики, которая все же в основном наука философская, и потому требует единства идей"[3]. В этих взглядах Ушинского особенно подчеркивается мысль о том, что

---

[1] Проф. Н. К. Грунский, Жизнь, деятельн. и взгляды К. Д. Ушинского, 1912 г., стр. 6.

[2] К. Д. Ушинский, Избр. пед. соч., под ред. В. Я. Струминского, т. II, 1939 г., Руков. к препод. по „Родному слову", ч. I, стр. 180.

[3] К. Д. Ушинский, Письмо к Л. Н. Модзалевскому, 1864 г., письмо 17-е, жур. „Народная школа", 1875.

философия должна быть основой педагогики и вместе с тем пронизывать все ее звенья.

Ушинский, указывал на то, что „педагогика находится еще не только у нас, но и везде в полном младенчестве“ [1] и считал, что одной из основных причин этого отставания является игнорирование философии как основы педагогики и обобщение опыта педагогической практики в отрыве от философского подхода к данным этой практики. „Положим,—писал он,—что вы не любите философии, не верите в психологию; но неужели вы думаете, что можно устраивать народное воспитание, не сознавая ни цели, ни средств, ни почвы, на которой мы хотим работать? Недостаток философского образования, на которое до последнего времени смотрели у нас с каким-то недоверием и враждою, будет еще долго камнем преткновения в нашей воспитательной деятельности, и долго еще мы будем спорить о самых легких вопросах только потому, что не желаем или не можем вызвать наружу ту основную идею, на которую каждый из нас бессознательно опирается в своем споре“ [2].

Придавая исключительно большое значение философии для построения педагогической науки, Ушинский развивает глубоко верный принцип о том, что опыт или факт сам по себе ничего не может объяснить и наши понятия о них останутся поверхностными взглядами, если эти опыты и факты из педагогической практики не будут проанализированы на основе подхода к ним с определенной философской точки зрения. „Педагогический опыт,—писал Ушинский,—не только по отдаленности своих последствий от причин не может быть надежным руководителем педагогической деятельности. Большею частью педагогические опыты очень сложны, и каждый имеет не одну, а множество причин, так что нет ничего легче, как ошибиться в этом отношении, и назвать причиною данного результата то, что вовсе не было его причиною, а может быть даже задерживающим обстоятельством“ [3].

Более того, Ушинский указывал, что пока педагогика не будет построена на философских основах, она не станет подлинной наукой. Свой капитальный труд „Человек как предмет воспита-

---

[1] К. Д. Ушинский, Человек как предмет воспитания, т. I, стр. XI.

[2] К. Д. Ушинский, Собр. пед. соч., т. I, Пед соч. Н. И. Пирогова, стр. 472.

[3] К. Д. Ушинский, Человек как предмет воспитания, т. I, стр. XXIV.

ния" и другие педагогические сочинения он строил именно на философских основах и потому достигал высокого уровня научности этих творений. „Труд наш,—писал Ушинский,—не удовлетворит тех педагогов-практиков, которые, не вдумавшись еще в собственное свое дело, хотели бы иметь под рукою „краткое педагогическое руководство", где наставник и воспитатель могли бы найти для себя прямое указание, что они должны делать в том или другом случае, не утруждая себя психическими анализами и философскими умозрениями"[1]. Одновременно Ушинский был далек от такого понимания педагогики, когда ей придавали чисто умозрительный характер, педагогики, оторванной от жизни и практики. „Труд наш,—писал он там же,—не удовлетворит того, кто смотрит на педагогику свысока и, не будучи знаком ни с практикой воспитания, ни с его теориею, видит в общественном воспитании лишь одну из отраслей администрации. Такие судьи назовут наш труд лишним потому, что для них решается все очень легко и даже все давно уже решено в их уме, так что они не поймут, о чем тут собственно толковать и писать такие толстые книги"[2].

Лишь та педагогическая теория верна, которая представляет научное обобщение передовой педагогической практики и жизни, и верность, истинность ее выводов подтверждает сама практика. Не случайно, что Ушинский не только свои научно-педагогические трактаты, но и учебники составлял именно на основе единства теории и практики. Из этого принципа и вытекало его обращение к педагогам-практикам: „Желая искренне воспользоваться указаниями опыта, я прошу убедительнейше г. г. преподавателей, которые при самом преподавании откроют те или другие недостатки моей книги, сообщить мне свои замечания, чтобы я мог воспользоваться ими при новом издании"[3].

3. Педагогика—общественная наука

Ушинский хорошо понимал, что педагогика, по своему характеру прежде всего является общественной, социальной наукой. Такое понимание педагогики обусловило то, что Ушинский при решении любой проблемы педагогики всегда имеет в виду общественную сторону этой проблемы.

---

[1] К. Д. Ушинский, Человек как предмет воспитания, т. I, стр. XXXIX.
[2] Там же, стр. 39.
[3] К. Д. Ушинский, Собр. пед. соч., т. II, Пред. к I изд. „Детск. мира", 1913 г., стр. 89.

Ушинский исходит из того положения, что „общественное воспитание не решает само вопросов жизни и не ведет за собою истории, но следует за нею“ [1]. Он пишет: „Не педагогика и не педагоги, но сам народ и его великие люди прокладывают дорогу в будущее: воспитание только идет по этой дороге и, действуя заодно с другими общественными силами, помогает итти по ней отдельным личностям и новым поколениям“ [2]. Отсюда Ушинский заключает, что цель воспитания, которая определяет и содержание воспитания и теорию о воспитании в целом, является прежде всего вопросом общественного характера и вытекает из так называемой нравственной философии. „Самый основной вопрос воспитания,—писал Ушинский,—приводит нас к самому трудному вопросу нравственной философии: каково должно быть содержание убеждения, которое бы не разрушало необходимой формы всякого истинного убеждения—не разрушало свободы? Здесь, в этом вопросе, на который мы невольно натолкнулись разбирая статьи Н. И. Пирогова, показывается вся та тесная связь, которая существует между воспитанием и философскими науками и которой так упорно не хотят многие понять у нас. Н. И. Пирогов первый у нас взглянул на дело воспитания с философской точки зрения и увидел в нем не вопрос школьной дисциплины, дидактики или правил физического воспитания, но глубочайший вопрос человеческого духа—„вопрос жизни“, и действительно это не только вопрос жизни, но и величайший вопрос человеческого духа“ [3].

Вот почему педагогическая система Ушинского от начала до конца пронизана духом понимания им любого педагогического вопроса с общественной точки зрения, вот почему его принцип народности воспитания, прежде всего, является тем ключом, той общественно-политической точкой зрения Ушинского, под углом которой он ставит и разрешает вопросы и теории, и практики воспитания.

4. Содержание педагогики как науки

Как известно, преждевременная смерть лишила Ушинского возможности довести до конца свой труд по созданию курса пе-

[1] К. Д. Ушинский, Собр. пед. соч., т. I, Школьная реформа в Сев. Америке, стр. 107.

[2] Там же, стр. 107.

[3] К. Д. Ушинский, Избр. пед. соч., т. I, Пед. соч. Н. И. Пирогова стр. 467.

дагогики, но и проделанная им работа не только дает представление о характере задуманного им труда, но достаточно полно освещает содержание курса педагогики. Ушинским была проработана огромная литература, как русская, так и иностранная, и сделаны были соответствующие выписки с критическими заметками. Эти выписки и замечания, изданные А. Острогорским в 1908 г. как „Материалы для педагогической антропологии", дают представление о том, в каком направлении строил Ушинский этот заключительный том курса педагогики. Первые два тома курса педагогики— „Человек как предмет воспитания" представляют собой труд, равного которому „по глубине замысла и обширности плана,—как правильно отмечает В. А. Гольцев,—не существовало ни в русской, ни в западно-европейской педагогической литературе"[1]. Не случайно, что Ушинский имел твердое намерение издать свой труд „Человек как предмет воспитания" на английском языке, но смерть прервала начатое им дело. Смело можно сказать, что „по глубине замысла и обширности плана" история домарксовой педагогической мысли на самом деле не знает ни одного творения в области педагогики, равного труду „Человек как предмет воспитания".

Наконец, мы имеем развернутый план, составленный Ушинским, как оглавление его специального тома курса педагогики. Этот план Ушинским был одновременно представлен как проект программы курса педагогики для специальных женских классов[2]. Мы имеем также программу курса педагогики, составленную Ушинским для двух старших классов женских учебных заведений, с объяснительной запиской и „Проект программы курса педагогики", которые дают возможность еще более точно определить, какое содержание вкладывал Ушинский в педагогику как науку.

Анализ означенных источников ясно показывает, что, по Ушинскому, педагогика должна содержать научно-обоснованную систему взглядов на следующие вопросы: 1) какова закономерность психофизического развития ребенка как предмета воспитания; 2) какова должна быть цель воспитания; 3) каково должно быть содержание образования; 4) какие качества личности должны воспитываться в детях; 5) какими путями и мето-

[1] В. А. Гольцев, Воспитание, нравственность, право (сборник статей), 1897 г., стр. 106.

[2] Впервые напечатана Д. Д. Семеновым в сборнике „Памяти К. Д. Ушинского", 1895 г.

дами должны обучать и воспитывать детей и, наконец, б) каковы роль, содержание, формы и методы работы учителя, школы, семьи и государства в деле формирования человека.

Сообразно с тем положением, что „Воспитательная деятельность, как и всякая другая разумная человеческая деятельность, имеет: 1) свой предмет, 2) цель и 3) средства“ [1], Ушинский курс педагогики делит на две части: к первой части он относит вопросы, касающиеся цели и предмета воспитания; эту часть он называет общей педагогикой, а ко второй части —вопросы, касающиеся средств воспитания; эту часть он называет дидактикой. Вопросы теории воспитания Ушинский относит к дидактике, так как „учение, как одно из самых сильных воспитательных средств как по своей важности, так и по обширности и разнообразию своих правил, излагается обыкновенно в дидактике или науке обучения“ [2].

Если схему курса педагогики представить в таком виде, как предлагает Ушинский в своих программах педагогики, то получим следующую картину.

Вводная часть курса педагогики должна освещать такие вопросы, как „предмет воспитательной деятельности“ (что такое воспитание, что такое педагогика, из каких частей состоит педагогика и другие науки и т. д.), „Цель воспитательной деятельности“, „Средства воспитательной деятельности“. Первый раздел курса педагогики состоит из двух частей: первая часть охватывает вопросы физического развития и воспитания детей—1) условия физического развития, 2) мускульный процесс, 3) органы нервных чувств, 4) нервная система), а вторая часть—„воспитание умственно-нравственное“—являющаяся ведущей частью этого раздела, охватывает вопросы педагогической психологии, умственного и нравственного воспитания детей. Так, в введении к этой части курса рассматриваются вопросы: „отличие психических явлений от физических, сознательность как отличительный признак психического явления; взаимодействие души и тела; два вида психических явлений в человеке: психические явления низшего разряда, общие человеку и животным, которые следует назвать душевными, в отличие от телесных, и психические явления высшего разряда, составляющие исключительную принадлежность челове-

[1] К. Д. Ушинский, Собр. пед. соч., т. I, стр. 400.
[2] Там же.

ческой души и которым следует усвоить название духовных". После этого вводного разъяснения вопроса о различии психического и физического следуют вопросы, относящиеся к анализу и путям их развития в процессе воспитания. Относя к душевным явлениям „явления познавания" (т. е. интеллектуальные процессы —Д. Л.), „явления внутреннего чувства" (т. е. эмоциональные процессы—Д. Л.) и „явления воли" (т. е. волевые процессы—Д. Л.), Ушинский в определенной последовательности рассматривает вопросы не только в плане их психологического анализа, но и, главным образом, в плане педагогическом. За этой частью следуют „духовные явления", где освещаются такие вопросы, как „дар слова" („физиологические и психические основы дара слова. Важное значение языка в умственном развитии человека. Отношение языка к логике. Значение языка для индивида и в особенности для детей. Значение народного языка для индивида и в особенности для дитяти. Педагогические меры, способствующие правильному и обширному развитию дара слова в детях. Влияние изучения иностранных языков на знание своего собственного" и др.), „чувство художественное" („психические и физиологические основы, проявление этого чувства в музыке, живописи, ваянии, поэзии, любви к природе и человеку... поэтический элемент в воспитании... Влияние занятий искусствами и в особенности музыкой и живописью на общее развитие и душевное настроение детей") и „чувство нравственности" („ее две формы: 1) индивидуальное нравственное чувство или чувство правды и справедливости, 2) общественное чувство и чувство нравственности в тесном смысле").

Во втором разделе курса педагогики, в разделе дидактики последовательно ставятся следующие вопросы: понятие о дидактике, содержание и практические цели учения, учение пассивное и активное, понятие преподавания в тесном смысле, принципы преподавания, организация и методы обучения, приемы обучения и т. д. Из общей дидактики выделяется частная дидактика, которая содержит изложение основ преподавания отдельных учебных дисциплин.

В курс педагогики Ушинский включает и школьную гигиену, которая содержит вопросы, относящиеся к режиму учебной работы детей и др. Программа предусматривает также вопросы управления школой: функции директора, классного руководителя, педа-

гического совета и т. д. В этой части рассматривается и учитель, как „основной член школьного организма".

Из этой схемы программы курса педагогики прежде всего видно, что Ушинский свою систему педагогической науки строит на основе того главного положения, что человек в онтогенезе развивается в процессе деятельности и что основным организующим фактором этого процесса является воспитание. И, что самое главное, эта программа полностью подтверждает, что Ушинский строил определенную систему курса педагогики.

Правда, Ушинский не смог точно распределить отдельные разделы педагогики в системе курса педагогической науки (так, напр., воспитание личности, психологические основы обучения и т. д.), но в целом его систему педагогики как науки, по сравнению с существовавшими до него системами, следует признать наилучшей. Эта система особенно ценна тем, что она требует последовательного изучения закономерностей психофизического развития ребенка в процессе воспитания, с использованием с этой целью достижений физиологии и, в особенности, психологии. Глубоко продумана также и та часть педагогики, которая касается вопросов дидактики.

Все это дает нам право сказать, что никто из классиков домарксовой педагогики не дал такую научно обоснованную и реальную систему курса педагогики, не определил ее задачи и содержание в соответствии с интересами народа и с уважением личности ребенка, как Ушинский.

5. Связь педагогики с другими науками

Ушинский исходил из того положения, что никакая наука, в том числе и наука педагогическая, не может существовать и развиваться изолированно от других наук. Педагогика не может не иметь связи прежде всего с такими науками, „из которых она почерпает знание средств, необходимых ей для достижения ее целей"[1]. Такими науками, по Ушинскому, являются все те науки, „в которых изучается телесная или душевная природа человека, и изучается притом не в мечтательных, но в действительных явлениях"[2].

---

[1] К. Д. Ушинский, Человек как предмет воспитания, т. I, стр. X.
[2] Там же, стр. X—XI.

Подчеркивая исключительно важную роль психологии для педагогики, Ушинский, писал: „Ни педагогический такт, ни педагогический опыт сами по себе недостаточны для того, чтобы из них можно было выводить сколько-нибудь твердые педагогические правила, и что изучение психических явлений научным путем—тем же самым путем, которым мы изучаем все другие явления—есть необходимейшее условие для того, чтобы воспитание наше, сколь возможно, перестало быть или рутиною, или игрушкою случайных обстоятельств, и сделалось, сколь возможно-же, делом рациональным и сознательным“ [1].

Вместе с тем Ушинский далек от мысли об „органическом соединении педагогики и психологии“ [2]. Ушинский не только не говорит о смешении этих наук, но не допускает даже смешения их методов исследования. „Если одна наука может пользоваться результатами другой, то только под тем условием, чтобы обе они не смешивали своих методов“ [3]. Ушинский говорит о такой связи педагогики с психологией, которая педагогике и педагогу обеспечивает знание общих закономерностей психического развития человека, главным образом, ребенка. „Что-нибудь одно из трех,—писал Ушинский,—или психология такая легкая, что всякий практик-педагог знает ее без всякого подготовления; или педагог есть машина для задачи и спрашивания урока и наказания тех, кто попадается ему под-руку (потому что самое определение проступка требует уже знания психологии); или, наконец, педагог должен много учиться понимать душу в ее явлениях и много думать о цели, предмете и средствах воспитательного искусства“ [4].

Говоря о пределах использования данных психологии, физиологии и философии для педагогической теории и практики, Ушинский писал: „Медик, историк, филолог могут принести непосредственную пользу делу воспитания только в том случае, если они не только специалисты, но и педагоги: если педагогические вопросы предшествуют в их уме всем их изысканиям, если они, кроме того, хорошо знакомы с физиологией, психологией и логикой—этими тремя главными основами педагогики“ [5].

---

[1] К. Д. Ушинский, Человек как предм. воспит., т. I, стр. XXXVII.

[2] Проф. Ш. Ганелин, Педагог, психолог, методист, „Учительская газета“, 1946 г., 3 января.

[3] К. Д. Ушинский, Человек как предм. воспит., т. I, стр. 171.

[4] К. Д. Ушинский, Собр. пед. соч., т. I, О пользе педаг. литер-ры, стр. 10.

[5] К. Д. Ушинский, Человек как предм. воспит., т. I, стр. XIX.

Одновременно Ушинский вполне правильно указывал на то, что, во-первых, педагогика не может быть выведена из психологии, как это делали Гербарт и Бенеке, и, во вторых, только та психология может оказать содействие педагогике, которая изучает психологические явления на основе „реальных фактов", а не на основе метафизических мечтаний": „Гербарт, а потом Бенеке,—говорит Ушинский,—пытались уже вывести педагогическую теорию из психологических оснований; но этим основанием были их собственные теории, а не психологические несомненные факты, добытые всеми теориями. Педагогики Гербарта и Бенеке—скорее добавления к их психологии и метафизике, и мы увидим, к каким натяжкам часто вел такой образ действия. Мы же задали себе задачу, без всякой предвзятой теории, насколько возможно точнее изучить те психические явления, которые имеют наибольшее значение для педагогической деятельности" [1].

Поскольку анатомические и, в особенности, физиологические процессы лежат в основе психической жизни человека, то педагогическая наука не может строиться и развиваться в отрыве от этих наук. Ушинский указывает также, что „изучение педагогики предполагает уже некоторое предварительное знакомство с устройством и законами жизни и развития человеческого организма, изучение педагогики предполагает уже некоторое предварительное знакомство с физиологией и психологией. Без этого сколько-нибудь рациональное преподавание педагогики невозможно" [2].

Ушинский требовал, чтобы педагогика широко использовала данные и общей гигиены, так как она уясняет учителю процессы физического развития ребенка в ходе его воспитания. Но одновременно он предупреждал, что заимствование данных из гигиены и вообще из медицинских наук должно быть основано на глубоком изучении сведений из физики, из химии, из анатомии и физиологии с тем, чтобы эти заимствования не приняли характер неразборчивого отношения к разным медицинским советам. „В каждой педагогике,—пишет Ушинский,—существует и теперь отдел физического воспитания, правила которого, чтобы быть сколь-нибудь положительными, точными и верными, должны быть выведены из обширного и глубокого знания анатомии, физиологии и патологии: иначе они будут походить на те бесцветные, пустые и

[1] К. Д. Ушинский, Человек как предм. воспит., т. I, стр. XXVIII.
[2] К. Д. Ушинский, Избр. пед. соч., т. I, стр. 400.

бесполезные по своей общности и неопределенности, часто противоречащие, а иногда и вредные советы, которыми обыкновенно наполняется этот отдел в общих курсах педагогики, написанных врачами" [1].

Ушинский указывает на необходимость связи педагогики с историческими науками. „Только педагог-историк,—говорит Ушинский,—может уяснить нам влияние общества, в его историческом развитии, на воспитание и влияние воспитания на общество, не гадательно только, как делается это теперь почти во всех всеобъемлющих германских педагогиках, но основывая всякое положение на точном и подробном изучении фактов" [2].

Ушинский глубоко верит, что развитие и усовершенствование наук принесет дальнейшее развитие и теории воспитания, но при условии, если сама эта теория не только не будет отставать от источника своего развития, от передовой педагогической практики, но и итти во главе этой практики, освещая ей путь. „Вместе с усовершенствованиями наук,—писал Ушинский,—будет совершенствоваться и воспитательная теория, если только она, перестав строить правила, ни на чем не основанные, будет постоянно справляться с наукою в ее постоянно развивающемся состоянии и каждое свое правило выводить из того или другого факта или сопоставления многих фактов, добытых наукою" [3].

6. Принцип народности в педагогической науке

Принцип народности в педагогике Ушинский строит на двух следующих положениях: 1) русская педагогическая наука должна отражать воспитательные цели русского народа, его экономические, общественно-политические и культурно-просветительные интересы. Отсюда, естественно, 2) она, русская педагогическая наука, должна быть самобытной, т. е. свободной от неразумного влияния педагогических теорий других стран.

Ушинский, придерживаясь во всей своей педагогической теории принципа народности, исходил из того верного положения, что русская педагогическая наука должна как по своему направлению, так и по содержанию сообразоваться с жизненными инте-

[1] К. Д. Ушинский, Человек как предмет воспитания, т. I, стр XVII
[2] Там же, стр. XIX.
[3] Там же, стр. XVII.

ресами русского народа, воплощающего в себе лучший опыт истории многовековой практики воспитания. „Напрасно мы хотим выдумать воспитание,—писал Ушинский,—воспитание существует в русском народе столько же веков, сколько существует сам народ —с ним родилось, с ним выросло, отразило в себе всю его историю, все его лучшие и худшие качества. Это почва, из которой вырастали новые поколения России, сменяя одно другим. Ее можно удобрить, улучшить, приноровившись к ней же самой, к ее требованиям, силам, недостаткам“ [1].

Отсюда русская педагогическая наука должна быть русской, народной наукой так же, как и само воспитание должно являться русским, народным воспитанием. Ушинский не раз указывал, что если в какой-нибудь отрасли литературы необходима народность, то более всего в тех книгах, которые относятся к воспитанию самого народа.

Провозглашение Ушинским принципа народности в педагогике совершенно не означает, что он отгораживал русскую педагогическую науку и само воспитание китайской стеной от европейского образования и от тех достижений в области научной педагогической мысли, которые имелись у отдельных народов мира. Наоборот, Ушинский жестоко осуждал тех, которые впадали в крайности и требовали полного отмежевания от других государств вообще и в области воспитания и науки, в особенности. „Указывая на какой-нибудь удачный педагогический опыт того или другого народа, мы если действительно хотим узнать истину, не должны опускать тех-же опытов, сделанных в другой стране и давших результаты противоположные“, — писал Ушинский[2]. Ушинский неоднократно указывал что: „Каждый образованный народ только тогда имеет значение в науке, когда обогащает ее истинами, которые остаются такими для всех народов. И, наоборот, какую пользу науке мог бы принести народ, создавший свою особенную народную науку, непонятную для других народов? Могла ли бы, наконец, итти наука вперед, если бы каждый народ создавал для себя особенную науку, не усваивая результатов, добытых его предшественниками и современниками? Как непонятны выражения: французская магематика, английский закон тя-

[1] К. Д. Ушинский, Собр.пед. соч., т. I, О нравств. элем. в русском воспитании, стр. 256.

[2] К. Д. Ушинский, Человек как предмет воспитания, т. I, стр. XXXV.

готения, немецкий закон химического средства; так же не имеют содержания и выражения: русская наука, если под этим выражением не разуметь той части науки, предметом которой является Россия, ее природа или ее история"[1].

Отсюда совершенно ясно, что Ушинский стоит не за опорочивание того опыта и знаний, которые добыты всем человечеством, а за широкое, созидательное развитие общечеловеческой науки на почве народности. Отсюда видно также, что такие науки, непосредственным объектом которых представляется определенная страна, в данном случае — Россия, ее природа и ее история, должны, главным образом, отражать жизнь данной страны, в этом случае—России. К этой категории наук Ушинский относит и педагогику.

Ушинский хорошо видел, что царское правительство и органы просвещения насаждали чуждые для жизни русского народа системы и теории воспитания, в особенности—немецкие педагогические системы и теории. Разрабатывая свою оригинальную педагогическую науку на основе и принципах народности, Ушинский с присущей ему силой глубокой научной критики прежде всего разоблачил немецкую педагогику как ненаучную, идеалистическую, рецептурную теорию о воспитании. Ушинский так характеризовал общий дух немецкой педагогики: „Посмотрите на большую часть сочинений, написанных учителями для учителей! Наполняется и согревается ли чье-нибудь сердце при этом обзоре? Кто может извлечь из него силу для своей мысли, одушевление для важного подвига? Найдет ли кто-нибудь в них дыхание жизни, самостоятельный образ мыслей и энергию? Переходят ли их мнения в убеждения, убеждения в дела и вытекают ли их воззрения из фактов? Это по большей части холодные бессмысленные груды печатной бумаги,—и слог такой, что нечему удивляться, если люди, которые действительно живут и черпают жизнь из свежих источников живой литературы, видят в учителях заживо похороненных людей, осужденных питаться такими продуктами, которые ни для кого более негодны"[2].

Основной порок немецкой педагогики, согласно правильному определению Ушинского, заключался в том, что она была построена не на жизненных потребностях народа и не на научном

[1] К. Д. Ушинский, Собр. пед. соч., т. I, О народности в общ. воспит., стр. 25.

[2] Там же, стр. 77.

мировоззрении, а на основе метафизических абстракций, ничего общего не имеющих с реальной действительностью. Склонность к бессмысленному отвлечению являлась характерной чертой не только немецких философских систем (шеллинговской, гегелевской), но и любой немецкой педагогической системы. Оторванное от жизни „философствование"—вот основная черта немецкой педагогики, которая делает ее ненаучной, нереальной, абстрактной теорией о воспитании. Ушинский особо подчеркивает немецкое буквоедство и доглупости доведенный педантизм, как показатель немецкой системы в педагогической науке. Указав на то, что „под сеткою бесконечных делений и подразделений, оглавленных буквами всех размеров и всех азбук, не скрывается часто ни малейшей мысли"[1], Ушинский писал: „Нет ничего легче, как разгородить стройную систему, озаглавив каждую из ее клеток то римскими и арабскими цифрами, то буквами всех возможных азбук; но подобные системы и положения всегда казались нам не только бесполезными, но и вредными путами, которые писатель добровольно и совершенно напрасно надевает сам на себя, обязываясь вперед наполнить все эти клетки, хотя в иную, за неимением действительного материала, не оставалось-бы поместить ничего, кроме пустых фраз"[2].

Ушинский вскрывал „средневековую дикость" немецкой педагогики и в ее отношении к личности ребенка. Теория „управления" и „подавления" свободной воли в ребенке, провозглашенная Гербартом, является подлинно варварским отношением к личности ребенка, к задаче его свободного развития. „В Германии живут и в педагогической практике такие дикие остатки средневековой схоластики, существование которых хотя и объясняется историей, но вовсе не оправдывается разумом",—писал Ушинский.

Исчерпывающую критику ненаучного характера немецкой педагогики Ушинский дал в своей оценке учебников педагогики К. Шмидта. „Правда, ...педагогика Карла Шмидта опирается на физиологию и на психологию,—писал Ушинский,—и еще более на первую, чем на последнюю; но... читая эту книгу, часто кажется, что слышишь бред германской науки"[3].

Исходя из этой справедливой оценки немецкой идеалистической педагогики, Ушинский ставит вопрос о вреде этой педагогики

---

[1] К. Д. Ушинский, Собр пед. соч., т. I, О народности в общ. воспит., стр. 31.

[2] К. Д. Ушинский, Человек как предмет воспитания, т. I, стр. XXIX.

[3] Там же, стр. XXIX.

для русского народа и пишет: „Неужели нет в Германии какой-либо хорошей педагогики, которую можно было бы перевести? Как бы, кажется, не быть в Германии такой педагогики: мало ли у нее этого добра! Находятся и охотники переводить, но русский здравый смысл повертит, повертит такую книгу, да и бросит. Положение выходит еще комичнее, когда открывается где-нибудь кафедра педагогики. Слушатели ожидают нового слова и читающий лекции начинает бойко, но скоро бойкость эта проходит: бесчисленные правила и наставления, ни на чем не-основанные надоедают слушателям, и все преподавание педагогики мало-по-малу сводится, как говорят ремесленники, на нет“ [1]. Говоря о непригодности немецкой системы теории и практики воспитания, Ушинский прямо указывает: „Пусть Германия, как знает сама, разделывается с своей хитро обдуманной педагогикой, если она уже отслужила ей службу: нам же не нужны ни ее болезни, ни ее лекарства“ [2].

Ушинский беспощадно разоблачал те органы педагогической прессы, которые проводили линию немецкой педагогики. Ярким выразителем германофильства был в то время журнал „Учитель“, издававшийся Паульсоном и Весселем. В программном объявлении издатели этого журнала так определяли его направление: „Но откуда, спросят нас, мы будем черпать наши материалы? Германия есть настоящая родина науки вообще и педагогики в особенности; будучи знакомы с богатою литературою ее как популярно-научною, так и специально педагогическою, мы будем пользоваться этим источником и брать все годное для нашей цели“ [3]. Характеризуя этот журнал в своем письме М. И. Семевскому, Ушинский писал: „В Петербурге издается два педагогических журнала: „Учитель“ Паульсоном и „Народная школа“ Медниковым. „Учитель“ проводит немецкую педагогику, мало пригодную для нас, русских“ [4].

Одновременно Ушинский, „высмеивая ахиллесову пяту немецких педагогов“ [5], с большой радостью и воодушевлением встре-

---

[1] К. Д. Ушинский, Человек как предмет воспитания, т. I, стр. IV.

[2] К. Д. Ушинский, Собр. пед. соч., т. I, О народности в обществ. воспитании, стр. 88.

[3] Журнал „Учитель“, 1859 г., № 1.

[4] В. В. Тимощук., М. И. Семевский, биография, 1895 г., письмо 2-е.

[5] В. Ермилов, К. Д. Ушинский, „Вестн. восп.“, 1896. г., № 2, стр. 72.

чал всякое новое педагогическое начинание на русской почве. Известно, как он был восхищен классической статьей Н. И. Пирогова „Вопросы жизни", напечатанной в „Морском сборнике" в 1856 году. Этой статье Н. И. Пирогова Ушинский посвятил свою работу „Педагогические сочинения Н. И. Пирогова". С большим воодушевлением встретил Ушинский и основание Л. Н. Толстым педагогического журнала „Ясная поляна": „Желаем полного успеха этому в высшей степени полезному и благородному предприятию" [1],—писал К. Д. Ушинский по поводу выхода первого номера этого журнала.

Ведя беспощадную борьбу против всякого рода германофильских настроений, Ушинский построил подлинно оригинальную педагогическую науку. Он создал вокруг себя свою школу из лучших, передовых педагогов своего времени (Д. Д. Семенова, Л. Н. Модзалевского, В. И. Водовозова и др.), которые продолжали дело Ушинского, беззаветно служа интересам Родины, интересам русской самобытной педагогической науки.

7. Значение педагогики и пути ее развития

Ушинский высоко ценил значение педагогической науки для успешного осуществления целей воспитания. „Одна педагогическая практика без теории то же, что знахарство в медицине",— учит Ушинский. Потому знание педагогики является „совершенно необходимым... берущимся за практику воспитания и учения" [2]. В педагогической науке нуждается каждый педагог, если он добросовестно относится к своему сложному и ответственному делу воспитания человека. „Неужели дело воспитания так легко,—говорит Ушинский,—что стоит только принять на себя звание воспитателя, чтобы постигнуть это дело во всей его полноте? Неужели достаточно только нескольких лет воспитательной деятельности и единичной наблюдательности, чтобы разрешить все вопросы воспитания? Самые закоренелые педагоги-рутинеры беспрестанно толкуют о трудности своего искусства и отвергают теорию именно на том основании, что она слишком легко дается кабинетным мудрецам" [3].

---

[1] К. Д. Ушинский, „Журн. мин. нар. просв.", 1861 г., IV, стр. 114.

[2] К. Д. Ушинский, Собр. пед. соч. под. ред. проф. В. Я. Струминского, Руков. к препод. по „Родному слову", т. I, 1939 г. стр. 180.

[3] К. Д. Ушинский, Собр. пед. соч., т. I, О пользе педаг. литературы, стр. 3—4.

Ушинский совершенно правильно подчеркивает общественное значение овладения учителем теории педагогики и обязывает каждого учителя с чувством полной ответственности относиться к своему великому призванию и вооружиться необходимой теорией этого сложного дела. „Если мы требуем от ремесленника, чтобы он думал о своем ремесле и старался познакомиться с ним ближе, то неужели общество, доверяющее нам детей своих, не в праве требовать от нас, чтобы мы старались, по мере сил своих, познакомиться с тем предметом, который вверяется нашим попечениям,—с умственною и нравственною природою человека. Педагогическая литература открывает нам широкий путь для этого знакомства“ [1].

Ушинский беспощадно и вполне по заслугам бичует таких зазнавшихся педагогов, которые считают, что у них имеется достаточный опыт из практики и в помощи педагогической науки уже не нуждаются. „Но может быть какой-нибудь педагог-практик будет отвергать полезность теоретического изучения науки воспитания, основываясь на достаточности его результатов, достигаемых без помощи теории. Такому педагогу мы можем сказать только, что он величайший утопист и мало наблюдал над явлениями, представляемыми общественной и частной жизнью“ [2]. Одновременно Ушинский также правильно отмечал, что среди педагогов есть и будет неравенство в смысле их опытности, но эта опытность еще ничего не решает, если факты опыта не обобщены и научно не осознаны самим педагогом. „Конечно,—пишет он,—ни один практик-педагог не отвергает возможности большего или меньшего совершенства в своем деле, конечно, ни один из них не признает равенства искусства воспитания во всех своих собратиях. Напротив, каждый из них так гордится своей опытностью, высчитывая по пальцам года своей воспитательной деятельности. На чем же основывается такое неравенство, или, другими словами, что такое педагогическая опытность? Большее или меньшее количество фактов воспитания, пережитых воспитателем. Но, конечно, если эти факты остаются только фактами, то они не дают опытности. Они должны произвести впечатление на ум воспитателя, классифицироваться в нем по своим характеристическим особенностям, обобщиться, сделаться мыслью, и уже эта мысль, а не са-

[1] К. Д. Ушинский, Собр. педаг. соч., т. I, О пользе педаг. литературы, стр. 11.

[2] Там же, стр. 7.

мый факт, сделается правилом воспитательной деятельности педагога"[1]. Эту задачу—дать фактам силу, „произвести впечатление на ум воспитателя" и выполняет педагогическая наука. „Никто, конечно, не сомневается,—писал Ушинский,—что воспитание есть деятельность сознательная, по крайней мере, со стороны воспитателя, но сознательной деятельностью может быть названа только та, в которой мы определили цель, узнали материал, с которым мы должны иметь дело, обдумали, испытали и выбрали средства, необходимые к достижению сознанной нами цели"[2].

Но когда педагогика не опирается на практику воспитания, на факты, она представляет собой абстрактную теорию, ничего общего не имеющую с практическими задачами работы педагога-практика, то в таком случае, „педагог-практик смеется над своим зафилософствовавшимся товарищем, чувствует всю неприложимость его стройной теории, берет в одну руку учебник своего предмета, в другую ферулу—и дело идет у него как по маслу; ученики учатся прилежно, переходят из класса в класс, вступают в жизнь, и как-будто никогда и ничему не учились"[3].

Считая одинаково вредным для дела, когда педагогическая теория оторвана от жизни или когда педагогическая практика не пользуется данными педагогической теории, Ушинский писал: „Нет такого педагога-практика, который бы не имел своей, хотя крошечной, хотя туманной теории воспитания, и нет такого смелого теоретика, который бы по временам не оглядывался на факты. Но если можно не доверять кабинетной теории воспитания, то еще более причин не давать никакого важного и общего значения одиночной опытности практика"[4].

Отсюда задача для педагогической науки: никогда не отгораживаться от практики воспитания и на основе принципа единства теории и практики развиваться сообразно с требованиями практики воспитания, указывая последней верный путь и вселяя в каждом воспитателе-педагоге уверенность в своей деятельности.

Ушинский боролся за широкое распространение педагогической науки, так как он считал, что „Распространение здравых

---

[1] К. Д. Ушинский, Собр. пед. соч., т. I, О пользе пед. лит-ры, стр. 4.

[2] Там же, стр. 11.

[3] Там же, стр. 3.

[4] Там же, стр. 3.

педагогических идей между учителями есть одно из вернейших средств улучшить наше общественное воспитание"... „Трудно себе представить,—продолжает Ушинский,—какой переворот в идеях и в душе человека, заключенного где-нибудь в глуши уездного города, может сделать попавшаяся в его руки хорошая книга" [1].

Для успешного разрешения этой задачи Ушинский считал необходимым принятие государством мер по внедрению педагогической культуры в народе. Из этих мер самыми важными он считал создание педагогических факультетов в университетах, широкое развитие сети средних и высших, мужских и женских, специальных педагогических учебных заведений, создание и распространение педагогической печати, разработку научных курсов по педагогике и истории педагогики, основание педагогических журналов и перестройку существующих на основе требований народной школы и т. д. „Если в университетах,—писал Ушинский,—существуют факультеты медицинские и даже камеральные, и нет педагогических, то это показывает только, что человек до сих пор более дорожит здоровьем своего тела и своего кармана, чем своим нравственным здоровьем, и более заботится о богатстве будущих поколений, чем о хорошем их воспитании. Общественное воспитание совсем не такое малое дело, чтобы не заслуживало особого факультета. Если же мы до сих пор, готовя технологов, агрономов, инженеров, архитекторов, медиков, камералистов, филологов, математиков, не готовили воспитателей, то не должны удивляться, что дело воспитания идет плохо, и что нравственное состояние современного общества далеко не соответствует его великолепным биржам, дорогам, фабрикам, его науке, торговле и промышленности" [2].

Во всех этих звеньях общей системы по поднятию педагогической теории на уровень общественно-государственных задач основной должна стать задача глубоко изучить основы предмета воспитания. Так, например, касаясь вопроса о характере преподавания педагогики, Ушинский писал: „Мы полагаем, что лица, берущиеся за преподавание педагогики, должны очень хорошо помнить, что выучивание педагогических правил не приносит никому

---

[1] К. Д. Ушинский, Собр. пед. соч., т. I, Педаг. поездка по Швейцарии, стр. 355.

[2] К. Д. Ушинский, Человек как предмет воспитания, т. I., стр. XI—XII.

никакой пользы и что самые правила эти не имеют никаких границ: все их можно уместить в одном печатном листе и из них можно составить несколько томов. Это одно уже показывает, что главное дело вовсе не в изучении правил, а в изучении тех научных основ, из которых эти правила вытекают"[1]. „Ни педагогический такт, ни педагогический опыт сами по себе недостаточны для того, чтобы из них можно было выводить сколько-нибудь твердые педагогические правила, и что изучение психических явлений научным путем—тем же самым путем, которым мы изучаем все другие явления—есть необходимейшее условие для того, чтобы воспитание наше, сколько возможно, перестало быть или рутиною, или игрушкою случайных обстоятельств, и сделалось, сколь возможно, делом рациональным и сознательным"[2].

Ушинский призывал к смелому использованию новейших достижений в разных отраслях человеческого знания для развития педагогической науки и воспитательной практики. Весьма актуальное и прогрессивное значение имели для того времени следующие слова Ушинского: „Прискорбно видеть, что положительное тупоумие одних и лихорадочный бред других не позволяют идее Дарвина принести в области воспитания всей той практической пользы, которую она принести может"[3].

Ушинский глубоко верил, что настанет время, когда „вместе с усовершенствованием наук будет совершенствоваться и воспитательная теория, если только она, перестав строить правила, ни на чем не основанные, будет постоянно справляться с наукою в ее постоянно развивающемся состоянии и каждое свое правило выводить из того или другого факта или сопоставления многих фактов, добытых наукою"[4].

---

[1] К. Д. Ушинский, Человек как предмет воспитания, т. I, стр. XXXX.

[2] Там же, стр. XXXVII.

[3] К. Д. Ушинский, Человек как предмет воспитания, т. II, стр. 284.

[4] К. Д. Ушинский, Человек как предмет воспитания, т. I, стр. XVII.

Глава III

ОБЩЕПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ИДЕИ

В педагогической системе Ушинского ведущее место занимает его учение о целях, принципах и сущности воспитания, т. е. его общепедагогические идеи. Эти идеи, которые в свою очередь вытекают из философских и общественно-политических воззрений Ушинского, определяют характер и направленность других частей его педагогической системы.

Для того, чтобы иметь более или менее полное представление об общепедагогических идеях Ушинского, необходимо выяснить, как ставил и разрешал он следующие основные вопросы: 1) чем обусловливается необходимость воспитания человека; 2) что такое воспитание и каковы его задачи; 3) что такое принцип народности в воспитании и почему этим принципом должна быть пронизана вся система воспитания и образования человека; 4) почему труд должен являться краеугольным камнем воспитания и образования; 5) какова роль родного языка и почему он должен представлять стержень и душу всего воспитания; 6) какова должна быть система народного образования и какой школы требует народ.

1. Человек—предмет воспитания

„Человек как предмет воспитания"—так озаглавил свой капитальный педагогический трактат Ушинский. И это не случайно. Очень часто в заглавии, как в зеркале, отражается основное направление, взгляды автора на данный предмет; оно указывает читателю и на центральный вопрос самой книги. Таким централь-

ным предметом для Ушинского и является человек, но человек не вообще, а человек, именно, как предмет воспитания. И этим заглавием Ушинский со всей ясностью и полнотой определил, что основным объектом педагогической науки должно являться изучение человека в процессе воспитания с тем, чтобы научно установить закономерности самого же воспитания. Можно сказать, что „Человек как предмет воспитания" остается непревзойденным не только в смысле обширности замысла и содержания, но и по своему названию не имеет равного в истории домарксовой педагогической мысли. Ни Didactica Magna великого Коменского, ни „Мысли о воспитании" Локка, ни „Лингардт и Гертруда" Песталоцци, ни „Эмиль" Руссо в этом отношении не могут соперничать с глубоким призывным заглавием—„Человек как предмет воспитания". В этом удачном заглавии Ушинский выразил, с одной стороны, решающую роль воспитания в формировании человека, а с другой, четко определил методологическую направленность своего труда.

Ушинский далек как от нативистической теории, которая признает, что человек рождается с готовыми идеями и что воспитанию остается лишь способствовать развитию этих изначала заложенных идей и качеств человека, так и от грубо эмпирической теории, считавшей, что человек рождается как чистая доска и воспитателю остается лишь написать на ней то, что хочется. Как известно, обе эти теории сходятся, когда они утверждают, что судьба человека предопределена филогенетически приобретенными биологическими качествами или какой-то неизменной социальной средой. Против таких фаталистических взглядов, которые впоследствии протаскивала у нас лженаука—педология, решительно восстал еще Ушинский. Критикуя Бокля он писал: „Бокль ясно стал на сторону фатализма: если все зависит от предшествующих явлений, то и предшествующие в свою очередь зависят от предшествующих им и, следовательно, жизнь того или другого человека, все его поступки и все его мышление, все его счастье и несчастье определены еще тогда, когда и когда человеческого не было на земле. Положим, что это не „сверхестественное предустроение" а естественное, т. е. бессознательное, лежащее в материи. Что же выигрывает от этого человек?" [1].

[1] К. Д. Ушинский, Собр. неизд.соч., „Материалы для педаг. антропологии", стр. 45.

Вместе с тем Ушинский, принимая положение материалистического сенсуализма о том, что ребенок рождается без следов, как tabula rasa, правильно указывает, что психическое развитие человека зависит не только от свойств этой „чистой доски", но и в первую очередь, от самого воспитания, в процессе которого изменяется и развивается и „сама таблица". „Дитя,—писал Ушинский,—родится на свет без всяких следов в своей памяти, и в этом отношении действительно представляет tabula rasa Аристотеля—чистую таблицу, на которой еще ничего не написано. Однако же от самого свойства таблицы зависит уже большая или меньшая ясность и прочность того, что на ней будет написано"[1]. Таким образом, для Ушинского, придававшего воспитанию значение решающего фактора в формировании человека и считавшего, что ребенок есть субъект и одновременно объект воспитания, ребенок—не пассивный элемент в процессе воспитания, а активное существо, имеющее большое влияние на ход этого процесса и его результаты.

Не отрицая значения для формирования человека филогенетически приобретенных качеств и признавая, что решающим в этом процессе является воспитание, Ушинский стоял на верной точке зрения, считая, что развитие в онтогенезе прежде всего происходит в процессе воспитания и обучения. На этом основании он правильно утверждал, что человек становится человеком через воспитание. Это положение открывало ему широкие пути и веру в возможность быстрого прогресса человечества. „Образуйте самого этого дикаря,—писал Ушинский,—и наружность его примет другой характер. Если же образование будет последовательно трудиться над ним, его детьми и внуками, то его влияние будет еще заметнее. Наружность целого племени будет разрабатываться последовательно"[2].

Воспитание по Ушинскому не является только внешним фактором процесса формирования человека. „Самая существенная, самая человечественная потребность в человеке есть потребность к совершенствованию и развитию"[3]. Эта потребность к совершенствованию, возникающая и развивающаяся в социальной жизни и

---

[1] К. Д. Ушинский, Главн. черты чел. организма в прилож. к искусству воспитания, журн. „Педаг. сборник", 1866 г., февраль, стр. 124.

[2] К. Д. Ушинский, Собр. пед. соч., т. I, О народности в обществ. воспит., стр. 95.

[3] К. Д. Ушинский, Собр. неизд. соч., т. III, Материалы для биографии, стр. 65

на ее основе, требует, чтобы и воспитание соответствовало самой жизни, чтобы везде и всюду воспитание приняло сознательный и преднамеренный характер. Ушинский требует, чтобы воспитание человека стало делом важнейшего государственного, общенародного значения.

Высоко оценивая роль воспитания в жизни народа и мечтая о широком развитии народного образования в России, Ушинский глубоко верил, что настанет время, когда „потомки наши будут с удивлением вспоминать, как мы долго пренебрегали делом воспитания и как много страдали от этой небрежности“ [1].

Ушинский особенно подчеркивал высокое назначение родителей в воспитании будущих поколений и требовал от каждого родителя готовить своих детей полезными для общества граждан. „Одно из священнейших прав человека, рождающегося в мире,— писал Ушинский,—есть право на правильное и доброе воспитание“ [2].

Но что собой представляет само воспитание, по Ушинскому, каковы его конкретные задачи?

2. Воспитание и его задачи

Как понятие о воспитании, так и задачи воспитания Ушинский выводит из понятия о человеке. Он правильно указывает: чтобы высказать идею о воспитании, прежде всего нужно определить, что такое „сам предмет, который мы хотим воспитывать и чего мы хотим достичь воспитанием, каков наш идеал человека“ [3].

Какие качества должен воплощать в себе человек, по Ушинскому? Человек, по Ушинскому, прежде всего, должен быть совершенным, т. е. быть физически, умственно и нравственно гармонически развит. Отсюда и воспитание—это есть целеустремленный, преднамеренный процесс формирования всесторонне развитой личности. Определяя решающее значение воспитания в развитии человека в онтогенезе, Ушинский совершенно правильно подчеркивал: „Воспитание, совершенствуясь, может далеко раздвинуть пределы человеческих сил: физических, умственных и

---

[1] К. Д. Ушинский, Человек как предмет воспитания, т. I, стр. XIII.

[2] К. Д. Ушинский, Собр. пед. соч., т. I, 5-е марта 1861 года, стр. 270.

[3] К. Д. Ушинский, Собр. пед. соч. Педаг. соч., Н. И. Пирогова, т. I, стр. 472.

нравственных"[1]. Совершенно правильно также и указание Ушинского, что школьное воспитание есть приготовление к самовоспитанию, и если воспитание было хорошо, то самовоспитание будет продолжаться всю жизнь.

Провозглашая принцип организованности и целеустремленности в воспитании, Ушинский далек от теории так называемого свободного воспитания, по существу являющегося стихийной, анархической теорией. Как известно, эта теория свое начало ведет от Руссо, противопоставившего свои идеи свободного воспитания средневековой, убийственной для человеческой личности системе воспитания. Теория Руссо действительно сыграла в свое время положительную роль в разоблачении феодально-крепостнических устоев средневековой школы, но вместе с тем она представляет теорию непреднамеренного, неорганизованного воспитания. „Воспитатель же,—писал Ушинский,—придерживающийся новой психологии, мог бы сказать Руссо, что из такого воспитания не только не может выйти какого-нибудь чуда, но не выйдет ничего, кроме зверя, едва ли уж и способного к воспитанию. Руссо забывает, что до 12-летнего возраста он должен был бы по крайней мере выучить Эмиля говорить, а вместе с языком сколько привычек, навыков, понятий, чувств вошло бы в душу дитяти?"[2].

Одновременно Ушинский, исходя из гуманного отношения к личности ребенка, провозгласил незыблемое положение прогрессивной педагогики, когда он писал: „Ребенок не только готовится жить, но что он уже живет и что эта жизнь имеет свои права и свои потребности"[3]. Защищая личность ребенка, Ушинский считал недопустимым, когда педагоги и педагогика не учитывают возрастных особенностей детей и, не сообразуясь с их природой, односторонне подходят к ним. „Ни в чем, может быть, односторонее направление знаний и мышления не так вредно,—писал Ушинский,—как в педагогической практике. Воспитатель, который глядит на человека сквозь призму физиологии, патологии, психиатрии, так же дурно понимает, что такое человек и каковы потребности его воспитания, как и тот, кто изучил бы человека только в великих произведениях искусств и великих исторических деяний, и смотрел бы на него вообще

---

[1] К. Д. Ушинский, Человек как предмет воспитания, т. I, стр. XIII.

[2] Там же, стр. 311—312.

[3] К. Д. Ушинский, Собр. пед. соч., т. II, Отчет командированного, стр. 222.

сквозь призму великих совершенных им дел"[1]. Эту задачу сочетания цели воспитания с психолого-педагогическими особенностями ребенка Ушинский считал самой сложной, но вместе с тем необходимой задачей для педагога и педагогики, для всего „живого воспитательного дела". „Конечно,—говорил Ушинский,—мы не можем сравнивать мертвых материалов, над которыми работает архитектор, с тем живым и организованным уже материалом, над которым работает воспитатель"[2]... „Искусство воспитания имеет ту особенность, что почти всем оно кажется делом знакомым и понятным, а иным даже делом легким—и тем понятнее и легче кажется оно, чем менее человек с ним знаком теоретически или практически"[3].

Каковы должны быть конкретные задачи воспитания? Говоря о задачах воспитания, следует отметить, что Ушинский большое значение придавал ясному представлению цели воспитания, из которой выводил конкретные задачи, стоящие перед воспитанием. „Каковы бы ни были наши взгляды, читатель, на философию и психологию, согласитесь, что если мы хотим достигнуть какой-нибудь цели воспитанием, то должны прежде всего сознать эту цель"[4],—писал он.

Ушинский первой и основной задачей воспитания считал подготовку человека к жизни. „Самое воспитание, если оно желает счастья человеку, должно воспитывать его не для счастья, а приготовлять к труду, жизни"[5].

Разоблачая антинародный характер тех взглядов о воспитании которых придерживались в аристократических кругах общества, Ушинский писал: „Понятие воспитанного человека—весьма широкое понятие. Иногда хорошо воспитанным человеком зовут того, кто хорошо умеет повязать галстух, держать себя по моде, болтать на иностранных языках, поддерживать разговор в гостиной, нравится дамам и проч. и проч., иногда того, кто умеет поклониться, где следует поднять нос, где можно, задать тону, не пропускать того, что плывет в руки и проч. и проч. В отношении

---

[1] К. Д. Ушинский, Человек как предмет воспитания, т. I, стр. XIX.
[2] Там же, стр. VII.
[3] Там же, стр. I.
[4] К. Д. Ушинский, Собр. пед. соч., т. I, Пед. соч. Н. И. Пирогова, стр. 472.
[5] К. Д. Ушинский, Собр. пед. соч., т. I, Труд в его псих. и восп. знач., стр. 154.

воспитания женщин понятия бывают еще страннее: воспитанная девушка должна уметь пустить пыль в глаза, пробежать небрежно трудную арию, соединить наивность с холодным рассудком, под ласковой улыбкой скрывать самые неласковые движения души, и главная цель ее воспитания—поймать выгодного жениха. Скажите, как назвать тех воспитателей, которые решатся удовлетворять таким требованиям? Называйте их как угодно, только, ради бога, не воспитателями"[1]. Ушинский считал, что воспитание лишь тогда может быть процессом подготовки к жизни, если оно дает, прежде всего, истинные знания о действительности и на основе этого развиваются, совершенствуются умственные силы ребенка.

Ушинский считал нравственное воспитание ведущим во всем процессе формирования личности и указывал, что учение—это путь нравственного совершенства человека. „Мы смело высказываем убеждение,—писал Ушинский,—что влияние нравственное составляет главную задачу воспитания, гораздо более важную, чем развитие ума вообще, наполнение головы познаниями и разъяснение каждому его личных интересов"[2]. Воспитание, лишенное моральной силы, не только не совершенствует человека, а разрушает его личность, делает его живым трупом для общества и народа. „К чему же и воспитание, если оно не будет действовать на нравственное и умственное развитие человека? Зачем зубрить историю Аристидов, Сократов, Катонов, если только от природного благородства или неблагородства натуры нашей будет зависеть исполнение или неисполнение нашего общественного долга? К чему учить историю, словесность, все множество наук, если это ученье не заставит нас полюбить идею и истину"[3],—правильно указывает Ушинский.

Ушинский считал, что человек достигнет своего морального совершенства лишь тогда, когда его воспитание кровно будет связано с жизненными интересами народа. Эта связь воспитания с жизнью народа прежде всего должна осуществиться на основе воспитания в детях уважения к труду и применения своих знаний в трудовой деятельности. Он пишет: „...воспитание должно неусыпно заботиться, чтобы, с одной стороны, открыть воспитаннику

---

[1] К. Д. Ушинский, Собр. пед. соч., т. 1, О пользе педаг. литературы, стр. 17.

[2] К. Д. Ушинский, Собр. пед. соч., т. I, О нравств. элем. в русск. восп., стр. 212.

[3] К. Д. Ушинский, Собр. пед. соч., т. I, О пользе педаг. литературы, стр. 7—8.

возможность найти себе полезный труд в мире, а с другой—внушить ему неутомимую жажду труда"[1].

Особенно подчеркивал Ушинский значение воспитания в детях твердой воли и характера. Ушинский считал, что воспитание этих качеств возможно лишь на основе выработки в детях серьезного отношения к труду и учебе. Самым вредным в деле истинного воспитания он признавал легкий, шутовский оттенок, который некоторые придавали обучению.

Говоря о нравственном воспитании, Ушинский всегда особое место уделяет задаче воспитания в ребенке благороднейших чувств патриотизма и одновременно чувства уважения к каждой нации, к ее правам, языку и т. д. Считая чувство любви к отечеству самым высоким чувством и отсюда его воспитание и совершенствование одной из важнейших задач воспитания, Ушинский писал: „Как нет человека без самолюбия, так нет человека без любви к отечеству, и эта любовь дает воспитанию верный ключ к сердцу человека и могущественную опору для борьбы с его дурными природными, личными, семейными и родовыми наклонностями"[2].

Все педагогическое учение Ушинского согрето благородным чувством любви и уважения к личности, чувством гуманизма. Ушинский считал, что „воспитание должно просветить сознание человека, чтобы перед глазами его лежала ясная дорога добра". И в этом добре, в понимании Ушинского, личность и уважение к ней занимает самое важное место. Отсюда гуманизм—основная, характерная черта педагогической системы Ушинского. На этой основе Ушинский требовал воспитывать в детях искреннее стремление к совершенству.

Задачей воспитания Ушинский считает формирование в детях и таких качеств, как чувство долга и ответственности перед народом, перед государством, семьей и перед самим собой.

Особое значение в формировании совершенной личности Ушинский придает задачам развития в ребенке художественно-эстетического чувства. Без этих чувств человек не может оценить всю красочность жизни и истины, не может наслаждаться жизнью.

---

[1] К. Д. Ушинский, Собр. пед. соч., т. I, Труд в его псих. и восп. знач., стр. 165.

[2] К. Д. Ушинский, Собр. пед. соч., т. I, О народности в общ. восп., стр. 102—103.

„Истина, как бы возвышенна она ни была, без художественной формы не произведет полного впечатления“ [1],—пишет Ушинский.

Ушинский совершенно правильно указывает, что задачи нравственного воспитания не могут быть смешаны с задачами умственного развития так же, как нельзя их смешивать с задачами физического воспитания человека. В правильно организованном процессе воспитания задачи умственного, нравственного и физического воспитания, если это воспитание стремится к формированию в человеке цельной личности, едины. Но чтобы придать единый характер этим задачам воспитания и на основе успешного выполнения достигнуть подготовки всесторонне развитой, цельной личности, необходимо это единство задач воспитания построить на основе единого принципа воспитания, выведенного из целей воспитания. Таким принципом для Ушинского является принцип народности в воспитании.

3. Принцип народности в воспитании

Принцип народности в воспитании пронизывает все части и звенья педагогической системы Ушинского. Он является производным от философских и, в особенности, общественно-политических воззрений Ушинского.

Как известно, идея народности в воспитании имела место еще в системах Коменского и, в особенности, Песталоцци и Руссо. Этот принцип является особенно характерным для всей русской классической педагогики, и, прежде всего, для таких ее представителей, каковыми являются Белинский, Герцен, Добролюбов, Чернышевский. Ушинский же возвел этот принцип до уровня единой основы всей педагогической системы.

Известно также, что принцип народности пользовался признанием и у царской, официальной педагогики. Так, этот принцип был провозглашен в середине XIX века царским министром Уваровым как один из элементов триады: „самодержавие, православие и народность“. Эта уваровская триада оставалась незыблемой основой политики царского самодержавия в области народного образования. Так, за 3 года до свержения царизма, в 1914 году, последний царь Николай II в своей поздравительной теле-

[1] К. Д. Ушинский, Собр. неизданных сочинений, т. III, Материалы для педаг. антропологии, стр. 150.

грамме Всероссийскому съезду учителей требовал от учительства „насаждать и прививать детям начала христианской нравственности, безграничной любви к России и преданности престолу“ [1]. Эта официальная, правительственная, если так можно выразиться, народность представляла не что иное, как угнетение народа, как принцип, направленный на сохранение старого порядка. „Народность состоит в беспредельной преданности и повиновении самодержавию“—разъяснял в своем циркуляре Уваров.

Принцип народности воспитания, выставленный Ушинским, является по своему направлению противоположным официальной народности. Чтобы понять сущность принципа народности воспитания у Ушинского, необходимо прежде всего уяснить какое социальное содержание вкладывал он в этот принцип. Без этого невозможно раскрыть и понять богатейшие сокровища его педагогического учения, правильно оценить и освоить их. Не случайно, что почти во всех работах об Ушинском начиная со Стоюнина, впервые обратившего внимание на раскрытие понимания принципа народности у Ушинского, в той или иной мере освещаются взгляды Ушинского по этому вопросу.

В дореволюционных работах об Ушинском обнаружились различные подходы к вопросу о понимании им принципа народности. Одни понимали этот принцип как философскую основу педагогической системы Ушинского (А. Волкович), другие рассматривали в нем, главным образом, отгораживание русского воспитания от западно-европейского влияния (Л. Н. Модзалевский), некоторые же в принципе народности видели погоню за патриархальным воспитанием в ущерб науке (напр., Каптерев). Были и такие авторы, как Ев. Марков, который упрекает Ушинского в том, что он, якобы, со своею народностью „проповедовал теорию застоя и предрассудков разного рода“, и что этот принцип пригоден для Китая. „Китай—вот страна с последовательным культом народности“ [2],—писал Марков. Более или менее правильное освещение взглядов Ушинского о принципе народности в воспитании в дореволюционных работах мы находим у Стоюнина, Д. Д. Семенова, Н. Ф. Бунакова, Д. И. Тихомирова, Н. В. Чехова, И. Г. Чавча-

[1] 1 Всероссийский съезд по вопросам народного образования, „Школа и жизнь“, 1914 г., № 1, стр. 27.

[2] Ев. Марков, Журн. „Учебно-воспит. библиотека“, 1876 г., № 1, стр. 128.

вадзе, Я. С. Гогебашвили и др., которые принцип народности Ушинского понимали и толковали как требование Ушинского построить народное образование в соответствии с экономическими и социально-политическими интересами русского народа и народов России.

В советской педагогической литературе широкое и основательное освещение вопроса о принципе народности Ушинского мы имеем в работах действительных членов АПН Е. Н. Медынского и Н. А. Константинова и члена-корреспондента АПН проф. В. Я. Струминского, которые, в особенности в своих последних работах об Ушинском, вскрывают сущность этого принципа и показывают, почему столь плодотворным оказался он для построения всей педагогической системы Ушинского. Так, действ. чл. АПН Е. Н. Медынский, говоря о сущности идеи народности Ушинского, совершенно правильно подчеркивает, что основным в этом принципе, определявшем направление всей педагогической системы Ушинского, является непоколебимая вера в светлую будущность русского народа, беззаветная преданность и любовь к родине. Поэтому, как справедливо пишет Е. Н. Медынский, задача воспитания в детях благороднейшего чувства любви к родине пронизывает всю педагогическую систему Ушинского.

Какова общественно-экономическая основа принципа народности Ушинского, каковы основные черты этого принципа и каково должно быть отношение советской педагогической науки к этому принципу—вот основные вопросы, рассмотрение которых должно дать нам возможность не только составить себе более или менее ясное и полное представление о взглядах Ушинского на идею народности, но и помочь нам в раскрытии социальных основ педагогического учения Ушинского.

Под народностью Ушинский понимал стремление народа сохранить свое национальное Я и способствовать его поступательному развитию во всех областях общественно-экономической жизни. „Народ без народности (т. е. без этого стремления—Д. Л.) —тело без души, которому остается только подвергнуться закону разложения и уничтожиться в других телах, сохранивших свою самобытность“ [1],—говорит Ушинский.

Народность—создание самого же народа, результат его исторического развития. „Родимою грудью является для нас,—пи-

[1] К. Д. Ушинский, Собр. пед. соч., т. I, О народн. в общ. восп., стр. 104.

сал Ушинский,—наша народность, ...соединяющая нас с давно отжившими и грядущими поколениями,—словом, со всем тем, что дает нам прочное, историческое, а не эфемерное существование"[1].

В историческом развитии сознает народ свое я, свою народность. История народа для Ушинского, в известном смысле, и есть „процесс сознания той идеи, которая скрывается в его народности, и выражение ее в исторических деяниях[2]. Но каждый народ имеет свои исторические условия развития, которые ярко выражены в характерах отдельных народов. Каждый народ—член великого человеческого организма—должен развиваться самобытно и этим развитием выполнить свою роль в истории человечества. „Каждому народу суждено сыграть в истории свою особую роль и если он позабыл эту роль, то должен удалиться со сцены: он более не нужен"[3],—говорит Ушинский.

Но чем определяется идея народности, т. е. стремление народа к совершенству? Стремление народа—это сознание народом своего прошлого, своего настоящего и своего будущего. Это сознание обусловлено материальными и духовными потребностями народа, также развивающимися в истории. Но какая сила обусловливает движение народа вперед? Такой силой является трудовой народ—носитель труда, этого „источника всех счастий на земле".

Народ—создатель не только всех материальных ценностей общества, но и неиссякаемый источник всех великих творений. „Кто не брал на себя труд;—пишет Ушинский,—сравнивать между собою лучшие произведения новейшей литературы у разных народов, тот, вероятно, согласится с нами, что литература каждого народа преследует свой особенный идеал человека и что этот идеал отражает в себе характер самого народа и развивается вместе с его развитием. В нем отражаются лучшею своею стороною все изменения характера общества"[4].

Для доказательства того, что именно русский трудовой народ в его историческом развитии является творцом богатейшей русской культуры, Ушинский пишет: „Посмотрите, откуда почерпнуты самые теплые, самые лучшие страницы наших замечатель-

---

[1] К. Д. Ушинский, Собр. пед. соч., т.I, О нравств. элем. в русском воспит., стр. 260.

[2] К. Д. Ушинский, Собр. пед. соч., т. I, О народности в обществ. воспитан., стр. 104.

[3] Там же, стр. 104.

[4] Там же, стр. 71.

нейших писателей; откуда вылились самые задушевные и трогательные страницы в произведениях Пушкина, Тургенева, Аксакова, Гоголя? Неужели из их общеевропейской, безличной образованности?“ [1]. Творцом идеала совершеннейшего человека является народ. В этом идеале сокрыты все лучшие опыты человечества, все лучшие думы и чаяния исторически развивающегося народа. „Всякий народ в своей литературе, начиная песнею, пословицею, сказкою и оканчивая драмой и романом, выражает свои убеждения о том, каков должен быть человек по его понятию. Он украшает этого идеального человека всеми лучшими качествами души своей“ [2],— пишет Ушинский.

Считая творцом истории и прогресса трудовой народ, Ушинский заключает: „Мы были бы очень близоруки, если бы подметили в характере простого народа только патриархальный оттенок. Нет, мы видим в нем много могучих задатков честной гражданственности, полной силы народности и бескорыстной человечности. Начало товарищества, проявляющееся в дружинах, новгородских ватагах, малороссийском казачестве и нынешних артелях, не показывает ли, что высокое чувство дружбы глубоко коренится в славянской природе?“ [3].

И отсюда, „народность является до сих пор единственным источником жизни народа в истории. В силу особенности своей идеи, вносимой в историю, народ является в ней исторической личностью“ [4].

Но посредством чего передавало одно поколение другому свои мысли, свои чувства, свой жизненный опыт? Лучшим орудием этого Ушинский считал родной язык, эту „самую обильную и прочную связь, соединяющую отжившие, живущие, и будущие поколения народа в одно великое, историческое живое целое“ [5]. Ушинский еще на заре своей научно-литературной деятельности считал могучий русский язык творением русского народа, его исто-

---

[1] К. Д. Ушинский, Собр. пед. соч., т. I, О нравств. элем. в русск. восп., стр. 253

[2] К. Д. Ушинский, Собр. пед. соч., т. I, О народн. в общ. восп., стр. 70.

[3] К. Д. Ушинский, Собр. пед. соч., т. I, О нравств. элем. в русском воспит., стр. 223.

[4] К. Д. Ушинский, Собр. пед. соч., т. I, О народности в обществ. воспит., стр. 103—104.

[5] К. Д. Ушинский, Собр. педаг. соч., т. I, Родное слово, стр. 190.

рической жизни. Сердцем же, пульсом этой жизни—Москву. „Русский язык—это бесконечное море, питающееся из бесчисленного множества наречий, которые все несут ему дань свою, очищаемую и соединяемую из бесчисленного множества неиссякаемых родников. Москва—сердце России",—писал Ушинский. Он хорошо понимал, что „язык народа есть произведение творческой способности дара слова не одного человека и не одной человеческой жизни, а бесчисленных жизней, бесчисленных поколений" [1]. Он писал: „В языке своем народ в продолжение многих тысячелетий и в миллионах индивидуумов сложил свои мысли и свои чувства. Природа страны и история народа, отражаясь в душе человека, выражались в слове. Человек исчезал, но слово, им созданное, оставалось бессмертной и неисчерпаемой сокровищницей народного языка; так что каждое слово языка, каждая его форма, каждое выражение есть результат мысли и чувства человека, через которые отразилась в слове природа страны и история народа" [2].

Ушинский, выступая защитником родного языка и прав каждого народа на свой родной язык, с такой убедительной силой слова, какой до него не знала история общественной мысли, писал: „Пока жив язык народный в устах народа, до тех пор жив и народ. И нет насилия более невыносимого, как то, которое желает отнять у народа наследство, созданное бесчисленными поколениями его отживших предков. Отнимите у народа все—и он все может воротить, но отнимите язык, и он никогда более уже не создаст его; новую родину даже может создать народ, но языка—никогда; вымер язык в устах народа—вымер и народ. Но если человеческая душа содрогается перед убийством одного недолговечного человека, то что же должна бы чувствовать она, посягая на жизнь многовековой исторической личности народа,—этого величайшего из всех созданий божьих на земле?" [3].

Из всего этого ясно видно, что идея народности Ушинского является не только психологической или педагогической категорией, а прежде всего категорией общественно-экономической, воплощающей в себе материально-экономические, социально-политические и культурно-просветительные интересы родной страны,

---

[1] К. Д. Ушинский, журн. „Современник", 1852 г., XI, стр. 42.

[2] К. Д. Ушинский, Собр. пед. соч., т. II, О первонач. препод. русск. языка, стр. 152.

[3] К. Д. Ушинский, Собр. пед. соч., т. I, Родное слово, стр. 190.

родного народа. Идея народности, являясь отражением жизненных интересов России в конкретно исторических условиях, когда, в результате процесса капиталистического развития, Россия оформлялась как нация, в широком смысле этого слова, стала лозунгом прогрессивной общественной мысли середины XIX века. Этот лозунг явился одним из самых ярких и жизненных лозунгов в борьбе против феодально-крепостнических отношений и их защитника — царизма, с одной стороны, и против экономического, культурного и политического порабощения России со стороны иноземных государств, с другой. Эта была идея, отражающая интересы быстрого общественно-экономического развития России по новому пути, идея отстаивания национальной самостоятельности, свободы и чести великого русского народа. Именно на этой плодотворной почве создана педагогическая система Ушинского.

У Ушинского принцип народности в воспитании является производным от идей народности вообще, отражающей материальные, социальные и духовные интересы народа в условиях конкретного исторического развития

В чем заключается сущность принципа народности в воспитании и каковы основные черты этого принципа по Ушинскому? Ушинский учит, что воспитание достигнет цели и будет содействовать развитию народного самосознания, народной жизни в целом, если оно будет иметь народный характер. Потому и „Воспитание, если оно не хочет быть бессильным, должно быть народным“ [1]. Ушинский вполне по заслугам бичевал всех, кто недооценивал богатый многовековой опыт великого русского народа в области воспитания и, не учитывая интересов народа, механически насаждал европейскую, больше всего немецкую педагогическую теорию и практику. „Напрасно мы хотим выдумать воспитание: воспитание существует в русском народе столько же веков, сколько существует сам народ — с ним родилось, с ним выросло, отразило в себе всю его историю, все его лучшие и худшие качества. Это почва, из которой вырастали новые поколения России, сменяя одно другое. Ее можно удобрить, улучшить, приноровившись к ней же самой, к ее требованиям, силам, недостаткам, но пересоздать ее невозможно“ [2],—писал Ушинский. И он не

[1] К. Д. Ушинский, Собр. пед. соч., т. I, О народности в обществ. воспит., стр. 103.

[2] К. Д. Ушинский, Собр. пед. соч., т. I, О нравств. элем. в русском воспит., стр. 256.

только в форме критики повел беспощадную борьбу против насаждения на русской почве чуждой русскому народу системы воспитания, но и построил свою оригинальную педагогическую систему на основе идеи народности, на основе требований жизни русского народа. Определяя задачу самобытного развития русской жизни, Ушинский писал: „Теперь уже нельзя только продолжать дело, начатое Петром Великим, только усваивать то, что появляется за границей... Теперь следует самим отыскивать путь, отбросивши иноземные указы, а для того, чтобы найти истинный путь, более чем когда-нибудь необходимо обратиться к самому народу; узнать его не только материальные, но и духовные потребности. Но мало узнать, надобно сродниться с ними, сделать их потребностями своей собственной души и, удовлетворяя этим потребностям, прокладывать народу историческую дорогу вперед“ [1].

Ушинский предупреждал, что внешнее сходство в организации воспитания не может служить причиной того, чтобы считать воспитание единым для всех народов и по своему направлению, и по содержанию. Он указывал, что воспитательные идеи каждого народа проникнуты национальным духом до того, что невозможно перенести их на чужую почву. Отмечая вредность заимствования одним народом у другого педагогических идеи или опыта, без учета характерной специфики жизни и общего духа каждого народа, Ушинский заключает: „Удивительно ли после этого, что воспитание, созданное самим народом и основанное на народных началах, имеет ту воспитательную силу, которой нет в самых лучших системах, основанных на абстрактных идеях или заимствованных у другого народа“ [2].

Но мы допустили бы ошибку, если бы считали Ушинского сторонником отгораживания, изоляции России, ее культуры от других государств мира, вроде Хомякова, Киреевских и др. По мнению Ушинского, в области развития педагогических идей и на практике имеются такие достижения, которые составляют принадлежность не одного народа, а всего человечества, как, например, идеи общественного воспитания, система школ, разные методические правила обучения и т. д., но эти достижения должны быть переработаны в духе требований каждого народа в отдельности.

---

[1] К. Д. Ушинский, Собр. неизд. соч., т. III, Материалы для биографии, стр. 134.

[2] К. Д. Ушинский, Собр. пед. соч., т. I, О народности в общ. воспит., стр. 103.

Ушинский считал, что идеал человека развивается на основе развития всей жизни народа. В связи с этим развивается и изменяется и сама сущность народности, изменяется принцип народности в воспитании. Однако этот принцип, по Ушинскому, всегда будет сопутствовать всему ходу развития народа. Идеал человека, созданный народом, исторически развивается и более или менее олицетворяется в каждом сыне народа. „Народный идеал человека, к какому бы веку он ни принадлежал, всегда хорош относительно этого века. Немногие в обществе бывают выше его (это редкие исключения), большинство ниже его; но в глубине души каждого шевелятся его черты“ [1],—писал Ушинский.

Так как „личность может осуществляться лишь в материальном мире“ и основой жизни народа является его экономическое развитие, естественно, что воспитание, чтобы быть народным, должно отражать, прежде всего, экономические интересы народа, —свободное развитие экономической жизни всей страны и обеспечивать не мнимую, а действительную свободу человеку. „Здесь, в Швейцарии, я убеждаюсь,—писал Ушинский М. И. Семевскому, —что политическая свобода не есть еще венец счастья человеческого. Ну вот они свободны. Что же из этого? Позвените только кошельком и вы имеете перед собой самых безответных рабов; это самое нескончаемое рабство, а вся их свобода,—какой то парад, которым они и восхищаться перестали“ [2].

Воспитание будет подлинно народным и по своей направленности, и по своему содержанию в целом, если им руководит сам народ, если сама система народного образования зависит от самого же народа, от его мнений и практического руководства.

Воспитание и образование должны открывать глаза народу на действительность, на понимание законов развития общества и природы, приближать светлую, счастливую жизнь. Оно должно формировать „человека в человеке“, человека, который интересы народа, родины, человечества всегда ставит выше своих эгоистических интересов. Отсюда—воспитание чувства патриотизма, гуманизма, здорового самолюбия. Основным же средством такого воспитания является родной язык. Школа, построенная не на родном языке, не может пустить глубокие корни в народе,—учит Ушинский.

---

[1] К. Д. Ушинский, Собр. пед. соч., т. I, О народности в обществ. воспит., стр. 71—72.

[2] В. В. Тимощук, М. И. Семевский, 1896 г., приложение, стр. 31.

Таков общий дух учения Ушинского о принципе народности в воспитании.

Из всего сказанного не трудно заключить, что принцип народности Ушинского содержит следующие элементы:

1. Воспитание должно быть народным. Это прежде всего значит, что оно через широко развернутую школьную сеть должно охватывать все подрастающее поколение народа в порядке обязательного обучения и формировать эти поколения в духе экономических, общественно-политических и культурно-просветительных интересов народа; делом воспитания должен ведать, руководить сам народ.

2. Воспитание должно давать детям реальное образование и вместе с тем развивать их умственные способности с тем, чтобы эти знания были связаны с жизнью и направлены на общенародное благо. Отсюда важнейшее значение и труда, как фактора и как одного из основных принципов воспитания.

3. Центральное место в формировании человека должен занимать родной язык, как язык обучения и как источник знаний, как сокровищница народа, как „лучший, никогда не увядающий и вечно распускающийся цвет всей духовной жизни".

4. Воспитание должно быть проникнуто целью формирования высокоморального человека, человека, для которого труд является делом чести и счастья, человека-патриота, с твердой волей и характером, борца за дело родины, народа, за его счастье, за его прогресс.

5. Женщине должно быть обеспечено воспитание и образование наравне с мужчиной, так как „мужчина и женщина — личности равноправные, равно самостоятельные и равно ответственные".

6. Всякое заимствование и внедрение в практику воспитания чуждых для народа иноземных систем и опыта без критической переработки в соответствии с духом идеи народности—недопустимо.

Эти требования Ушинского, пронизывающие все его педагогическое учение, являются прогрессивными не только для того времени, когда жил Ушинский, но они во многом сохраняют свою жизненность и актуальность и для наших дней. Правда, у Ушинского, в результате идеалистического понимания им законов развития общества, встречаются, как это увидим ниже при рассмотрении отдельных частей его педагогической системы, отсталые

и отжившие свой век мысли, как, например, признание им в своих ранних работах религии, как основного фактора воспитания, в некоторых случаях идеалистическое объяснение самой народности и т. д., за что Ушинского справедливо критиковали на страницах „Современника", но это не заслоняет то лучшее, что придает прогрессивно-демократический характер принципу народности воспитания, выдвинутому Ушинским.

Нельзя не отметить особо, что именно принцип народности Ушинского, который провозглашает право каждой нации строить свою школу и свою систему воспитания на почве народности, строить все обучение на родном языке, еще более сделал великого педагога близким и родным для угнетенных царизмом народов. Патриотизм Ушинского, в этом смысле,—это настоящий патриотизм, характерный для всех великих шестидесятников, патриотизм, „который не уживается с неприязнью к отдельным народностям" [1].

В условиях царизма принцип народности Ушинского, конечно, не мог быть осуществлен. Его роль была в будущем. Это будущее и пришло в результате победы Октябрьской социалистической революции, когда каждый народ Советского Союза, на основе ленинско-сталинской национальной политики, построил свою систему народного образования с учетом своих экономических, общественно-политических и культурно-просветительных интересов.

Для осуществления принципа народности в деле воспитания Ушинский считал необходимым, чтобы: 1) в основу воспитания был положен труд, 2) воспитание и обучение проводились на родном языке, 3) школа представляла центр воспитания и обучения детей в системе других факторов воспитания, 4) система женского образования обеспечивала получение образования наравне с мужчиной, 5) система среднего и высшего профтехнического образования строилась в соответствии с интересами народа.

4. Труд—основа воспитания

Как известно, труд, как основа и как фактор воспитания человека впервые был провозглашен известным утопистом-социалистом Томасом Мором в его социальном романе „Утопия". На педагогическое значение труда указывал и Ж. Ж. Руссо, а Песталоцци

[1] Н. Добролюбов, Соч., т. III, стр. 227.

в основу своей педагогической теории и, в особенности, практики положил именно идею труда. Но напрасно искали бы мы у представителей домарксовой педагогической мысли такого глубокого и всестороннего обоснования педагогического и психологического значения труда для формирования полноценной общественной личности, какую мы имеем в педагогической системе великого русского педагога Ушинского. В этом отношении он не только превзошел своих предшественников, но предвосхитил даже некоторые педагогические положения и взгляды о труде, как о воспитательном факторе, которые мы имеем в учениях Н. К. Крупской и А. С. Макаренко.

Свое учение о труде Ушинский изложил не только в блестящей специальной работе „Труд в его психическом и воспитательном значении", но в той или иной мере освещает его во многих других своих педагогических трактатах. Кроме того, Ушинский в „Родном слове" и в „Детском мире" ярко отражает принцип составления учебников начальной школы на основе соединения трудового воспитания с умственным физическим и нравственным развитием детей.

Как мы уже знаем, Ушинский считал, что человек формируется и развивается в трудовой деятельности. Для него труд, во-первых, является основой и средством человеческого существования и, во-вторых, он представляет собой источник физического, умственного и морального совершенствования человека. Отсюда—труд основной фактор и средство воспитания. Указывая на большое значение труда для подготовки учащихся к практической деятельности, Ушинский выдвинул совершенно правильное положение: „Воспитание не только должно внушить воспитаннику уважение и любовь к труду: оно должно еще дать ему и привычку к труду"[1].

Чтобы воспитать эти качества в детях, необходимо все воспитание и обучение связать с жизнью народа, с его трудовой деятельностью. Эта связь должна взаимно совершенствовать как самую жизнь, так и самого воспитанника.

---

[1] К. Д. Ушинский, Собрание педагогических сочинений, т. I, Труд в его псих. и воспитательном значении, стр. 162.

Правда, Ушинский не понимал этой связи как соединения обучения с изучением основ процесса производства, как это понимает принцип политехнического воспитания, но сама идея о связи обучения с процессами общественного труда является весьма ценной стороной учения Ушинского о трудовом воспитании.

Придавая большое значение для теории и практики воспитания вопросу о том, можно ли считать учение за труд, Ушинский этот вопрос в основном разрешил правильно. Он указывал, что „учение есть и останется умственным трудом", но одновременно он не отожествлял производственный труд с учебным „трудом". Этот вид деятельности Ушинский считал, прежде всего, как подготовку к жизни, к производственной деятельности, как деятельность, в процессе которой учащиеся под руководством учителя получают знания и навыки.

Но чтобы воспитание и обучение представляли подготовку к жизни, дети не только со слов учителя и из книг должны получать знания, но они должны непосредственно наблюдать окружающую действительность и принимать посильное участие в трудовой деятельности людей и этим путем получить определенный навык к труду. Отсюда требование Ушинского о том, что дети не только должны учиться, но в связи с этим и трудиться, не только должны нести труд умственный, но и физический.

Само по себе учение, как и всякий труд, серьезен и тяжел. Его сопровождают как страдания, так и удовольствия. Но именно преодоление трудностей и связанных с ними страданий придает труду исключительную силу красочности и удовольствия. Ушинский считает неизменным психологическим законом, имеющим решающее значение в совершенствовании человека следующие положения: „Наслаждения, если они не сопровождаются трудом, не только быстро теряют свою цену, но также быстро опустошают сердце человека и отнимают у него одно за другим все его лучшие достоинства" [1]; „Труд, конечно, бремя, но бремя, без которого возможное соединение человеческого достоинства и счастья невозможно" [2].

Говоря о воспитательном значении труда, Ушинский прежде всего главное внимание уделял вопросам влияния физического труда на телесное, умственное и моральное развитие детей.

[1] К. Д. Ушинский, Собр. пед. соч., т. I, Труд в его псих. и воспит. значении., стр. 149.

[2] Там же, стр. 165.

Следует отметить, что Ушинский самым полезным для общего развития человека считал связь физического труда с умственным. „Конечно, всего полезнее было бы для здоровья человека, если бы физический и умственный труд соединялись в его деятельности“ [1],—писал Ушинский.

Отмечая положительное значение физического труда для умственного развития детей, Ушинский критиковал швейцарского педагога Г. Фрис, считавшего, что физический труд задерживает умственное развитие детей. Ушинский писал: „Г. Фрис полагает, кажется, что физическая работа задерживает умственное развитие, но я полагаю, что это не совсем справедливо: нужно только соблюдать известную меру—и полевые работы будут, напротив, содействовать этому развитию“ [2].

Такую же правильную мысль развивает Ушинский, когда он восстает против тех, которые умственному труду приписывают вредное влияние на физическое развитие детей. „Многие, например, думают, что умственный труд вредно действует на организм, —что совершенно несправедливо“ [3],—говорит Ушинский.

Ушинский подчеркивает весьма положительное влияние физического труда на физическое развитие ребенка. Он пишет: „Что физический труд необходим для развития и поддержания в теле человека физических сил, здоровья и физических способностей, этого доказывать нет надобности“ [4].

Одним из главных условий для умственного и физического развития ребенка Ушинский считал правильное чередование умственного и физического труда. Он указывал, что даже время, отнесенное на отдых, должно быть до некоторой степени заполнено трудом. „Отдых после умственного труда нисколько не состоит в том, чтобы ничего не делать, а в том, чтобы переменить дело: труд физический является не только приятным, но и полезным отдыхом после труда умственного“ [5].

Ушинский восставал против отдыха, который не основывается на рациональном чередовании труда и отдыха и считал, что плохо организованный отдых превращается в источник лени.

[1] К. Д. Ушинский, Собр. пед. соч., т. I, Труд в его псих. и воспит. значении, стр. 148.
[2] К. Д. Ушинский, Собр. пед. соч., т. I, Педаг. поездка по Швейцарии, стр. 450.
[3] К. Д. Ушинский, Собр. пед. соч., т. I, Труд в его псих. и воспи. знач., стр. 147.
[4] Там же, стр. 147.
[5] Там же, стр. 163.

„Отдых, без сомнения, есть самое законное и самое нормальное наслаждение человека,—пишет Ушинский.—Однако же, если человек, подметив сладость отдыха, начнет гнаться именно за этою сладостью, то из этой гоньбы за наслаждением отдыха, точно так же, как из гоньбы за всяким другим наслаждением, может образоваться извращение нашей природы, а именно—стремление к лености. Отдых—еще не покой; самый же покой лежит только в труде. Вот почему люди, работающие всю жизнь для того, чтобы потом наслаждаться отдыхом, сильно ошибаются в расчете. Спросите у них, когда они были счастливее: тогда ли, когда трудились, чтобы иметь возможность наслаждаться отдыхом, или тогда, когда наконец стали наслаждаться им“ [1].

Таковы основные отправные положения Ушинского в вопросе о труде как об основе воспитания.

Но спрашивается, какой именно труд—индустриальный или сельскохозяйственный—считал Ушинский ведущим воспитательным фактором умственного, нравственного и физического развития детей? На этот вопрос Ушинский не дал и, ввиду низкого уровня индустриального развития страны в 60-х годах прошлого столетия, не мог дать ясного ответа. Он неоднократно указывал на громадное значение изучения „технических основ промысла“. Так, например, еще в 1848 году в своем труде „О камеральном образовании“ он говорил о том, что „нужно настолько знать техническую часть промысла, чтобы иметь возможность представить его живую картину и видеть по крайней мере главные нити“ [2] и т. д. Ушинский требует также, чтобы в мужских школах обучали ремеслам, а в женских—рукоделию, шитью и кройке и т. д. Ценны и замечательны указания Ушинского и о том, что в школах, где должны обучать детей ремеслам и давать им соответствующие навыки, нет необходимости обучать их многим ремеслам, а следует ограничиться изучением основных процессов этих ремесл и воспитанием основных навыков труда в этой области. „Нет никакой надобности,—писал он,—чтобы в каждой школе обучали всем ремеслам. Если можно соединить три-четыре ремесла, то хорошо, если же нет, то достаточно и одного. Каждый маль-

[1] К. Д. Ушинский, Человек как предмет воспитания, т. II, стр. 419.
[2] К. Д. Ушинский, О камеральном образовании, стр. 55.

чик может по желанию учиться одному ремеслу или двум-трем последовательно: „ремесло не коромысло—плеч не отдавит“.[1]

Ушинский особо подчеркивал громадное воспитательное значение сельскохозяйственного труда. Он требовал, чтобы школа силами детей систематически организовывала разные сельскохозяйственные работы: обработка огородов, удобрение земли и т. д. А в школе сельской главное место, по Ушинскому, должны занять работы по обработке полей, огородов, уборке сена, удобрению земли и т. д.

В системе трудового воспитания для Ушинского одной из основных задач является воспитание в детях трудолюбия. Этой задаче воспитания привычки к труду должен служить не только физический труд, но и знания, полученные учащимися в разных отраслях трудовой деятельности народа. Ушинский требует, чтобы учащиеся после окончания школы могли найти свою сферу трудовой деятельности и нести труд с большим увлечением, с любовью и знанием на благо народа. Неумение человека применить свои силы и возможности в общественной деятельности Ушинский расценивал как потерю времени, как „медленное самоубийство“. Он писал: „Всякая деятельность только для нашего развлечения или для убийства времени кажется нам пустою и даже достойною презрения, и этот взгляд наш справедлив: недостойно человеку не найти никаких задач в жизни и сделать своею задачею убийство времени, или медленное самоубийство“[2].

Подходя к взглядам Ушинского на труд с точки зрения советской педагогики, мы должны высоко ценить заслугу его, положившего труд в основу воспитания. Тем более значительна эта заслуга потому, что Ушинский признавал труд за основной фактор человеческого совершенства, а трудолюбие—основным показателем человечности в то время, когда официальная педагогика с презрением относилась к труду и к трудовому народу.

Но заслуга Ушинского не исчерпывается этой исторической стороной его учения о труде. Правда, у Ушинского мы встречаем и некоторые отсталые взгляды на труд, как, например, некоторая идеализация патриархального труда в отдельных его ра-

---

[1] К. Д. Ушинский, Собр. пед. соч., т. II, Необходимость ремесленных школ в столицах, стр. 309.

[2] К. Д Ушинский, Человек как предмет воспитания, т. II, стр. 177.

ботах, привлечение христианской религии для обоснования значения труда и др., как это правильно отмечалось в статье О. Мильчевского еще в 1860 году[1]. Но основной смысл его взглядов, основные его положения о значении труда для умственного, нравственного и физического развития детей и подготовки их к практической деятельности не только не утеряли своего значения, но являются актуальными и для нашей педагогической теории и практики.

5. Родной язык—душа воспитания

Центральное место в педагогической системе Ушинского по праву занимает его учение о родном языке, как о главнейшем источнике, факторе и средстве воспитания совершенного человека. Глубочайшей любовью к родине, к родному языку, глубочайшим уважением национальных прав всех народов проникнуты все вопросы воспитания и обучения, поставленные и разрешенные Ушинским в его педагогической системе. По праву можно сказать, что родной язык представляет душу, сердцевину педагогической системы Ушинского, построенной на благодатной почве идеи народности.

Все основные проблемы построения воспитания и обучения на родном языке, а также преподавания родного языка в начальной школе Ушинский разработал на таком высоком научном уровне, с такой душой и педагогическим мастерством, как никто из классиков педагогической мысли до него. Известно, что еще Квинтилиан придавал исключительное значение родному языку как основе, предмету и средству обучения. Великий славянский педагог Я. А. Коменский, Руссо и, в особенности, Песталоцци основные принципы обучения детей обосновывали на родном языке. Но ни один из них не пошел дальше общих, хотя и весьма ценных, положений. Заслуга же Ушинского заключается в том, что он в научно-педагогическом и психологическом плане разработал единую систему построения воспитания и обучения на родном языке. Высокий научный уровень разработки этой системы дает полное основание сказать: „Никто не раскрыл так глубоко, как К. Д. Ушинский, значение родного языка в процессе обучения“[2].

---

[1] О. Мильчевский „О труде Г. Ушинского“, „Русские ведомости“ 1860 г., т. IV, стр. 250—255.

[2] Действ. чл. АПН Е. Н. Медынский, Великий русский педагог К. Д. Ушинский, 1945 г., стр. 14.

Для понимания учения Ушинского о роли и принципах построения воспитания и обучения на родном языке необходимо рассмотреть следующие вопросы:

1) что такое родной язык и каковы его исторические корни в понимании Ушинского;

2) почему родной язык должен являться основой воспитания и обучения;

3) чему учит родной язык и каково его учебно-воспитательное значение;

4) каково общественно политическое и педагогическое значение учения Ушинского о родном языке, как основы воспитания и обучения.

Ушинский исходил из того верного положения, что язык, „дар слова", представляет принадлежность человека и является средством общения между людьми. „Если бы человек не обладал даром слова, то нервное сочувствие и воплощение чувствований в крике, в мимике и в телодвижениях были бы единственными средствами душевного общения между людьми. Так называемый язык животных и останавливается именно на этой ступени".

Язык является созданием самого человека, созданием народа, его истории, воплощающим в себе жизнь самого народа, его историю, его стремления. „Язык есть самая живая, самая обильная и прочная связь, соединяющая отжившие, живущие и будущие поколения народа в одно великое, историческое живое целое. Он не только выражает собою жизненность народа, но есть именно эта самая жизнь" [1]. „Начало человеческого слова вообще и даже начало языка того или другого народа теряется точно так же в прошедшем, как начало и истории человечества, и начало всех великих народностей; но как бы там ни было, в нас существует однако же твердое убеждение, что язык каждого народа создан самим народом, а не кем-нибудь другим" [2],—пишет Ушинский.

В слове, в языке народа сокрыты все думы и чаяния народа, его характер, его стремления, все его историческое прошлое, на котором строится настоящее и путь к будущему. „В светлых, прозрачных глубинах народного языка отражается не одна природа родной страны, но и вся история духовной жизни народа. Поколения народа проходят одно за другим, но результаты жизни

[1] К. Д. Ушинский, Собр. пед. соч., т. I, Родное слово, стр. 190.
[2] Там же, стр. 188.

каждого поколения остаются в языке—в наследие потомкам. В сокровищницу родного слова складывает одно поколение за другим плоды глубоких сердечных движений, плоды исторических событий, верования, воззрения, следы прожитого горя и прожитой радости,—словом, весь след своей духовной жизни народ бережно сохраняет в народном слове"[1].

В языке передается вся мудрость народа, обогащающая и воспитывающая последующие поколения. Касаясь вопроса о значении народной сказки и фольклора для воспитания, Ушинский писал: „Многие русские сказки идут, конечно, из глубины языческой древности, когда они вовсе не были сказками, а сердечными верованиями народа. Но многие из них, повидимому, переделаны народом или вновь составлены нарочито для детей. Это первые и блестящие попытки русской народной педагогики, и я не думаю, чтобы кто-нибудь был в состоянии состязаться в этом случае с педагогическим гением народа"[2].

Но язык народа живет и развивается с жизнью и развитием народа. В нем отражена вся его история в ее многообразии. „Язык народа лучший, никогда не увядающий и вечно вновь распускающийся цвет всей его духовной жизни, начинающейся далеко за границами истории. В языке одухотворяется весь народ и вся его родина; в нем претворяются творческою силою народного духа в мысль, в картину и звук небо отчизны, ее воздух, физические явления, ее климат, ее поля, горы и долины, ее леса и реки, ее бури и грозы, весь тот глубокий, полный мысли и чувства, голос родной природы, который говорит так громко в любви человека к его иногда суровой родине, который высказывается так ясно в родной песне, в родных напевах, в устах народных поэтов"[3]— пишет в высокохудожественной форме Ушинский... „Пока жив язык народный в устах народа,—продолжает Ушинский,—до тех пор жив и народ. И нет насилия более невыносимого, как то, которое желает отнять у народа наследство, созданное бесчисленными поколениями его отживших предков"... „Вот почему, например, наши западные братья вынесли всевозможные насилия от иноплеменников, но когда это насилие наконец коснулось языка, поняли,

---

[1] К. Д. Ушинский, Собр. пед. соч., т. I, „Родное слово", стр. 190.

[2] К. Д. Ушинский, Избр. пед. соч., т. II, Руководство к преп. „Родного слова", ч. 1-ая, стр. 176.

[3] К. Д. Ушинский, Собр. пед. соч., т. I, „Родное слово", стр. 189.

что дело идет теперь уже о жизни или смерти самого народа“ [1], —писал Ушинский.

Ушинский придерживается принципа, что язык является сокровищем, накопившимся в процессе трудовой деятельности народа на протяжении всей его истории, а потому родному языку он не только придает исключительное значение для жизни народа и его развития, как „величайшему наставнику“, но вместе с тем считает его неиссякаемым источником умственного и нравственного воспитания, развития детей в духе народности. Основным положением Ушинского является: „Родное слово есть основа всякого умственного развития и сокровищница всех знаний: с него начинается всякое понимание, через него приходит и к нему возвращается“.

Ушинский учит, что, во-первых, путь всего процесса воспитания и обучения лежит в построении его на родном языке, на родном слове и, во-вторых, изучение языка и его богатств должно являться одной из основных целей всякого воспитания и обучения, если это воспитание служит интересам народа.

Указывая на то, что „великий педагог—родное слово“ является источником умственного развития детей, Ушинский писал: „Усваивая родной язык, ребенок усваивает не одни только слова, их сложения и видоизменения, но бесконечное множество понятий, воззрений на предметы, множество мыслей, чувств, художественных образов, логику и философию языка,—и усваивает легко и скоро, в два-три года, столько, что и половины того не может усвоить в двадцать лет прилежного и методического учения. Таков этот великий народный педагог—родное слово“ [2].

Большое значение Ушинский придавал родному языку также и в деле изучения явлений природы родной страны и воспитания в детях любви к родной земле. Он считал, что без помощи родного слова нельзя не только понять природу, но, что главное, впитать в себя ту воспитательную силу, которой обладает природа родной страны. Язык, который облекает чуждую детям природу, чуждую жизнь, не только не может принести пользу делу воспитания, а, наоборот, задержит развитие ребенка.

---

[1] К. Д. Ушинский, Собр. пед. соч., т I, „Родное слово“, стр. 190.

[2] Там же, стр. 192.

Подчеркивая роль родного языка в общем развитии ребенка, Ушинский писал: „Не условным звукам только учится ребенок, изучая родной язык, но пьет духовную жизнь и силу из родной груди родного слова. Оно объясняет ему природу, как не мог бы объяснить ее ни один естествоиспытатель; оно знакомит его с характером окружающих его людей, с обществом, среди которого он живет, с его историей и его стремлениями, как не мог бы познакомить ни один историк; оно вводит его в народные верования, в народную поэзию, как не мог бы ввести ни один эстетик, оно, наконец, дает такие логические понятия и философские воззрения, которых, конечно, не мог бы сообщить ребенку ни один философ“ [1].

Таким образом, Ушинский придавал огромное образовательное значение родному языку. Но не меньшую, если не большую роль отводил Ушинский родному языку и для нравственного воспитания детей. „Вводя дитя в народный язык, мы вводим его в мир народной мысли, народного чувства, народной жизни, в область народного духа“ [2],—говорит Ушинский.

Придавая решающее значение родному языку в деле развития детей, Ушинский естественно, главное внимание уделял построению начального обучения исключительно на родном языке. Он считал родной язык не только главным предметом, но и основой всех предметов обучения в начальной школе.

Ушинский пытался научно обосновать свое учение о родном языке и с психологической точки зрения. Он пишет: „Наблюдая над развитием детей и даже целых народностей мы заметим, что даже взгляд на внешний мир и усвоение представлений и понятий о нем прежде всего условливается чувствованиями или отношениями явлений к стремлениям, и, по преимуществу, телесным стремлениям человека. Объективное созерцание мира только уже мало-по-малу, по удовлетворении телесных потребностей и вместе с большим и большим обнаружением чисто душевной потребности сознательной деятельности, вступает в свои права. Крики страдания или удовольствия, гнева или страха суть первые обнаруживания в звуках душевной жизни человека. Когда же сознание обратится на самую душевную деятельность, то эти самые крики

---

[1] К. Д. Ушинский, Собр. пед. соч., т. I, „Родное слово“, стр. 191.

[2] К. Д. Ушинский, Собр. пед. соч., т. II, О первоначальном препод. родн. языка, стр. 153.

превращаются в первые слова, которые и ложатся в основу языка. Дитя и дикарь замечают предметы настолько, насколько они затрагивают в них те или другие чувствования, и, без сомнения, дают и названия предметам, сообразные с звуковыми воплощениями этих чувствований. Язык мысли формируется уже мало-помалу из языка чувства и следы этих чувственных пеленок языка остаются в нем неизгладимо"[1]. Такое объяснение психологического фактора в развитии языка дало возможность Ушинскому правильно разрешить вопросы, связанные с принципами преподавания языка и, что главное, методически правильно построить свои замечательные учебники „Родное слово" и „Детский мир".

И в дидактическом плане Ушинский большое значение придает родному языку. „Но этот удивительный педагог—родной язык,—писал Ушинский,—не только учит многому, но и учит удивительно легко, по какому-то недосягаемо облегчающему методу"[2].

Но вместе с тем Ушинский совершенно правильно предупреждал о том, что сам по себе язык не может воспитывать и образовывать ребенка, если им не руководит преподаватель.

Имея в виду такой демократический характер учения Ушинского о родном языке и его месте в системе воспитания, легко понятен его решительный протест и глубокая критика, направленные против тех, которые изгоняли родной язык из школы. Основным положением Ушинского было: обучать детей не на родном языке, значит готовить чуждых для народа людей.

Строго, жестоко осуждал Ушинский тех родителей, которые воспитывали своих детей на иностранном языке, в духе пренебрежения родного языка и указывал, что такие родители жертвуют не только умственным, но и нравственным развитием своих детей.

Будучи инспектором Смольного института, Ушинский наблюдал, как извращали детский ум и нравственные наклонности пренебрежением родного языка. Он жестоко критиковал также царских чиновников, которые вытесняли родной язык из школ нерусских народностей, проживающих в России. Ушинский удачно сравнивал ребенка, обучающегося не на родном языке, с „птицей в клетке", которая, как невольник, „бьется, рвется и вянет от-

---

[1] К. Д. Ушинский, Человек как предмет воспитания, т. II, стр. 230.

[2] К. Д. Ушинский, Собр. пед. соч., т. I, „Родное слово", стр. 192.

недостатка свободы движения; не развивается, а вымокает как зерно под водою, от недостатка атмосферы"[1].

Так же, как и Добролюбов и Чернышевский, Ушинский решительно выступал против классической системы образования и требовал, чтобы вместо древних языков ведущим предметом в общей системе гуманитарного образования был родной язык. Для полного обоснования этого положения Ушинский подчеркивает, что язык, являясь формой выражения мысли, одновременно сам представляет предмет воспитания и что в процессе этого воспитания и формируются в человеке те чувства и тот характер, которые присущи народу.

Таково в общих чертах учение Ушинского о значении родного языка и о принципах построения на нем воспитания и обучения детей. Это учение Ушинского имело и имеет не только общую педагогическую ценность, но оно имело и огромное общественно-политическое значение.

Прежде всего надо иметь ввиду, что в тот период, когда жил и работал Ушинский, царское правительство и дворянство, будучи классово заинтересованы темными и забитыми держать угнетенные народы, с полным пренебрежением относились к родному языку. Царские министры Уваров и Толстой осуществлением самых жестоких, подлинно жандармско-полицейских мер добивались проведения политически полного порабощения всех нерусских народов, населяющих Российскую империю. Особое место в этом отношении занимала политика изгнания из школ родного языка. Реакционный министр народного просвещения Толстой бесцеремонно и открыто определял политику царского правительства, когда писал: „Настоящую цель народного образования для инородческих национальностей должна составлять ассимиляция этих народов в русском народе". Принцип, провозглашенный Уваровым еще в начале 40-х годов „самодержавие, православие, народность", как основа воспитания, в полной мере выражая политику феодально-крепостнического самодержавного строя, представлял собой не что иное, как полное порабощение отдельных национальностей, лишение их политических и всех человеческих прав.

Ушинский, отражая в своем учении о языке интересы русского народа и всех народов России, в этом вопросе твердо при-

[1] К. Д. Ушинский, Собр. пед. соч., т. I, Педаг. поездка по Швейцарии, стр. 378.

держивался взглядов великих русских революционных демократов Герцена, Белинского, Добролюбова, Чернышевского. С такой же глубиной, с такой же убедительностью, в необычайно красочной форме защищал он родной язык, его значение в жизни и в общем развитии народа, доказывая необходимость построения воспитания на основе этого великого сокровища, вселяющего в душу каждого человека безграничную любовь к своей родине, народу, ко всему родному. Его замечательная статья „Родное слово" не могла не вызвать благородных патриотических чувств даже в таких людях, в которых чувство любви к родине и к родному языку не было в достаточной мере осознано и не достигло полного своего развития. Сила этого учения заключалась не только в созерцательном, как бы в пассивном ее значении. Напротив, учение Ушинского о родном языке еще в прошлом приобрело свою действенную силу большой общественной значимости, что нашло свое выражение во всеобщем широком движении за народную школу, построенную на родном языке, которое охватило все народы, населяющие Россию. Помимо этого, учение о родном языке великого русского педагога сделалось одним из лозунгов национально-освободительного движения нерусских народов, порабощенных царским самодержавием. В программе освободительного национального движения требование обучения на родном языке занимало одно из ведущих мест. Так, например, выдающийся грузинский мыслитель второй половины XIX века, глава национально-освободительного движения грузинского народа Илья Чавчавадзе высоко ценил Ушинского и отзывался о нем, как о выдающемся „русском педагоге, не имевшем равного в истории России". Таково было отношение к Ушинскому и со стороны других народов многонациональной Российской империи.

Учение Ушинского о родном языке, сыгравшее весьма положительную роль в прошлом, в не утеряло своего значения и в наши дни, будучи во многом созвучно с общей системой народного образования советского государства, построенной на принципах ленинско-сталинской национальной политики.

Советская школа, являясь подлинно народной школой, главное внимание уделяет изучению тех сторон педагогического наследства Ушинского, которые касаются принципов построения обучения на родном языке и обучения родному языку.

Исключительно велики заслуги Ушинского в области первоначальной системы обучения. Учебники Ушинского „Родное сло-

во", „Детский мир" и „Руководство к преподаванию по „Родному слову" являются богатыми источниками и прекрасными пособиями для правильной постановки обучения на родном языке.

6. Школа, ее роль и задачи

В духе идеи народности ставил и разрешал Ушинский и вопрос о школе, о ее роли и ее задачах. Поэтому его учение о школе, в известном смысле можно было бы назвать учением о народной школе.

Ушинский прежде всего исходил из того положения, что организованное и целеустремленное воспитание имеет решающее значение для формирования личности человека. Так как человек существо общественное, то его подготовку к жизни лучше и легче всего возможно осуществить через общественное воспитание. Основным органом этого воспитания должно быть специально устроенное учебно-воспитательное учреждение—школа. „Без помощи народной школы дитя вырастает и успеет состариться и умереть, даже не ставши может быть ни человеком, ни полезным гражданином... Сколько борьбы предстоит им выдержать, скольким искушениям должны они подвергнуться при первых же шагах своих в мутном водовороте всех мелочных обыденных расчетов и всякого рода обманов. Где же наберут они силы, чтобы укрепиться в этой упорной борьбе, и выйдут ли они из нее победителями, если не вынесут сил этих из народной школы"[1]. Таков дух взглядов Ушинского о школе и ее роли, взглядов, совершенно противоположных теории так называемого „свободного воспитания", считавшей, что человека воспитывают сами по себе жизнь, опыт.

Понимание социального характера воспитания и его всенародного значения, глубокое знание природы ребенка, правильное уяснение роли учителя в деле приобретения детьми социально-полезных знаний и навыков более легким и коротким путем и, наконец, признание огромного значения детского коллектива в воспитании личности ребенка дали возможность Ушинскому поставить и, в основном, в духе требований народа, разрешить такие важные вопросы, как: 1) что собой представляет существующая

[1] „Журн. мин. нар. просв.", 1860 г., № VIII. Заключительная часть статьи—„Несколько слов о приходских училищах в некот. губ. Моск. округа", принадлежащая Ушинскому, стр. 133.

школа в России, на каких основах построена она и интересам какой части населения она служит; 2) к чему должна стремиться школа и на каких основах она должна строиться; 3) какие задачи должны стоять перед школой и в чем должна заключаться суть ее содержания и, наконец, 4) каков должен быть путь развития школы.

Школа во всяком классовом обществе является орудием укрепления и сохранения экономического и политического господства правящего класса. Не случайно, что еще Аристотель указывал, что „самое важное из всех, способствующих сохранению государственного строя, средств, которыми ныне все пренебрегают— это воспитание юношества в духе государственного строя“ [1]. Понятно, что вся школьная система в эпоху жизни и деятельности Ушинского была построена в соответствии с задачами феодально-буржуазного государственного строя, когда, в результате проведения в жизнь пресловутой уваровско-толстовсой просветительной политики, школа служила не делу культурного возрождения страны, а, наоборот, тянула ее назад, к регрессу. Правда, в России школы существовали уже с IX века, в которых воспитывались лучшие сыны русского народа, отдавшие все свои знания и силы делу служения народу, но, как справедливо указывают Добролюбов, Чернышевский и другие великие русские мыслители 60-х годов, настоящей народной школы, которая ставила бы своей задачей просветить народ, открыть ему глаза на действительность, еще не было. Подлинная народная школа является детищем Великой Октябрьской Социалистической революции.

Подчеркивая большое значение школы для благоденствия народа, Ушинский писал, что „ни железные дороги сами по себе, ни земские учреждения, ни судебные реформы не могут оказать на народ всего своего благодетельного влияния, если уровень его образования не будет хоть сколько-нибудь поднят школою“ [2], В своих трудах он подверг беспощадной критике современную ему школу, ярко показал ненародный характер всей существовавшей в его время помещичье-дворянской системы, прикрывшейся маской „народного просвещения“ и уваровской „народности“, со всей

[1] И. Ф. Свадковский, Хрестоматия по истории педагогики, т. I, 1938 г., стр. 41.

[2] К. Д. Ушинский, Собрание пед. соч., т. I, Общ. взгляд на возник. наших народн. школ, стр. 519—520.

убедительностью выявил антинародную сущность старой, современной ему школы как по назначению, так и по содержанию и противопоставил ей новую школу, идею новой системы воспитания, которая должна была быть построена на научных началах, в соответствии с общественно-экономическими и культурно-просветительными потребностями народа. Вместе с тем он требовал развития широкой сети школ, чтобы она могла охватить все детское население страны школьного возраста.

В соответствии с духом своих философских и общественно-политических воззрений, Ушинский требовал придать школе светский, народный характер. Он правильно указывал, что так же, как наука не может иметь дело с верованиями, так и школа, построенная на религиозных началах, не может дать детям подлинного знания объективной действительности. По его мнению, основная задача народной школы заключается в том, чтобы „школьным занятием развить способности детей, естественным путем раскрыть в них разумный взгляд на окружающую их природу и общественные отношения и сделать их способными к самостоятельной разумной жизни и деятельности. Как ни проста эта идея теперь, но в то время она была великим открытием Песталоцци, открытием, которое принесло и приносит человечеству более пользы, чем открытие Америки“ [1]. Эта перемена во взглядах Ушинского о месте и роли религии и церкви в деле воспитания детей в значительной степени объясняется влиянием журнала „Современник“, который неоднократно подвергал критике ранние, отсталые взгляды Ушинского в этой области. Правда, Ушинский до конца оставался религиозным человеком, но в своих более поздних статьях, он прямо указывал, что „идея церковной школы не пустила у нас корней в народе“ [2], и что „церковь должна быть прибежищем для чувств и верований человека, а не становиться на широкой дороге его мирских дел; пусть человек бежит к ней от мирского шума, но ей самой выходить на светский рынок не приходится. Не объявляя претензии на подчинение разума, пусть она обращается только к сердцу человека, да и то не лезет к

---

[1] К. Д. Ушинский, Собр. пед. соч., т. I, Педаг. поездка по Швейцарии, стр. 314.

[2] К. Д. Ушинский, Собр. пед. соч., т. I, Общ. взгляд на возникн. наших народн. школ, стр. 523.

нему в глаза, а открывает ему дверь свою, когда он в нее стучится... церковь не только просуществует долго, а по нашей вере до скончания века"[1].

Какие конкретные задачи ставил перед школой Ушинский? Еще в 1848 году в своей „Речи о камеральном образовании" Ушинский отмечал, что цель школы должна быть выведена из общественно-экономических интересов народа. „Цель публичного воспитания должна быть публичной"[2],—писал он. Указав на ведущую и решающую роль школы в выработке в детях качеств совершенного человека, он в то же время не переоценивал роли школы. „Пусть школа, точно так же как и медик, не забывает, что она не может дать человеку жизненных сил, а может только устранить препятствия для правильного развития этих сил и предложить здоровую и полезную пищу вместо вредной"[3],—говорит Ушинский.

Ушинский был уверен, что школа, построенная на основе идеи народности, может способствовать изменению условий жизни народа. Видя в реформе 1861 г. открытие широкой дороги народному образованию, в 1862 году, еще не будучи до конца разочарованным в этой реформе, Ушинский писал Л. Н. Модзалевскому: „Теперь именно встает время, когда России более всего нужны школы, хорошо устроенные, и учителя хорошо подготовленные и много, много школ, иначе и свобода крестьян и открытое судопроизводство не принесут той пользы, какую могли бы принести эти истинно два великие шага вперед... Но школу, школу народную дайте ей! И тогда через 30 лет она станет на прямую дорогу"[4].

Исходя из такого значения народной школы, Ушинский требовал введения всеобщего обязательного начального обучения. „Странно,—писал он,—что идея обязательного обучения возбудила такое сильное противодействие со стороны некоторых из наших прогрессивных журналов. Кажется, что им не понравилось самое слово: „обязательный и принудительный", и они не разо-

[1] К. Д. Ушинский, Собр. неизд. соч., т. III, Матер. для пед. антропологии, стр. 191.

[2] К. Д. Ушинский, О камеральном образовании, стр. 23.

[3] К. Д. Ушинский, Избр. пед. соч., т. II, Руков. к препод. „Родного слова", ч. 4-я, 1939 г., стр. 143.

[4] К биографии К. Д. Ушинского, Письма, „Русская школа", 1893 г. № 7—8, стр. 57.

брали, что под этим словом скрывается одна из либеральнейших идей. Обязательное учение стесняет не дитя, которое учится, но родителей, которые, в силу этой обязанности, должны дать образование своим детям. Обязанность учения детей есть самое справедливое ограничение отцовского деспотизма и самое справедливое требование общества относительно отдельного лица. Кто имеет детей, тот обязан приготовить из них хороших, полезных членов обществу, среди которого он живет" [1].

Каждый член общества, каждый отец обязан воспитать и образовать дитя. „Надобно столько любви к детям,—писал Ушинский,—чтобы в одиночку думать о них постоянно, и общество не имеет права требовать такой любви от кого бы то ни было, если оно само не показывает участия к делу воспитания" [2].

Обязательному обучению Ушинский придавал большое значение не только с точки зрения узкопедагогической, но в нем он прежде всего видел и могучий фактор прогресса народа и страны. Он особо подчеркивал огромное значение народной школы в деле приобщения деревни к культуре. Народная школа, по Ушинскому, призвана дать народу здоровое первоначальное воспитание, открыть ему глаза на действительность. В свете этих соображений Ушинский горячо поддерживал развитие сети земских школ. Отдавая этим школам большие преимущества перед официально-государственной системой образования, Ушинский выражал уверенность, что земская школа поможет народу выйти на широкую дорогу, будет способствовать выходу наружу дремлющим талантам, хранящимся в нем. „Я полагаю,—писал Ушинский своему другу М. И. Семевскому,—что земская школа должна, наконец, положить прочное основание народному образованию в России и что теперь именно настало время организовать разрозненные попытки в этом отношении всех честных людей. Лучшим средством для этого, как мне кажется, было бы иметь общий журнал, в котором бы сходились сведения о результатах тех или других попыток, сделанных земствами различных губерний, и в котором могли бы обсуждаться эти попытки. Сам я, при моей

---

[1] К. Д. Ушинский, Собр. пед. соч., т. II, Вопросы о народных школах, стр. 139.

[2] К. Д. Ушинский, Собр. пед. соч., т. I, О пользе педаг. лит-ры, стр. 13.

болезненности и беспрестанных отлучках из Петербурга, конечно, не могу издавать такого журнала, но мог бы и желал бы от всей души принять в нем деятельное участие, чтобы посвятить свои остальные силы земским школам, так как я жду от них хотя немного, но по крайней мере чего-нибудь действительного, а не только бумажного и форменного, чем до сих пор угощала нас администрация“ [1].

Выдвигая свои требования о развитии сети школ и охвате этой сетью народных школ детей широких масс трудящихся, Ушинский хорошо знал, что все это требует больших материальных затрат. Он требовал, чтобы средства на дело образования в достаточном количестве были изысканы как правительством, так и самим народом. „Хорошие семена образования дороги, но зато и родят они сторицею“ [2],—писал он.

Ушинский разоблачал царских чиновников и имущие классы населения в том, что они для удовлетворения личных прихотей тратят миллионы рублей, а творца богатств государства—народ—держат в темноте и невежестве: „Половины третьей части откупного сбора, половины тех миллионов, которые пошли в сундуки самих откупщиков или издержаны на разные откупные роскоши: на шампанское, актрис, орловских рысаков, поездки за границу с курьерами, неслыханные кареты, в которых бы откупной вельможа мог и спать, и есть, было бы достаточно для самого блестящего устройства народных школ“ [3],—писал он.

Ушинский считал, что никакие ухищрения царского правительства, никакие преграды не могут остановить раз уже начавшееся общее движение народа, своими силами, самостоятельно пробивающего себе дорогу вперед, к школе, к образованию, к науке. „Наша народная школа, как ни слабы еще до сих пор ее начатки, уже действительно начинается у нас, и начинается самым естественным образом, из прямых своих источников: из понимания народом необходимости образования для жизни и из теплого

---

[1] В. В. Тимощук, М. И. Семевский, 1896 г., прилож., стр. 33.

[2] К. Д. Ушинский, Собр. пед. соч., т. I, Педаг. поездка по Швейцарии, стр. 328.

[3] К. Д. Ушинский, Собр. пед. соч., т. I, Нравств. элем. в русск. воспит., стр. 225.

источника любви родителей к детям, которых отцы хотят приготовить к жизни лучше той, которую они сами вели“ [1],—писал Ушинский.

В духе идеи народности Ушинский упорно защищает мысль о том, что народная школа должна являться делом народа и что в это дело никто не имеет право вмешиваться. Он вполне по заслугам критиковал всех, кто не хотел или выражал сомнение в целесообразности предоставления руководства делом народного образования самому народу. Глубоко веря в мудрость народа, Ушинский советует навсегда отказаться от ложной мысли, якобы народ не может руководить и следить за воспитанием своих детей. Наоборот, он считал одной из причин отставания современной ему русской жизни от европейской то, что народ не имел возможности сам руководить воспитанием и образованием своих детей. Говоря о том, что если у нас есть что-нибудь неизменное, неслучайное, то это именно народ и его направление, Ушинский заключает: „Народная школа может широко и беспрепятственно развиваться только тогда, когда о развитии ее будет заботиться тот самый народ, которому она нужна и чьи дети в ней учатся“ [2].

Большую роль в деле устройства народных школ и развертывания их плодотворной работы Ушинский отводил отдельным личностям, отдающим свой труд, свои силы на беззаветное, бескорыстное служение народу.

Велико по мнению Ушинского, в деле развития народной школы также и значение педагогической прессы. И в этом отношении он хотел оградить народную школу от влияния официальных правительственных и церковных органов. Не случайно, что он мечтал о создании специального педагогического органа и личном руководстве им. Выражая свою радость по случаю издания Медниковым журнала „Народная школа“, Ушинский писал М. И. Семевскому: „Журнал Медникова, начавшийся только в этом году и имеющий самое ничтожное количество подписчиков, имеет уже чисто русское направление или, лучше сказать, хочет его иметь; кроме того, он избрал своей специальностью народную школу, а

[1] К. Д. Ушинский, Собр. пед. соч., т. I, Общий взгляд на возникн. наших народн. школ, стр. 520.

[2] К. Д. Ушинский, Собр. пед. соч., т. I, Общий взгляд на возникающих народн. школ, стр. 521.

по моему мнению, в настоящее время земская школа и народная школа—синонимы"[1].

Вопрос о самобытном развитии русской народной школы Ушинский разрешает в духе идеи народности и подчеркивает вредность механического заимствования школьных систем у других государств.

Большая часть положений Ушинского о школе имеет не только историческое значение; положения эти как с теоретической, так и с практической стороны сохраняют свою актуальность и для советской педагогической науки, для советской школы. Особенно ценными являются его воззрения о школе, как о решающем факторе воспитания человека, его критика политики царского правительства в области школы и выявление антинародного характера этой политики, светской школы на научной основе, в соответствии с общественно-экономическими задачами народа, глубоко убедительное обоснование значения школьного коллектива для формирования личности ребенка, требование о передаче руководства школой в руки самого народа, указание на большое значение педагогической прессы в деле правильного построения и развития школы, борьба за самобытность русской школы и за ограждение ее от вредных влияний извне. Все это придает учению Ушинского о школе оригинальный и прогрессивный характер.

7. Женское образование

Для великих просветителей 60-х годов характерным является провозглашение принципа равноправия женщин. Ушинский горячо сочувствовал стремлению передовых русских женщин освободиться от тяготевшего над ними гнета. В своей практической деятельности он выступает как пионер в деле организации женского образования на основе признания прав женщины на образование наравне с мужчиной.

Правда, женское образование в России имеет давнюю историю. Смольный институт благородных девиц еще в 1874 году отпраздновал столетие своего существования. Но это—история образования женщин дворянского сословия. Не случайно, что озна-

[1] В. В. Тимощук, М. И. Семевский, 1895 г., Письмо Ушинского Семевскому, № 2.

ченное учебное заведение было названо царским двором „институтом благородных девиц". Для широких же масс населения в то время никакой государственной системы женского образования не существовало. Александровское отделение Смольного института, открывавшее двери третьему сословию (в особенности купцам первой гильдии) по своей цели и содержанию также не являлось народным. Блестящую и исчерпывающую характеристику системы женского образования в современной Ушинскому России дал Н. В. Гоголь в „Мертвых душах": „В пансионах, как известно, три главные предмета составляют основу человеческих добродетелей: французский язык, необходимый для счастья семейной жизни, фортепьяно, для доставления приятных минут супругу, и, наконец, собственно хозяйственная часть, вязание кошельков и других сюрпризов".

Исходя из своего основного положения о том, что „мужчина и женщина—личности равноправные, равно самостоятельные и равно ответственные"[1], и что „нет причины, почему бы женщина могла отставать от мужчины в науке"[2], Ушинский в своих трудах, в особенности в статье „Одна из темных сторон германского воспитания" разоблачал немецкую теорию и практику воспитания женщины, глубоко вскрывая реакционную сущность воззрений немецких ученых о женщине, как о рабе мужчины.

Острие критики Ушинского прежде всего было направлено против немецкого педагога К. Шмидта, проводившего в своих педагогических сочинениях идею порабощения женщин. Эта критика имела не только научно-педагогическое, но и широкое общественное значение, так как сочинения К. Шмидта переводились на русский язык, распространялись в обществе и приносили большой вред делу экономического и правового раскрепощения женщины и воспитания ее на одинаковых правах с мужчиной.

Разоблачая характерное для немцев отношение к женщине, Ушинский писал: „Если видеть в женщине только жену, хозяйку и мать и требовать от нее того, чего требует германское общество от жены, хозяйки и матери, то можно сказать, что нынешнее женское образование, как оно ни слабо, даже слишком удовлетворяет этим требованиям, сообщая женщине множество таких поз-

---

[1] К. Д. Ушинский, Собр. пед. соч., т. II, Одна из темных сторон германск. воспитания, стр. 174.

[2] К. Д. Ушинский, Собр. пед. соч., т. II, Внут. устройство сев. амер. школ, стр. 47.

наний, которых вовсе может не иметь немецкая хозяйка, жена и мать. Другое совсем представится нам, если мы взглянем на женщину, во-первых, как на человека, с общими человеческими потребностями, и, во-вторых, как на члена народной жизни, как на единственную посредницу, через которую успехи науки, цивилизации и все, что в них есть возвышающего, укрепляющего и облагораживающего людей, проникает в семейный быт, а через него в жизнь и нравы народа“ [1].

Вскрывая реакционно-монархическую сущность взглядов Шмидта на женское образование, Ушинский особое внимание обращал на типично германский характер этих взглядов. Ушинский критиковал Дистервега и Шмидта, которые ограничивали женское образование лишь начальной ступенью и видели в женщине лишь „Думающий хозяйственный пресс“. Считая такое отношение к женщине характерным для немцев, Ушинский справедливо указывал: „Немец наглухо запер для женщин свои университеты и свои ученые собрания, почти также запер и свои книги, написанные по большей части языком, который трудно понимается без долгого школьного подготовления“ [2].

Шмидтовская теория женского образования на самом деле является теорией порабощения и закабаления женщины. Не случайно поэтому, что она стала одним из источников для фашистской системы женского воспитания и образования, построенной на человеконенавистнической расовой теории. Шмидт пытался научно-философскими, физиологическими и психологическими данными обосновать положение, что женщина по своим биологическим данным является носителем иных качеств, чем мужчина, что она, якобы, не располагает способностью логического мышления, не имеет воли, твердого характера, что женщина — существо чувства и создана она лишь для того, чтобы только рожать и выполнять роль хозяйки в семье.

Выявляя всю несостоятельность этих, явно реакционных доводов Шмидта, Ушинский противопоставлял им научно обоснованное положение о том, что женщина располагает теми же качествами и способностями выполнять функции общественной жизни, как и мужчина: „Вся же эта фразеология об особенностях жен-

[1] К. Д. Ушинский, Собр. пед. соч., т. II, Отч. команд. для. осм. загр. жен. уч. завед., стр. 263—264.

[2] К. Д. Ушинский, Собр. пед. соч., т. II, Одна из темных сторон германского воспитания, стр. 173.

ского образования оканчивается следующей премудростью: „Женщина чувствует, чтоб думать; мужчина думает, чтоб чувствовать(?!); женщина любит, чтоб жить, мужчина живет, чтоб любить: и таким образом оба в своей действительности составляют единство. И если это так, то женщины, не сделавшись мужчинами, будут рождать мужчин; и мужчины, не сделавшись женщинами, будут делать женщин счастливыми“ [1].

Ушинский беспощадно критиковал взгляды Шмидта относительно обусловленности судьбы человека наследственно передаваемыми биологическими данными, жестоко высмеивая его „научные“ доводы и обоснования. Он писал: „Это последнее положение вовсе не вяжущееся с предыдущими доказывается затем выводами науки, которая открыла, что „на поверхности тела мужчины собирается более положительного электричества, а на поверхности тела женщины—более отрицательного“, хотя я никак не могу понять, чем отрицательное электричество хуже или слабее положительного. Далее К. Шмидт указывает на остов мужчины и женщины и находит в мужском остове: широкую кость, угловатость, жесткость, широкие плечи и широкую грудь, а у женщины наоборот: нежность, тонкость, узкие плечи и узкую грудь и выводит из этого опять-таки то же: „что мужчина предназначен для самостоятельности и силы, а женщина для того, чтобы подчиняться и приноравливаться“. Не правда ли, было бы хорошо, если бы и между мужчинами стали, по ширине плеч и угловатости костей, отыскивать предназначение быть человеком самостоятельным или подчиненным ?“ [2]. „Рассуждая так,—продолжает Ушинский,—весьма последовательно будет и следующее наставление: „У этого мальчика кости тонкие, грудь узкая, лоб завалился—не давайте ему крепительной пищи, не укрепляйте его гимнастикой, не развивайте в нем воли и мышления, сделайте его существом зависимым, которое набивало бы трубку и чистило бы сапоги хорошо развитой натуре“ [3].

Так же беспощаден Ушинский в своей критике, когда он касается воззрений Шмидта об интеллектуальном развитии женщины. Как известно, Шмидт пытался доказать, что в воспитании мужчины центральное место должно занимать развитие мысли, а в воспитании женщины—воспитание чувства, так как женщина,

[1] К. Д. Ушинский, Собр. пед. соч., т. II, Одна из темных сторон германского воспитания, стр. 170.
[2] Там же, стр. 168.
[3] Там же, стр. 170.

якобы, не располагает соответствующими способностями мышления и, с другой стороны, она создана для семьи, в жизни которой ведущим, по Шмидту, является чувство. Ушинский правильно усматривает в этих взглядах Шмидта требование закабаления женщины и критикует их с позиции признания полного равноправия.

По мнению Ушинского, дух учения Шмидта о женщине является типичным для немецкой системы воспитания в целом и это учение кроме вреда ничего не может принести русскому народу. „Бессмысленные же фразы по поводу женского воспитания свойственны не одному К. Шмидту,—писал Ушинский. Немецкие педагоги (Ушинский имеет в виду и Дистервега—Д. Л.) как-будто сознают, что неправы перед своей женщиной, и стараются закрыть истинный смысл своих стремлений фразами и чувствительными словами: в одно и то же время как-то неуклюже разнеживаются и как-то нелепо надуваются; но, несмотря на цветистые фразы, грубая правда высказывается ясно для всякого, кого нельзя поддеть на слова“ [1].

Таким образом, предостерегая русский народ от вредного влияния немецкой системы женского образования, Ушинский вместе с тем требует, чтобы женщина получала образование наравне с мужчиной. Его основным положением является: „Строгая, т. е. верная логика или другими словами, зоркий и верный рассудок необходимы как для мужчин, так и для женщин“ [2].

Женщине наравне с мужчиной должны быть открыты двери не только начальных и средних, но и высших учебных заведений, им должны быть открыты все пути к высотам науки.

Ушинский считал, что женщина и в историческом прошлом выполняла и в настоящем выполняет если не большие, то и не меньшие общественные функции, имеющие всенародное значение. Из этих функций Ушинский особое значение придавал воспитанию детей наряду с трудом в разных областях хозяйственной и культурной жизни семьи и народа и т. д. Велика, по мнению Ушинского, заслуга женщины перед родиной и человечеством в деле сохранения и передачи подрастающим поколениям родного языка, воплощающего в себе народную мудрость. Учитывая историческую и специфическую роль женщины, Ушинский считает

---

[1] К. Д. Ушинский, Собр. пед. соч., т. II, Одна из темных сторон германского воспитания, стр. 171.

[2] К. Д. Ушинский, Собр. пед. соч., т. I, Педаг. поездка по Швейцарии, стр. 384.

необходимым обучать девочек не только тем наукам, которые изучают мальчики, но и таким, которые связаны с воспитанием детей. Среди таких наук Ушинский исключительное значение придавал педагогике. Ему принадлежит идея введения преподавания педагогики в старших классах женских гимназий. Для этих классов Ушинский составил программу педагогики и имел намерение написать по этой программе курс педагогики. Более того, идею преподавания педагогики в старших классах гимназий Ушинский, как мы знаем, осуществил практически в Смольном институте в 1859—1860 годах; здесь он сам преподавал педагогику и руководил педагогической практикой своих слушательниц, проводивших ее в воскресных школах. Наряду с педагогикой большое значение Ушинский придавал изучению девочками физиологии, психологии и гигиены. Все эти предметы Ушинский считал необходимыми для подготовки детей к практической жизни.

Говоря о значении хорошо подготовленной матери, Ушинский писал: „Не должно забывать, что первое понятие о человеке, которое впоследствии закрепится словом, образуется в ребенке в бессловесный период его жизни, и что на образование этого понятия имеют решительное влияние те первые человеческие личности, которые отразятся в душе ребенка и лягут в основу его будущих отношений к людям. И счастливо дитя, если первое человеческое лицо, отразившееся в нем, есть полное любви и ласки лицо матери!“ [1]. Ушинский требовал, чтобы мать особое внимание уделяла воспитанию своих детей в духе любви к родине, к труду, а также способствовала бы их правильному физическому развитию. Ушинский требовал также, чтобы государство с своей стороны оказывало матери необходимую помощь в выполнении ею этого священного долга перед отечеством.

Ушинский требовал широкого внедрения и развития системы дошкольного воспитания в России. Этим он вовсе не умалял роли родителей в воспитании своих детей и требовал, чтобы каждая русская женщина была вполне подготовлена для такого сложного дела, каковым является воспитание детей в дошкольном и предшкольном возрасте. „Желал бы от всей души,—писал он,—чтобы на моей родине, рядом с устройством малолетних школ для детей, не могущих по каким-нибудь уважительным причинам, пользоваться счастьем хорошего домашнего воспитания и учения, развивались

[1] К. Д. Ушинский, Человек как предмет воспитания, т. I, стр. 124—125.

в русской женщине наклонность и умение—самой заниматься первоначальным воспитанием и обучением своих детей. Я желал бы, чтобы русская женщина, испытав глубокое наслаждение самой учить и развивать своего ребенка, не уступала этого наслаждения никому без крайней необходимости"[1].

Таким образом Ушинский, борясь в основном за единую систему образования и воспитания для девочек и мальчиков, одновременно предусматривал специфические особенности женщины и требовал введения в женских гимназиях специальных предметов—педагогики, физиологии, гигиены и психологии.

Яркое представление о взглядах Ушинского на характер воспитания женщин дают воспоминания бывшей ученицы Ушинского по Смольному институту Водовозовой, в котором она характеризует дух и направление лекций Ушинского по педагогике. „Он начал ее (лекции по курсу педагогики—Д. Л.),—пишет Водовозова,—с того, что доказал всю пошлость, все ничтожество, весь вред нравственного убожества наших надежд и несбыточных стремлений к богатству, к нарядам, блестящим балам и светским развлечениям. Вы должны, вы обязаны—говорил он,—зажечь в своем сердце не мечты о светской суете, на что так падки пустые, жалкие создания, а чистый пламень, неутомимую, неугасимую жажду к приобретению знаний и развить в себе, прежде всего, любовь к труду,—без этого жизнь ваша не будет ни достойной уважения, ни счастливой. Труд возвысит ваш ум, облагородит ваше сердце, даст вам силу забывать горе, тяжелые утраты, лишения и невзгоды, чем так щедро усеян жизненный путь каждого человека. Он доставит вам чистое наслаждение, нравственное удовлетворение и сознание, что вы не даром живете на свете... Постоянно расширяя умственный кругозор, он мало-по-малу будет открывать вам все новый и новый интерес к жизни, заставит все больше любить ее не ради эгоистических наслаждений и светских утех... Постоянный труд разовьет в душе нашей чистейшую любовь к ближнему, а только такая любовь дает честное, благородное и истинное счастье. И этого может и должен добиваться каждый, если он не фразер и не болтун, если у него не дряблая натуришка, если в груди его бьется человеческое сердце, способное любить не одного себя; добиться этого величайшего на земле счастья

[1] К. Д. Ушинский, Избр. пед. соч., т. II, Руков. к преп. по „Родному слову", ч. I, стр. 139.

может каждый, следовательно, человека можно считать кузнецом своего счастья“ [1].

Таковы основы прогрессивно-демократического учения Ушинского о женском образовании.

8. Низшее профессиональное образование

Ведущим звеном во всей системе народного образования Ушинский считал народную общеобразовательную школу. Одновременно, для развития экономической жизни страны и подготовки необходимых кадров для разных отраслей промышленно-ремесленного труда, Ушинский большое значение придавал организации широкой сети профессиональных школ, в особенности, в городах. Эти свои требования Ушинский обосновывал также необходимостью соединения образования с трудом с целью совершенствования нравственных качеств городских жителей. В статье „Необходимость ремесленных школ в столицах“ Ушинский высказывал свои взгляды о том, почему необходимы ремесленные школы и чему и как должны учить детей в школах этого типа.

В этой статье Ушинский основной задачей ремесленных школ считал задачу массовой подготовки кадров и полного освобождения России от зависимости иностранных государств. „Помимо филантропической цели,—писал Ушинский,—в этом вопросе есть и патриотическая сторона. При хорошей и нравственной ремесленной школе, мы будем иметь не только отличных подмастерьев, но и хороших мастеров и хозяев из русских, тогда к нам перестанут приезжать наживаться чужеземные эксплоататоры наших замечательных дарований“ [2]. Исходя из этого, он требует широкого развития сети ремесленных школ и обращает внимание на это дело как правительства, так и широкой общественности. В особенности он ставил в обязанность городских и земских самоуправлений широко насаждать и развивать систему ремесленных школ.

Ремесленные школы, по мнению Ушинского, должны были обучать учащихся не только ремеслу, но и готовить из них развитых в умственном отношении людей. По его мнению, учащиеся

---

[1] Е. Н. Водовозова, На заре жизни, стр. 339.

[2] К. Д. Ушинский, Собр. пед. соч., т. II, Необходимость ремесленных школ в столицах, стр. 312.

ремесленных школ, наряду с изучением того или иного ремесла, например, сапожного, портняжного, слесарного, токарного, столярного, переплетного и др., должны получать общеобразовательные знания по родному языку и литературе, арифметике, отечественной истории и географии, по рисованию и т. д.

Кроме того, Ушинский в ремесленных школах видел одно из важных средств нравственного совершенствования молодежи, в особенности городской. Он ставил в упрек городским управлениям, что они больше думают о техническом благоустройстве города, чем о повышения культурного уровня городского населения и, в частности, о трудовом воспитании молодежи, об ее нравственном совершенствовании и требовал, чтобы городские управления заботились об организации широкой сети ремесленных школ и создании для них соответствующих условий для их плодотворной работы.

Защищая права и интересы учащихся ремесленных школ, Ушинский в духе высокого гуманизма требовал, чтобы с ними обращались с любовью и уважением и видели в каждом из них будущего гражданина и полезного члена общества.

И в вопросе образования взрослого населения Ушинский выступает как настоящий просветитель-шестидесятник. Он не только считал необходимым для быстрого экономического развития страны и благоденствия народа продвигать науку, культуру, просвещение в широкие массы народа, но с научно обоснованными доводами выступал против тех, которые считали, что учиться, якобы, можно лишь в детском и юношеском возрасте. Ушинский считал, что лучшими периодами для учения является детство и юность и в то же время утверждал, что „ученье никогда не поздно". Выражая восхищение по поводу тех результатов, которые он наблюдал в воскресных школах рабочих, Ушинский призывал широкую общественность России к всемерной помощи делу развития этих школ. В своей статье „Воскресные школы" Ушинский поставил и на основе идеи народности разрешил ряд вопросов обучения взрослых.

В воскресной школе Ушинский видел „замечательное и отрадное явление", открывающее „перед глазами успокоительную и светлую будущность". Ее основной задачей Ушинский считал повышение культурного уровня населения с тем, чтобы оно могло улучшить свой быт, условия жизни.

Ушинский считал также, что „важное нравственное значение воскресных школ состоит в сближении образованных людей с людьми рабочего класса“ [1]. Вполне справедливы были его упреки по адресу тех, кто недооценивал громадного значения для народа воскресных школ и с пренебрежением относился к их задачам.

Ушинский способствовал укреплению уверенности в способности учащихся воскресных школ хорошо учиться. Он доказывал, что в воскресных школах внимание учащихся поддерживается без особого напряженного усилия со стороны учителя, что сами ученики знают свою задачу и со всей серьезностью относятся к урокам, не стесняются спрашивать учителя и т. д.

Говоря о внутренних организационно-педагогических основах построения воскресной школы, как школы переростков, Ушинский прежде всего обращал внимание на необходимость раздельного обучения юношей и девушек, а также отдавал преимущество назначению на должность преподавателей этой школы педагогов-женщин. „Разделение воскресных школ на мужские и женские я считаю полезным; но участие образованных женщин в преподавании как в тех, так и в других школах принесет величайшую пользу“ [2] —писал он.

Основное содержание этих школ, по мнению Ушинского, заключается в занятиях по изучению грамоты, основ родной литературы, истории отечества, сведений из географии, естествознания, счета и т. д.

Особенно важным для успешной работы этих школ Ушинский считал „искренние, дружеские отношения между учителем и учеником“ [3].

Двери этих школ не только должны быть открыты для всех желающих учиться в ней, но школы сами должны проводить соответствующую работу среди населения в целях охвата как можно большего количества неграмотных людей.

И в этих взглядах Ушинского много ценного. Они, с одной стороны, характеризуют Ушинского как педагога-демократа, до конца верного своему принципу народности, с другой же стороны, отдельные положения по этому вопросу в известной мере сохранили свое практическое значение и для нашей эпохи, в особенно-

---

[1] К. Д. Ушинский, Соч., т. I, Воскресные школы, стр. 172.

[2] Там же, стр. 174.

[3] Там же, стр. 173.

сти для того периода, когда в стране осуществлялась задача ликвидации неграмотности и малограмотности.

9. Высшее образование

Исключительно важное значение во всестороннем развитии жизни народа Ушинский придавал науке, считая ее одним из основных факторов прогресса каждой страны и всего человечества. Главным очагом и рассадником научной мысли, по мнению Ушинского, является высшее учебное заведение. Поэтому завершающим звеном системы народного образования, обеспечивающим полную подготовку человека, он считал высшее образование. Высшие учебные заведения по тем или другим отраслям знания Ушинский рассматривал не как замкнутую, кастовую систему, предназначенную для привилегированных сословий, а как систему, ставившую своей целью служение интересам страны и народа. „Такая деятельность, выгода которой не совпадает с выгодой народа, писал Ушинский,—есть или безумный проект, обломки которого задавят составителя, или преступный умысел, совершение которого накажется рано или поздно". Поэтому только такая наука является выгодной для народа, которая „открывает глаза народу на истину... открывает дорогу свободную, дает знания, убеждает и не требует веры" [1]. Отсюда естественно, что Ушинский ставил и разрешал вопрос о высшем образовании также с позиций идеи народности.

Ушинский не только знал современную ему систему высшего образования, но, что главное, принимал непосредственное участие в работе учреждений этой системы как профессор Ярославского Демидовского юридического лицея. Поэтому многие вопросы высшего образования, на которых Ушинский сосредоточил свое внимание, разрешались им с глубоким знанием дела.

Основные требования Ушинского к системе высшего образования заключались в том, 1) чтобы эта система имела народный характер и открывала свободную дорогу к высотам науки широким массам народа, 2) чтобы ее содержание всецело отвечало требованиям развития общественно-экономической жизни страны и, наконец, 3) чтобы она развивалась и совершенствовалась самобытно, свободно, без вмешательства царских чиновников и без вредного

[1] К. Д. Ушинский, О камер. образ., стр. 94.

влияния иностранных систем высшего образования, чуждых жизни русского народа.

Ушинский правильно указывал, что „индустриальное направление века требует науки индустриальные“[1]. Поэтому он считал необходимым коренное изменение направления существовавшей в то время системы высшего образования с тем, чтобы в высших учебных заведениях ведущее место занимали такие науки, как наука о природе, в особенности физика и химия, наука о человеке, в особенности психология, физиология человека и педагогика, и наука об обществе, в особенности политическая экономия, которой Ушинский придавал большое значение и писал, что она „уступит может быть по занимательности, но не уступит никому в важности и современной необходимости“[2]. Ушинский совершенно правильно отмечал, что „преимущественное изучение классической древности, основанное на историческом предании, от которого не может оторваться Западная Европа, более всего мешает до сих пор действительному соединению науки и жизни“[3].

Профессорская деятельность Ушинского в Ярославском лицее является ярким показателем его решительной борьбы против средневековой рутины в науке, когда он, опираясь на новейшие достижения передовой науки, смело и беспощадно разоблачал ее антинародный характер. Ушинский хорошо видел, что политика царизма, особенно в период николаевской реакции, не только не способствовала развитию высшего образования и распространению научных знаний в народе, но что существовавшая тогда система высшего образования фактически являлась барьером, отгораживающим науку от народа. Поэтому первостепенное значение он придавал освобождению высших учебных заведений от вмешательства правительственных органов в их повседневную научно-учебную жизнь. Так же как и Н. И. Пирогов, Ушинский признавал право высшего учебного заведения быть свободным в своей научно-педагогической деятельности и решительно выступал против всякого нарушения этого права. Он беспощадно разоблачал жандармско-полицейский дух той системы контроля, которая была введена министром народного просвещения Уваровым. Солидари-

---

[1] К. Д. Ушинский, О камер. образ., стр. 93.

[2] Там же, стр. 92.

[3] К. Д. Ушинский, Собр. пед. соч., т. I, Педаг. соч. Н. И. Пирогова, стр. 473.

зируясь с требованиями Н. И. Пирогова о том, что „до науки и ее преподавания попечитель не имеет дела“ и что „попечитель в отношении к университету есть контролер, который наблюдает только, чтобы все действия совета были законны“, Ушинский ставит вопрос: „Если мы будем не доверять цвету нашего общества, если мы не будем доверять нашим профессорам, то кому же после этого можем мы доверять? Кому поручим контроль над профессорами?“ [1] и сам же отвечает: „Следует поставить профессора в такое положение, чтобы он мог заботиться только о науке и пользе своих слушателей. От руководства и направления профессоров должно отказаться: пусть руководит и направляет их одна наука и можно быть уверенным, что это не приведет ни к чему дурному [2]“.

Выражая такое высокое доверие профессору и требуя создания для него нормальных условий для плодотворной научной и учебной работы, Ушинский в то же время хорошо понимал, что подбор профессоров имеет решающее значение для всей жизни и судьбы высшего учебного заведения. „Кто же виноват в том, что сторонники личных интересов и оседлые личности, ищущие связей и протекции, берут верх в иных университетских советах? Кто же виноват, как не построение университета и вмешательства в его дела и то чиновничество профессоров, которое должно быть истреблено до корня, если мы искренно желаем развития науки в нашем отечестве и блага нашим университетам; профессор должен быть поставлен выше всяких чиновничьих соблазнов; университетский совет должен быть поставлен так, чтобы членам его не нужны были ни связи, ни протекции, чтобы ценителями их были товарищи, слушатели и общество, а не какие-нибудь другие лица, чуждые науке, а нередко даже и образованию“,[3]—писал Ушинский. Ставя высоко права советов высших учебных заведений, Ушинский указывает: „Не следует никакими правилами стеснять университетские советы, а следует только позаботиться, чтобы сами эти советы состояли из людей, заслуживающих доверия, искренно желающих процветания науки и своего университета“ [4].

---

[1] К. Д. Ушинский, Собр. пед. соч., т. I, Пед. соч. Н. И. Пирогова стр. 493.

[2] Там же, стр. 500.

[3] Там же, стр. 499.

[4] Там же, стр. 496.

Прогрессивность и народно-демократический дух этих требований Ушинского для того времени очевидны. Тем ярче и сильнее будет выступать демократичность взглядов Ушинского на высшее образование в целом, если учтем, что Ушинский всегда с исключительной теплотой и уважением упоминает имена таких передовых и прогрессивных ученых, как его любимые учителя Грановский и Редкин, известные русские ученые-просветители, которых высоко ценили все революционные демократы-шестидесятники. Как известно, Ушинский в знак глубокого уважения и признательности посвятил свой основной труд „Человек как предмет воспитания" П. Г. Редкину [1].

Для правильной организации учебного процесса в высших учебных заведениях и непрестанного роста качества лекций профессоров, и также для того, чтобы среди студентов внедрить навыки к самостоятельной работе, Ушинский дает замечательное указание, которое для высшей школы и до настоящего времени не утеряло своего значения. „Пусть профессоры каждого факультета,—требует Ушинский,—при начале каждого семестра представляют в факультетский совет программу того, что намерены читать в продолжение года и что они предоставляют прочесть и изучать самим студентам, с указанием руководств и пособий, и пусть эти программы, по утверждении факультета, печатаются и публикуются. Такой порядок удержит многих профессоров от чтения избитых истин или голых фактов по одной и той же тетрадке в продолжение 20 лет; такой порядок будет иметь еще и то благодетельное действие, что заставит студентов заниматься гораздо более нынешнего, приучит их к самостоятельной работе, и не будут они, как делают часто теперь, полагаться на то, что к экзамену успеют протвердить профессорские тетрадки" [2]. Из этой выписки видно, насколько несостоятельны доводы некоторых комментаторов Ушинского, которые утверждают, что, якобы, Ушинский был против всякого планирования лекций и программ, как „убивающих живое дело обучения". Некоторые даже считают, что как-будто отрицание Ушинским программ и планов лекций послужило причиной его ухода из Демидовского лицея.

---

[1] Ушинский свою речь „О камеральном образовании" по выходе ее в свет преподнес с надписью своему учителю Грановскому.

[2] К. Д. Ушинский, Собр. пед. соч., т. I, Пед. соч. Н. И. Пирогова, стр. 505.

Для того, чтобы высшие учебные заведения стали как можно более народными, Ушинский огромное значение придавал правилам приема. Он требовал уничтожения всех искусственно созданных перегородок в этом деле. „Сделать знание классических языков необходимым условием вступления в университет,—писал Ушинский,—значило бы, по нашему мнению, бесполезно затруднить вступление в университет для многих“ [1]. Наряду с этим, не упрощая правил приема в университеты и не допуская каких-нибудь снисхождений в смысле подготовки, Ушинский требовал, чтобы при приеме были соблюдены требования факультетов. Он писал: „По нашему мнению, следовало бы хорошее знание латинского языка и посредственное знание греческого языка сделать необходимым условием только для поступления на филологический факультет; посредственные знания латинского требовать от поступающих только на факультеты медицинский и юридический; от тех же, которые желают заниматься математическими и естественными науками, вовсе не требовать знания древних языков, т. е. почти возвратиться к тому порядку, который существовал до сих пор и который установлен у нас не уставом, а самою жизнью“ [2].

Замечательно и то, что Ушинский всю ответственность за подготовку соответствущих контингентов для высших учебных заведений возлагает на школу. Он обращает внимание учителей средних школ на то, чтобы они никогда не упускали из виду требований высших учебных заведений. Невыполнение этих требований со стороны школы Ушинский считает самым большим минусом в работе, общественным злом. Незнание родного языка, которое нередко обнаруживают студенты, своим источником имеет школу и студенты за это не должны быть наказаны... „Ввести в образование эту правильность языка можно вовсе не тем, чтобы за грамматические ошибки запирать перед юношей университетские двери. Это значит только наказывать юношу за неподготовленность к своему делу—не самого, но тех, кто взялся за его воспитание, за ошибки его первоначального обучения, за то, что в младших классах гимназии у него был дурной учитель русского языка, дурной учебник и дурная методика учения. Справедливо ли это? Не рациональнее ли было бы обратиться к источнику зла и исправить учение в тех классах, где именно люди должны ста-

[1] К. Д. Ушинский, Собр. пед. соч., т. I, Пед. соч. Н. И. Пирогова, стр. 484.

[2] Там же, стр. 488.

новиться грамотными? Не рациональнее было бы, не наказывая юношу за наши собственные ошибки, ошибки, допущенные нами в его обучении, когда этот юноша был еще десятилетним мальчиком, постараться, чтобы на будущее время молодые люди шестнадцати лет уже не нуждались в уроках правописания?" [1].

Ушинский особо важное значение в достижении высшим учебным заведением успехов придавал взаимоотношениям между профессорами и студентами. Он решительно выступал против бездушного, бюрократического отношения к запросам студентов и требовал, чтобы профессор, соблюдая определенную дистанцию и не теряя своего профессорско-преподавательского лица среди студентов, относился к студентам гуманно и постоянно поддерживал с ними деловую связь как в процессе учебы, так и вне ее.

В этом отношении он особое значение придавал выявлению профессором индивидуальных способностей студентов с тем, чтобы направить их по правильному пути и способствовать их научному росту. Образцом такого отношения к студентам является профессорская практика самого Ушинского, который, не щадя своих сил, любовно выращивал молодых студентов и достигал хороших результатов в их научном росте. Для примера достаточно вспомнить рефераты 2-х студентов Ушинского—Алексея Потехина и Андрея Пользова, которые написаны под руководством Ушинского на конкурсную тему („Образование присутственных мест при Петре Великом"). Эти рефераты заслужили высокую оценку не только со стороны совета лицея, но и удостоились золотых медалей от попечителя Московского учебного округа[2].

Таковы в общих чертах те взгляды Ушинского на систему высшего образования, которые составляют органическую часть его педагогических идей и которые во многом сохраняют свою жизненность для высших учебных заведений нашего времени. С этой точки зрения особое значение имеют взгляды Ушинского о подборе высококвалифицированных кадров, об организации и планировании учебного процесса в высшей школе, о взаимоотношениях профессоров и студентов, об индивидуальном подходе к каждому студенту и т. д.

---

[1] К. Д. Ушинский, Избр. пед. соч., т. II, Руководство к преп. по „Родному слову", ч. 2-ая, стр. 387.

[2] См. приложение к „Речи о камер. образ.", стр. 9—10.

Глава IV

ДИДАКТИЧЕСКОЕ УЧЕНИЕ

А. ОБЩИЕ ОСНОВЫ

В педагогическом наследстве Ушинского особое место занимает дидактика, т. е. та часть педагогики, которая устанавливает принципы и закономерность обучения и отвечает на вопрос—чему учить и как учить. Дидактику Ушинский считал „половиной" курса педагогики, и „наукой обучения". „Учение, как одно из самых сильных воспитательных средств,—писал Ушинский,—как по своей важности, так и по обширности и разнообразию своих правил, излагается обыкновенно в дидактике или науке обучения"[1]. Понятно, почему Ушинский особое внимание уделял вопросам теории обучения, разрешая их с точки зрения своих философских воззрений и общепедагогических идей.

Из всех классиков домарксовой педагогики, после непревзойденного дидакта, творца бессмертной Didactica Magna, великого славянина Яна Амоса Коменского, первым следует поставить Ушинского, который не только поднял и на высоком теоретическом уровне разрешил ряд самых кардинальных проблем теории обучения, но вместе с тем научные положения в области дидактики безукоризненно и с большим педагогическим мастерством реализовал в своих учебниках „Родное слово" и „Детский мир". Его известные труды: „Человек как предмет воспитания", „Пе-

[1] Ц. Г. Арх. ВПК и Б. Программа педагогики для специальных классов женских учебных заведений, фонд. канц. ведомства учрежд. импер. Марии, бумаги Вышнеградского, лит. Б., № 150, л. п. 131—158.

дагогические сочинения Н. И. Пирогова", „Главные черты человеческого организма в приложении к искусству воспитания" [1], „Руководство к преподаванию по „Родному слову", статья „Родное слово" и др. являются научными трудами всемирноисторического значения и в области дидактики.

Для советской школы и педагогической науки из всего богатейшего педагогического наследства Ушинского наиболее важное практическое значение имеет его дидактическое учение.

Чтобы правильно ориентироваться в дидактическом наследстве Ушинского, необходимо рассмотреть его в следующем плане:

1) Общие основы дидактического учения Ушинского;
2) Учение Ушинского о психологических основах обучения;
3) Общедидактические принципы обучения по Ушинскому;
4) Учение о методах обучения.

Рассмотрение общих основ дидактического учения Ушинского дает представление о том, какие цели ставил Ушинский перед обучением, как он понимал природу и закономерность процесса обучения, что считал необходимым для того, чтобы обучение достигло своей цели. Исходя из этого, нам необходимо рассмотреть следующие вопросы: 1) проблема теории образования в учении Ушинского; 2) природа обучения и закономерность ее процесса; 3) воспитывающий характер обучения, 4) общедидактические основы обучения: а) преподавание на родном языке, б) связь обучения с жизнью, в) природосообразность в обучении.

1. Проблема теории образования в учении Ушинского

Как известно, педагогика, в частности, дидактика, не устанавливает конкретного содержания обучения. Дидактика лишь вырабатывает те принципы, на основе которых строится основное содержание обучения. Поэтому вопрос—чему учить прежде всего, рассматривается в дидактике, в плане решения вопроса о том какова должна быть цель обучения и на какие стороны развития учащихся должно быть направлено обучение в целом.

Понятно, что цель и задачи обучения полностью определяются задачами воспитания человека. Отсюда ясно, что причины давнишнего спора в дидактике между теориями так называемого

[1] Эта статья была отдельной главаой труда „Человек как предмет воспитания", и печаталась с педагогическими выводами в журн. „Педагогический сборник" в 1835, 1836 и 1837 гг.

формального и материального образования, а также между классической и реальной системами, следует искать в социально-классовой природе самого обучения.

Теория материального образования, берущая начало с философии Бэкона и дидактики Коменского, преимущество отдает такому обучению, которое дает детям как можно больше знаний. Эта теория до некоторой степени недооценивает развитие в детях формальных способностей—мышления, памяти и т. д., т. е. недооценивает развивающую роль обучения. Сторонники этой теории утверждают, что знания сами по себе развивают детей и в формальном отношени, и чем полнее объем знаний, тем выше и степень развития формальных способностей. Эта теория и стала основой реальной системы образования. По теории же формального образования целью всякого обучения должно быть не столько приобретение детьми знаний, сколько развитие способностей мышления, памяти и др. Эта теория, которая свое начало берет, главным образом, с учения Песталоцци, провозглашает принцип развивающего обучения. Сторонники этой теории признают, что результаты обучения сохраняются в памяти сравнительно недолго, а потому задачу приобретения знаний следует подчинить основной цели обучения—развитию в детях способности мыслить, рассуждать, запоминать, быстро ориентироваться в явлениях и т. д., т. е. образовывать ум. Естественно, что сторонники теории формального образования предпочтение отдавали классической системе, для которой классические языки, в особенности греческий и латинский, являлись основным стержнем обучения.

Известно также, что система классического образования, представляла собой официальную линию царского правительства в области построения среднего образования. Посредством этой системы царское правительство стремилось лишить народ познания реальной действительности, сделать как можно более трудным и непосильным само обучение и держать школу на уровне средневековой схоластики и догматизма. Таким обрааом царское правительство, выхолащивая теорию формального образования от всяких положительных качеств, превращало ее не в средство развивающего обучения, а напротив—в средство отупления человеческих способностей. Эту политику царское правительство стремилось проводить не только во времена Ушинского, но и до конца своего существования, хотя и в разных формах.

Ушинский хорошо понимал общественное значение вопроса о формальном и материальном образовании и разрешал его с позиций своей идеи народности.

Как нам уже известно, Ушинский под воспитанием понимал единый организованный и целенаправленный процесс интеллектуального, морального и физического формирования человеческой личности, в обучении же он видел основное средство воспитания, „орган воспитания". Перед обучением Ушинский ставил две основные задачи: образовательную и воспитательную. Образовательная задача обучения, по Ушинскому, заключается в том, чтобы обеспечить кратчайшим и наиболее легким путем освоение детьми таких многообразных знаний природы и общества, которые открывают человеку глаза на истину и необходимы для усовершенствования общественной жизни человека. Воспитательной задачей обучения Ушинский считал выработку у учащихся мировоззрения и требовал, чтобы обучение действовало „не на одно увеличение запаса знаний, но и на убеждения человека"[1]. Он писал: „Знания и идеи, сообщаемые какими бы то ни было науками, должны органически строиться в один светлый и, по возможности, обширный взгляд на мир и его жизнь, чтобы обучение вырабатывало у учащихся, начиная с самого маленького класса, округленное миросозерцание, доступное возрасту учеников"[2]. Отсюда—в о с п и т ы в а ю щ и й характер и воспитывающая задача обучения.

Исходя из такого понимания основной задачи обучения, в первую очередь возникает вопрос, каково должно быть содержание обучения. Ушинский хорошо знал, что „в старинной педагогике науки обыкновенно разделялись: на науки, развивающие только формально, и на науки, дающие материальное содержание развитию. К первым обыкновенно причисляли классические языки и математику, ко вторым—остальные предметы"[3].

Для Ушинского было ясно, что теории материального и формального развития, взятые отдельно, являются односторонними и не могут отвечать задаче воспитания нового человека. Поэтому он не допускал мысли, что преподавание науки не способствует развитию так называемых формальных способностей человека. Кри-

[1] К. Д. У ш и н с к и й, Собр. неизд. соч., т. III, матер. для биогр., стр. 152.

[2] К. Д. У ш и н с к и й, Собр. пед. соч., т. I, Пед. поездка по Швейцарии, стр. 388.

[3] К. Д. У ш и н с к и й, Собр. пед. соч., т. II, Главные черты челов. орг. в прилож. к иск. восп., стр. 205.

тикуя немецкую теорию разделения наук на материальные и формальные науки, Ушинский писал: „Странно, что это деление попадается и в таких педагогиках, которые уже пользовались или могли пользоваться опытной психологией Гербарта и Бенэке. Признав главные основания этой психологии в анализе памяти, изложенные нами выше, мы должны навсегда уже отказаться от такого деления наук и признать, что формальное развитие есть пустая выдумка, показывающая только прежнее психологическое невежество, и что каждая наука развивает человека, насколько хватает ее собственного содержания и развивает именно этим содержанием, а не чем-нибудь другим“ [1].

Исходя из этого, Ушинский требует положить конец такому делению наук и пишет: „Науки, будто-бы особенно развивающие память, рассудок или воображение, не более как порождения прежней схоластической психологии, и эти выражения должны быть навсегда вычеркнуты из педагогики, которая строится на началах опытной психологии, а всякая другая педагогика была бы диким анахронизмом“ [2].

Таким образом, Ушинский совершенно правильно ставит проблему о формальном и материальном образовании, когда он вскрывает положительные и отрицательные стороны этих теорий и считает необходимым сочетание формального и материального развития на основе реального образования.

Ушинский, указывая на положительные стороны формального развития, вместе с тем предупреждал о вредности построения обучения на основе одностороннего развития так называемых формальных способностей: „Если мы представим себе крайне рассудочную голову, которая, спеша от одной рассудочной категории к другой, не заботится о приобретении положительных знаний, а какие приобретает, то растеривает по дороге, при быстром движении все вперед да вперед, тем удобнейшем, что экипаж-то уж очень не грузен, то будем вправе сравнить ее с мотом, который сумел бы отлично распорядиться деньгами, если бы они у него были“ [3].

Но столь же вредным Ушинский считал построение обучения и на основе одностороннего понимания теорий материального раз-

---

[1] К. Д. Ушинский, Собр. пед. соч., т.II, Гл. черты чел. орг. в прилож. к иск. восп., стр. 205—206.

[2] Там же, стр. 206.

[3] Там же, стр. 186.

вития. „Не умея обращаться с памятью человека, мы утешаем себя мыслью, что дело воспитания—только развить ум, а не наполнить его сведениями; но психология обличает ложь этого утешения, показывая, что самый ум есть не что иное, как хорошо организованная система знаний“ [1],—писал он.

Ушинский совершенно справедливо требует не заполнять детские головы ненужными знаниями, всяким, по его выражению, хламом. „Мы валим в детскую голову,—писал он,—всякий, ни к чему негодный хлам, с которым потом человек не знает что делать тогда как, в то же самое время, самые образованные люди не знают того, что необходимо было бы им знать, и за незнание чего они часто расплачиваются дорогою ценою“ [2].

Ушинский считал, что обучение, как единый процесс умственного и нравственного развития ребенка, одновременно должно быть направлено как на обогащение ума необходимыми знаниями, так и на развитие формальных способностей. Ушинский правильно указывал, что „положительные, совершенно усвоенные умом знания, преобразовавшиеся в идеи, развивают его реально“ [3]. „Умственная гимнастика“, которая необходима, так как она „развивает ум формально“ [4], должна быть подчинена общей задаче гармонического развития личности.

Исходя из этих положений, Ушинский дает следующее замечательное дидактическое наставление: „При беседах с учениками должно иметь ввиду постоянно две цели и не увлекаться ни одною из них настолько, чтобы позабывать другую. Первая цель, формальная, состоит в развитии умственных способностей ученика, его наблюдательности, памяти, воображения, фантазии и рассудка. Должно постоянно помнить, что следует передать ученику не только те или другие познания, но и развить в нем желание и способность самостоятельно, без учителя приобретать новые познания. Эта способность, которую несколько односторонне, но зато с таким необыкновенным успехом развивал Песталоцци и его последователи, должна остаться с учеником и тогда, когда учитель его оставит, и дать ученику средство извлекать полезные знания

---

[1] К. Д. Ушинский, Человек как предмет воспитания, т. I, стр. XXIV.

[2] К. Д. Ушинский, Собр. пед. соч., т. II, Гл. черты чел. орг. в прилож. к искусству воспит., стр. 201.

[3] К. Д. Ушинский, Собр. пед. соч., т. II, Предисл. к I ч. „Детского мира“, стр. 74.

[4] Там же, стр. 74.

не только из книг, но и из предметов его окружающих, из жизненных событий, из истории собственной его души. Обладая такою умственною силою, извлекающею отовсюду полезную пищу, человек учится всю жизнь, что, конечно, и составляет одну из главнейших задач всякого школьного учения"[1].

Вторая цель—материальная, которая должна обеспечить единство формального и материального развития, т. е. дать содержание уму, так как без содержания „ум—мыльный пузырь". Ушинский также правильно указывает: „Но такой развивающий метод, открытие которого навсегда оставит за Песталоцци имя первого народного учителя, не должен увлекать наставника слишком далеко; увлекать до того, чтобы он забывал самое содержание и, преследуя форму мысли, опускал из виду самую мысль... Вторая цель школьного учения, реальная, столь же важна, как и первая, да еще, если хотите, и важнее первой. Для достижения этой цели прежде всего необходим разумный выбор предметов для наблюдений, представлений и соображений"[2].

Таким образом, Ушинский основную проблему дидактики о формальном и материальном образовании поставил и разрешил вполне оригинально и на научной основе. В этом вопросе он опередил не только своих предшественников и современников, но и во многом предвосхитил основные положения советской дидактики о том, что обучение по своему содержанию должно иметь единый, но двусторонний характер, т. е. обеспечивать, с одной стороны, обогащение учащихся необходимым минимумом знаний и навыков и, с другой, развивать способности мышления, памяти, воли и других качеств всесторонне развитой, цельной личности.

В свете решения этой проблемы Ушинский поставил и разрешил и проблемы о гуманном, специальном, классическом и реальном образовании.

Ушинский правильно оценил также прогрессивно-историческую роль греческого и латинского языков, которую они сыграли в борьбе против папизма и схоластики в обучении в период ренессанса. Но эти языки в условиях новой эпохи уже сами представляли преграду для дальнейшего развития гуманизма и не отвечали задачам общественно-экономического прогресса народа. „Изучение древних языков,—писал Ушинский,—укоренилось в запад-

[1] К. Д. Ушинский, Собр. пед. соч., т. I, Воскр. шк., стр. 176.
[2] Там же, стр. 177.

ных школах вовсе не вследствие сознания необходимости для их развития высших способностей духа, а вследствие причин исторических. Пробудившись от долгого усыпления, Западная Европа, сбрасывая вековые суеверия, требовала света и науки, а науки не было на новых языках. Должно было обратиться к наследию древних, которое до тех пор лежало бесполезно в грудах сочиненнй, написанных на классических языках. Отсюда сама собою возникла необходимость изучения древних языков, которая потом обратилась в школьную привычку Европы“ [1].

В деле освобождения человечества от средневековой схоластики и оков папизма Ушинский исключительно важное значение придавал таким наукам, как математика, астрономия, физика, химия, история и др. „Если изучение латинского и в особенности греческого языка положило основание к освобождению от тех оков, в которые папизм усиливался заковать человеческий ум, то это еще не значит, чтобы изучение других наук, если бы они существовали в то время, не могло сделать того же самого. Математика, астрономия, физика и химия, история, расширение географических сведений не менее, а может быть гораздо более, чем изучение классических языков, служили к разогнанию мрака средневекового невежества“,—писал Ушинский [2].

Исходя из этих положений, Ушинский не разделял взглядов Н. И. Пирогова, считавшего возможным достижение общегуманного воспитания человека лишь через классическую систему образования, т. е. путем постановки классических языков во главе всего учения. Во-первых, Ушинский считал, что гуманизм прошлого и гуманизм настоящего—два разных понятия. Подходя к понятию о гуманизме с исторической точки зрения, Ушинский писал: „Если он (Пирогов—Д. Л.) защищает старый гуманизм с его неизбежными классическими языками, с его непониманием христианского мира, с его полным незнанием современного человека и его современных потребностей, с его отчуждением от той жизни, которая нас теперь со всех сторон обнимает, то автор будет иметь в рядах своих противников и таких людей, каковы Маколей, Бастия и др., которых, конечно, нельзя причислить к папистам или обскурантам“ [3].

---

[1] К. Д. Ушинский, Собр. пед. соч., т. I, Пед. соч. Н. И. Пирогова, стр. 482.

[2] Там же, стр. 476.

[3] Там же, стр. 475—476.

Во-вторых, Ушинский, не соглашаясь с Н. И. Пироговым в вопросе о роли древних языков, считал, что единственный верный путь для подлинного гуманного воспитания лежит не в древних языках, а в родном языке и в изучении на этом языке реальной действительности. „Нам кажется, что под именем гуманного образования надо разуметь, вообще, развитие духа человеческого, а не одно формальное развитие; человека можно развить гуманно не только изучением классических языков, но еще гораздо более и прямее: ...языком народным, географиею, историею, изучением природы и новыми литературами",—писал Ушинский [1].

Ушинский правильно развил эту мысль в отношении преподавания и таких дисциплин, как химия, математика и др. „Реализм и гуманизм,—писал он,—можно найти в каждой науке, и различие это заключается собственно не в различии наук, но в различии способа их изучения. Можно из истории сделать реальную науку,... можно и арифметикою и химиею развивать гуманность в человеке и даже обучение грамоте можно сделать гуманным и реальным" [2].

Исходя из такого понимания духа гуманного образования, Ушинский считал, что как классическая, так и реальная система образования имеют свои положительные и отрицательные стороны. Соглашаясь с Н. И. Пироговым в том, что воспитание гуманности должно составлять основную цель всей системы просвещения народа, Ушинский вместе с тем считал, что подлинно гуманное воспитание будет достигнуто лишь при правильном сочетании принципов классического и реального образования: „Если же бесконечный спор о преимуществах реального и классического образования длится еще до сих пор, то только потому, что самый вопрос этот поставлен неверно и факты для его решения отыскиваются не там, где их должно искать. Не о преимуществах этих двух направлений в образовании, а о гармоническом их соединении следовало бы говорить" [3].

По мнению Ушинского, классическая система образования не может дать народу соответствующих знаний и не может обеспечить ему подлинно гуманное развитие. „Автор говорит,—пишет Ушинский, имея в виду Н. И. Пирогова,—что классическое обра-

---

[1] К. Д. Ушинский, Собр. пед. соч., т. I, Пед. соч. Н. И. Пирогова, стр. 485.

[2] Там же, стр. 485.

[3] К. Д. Ушинский, Человек как предм. восп., т. I, стр. XXII.

зование подготовило много высокодаровитых людей, но умалчивает о том, сколько оно приготовило пустейших педантов, не видящих жизни за буквой, сколько оно приготовило людей, не способных понимать окружающей их жизни, если она не являлась им в форме латинской или греческой цитаты"[1].

Решительно отстаивая реальную систему образования и солидаризируясь с новыми типами реальной школы, Ушинский писал в плане критики классицизма: „Реальные школы только что утверждаются в настоящее время, и других школ, кроме классических, прежде не было. Следовательно, вы ничего не докажете на основании одного опыта. Много знаменитых людей вышло из старых школ, где зубрение наизусть было основанием учения: неужели же из этого вывести необходимость зубрения для развития высших способностей духа? В старинных школах, давших Европе столько знаменитых людей, не было и понятия о наглядном обучении—неужели же вывести из этого бесполезность наглядного обучения?"[2].

Признавая все преимущества за реальной системой, Ушинский, однако, не впадал в другую крайность и не объявлял специальное образование основой обучения. Наоборот, он категорически возражал против ранней специализации и требовал, чтобы система низшего и среднего образования была построена на общеобразовательных принципах. Соглашаясь с Н. И. Пироговым в этом вопросе, Ушинский с большим одобрением писал о том, что „Н. И. Пирогов обратил внимание на вред ранней специальности в образовании"[3] и подтверждал, „что гуманное образование должно предшествовать специальному, в этом нет ни малейшего сомнения"[4].

Но что понимал под гуманным образованием Ушинский? Под „гуманным образованием" Ушинский понимал систему реальных знаний во главе с родным языком. „Главным предметом в общем гуманном развитии современного человека должны стоять вовсе не классические языки, а родной язык и родная литература",—писал Ушинский. „За изучением родного слова,—указывал он,—мы ставим изучение других предметов, непосредственно раскрывающих человека и природу, а именно: исто-

[1] К. Д. Ушинский, Собр. пед. соч., т. I, Пед. соч. Н. И. Пирогова, стр. 482.
[2] Там же, стр. 481.
[3] Там же, стр. 474.
[4] Там же, стр. 474.

рию, географию, математику, естественные науки; за этим помещаем изучение новейших иностранных языков, а в изучении древних языков видим специальность, необходимую лишь для известной отрасли ученых занятий"[1].

В системе реального образования Ушинский весьма большое значение придает естественным знаниям и, подчеркивая большую роль этих знаний для умственного развития детей, неоднократно отмечает, что логика природы проще и сильнее логики классических языков.

„Детский мир" дает яркое представление о том, как высоко ценил Ушинский роль естествознания в общей системе воспитания детей. „Причина, почему я выбрал для „Детского мира" преимущественно предметы из естественной истории, состоит в том, что считаю эти предметы самыми удобными для того, чтобы приучить детский ум к логичности, что и составляет главную цель чтений и рассказов. По моему убеждению, логика природы есть самая доступная и самая полезная логика для детей,—писал Ушинский[2].

Наряду с естествознанием Ушинский большое место отводил и географии, как такому предмету преподавания, который, по его мнению, является одним из самых развивающих по форме и одним из самых богатых по содержанию предметов общего образования в средних учебных заведениях.

Огромное значение в общей системе образования, как известно, Ушинский придавал отечественной истории и логике. Высоко ценил он также и знание иностранных языков.

Таков общий дух учения Ушинского относительно основного вопроса дидактики—чему учить.

Ушинский после себя оставил богатое научно-дидактическое наследство, которое для советской школы имеет не только историческое, но, прежде всего, научно-практическое значение. В этом смысле особо следует подчеркнуть, что Ушинский в вопросе чему учить руководствовался целями воспитания и разрешал его в полном соответствии с идеей народности; он требовал гармонического сочетания формального и материального образования, клас-

---

[1] К. Д. Ушинский, Собр. пед. соч., т. I, Пед. соч. Н. И. Пирогова, стр. 486.

[2] К. Д. Ушинский, Собр. пед. соч., т. II. Предисловие к I изд. „Детского мира", стр. 78.

сическую систему образования считал исторически отжившей и не соответствующей интересам народа и в основном правильно определил роль и место родного языка, естествознания, математики, истории и логики в общей системе воспитания и обучения.

2. Обучение и закономерности его процесса.

Обучение является основной категорией дидактики. Под обучением Ушинский понимал процесс передачи знаний и навыков учителем и усвоение их учащимися. Таким образом, по Ушинскому, обучение имеет две стороны: передачу (со стороны учителя) и усвоение (со стороны учащегося). Этот процесс происходит одновременно и имеет единую закономерность.

Учение и обучение Ушинский относил к категории умственного труда. Считая, что „умственный труд—едва ли не самый тяжелый труд для человека", Ушинский говорил: „Мечтать легко и приятно, но думать—трудно"[1]. Основным положением Ушинского было: „Учение есть труд и должно остаться трудом, но трудом полным мысли, а не каких-нибудь не идущих к делу прикрас"[2]. Отсюда его основное требование: „Ни один наставник не должен забывать, что его главнейшая обязанность состоит в приучении воспитанников к умственному труду"[3].

Он неоднократно подчеркивает и то, что сама любовь и привычка к труду и учебе достигается лишь в процессе воспитания и составляет одну из ведущих и трудных задач для каждого воспитателя, педагога.

Касаясь вопроса о психологической природе обучения, Ушинский развивает глубоко верную мысль о том, что процесс обучения прежде всего, является волевым, произвольным процессом. Для него учение не только должно быть основано на воле, но оно должно развивать и укреплять это самое высшее качество в человеке. „Ученье, основанное только на интересе,—указывает Ушинский,—не дает возможности окрепнуть самообладанию и воле уче-

---

[1] К. Д. Ушинский, Собр. пед. соч., т. I, Труд в его псих. и воспит. знач., стр. 163.

[2] К. Д. Ушинский, Собр. пед. соч., т. II, Предисл. к I изд. „Детского мира", стр. 79.

[3] К. Д. Ушинский, Собр. пед. соч., т. I, стр. 165.

ника, так как не все в учении интересно и придет многое, что надобно будет взять силою воли"[1].

Ушинский требовал, чтобы ученье всегда представляло процесс преодоления трудностей в определенном направлении. „Конечно,—писал он,—сделав занимательным свой урок, вы можете не бояться наскучить детям, но помните, что не все может быть занимательным в ученьи, а непременно есть скучные вещи, и должны быть. Приучайте же ребенка делать не только то, что его занимает, но и то, что не занимает,—делать ради удовольствия исполнить свою обязанность. Вы приготовляете ребенка к жизни, а в жизни не все обязанности занимательны, и если вы до 10 лет будете учить дитя играючи, то приготовите ему страшную муку, когда встретится он потом с серьезными учебными обязанностями, иногда вовсе не занимательными".[2]

Исходя из этих положений, Ушинский требовал, чтобы учение с самого же начала было отмежевано от игры и направлено на выполнение учащимися конкретной серьезной задачи. „Я советую,—писал он,—начинать учение лучше несколько позднее и назначать для него сначала как можно меньше времени, но с первого же раза отделить его от игры и сделать серьезною обязанностью для ребенка. Конечно, можно выучить ребенка читать и писать играючи, но я считаю это вредным потому, что чем долее вы будете оберегать ребенка от серьезных занятий, тем труднее для него будет потом переход к ним. Сделать серьезное занятие для ребенка занимательным—вот задача первоначального обучения"[3].

Одновременно Ушинский хорошо понимал, что лишь такое обучение принесет пользу, достигнет своей цели, которое строится с учетом интересов и возможностей детей. „Прежняя схоластическая школа,—писал он,—взваливала весь труд ученья на плечи детей, давая в руки учителя только ферулу для того, чтобы подгонять ленивых. Следовавшая затем школа ударялась в другую крайность: она взваливала весь труд на учителя, заставляя его развивать детей так, чтобы для них это развитие не стоило никаких усилий. Новая школа, напротив, разделяет и организует труд

---

[1] К. Д. Ушинский, Собр. пед. соч., т. II, Главные черты челов. орг. в прилож. к искусств. воспит., стр. 194.

[2] К. Д. Ушинский, Избр. пед. соч., т. II, Руковод. по „Родн. слову", ч. 1-ая, 1939 г., стр. 146.

[3] Там же, стр. 145

учителя и учеников; она требует, чтобы дети, по возможности, трудились самостоятельно, а учитель руководил этим самостоятельным трудом и давал для него материал“ [1].

В этом отношении Ушинский исключительно большое значение придавал методам преподавания. Касаясь принципа буквослагательного метода, находящегося в полном противоречии с требованиями новой педагогики и психологии, Ушинский писал: „Прежняя метода бессмысленным заучиванием множества букв еще более бессмысленных складов, не давая никакой пищи детскому уму, не позволяла ему в то же время заняться чем-нибудь другим и, следовательно, держала его, во все продолжение обучения грамоте, в бездейственном, оцепенелом состоянии. Если же принять в расчет, что такое оцепенелое состояние слабого детского ума продолжалось по нескольку часов в день, круглый год, а иногда и два, то нельзя сомневаться, что такое учение не могло не отразиться весьма гибельно, не говорим уже на уме, а просто на мозге детей, который в это время чрезвычайно нежен, впечатлителен и находится в полном процессе формировки“ [2].

Из всего сказанного видно, что Ушинский, с одной стороны, бичует теории так называемого свободного, стихийного обучения, с другой же стороны, строя обучение на основе понимания самой природы обучения, как определенного вида умственного труда, требующего волевых усилий, он развивает теорию организованного, целенаправленного обучения. Эта теория полностью поддерживается советской школой и ее дидактикой.

Если обучение является процессом, приводящим учение от незнания к знанию, то спрашивается, каков путь этого процесса, т. е. какова закономерность процесса обучения? Этот вопрос в дидактике Ушинского нашел совершенно оригинальное и глубоко научное обоснование. Более того, правильное понимание закономерности процесса обучения во многом определило прогрессивный характер всего дидактического учения Ушинского.

Как известно, вопрос о закономерности процесса обучения в разных дидактических учениях ставился и разрешался по разному. Принципиальные расхождения в этом вопросе, прежде всего, объясняются принципиально разным пониманием процесса познания и его закономерностей и тем, в какую зависимость ставится процесс

[1] К. Д. Ушинский, Избр. пед. соч., т. II, Руковод. к препод. по „Родн. слову“, ч. 1-я, 1939 г., стр. 149.
[2] Там же, стр. 158.

обучения и его закономерности по отношению к процессу познания и его закономерностям. В вопросе о взаимоотношении процесса познания с процессом обучения и, отсюда, теории познания с теорией обучения, определились три разных направления. Одни, отождествляя познание с учением, развивали так называемую теорию рекапитуляции и утверждали, что ученье должно повторить весь тот путь, который прошло человеческое сознание на протяжении всей истории. Эта теория, которая близко стоит к так называемой теории свободного воспитания, является совершенно неприемлемой и антинаучной, так как она не только отрицает величайшее значение для формирования личности человека тех богатств знаний, которые выработало человечество, но вместе с тем фактически делает невозможным приобретение человеком необходимого минимума знаний и навыков и преграждает путь всякому прогрессу в развитии человечества. Прав был французский педагог проф. Г. Ришар, когда в противовес этой теории выдвинул требование „избавить ребенка от обязанности отыскивать то, что ум человеческий открыл до него: достаточно упражнять его в основательном усвоении уже приобретенного знания, постепенно передавая ему это знание и заставляя его применять получаемые сведения настолько, чтобы приобрести надлежащую смелость“ [1]. Другие совершенно отрицают наличие какого-либо взаимоотношения между познанием и учением и развивают вредную теорию о полном обособлении теории обучения от теории познания. Такая попытка оторвать дидактику от гносеологии способствует насаждению таких методов обучения, которые игнорируют познавательные задачи обучения и открывают путь методическому прожекторству и педологии. Третьи считают, что учение является специфической формой познания и что оно не может миновать закономерностей процесса познания. Отсюда закономерности процесса обучения и теория обучения должны быть выведены из закономерностей процесса познания и из теории познания. И на самом деле, почти все теории обучения, которые знает история дидактики, непременно строились на определенных гносеологических принципах: либо на идеалистическом (Гербарт, Циллер, Рейн, Барт и др.), либо на материалистическом (Бэкон, Коменский и другие).

[1] Проф. Г. Ришар, Экспериментальная педагогика, русск. перев. с французск., 1914 г., стр. 48.

К числу тех, кто теорию обучения строил на основе сенсуализма и притом материалистического, принадлежит и Ушинский.

Еще великий чешский педагог Коменский, построив свою дидактику под сильным влиянием бэконовского материалистического эмпиризма, впервые в истории поставил вопрос о закономерности процесса обучения и разрешил его более прогрессивно и научно, чем Гербарт и вся его школа, построившие разные теории обучения в духе идеалистической метафизики и психологии, в частности, в духе теории познания кантовского агностицизма. Коменский, исходя из того положения, что „в уме нет ничего, чего раньше не было в ощущении", ключом всякого школьного обучения провозглашал чувственное восприятие. Он устанавливал следующие последовательные ступени обучения: 1) чувственное восприятие, 2) разъяснение и 3) упражнение. Каждой ступени соответствует своя специфическая структура обучения и свой метод обучения[1].

Так же, как и для Коменского, исходным принципом закономерности процесса обучения для Ушинского является его известное положение о том, что „единственной пищей для организма может быть опыт, сообщаемый нам через посредство внешних чувств... Непосредственно воспринятые нами из внешнего мира образы являются, следовательно, единственными материалами, над которыми и посредством которых работает наша мыслительная способность"[2]... „Нервный организм стоит неизбежным звеном и единственным посредником между внешним миром и душою"[3].

Если выразить схематически ступени познания по Ушинскому, то получим такую триаду:

1) созерцание предметов и явлений из внешнего мира посредством нервного организма;

2) переработка в сознании образов, полученных из внешнего мира путем сличения и различения, сравнения и сопоставления и т. д.;

3) проверка достоверности полученных знаний на опыте, в жизни.

---

[1] По этому вопросу см. нашу книгу „Дидактика Я. А. Коменского", 1941 г., под ред. проф. Е. Н. Медынского

[2] К. Д. Ушинский, Избр. пед. соч., т. II, Рук. к преп. по „Родн. слову", ч. I, 1939 г., стр. 156.

[3] К. Д. Ушинский, Человек как предмет воспитания, т. I, стр. 170.

Ушинский, рассматривая процесс познания как процесс открытия все новых и новых истин, а обучение как процесс превращения этой истины в предмет знаний учащихся, общим считал для них то, что и познание и обучение являются процессом отражения реальной действительности в сознании человека, в данном случае, в сознании учащегося.

Поэтому основа как для закономерностей процесса познания, так и для процесса обучения—едина, хотя и не тождественна. Так, например, источниками обучения могут быть не только непосредственные восприятия, но и слово учителя и т. д.

В соответствии со своим пониманием процесса познания и его закономерностей, Ушинский указывает, что всякое обучение должно строиться не на основе абстрактных представлений и слов, а на основе конкретных образов, полученных детьми из окружающего мира.

Обучение, по Ушинскому, проходит две основные стадии. Первая стадия содержит три ступени. На первой ступени этой стадии происходит живое восприятие детьми предподнесенного учителем материала, будет ли оно в форме слова или в форме непосредственного восприятия под руководством учителя. За ним следует вторая ступень, когда под руководством преподавателя учащиеся сличают и различают, сравнивают и сопоставляют друг с другом полученные образы предметов и явлений и этим путем вырабатывают предварительные понятия о них. На третьей ступени происходит дополнительное разъяснение учителем этих понятий, особо выделяется основное из второстепенного и полученные знания приводятся в систему. Вторая стадия процесса обучения начинается с обобщения учителем преподнесенного им материала, с участием в этом самих учащихся, и проводится соответствующая работа по закреплению полученных знаний и навыков.

Из этой закономерности процесса обучения Ушинский выводит и структуру построения урока и пути его проведения в школе.

Обратив особое внимание на эти важнейшие стороны природы процесса обучения, Ушинский дал ряд ценных указаний, во многом сохранивших свое значение и для советской дидактики. Из этих указаний самыми ценными являются его требования о построении процесса обучения на основе живого созерцания, восхождении от незнания к знанию путем использования разнообразных средств (живое слово, наглядность, сличение, сравнение и т. д.), о необходимости достижения наибольшей сознательности и усвое-

ния, при активном руководстве учителя в процессе обучения и при сохранении максимальной активности самих учащихся. Эти положительные стороны учения Ушинского о природе и закономерности процесса обучения особенно ярко выступают в его учении о дидактических принципах, которые нами будут рассмотрены ниже.

3. Воспитывающее обучение

„Ушинский окончательно сделал аксиомой русской педагогики связь между воспитанием и обучением и сделал его в то время, когда в стране этот вопрос стоял актуально; он предохранил русскую педагогику от пути французской педагогики, где между воспитанием и обучением, семьей и школой зияет бездна“ [1],—совершенно правильно говорит проф. П. Блонский.

Ушинский учит, что воспитание, этот сложнейший процесс формирования личности, осуществляется, главным образом, через посредство обучения. Исходя из того положения, что обучение является „главным органом воспитания“, Ушинский пишет: „Воспитательное влияние науки тогда только окажется действительным, когда она подействует не на один ум, но на душу и на чувство“ [2]. Вопрос о воспитывающем обучении Ушинский поставил совершенно оригинально, в новом плане и правильно разрешил его. Обучение исторически всегда являлось обусловленным целями воспитания и имело воспитывающее значение. Но, как известно, впервые вопрос о воспитывающем характере обучения, в плане признания его дидактическим принципом обучения, ставится и обосновывается Коменским, требовавшим превращения школы „из лабиринта света“ в „мастерскую гуманности“. В этом направлении и строит Коменский всю свою дидактику. Его известный принцип природосообразности всецело подчинен задаче обоснования воспитывающего обучения. Следует здесь же отметить, что совершенно ложной точки зрения придерживаются те, которые отцом воспитывающего обучения считают Гербарта, на основе кантовской „добродетели“, выхолостившего те прогрессивные взгляды

[1] П. Блонский, Место К. Д. Ушинского в истории русской педагогики, журн. „Пед. лист.“, 1915 г., № 2, стр. 96.

[2] Из арх. Смольн. ин-та, опублик. Чернышевым в журн. „Педаг. сборн.“, 1912 г., янв. ч. неофиц., стр. 5.

о воспитывающем обучении, которые были даны Руссо и Песталоцци. Но если все предшествующие Ушинскому классики педагогики считали воспитывающее обучение общеметодическим принципом обучения и ставили его наряду с такими принципами, как принцип наглядности, принцип прочности знаний и др., то Ушинский совершенно правильно поступил, нарушив эту традицию: для него воспитывающее обучение является не просто общеметодическим принципом, а важнейшим принципом дидактики.

Ушинский, указывая на воспитывающий характер обучения и ставя целью обучения воспитание „человека в человеке" в духе идеи народности, первостепенное значение придавал единому умственному и нравственному развитию детей. Подчеркивая, что „существеннейший недостаток нашего общественного ученья есть почти совершенное отсутствие в нем умственно и нравственно развивающей силы"[1], Ушинский считал необходимым условием, чтобы учение затрагивало не только ум, „но и сердце", „чувство", „волю" и другие стороны личности, всей жизни человека. „Не хорошо и то ученье,—писал он,—которое вовсе не затрагивает чувства, предоставляя ему развиваться под случайными и, может быть, вредными влияниями. Воспитатель должен пользоваться всяким случаем, чтобы через посредство ученья закинуть в душу дитяти какое-нибудь доброе семя и связывать хорошее чувство с всяким представлением, с которым оно только может быть связано. Такие случаи беспрестанно представляются почти во всех науках; но часто бывает, что преподаватель не только не пользуется этим случаем, но, наоборот, сам портит то доброе или эстетическое чувство, которое представляет ему предмет".[2] Ушинский требовал от каждого учителя—построить все обучение так, чтобы оно не только обогащало детей все новыми и новыми фактами вообще, но и целеустремленно развивало их и умственно, и нравственно. В соответствии с этим следует признать совершенно правильным его указание о том, что „не только грамота в самом тесном смысле этого слова, т. е. умение читать и писать, но даже и та вторая ступень учебного образования, которая получается в средних учебных заведениях, не может оказать ни доброго, ни

[1] К. Д. Ушинский, Собр в пед. соч., т. I, Педаг. поездка в Швейцар., стр. 349.

[2] К. Д. Ушинский, Собр. пед. соч., т. II, Гл. черты чел. орг. в прилож. к искусст. воспит., стр. 210.

дурного влияния на нравственность учащегося, если только ученье не было связано с воспитанием"[1].

Воспитывающую силу имеет каждый учебный предмет, каждая наука и среди них ведущая роль, по Ушинскому, принадлежит родному языку. „Язык, созданный народом, развивает в душе ребенка способность, которая создает в человеке слово и которая отличает человека от животного: развивает дух"[2],—говорит Ушинский.

Ушинский не раз указывал, что и грамматика, преподаваемая в логической последовательности принадлежит к числу наук, „очеловечивающих человека". Особенно высоко оценивал Ушинский значение литературы для воспитывающего обучения, считая литературное произведение лучшим средством для того, чтобы показать детям ту или иную сторону народной жизни, чтобы воспитать в них чувство любви к народу, родине, труду, прекрасному и т. д. Но вместе с тем Ушинский хорошо понимал, что не все литературные произведения могут оказать на детей положительное влияние, что лишь „то литературное произведение нравственно, которое заставляет дитя полюбить нравственный поступок, нравственное чувство, нравственную мысль, выраженные в этом произведении"[3].

Большую воспитательную силу видел Ушинский в народном фольклоре. Он иногда даже воспитательную силу народной сказки для детей ставил выше рассказов, написанных специально для них.

Ушинский особо подчеркивал значение истории для воспитывающего обучения, в особенности—отечественной. Отмечая специфику истории в этом отношении, Ушинский требовал от преподавателя, чтобы он исторические факты и явления освещал с точки зрения идеи народности. Он правильно указывал, что история должна воспитывать в учащихся чувство негодования, презрения и отвращения к тем личностям, которые на отдельных этапах истории действовали во вред интересов народа, родины.

---

[1] К. Д. Ушинский, Собр. пед. соч., т. II, О средств. распростр. обр. посред. грамоты, стр. 30—31.

[2] К. Д. Ушинский, Собр. пед. соч., т. I, „Родное слово", стр. 191.

[3] К. Д. Ушинский, Собр. пед. соч., т. II, О первоначальном преподаван. русского языка, стр. 156—157.

Чтобы показать, какую большую воспитательную силу придавал Ушинский природе, приведем выдержку из его дневника, в котором красочно и убедительно передается взгляд Ушинского на этот вопрос.

Вспоминая свое детство и анализируя роль живописного Новгород-Северска в формировании своей личности, Ушинский записал в дневнике: „А воля, а простор, природа прекрасные окрестности городка, а эти душистые овраги и колыхающиеся поля; а розовая весна и золотистая осень разве не были нашими воспитателями? Зовите меня варваром в педагогике, но я вынес из впечатлений моей жизни глубокое убеждение, что прекрасный ландшафт имеет такое огромное воспитательное влияние на развитие молодой души, с которым трудно соперничать влиянию педагога; что день, проведенный ребенком посреди рощ и полей, когда его головой овладевает какой-то упоительный туман, в теплой влаге которого развивается все его молодое сердце для того, чтобы беззаботно и бессознательно впитывать в себя мысли и зародыши мыслей, потоком льющиеся из природы, что такой день стоит многих недель проведенных на учебной скамье..."[1] „И в самом деле, разве я не был страшным богачом, миллионером в сравнении с детьми, запертыми в душных стенах столичного пансиона? Какие впечатления могут дать им взамен этих живых, сильных, воспитывающих душу впечатлений природы?! После уже будет поздно пользоваться ими, когда сердце утратит свою детскую мягкость, а рассудок станет между человеком и природой. Странно, что воспитательное влияние природы, которое каждый более или менее испытал на себе, которое с такой живостью выражается почти в каждой вымышленной и истинной биографии, так мало оценено в педагогике"[2].

Ушинский учит, что обучение не может иметь воспитывающей силы, если оно не опирается на сознательное усвоение учащимися содержания обучения. Одновременно он считал, что соединение обучения с воспитанием само по себе не может осуществиться, что это соединение возможно лишь на основе постоянного руководства со стороны учителя школы.

---

[1] К. Д. Ушинский, Собр. неиздан. соч., т. III, Матер. к биогр., стр. 10—11.

[2] Там же, стр. 13.

Ушинский усиленно подчеркивал необходимость соединения обучения с воспитанием, прежде всего с точки зрения воспитания в детях цельного мировоззрения и убеждений. „Не науки должны схоластически укладываться в голове ученика, а знания и идеи, сообщаемые какими бы то ни было науками, должны органически строиться в один светлый, и по возможности, обширный взгляд на мир и его жизнь“[1],—писал он после своей поездки по Швейцарии. Он требовал, чтобы каждый класс, начиная с самого младшего, имел „свое округленное мировоззрение, доступное возрасту учеников“. Вместе с тем „...с каждым годом это миросозерцание должно углубляться, расширяться и пополняться: тогда только дитя найдет жизнь в школе, а не непонятную букву, ведущую его к непонятной, отдаленной цели; тогда только и школа войдет в жизнь человека, а не будет неизбежною, скучною процедурою детского возраста“[2].

Таково в общих чертах учение Ушинского о воспитывающем обучении. Прав был А. И. Острогорский, который в 1897 году говорил: „Ушинский—самый видный представитель воспитывающего обучения“.[3]

4. Связь обучения с жизнью

Ушинский учит, что обучение достигнет своих образовательных и воспитательных целей при условии, если, во-первых, оно будет отражать реальную действительность—жизнь, во-вторых, будет построено в соответствии с природой ребенка и, наконец, в третьих, если преподавание ведется на родном языке.

Все дидактическое учение Ушинского пронизано утверждением того, „что не с курьезами и диковинками науки должно в школе знакомить дитя, а, напротив—приучить его находить занимательное в том, что его беспрестанно и повсюду окружает, и тем самым показать ему на практике связь между наукою и

---

[1] К. Д. Ушинский, Собр. пед. соч., т. I, Пед. поездка по Швейцарии, стр. 388.

[2] Там же, стр. 388.

[3] А. И. Острогорский, Образование и воспитание (взгляды Толстого, Ушинского, Пирогова), ж. „Педагогический сборник“, 1897 г., март, стр. 237.

жизнью“ [1], и что „при всякой оценке сообщаемых сведений должно иметь в виду, какую пользу доставляют они ученику (нравственно или материально), непосредственную или посредственную, и в этом последнем случае—верное ли выбрано нами средство, нет ли более верного“ [2].

Но Ушинский был далек от точки зрения узкого утилитаризма, прагматизма в понимании задач науки и образования. Он еще в 1848 г. в своей „Речи о камеральном образовании“ указывал, что науку можно излагать так, чтобы она могла быть приложена к жизни, но никогда не следует унижать ее до ремесленного обучения.

Необходимость связи обучения с жизнью народа Ушинский обосновывал привлечением фактов из истории. Он утверждал, что с развитием жизни развивается и изменяется и школа—ее профиль, ее содержание. Подходя к системе классического образования с этой точки зрения, Ушинский совершенно правильно отмечал, что классический мир отжил свой век, и знания о нем никак не могут вести современного человека в современную жизнь человечества в целом, что гражданин Греции и Рима отделен непроходимою гранью от современного человека. А потому, „изучение древних классических писателей не сделает человека человеком“.[3]

В то же время Ушинский придерживался того мнения, что современного человека и объем познаний современного мира „нам никак не втиснуть в опустошенные сокровищницы Греции и Рима“.

Ведя неустанную борьбу против оторванности школы и обучения от жизни, от интересов народа, Ушинский на примере увлечения преподаванием классических языков вскрывает несостоятельность и ненародный характер существовавшей в его время системы образования.

Для того, чтобы обучение было связано с жизнью и отвечало задаче подготовки детей к практической деятельности, Ушинский считает необходимым не перегружать память детей бесполезны-

---

[1] К. Д. Ушинский, Соб. пед. соч., том II, Предислов. к 1-му изд. „Детский мир“, стр. 80.

[2] К. Д. Ушинский, Собр. пед. соч., т. II, Гл. черты чел. орг. в прилож. к искусст. восп., стр. 207.

[3] К. Д. Ушинский, Собр. пед. соч., т. I, Пед. соч. Н. И. Пирогова, стр. 477.

ми в жизни знаниями. „В ученике своем,—пишет Ушинский,—воспитатель должен видеть не будущего историка, а только человека, пользующегося плодами исторической разработки для своего нравственного и умственного усовершенствования. Вообще при сообщении каждого сведения преподаватель должен непременно иметь в виду пользу воспитанника, нравственную или материальную, и избегать всего того, что только заваливает память, оставаясь в ней бесполезным камнем, или делается необходимой добычею забвения“ [1].

Ушинский считал необходимым, чтобы каждый учебный предмет был полон сведений из реальной жизни и, наряду с обогащением памяти учащихся реальными знаниями, считал нужным приучать их пользоваться „этими богатствами“ в жизни.

Лучшим выражением всех этих требований Ушинского являются его учебники „Родное слово“ и „Детский мир“. Следует отметить также, что Ушинский много сделал для того, чтобы еще больше приблизить свои учебники к запросам жизни народа, в частности, крестьянства. Он приступил даже к составлению учебника для земских школ, для чего предполагал устранить из первой части „Родного слова“ все статьи, по своему содержанию имеющие мало общего с жизнью русского крестьянства, уменьшить число сказок, увеличить число названий предметов разных групп и т. п.

Важнейшим условием успеха в работе школы и во всяком преподавании Ушинский считал единство науки и жизни, неразрывную связь школы с жизнью и указывал, что путь для достижения этого проходит через воспитание в детях серьезного взгляда на жизнь, на закономерности ее развития.

Критикуя педагогические теории, согласно которым обучение должно строиться на интересе и иметь характер как-бы игры, Ушинский выдвинул и развил положение о том, что „дельное воспитание должно дать молодым людям положительно-серьезный взгляд на жизнь. Учить играя можно только самых маленьких детей до семилетнего возраста; далее наука должна уже принимать серьезный, ей свойственный тон. Мы не говорим о педантизме, о суровости; но даже прежняя педантическая, отталкивающая важ-

[1] К. Д. Ушинский, Собр. пед. соч., т. II, Гл. черты чел. орг. в прилож. к искусств. восп., стр. 205.

ность приносила менее вреда, чем завитая, смеющаяся сама над собой модная педагогика"[1].

Сравнивая американскую систему народного образования с системами европейских стран, Ушинский признавал большое преимущество за американской системой прежде всего потому, что последняя более обеспечивала связь обучения с жизнью и практической подготовкой детей для выполнения разных производственно хозяйственных функций и неоднократно указывал на то, что обучение должно не только дать знания человеку, но и умение приложить эти знания к делу. Одновременно следует учесть и то, что Ушинский не идеализировал и американскую систему обучения, пронизанную деляческим, узкопрактическим духом и вскрывал отрицательные стороны этой системы.

5. Природосообразность в обучении

Никакое обучение не достигнет этой важной цели, если оно не сообразуется с природой человека. В понимании принципа природосообразности в обучении Ушинский расходится как с Коменским, так и с Руссо. Если Коменский природосообразность понимал как подчинение всего воспитания и обучения законам развития природы, а также и человека, как сознательной частицы этой природы, и если Руссо под лозунгом природосообразности требовал выводить все обучение из природы ребенка, то Ушинский природосообразное обучение понимал как сообразность обучения с общим уровнем психофизического развития детей.

Оценивая точку зрения Руссо в этом вопросе, Ушинский указывает, что, несмотря на стремление Руссо воспитывать сообразно природе, последний не достигает своей цели. Вскрывая сущность теории Руссо, Ушинский пишет: „Руссо, поставив своего воспитанника перед великолепной картиной солнечного восхода, ошибся в своем расчете. Дитя осталось хладнокровным к той картине, которая приводила в восторг Руссо. Картина была слишком велика и слишком сложна для души ребенка. Ему надобно было переиспытать много мелких ощущений, чтобы из них могло сложиться то обширное, какого ожидал Руссо"[2].

---

[1] К. Д. Ушинский, Собр. пед. соч., т. I, Труд в его псих. и восп. значении, стр. 161.

[2] К. Д. Ушинский, Человек как предмет воспитания, т. I, стр. 175.

Исходным положением принципа природосообразности в обучении для Ушинского является его замечательное указание о том, что „если желаем воспитать человека во всех отношениях, то надо изучить его также во всех отношениях". Ушинский учит: „Педагог должен прежде всего учиться у природы и из замеченного явления детской жизни выводить правила для школы".

Основные требования Ушинского в построении обучения в соответствии с развитием детей заключаются в том, чтобы:

Во-первых, учение начиналось в соответствующем возрасте. „Если вы начинаете вообще учить ребенка раньше,—писал Ушинский,—чем он созрел для учения, или учить его какому-нибудь предмету, содержание которого приходится ему еще не по возрасту, то неминуемо встретитесь с такими препятствиями в его природе, которые может преодолеть только одно время. И чем настойчивее будете вы бороться с этими препятствиями возраста, тем более принесете вреда вашему ученику"[1]. Исходя из этого, незыблемым законом обучения Ушинский считал соответствие между трудностями учебной задачи и возможностями преодоления ее учащимися с тем, чтобы на долю воспитанника оставалось ровно столько, сколько могут одолеть его молодые силы.

Во-вторых, Ушинский считает необходимым всячески содействовать свободному развитию способностей детей в нужном и полезном направлении, соблюдая при этом специфические стороны этого развития на разных возрастных ступенях. Ушинский считал период в человеческой жизни от 16 до 22—23 лет самым решающим и так характеризовал этот период: „Здесь именно довершается период образования отдельных верениц представлений. Если какая-нибудь благородная страсть руководила в это время окончательною формировкою материала в воображении, то многое еще может быть исправлено: многие ложные или грязные ассоциации детства и отрочества будут отброшены, из многих безразличных в нравственном отношении выплетется что-нибудь высокое и, в конце концов, умное и благородное стремление возьмет верх". Указывая, что впоследствии такая перестройка всего содержания души уже гораздо затруднительнее, Ушинский считает, что именно природосообразным обучением возможно формировать „человека в человеке", „отливать характер человека".

---

[1] К. Д. Ушинский, Избр. пед. соч., т. II, Рук. к преподав. по „Родному слову", ч. I, стр. 141.

В третьих, Ушинский, как основное требование природосообразного обучения, выставил „отсутствие чрезмерной напряженности и чрезмерной легкости" в обучении. По его мнению, забавляющее учение расслабляет ребенка, вместо того, чтобы укрепить его. „Нынче,—пишет Ушинский,—часто боятся испугать мальчика серьезною миною науки; но еще более должно бояться, чтобы он не научился презирать ее и третировать ее слегка".[1] Ушинский подчеркивает также и вредность схоластических методов обучения, считая основным пороком не только трудность обучения, но и бессмыслие и зубрежку. Ушинский указывал, что, не делая обучения чрезмерно легких, надо облегчить детям сложный и трудный процесс обучения. „Отыскивать трудности учения ради самой трудности,—пишет он,—было бы совершенно нелепо. Трудность, правда, бывает иногда полезна, но полезна только относительно, как средство сосредоточения внимания"[2].

И, в четвертых, Ушинский требовал, чтобы обучение наряду с общим ростом, развитием учащегося, постоянно усложнялось, но с тем, чтобы, с одной стороны, не надрывать сил и не задерживать его развития и, с другой стороны, не давать силам ослабиться, засыпать. „Если не нужно надрывать сил человека в умственной работе, то необходимо не давать им засыпать, необходимо приучать их к этой работе", писал Ушинский.

Как видим, теория Ушинского о природосообразном обучении во многом стоит выше по сравнению с теми теориями, которые до него в этой области знала дидактика. Ряд положений Ушинского не потерял своего значения для советской теории обучения, как, например, положения о соответствии обучения с общим уровнем развития детей, о принципе чередования трудности и легкости в обучении и т. д.

Для осуществления принципа природосообразности в обучении Ушинский считал необходимым построение обучения в соответствии с научными положениями психологии, физиологии и анатомии человека. Этой задаче подчинено учение Ушинского о психологических основах обучения.

---

[1] К. Д. Ушинский, Собр. пед. соч., I, Труд. в его псих. и восп. знач., стр. 161.

[2] К. Д. Ушинский, Собр. пед. соч., т. II, Глав. черты человеч. организма в приложении к искусству восп., стр. 207.

Б. ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ОБУЧЕНИЯ

1. Психологическая концепция К. Д. Ушинского

Одним из источников педагогической теории вообще и дидактики, в особенности, Ушинский считал психологию, построенную на основах физиологии и анатомии человека. Можно прямо сказать, что никто из предшественников Ушинского не смог создать такое великое творение в области научного обоснования построения всей системы обучения на основе учета закономерностей психофизического развития человека в онтогенезе, каковым является „Человек как предмет воспитания". Редакция самого прогрессивного педагогического журнала 60-х годов,—„Педагогический сборник" по случаю выхода „Человека как предмета воспитания" совершенно справедливо писала в своем январском номере 1868 года: „Эта книга должна сделаться настольной книгой для каждого воспитателя и учителя" [1].

И этот призыв, несмотря на то, что „Человек как предмет воспитания" был создан еще тогда, когда психологическая наука только что зарождалась, некоторыми своими положениями отдает дань историческому прошлому, все же и сегодня во многом сохраняет свою актуальность. „Педагогическая антропология" Ушинского—пишет действительный член Академии Наук Грузинской ССР, проф. Д. Н. Узнадзе—это первый опыт в русской научной литературе систематического изучения психики человека, и, несмотря на то, что сегодня уже нельзя согласиться со многими теориями, которые даны в ней, она все же представляет один из важнейших памятников русской психологической литературы и имеет не только историческую ценность, но во многих случаях сохраняет свое актуальное значение и в настоящее время". [2]

Не задаваясь целью дать анализ психологического учения Ушинского в целом (это—задача специального исследования), укажем на основные общеметодологические стороны этого учения, так как без этого нельзя будет полностью понять учение Ушинского о психологических основах обучения.

Во первых, мы должны учесть, что при разрешении психологических проблем Ушинский исходит из своих общефилософских воззрений.

---

[1] Журнал „Педагогический сборник", 1868 г., № 1, стр. 121.

[2] Д. Н. Узнадзе, психологические взгляды К Д. Ушинского, Вторая научная сессия Института педагогических наук Грузинской ССР, 1945 г., стр. 7.

Как известно, в середине XIX столетия в психологии господствовали два направления: одно направление—это немецкая метафизическая психология Гербарта и Бенеке, целиком построенная на идеалистических основах и другое направление—английская опытно-эмпирическая психология Бэна, стоящая в некоторых вопросах близко к материалистическому сенсуализму. Знаменательно, что Ушинский, беспощадно критикуя немецкую метафизическую психологию, более одобрительно относился к английской психологической школе. И не случайно поэтому, что кантианец Владиславлев упрекает Ушинского в том, что он положительно отзывался о Бэне. Самого же Бэна Владиславлев считал представителем материалистического направления и, „обвиняя" его в этом, писал: „Где дело идет о начатках духовной деятельности, он везде выводит ее из работы организма".[1] Критикуя Гербарта, Ушинский писал: „Прежде всего, Гербарт дает душе слишком механический характер, представляя ее в виде какой-то борьбы представлений, причем степень их взаимного давления и сопротивления выражается различными чувствованиями. Все это делается как-то само собою, без участия тела, с одной стороны, и без участия души—с другой"[2].

Ушинский, разоблачая метафизическую сущность гербартовской психологии, пишет: „Гербарт и Бенеке, вооружаясь против метафизических умозрений в психологии, построили каждый свои особые метафизические миросозерцания и системы души. Оба эти психолога, которым исследователи приписывают честь основания новой, о п ы т н о й психологии, хотя и вооружаются против прежней, метафизической, но беспрестанно метафизируют сами. Гербарт откровенно высказывает свои метафизические воззрения, не лишенные высокой поэзии. Бенеке прикрывает их вынужденный, может быть, необходимостью своего положения, но, тем не менее, для внимательного читателя метафизическое воззрение Бенеке ясно"[3].

Давая общую оценку гербартовской психологической школе, Ушинский ясно и определенно выразил свое отношение к ней. Он писал: „В Гербарте мы видели великого психолога, но увлеченного германской мечтательностью и метафизическою системою Лейб-

[1] М. В л а д и с л а в л е в, Психология, т. I, 1831 г., стр. 64.
[2] К. Д. У ш и н с к и й, Человек как предмет воспитания, т. II, стр 13.
[3] Там же, т. I, стр. 178—179.

ница, которая нуждается в слишком многих гипотезах, чтобы держаться. В Бенеке мы нашли удачного популяризатора гербартовских идей, но ограниченного систематика"[1].

Мы знаем также, что Ушинский отрицательно относился и к вульгарному материалистическому учению. Психологические учения Молешота и Фогта он называл психологией „тождества тела и души".

Ушинский, разрабатывая научные основы русской психологии на совершенно новых, оригинальных началах, указывал: „Перенести к нам целиком одну из психологических теорий Запада мы не могли, ибо сознавали односторонность каждой из них, и что во всех их есть своя доля правды и ошибки, своя доля верных выводов из фактов и ни на чем неоснованных фантазий. Мы пришли к убеждению, что все эти теории страдают теоретическою самонадеянностью, объясняя то, чего еще нет возможности объяснить, ставя вредный признак знания там, где следует сказать еще простое **не знаю**, строя головоломные и утлые мосты через неизведанные еще пропасти, на которые следовало бы просто только указать, и, словом, дают читателю за несколько верных и потому полезных знаний столько-же, если не более, ложных и потому вредных фантазий"[2].

Но какова психологическая концепция самого Ушинского? Кто основательно знаком с психологией Ушинского, тот не может не признать, что Ушинский не только владел обширными познаниями в области психологии всех времен и всех направлений, но и построил свою оригинальную систему на основе своей теории стремления. Даже известные критики Ушинского, как, например, М. Владиславлев и И. Скворцов не могли не признать оригинальность психологического учения Ушинского. М. Владиславлев писал: „Во главе всех русских современных трудов по нашей науке следует поставить сочинения Ушинского... „Опыт педагогической антропологии", 2 т. 1868—1869. Анализ душевной деятельности очень подробен, особенно чувствований и воли. Автор почти везде старается устанавливать свой взгляд путем критики чужих мнений"[3].

Исходным положением психологической концепции Ушинского является признание им психического факта, как объективно суще-

---

[1] К. Д. Ушинский, Человек как предмет воспитания, т. I, стр. XXXI.

[2] Там же, стр. XXVII

[3] М. Владиславлев, Психология, т. I, 1881 г., стр. 180.

ствующего: „Вопросы психологические нельзя решить метафизически, а только опытом. Всякий же чувствует в себе свое особое я, отдельное не только от внешнего мира, но и от собственных его мыслей и желаний, которые это я может делать предметом своего рассматривания—вот психический факт,—с него и начинайте"[1]. „Психический факт... точно такой же несомненный факт, как и факт какой бы то ни было точной науки. Замечая в себе такой факт, всякий из нас может быть уверен, что он одинаково повторяется в миллионах подобных нам существ, и что потому он и может быть изучаем, и достоин самого внимательного изучения".[2]

Но что понимал Ушинский под психикой и психологическим фактом? Под психикой человека Ушинский понимал единство душевных процессов, характерных для человека, как социального существа, стоящего на самой высшей ступени лестницы биологического развития. Он правильно считал, что „душевный строй есть главным образом произведение жизни и вырабатывается жизненными опытами"[3]. Органом же психических процессов Ушинский считал головной мозг, центральную нервную систему.

Не отожествляя психику с материей, телом, Ушинский вместе с тем правильно понимал то положение, что человек устанавливает свои отношения с внешним миром как психически единое существо, а не как только психический или телесный организм. В свете антропологизма он указывал, что „нервная система не представляет бессвязного агломерата различных нервных систем: зрения, слуха и т. д. Это только органы одного цельного и стройного нервного организма, оживленного и связанного одним потоком жизни; так что действие одного органа не остается без влияния на другие, но немедленно-же в них отражается".[4]

Ушинский далек как от теории так называемого психофизического параллелизма, так и от теории так называемого взаимодействия психического и физического и в то же время против теории тожества вульгарного материализма. Он больше всего был

---

[1] К. Д. Ушинский, Собр. неизд. пед. соч., т. III, стр. 32.

[2] К. Д. Ушинский, Человек как предмет воспитания, т. II, стр. VIII.

[3] Там же, стр. 73.

[4] К. Д. Ушинский, Человек как предмет воспитания, т. I, стр. 153.

близок к материалистической теории психофизического единства. Ушинский неоднократно указывал, что душа не может быть источником физических сил, но она находится в единстве с материей, как свойство последней и, следовательно, влияет, воздействует на процессы физического характера; субстратом же этого единства, как известно, Ушинский считал материю. Поэтому естественно, что Ушинский, при таком понимании психофизической проблемы, физиологии человека, как основе для психологии, должен был придавать исключительно важное значение. „Дарвин сам намекает,—пишет Ушинский,—на возможность приложения приводимых им идей в психологической области. „В отдаленном будущем,—говорит он (Дарвин. Д. Л.), предвижу я, что для исследования откроются еще новые, еще более важные области: психология приобретает новые основания—необходимость постепенного приобретения всякой умственной силы и способности“[1].

Эти принципиальные соображения легли в основу требований Ушинского о том, что психологические закономерности должны быть основаны на физиологических, а изучению психологии должно предшествовать изучение анатомии и физиологии человека.

Однако, Ушинский не сводил психологические закономерности к физиологическим, как это делали представители вульгарного материализма и впоследствии представители бихевиоризма и и рефлексологии. Ушинскому даже ставили в упрек, что он „не верил в возможность слияния физиологического и психологического метода исследования“[2].

Ушинский считал, что психическую деятельность человека можно разделить на три области (или явления): сознания, чувствования и воли. Указав на это старинное деление психических процессов, как на удачное деление для изучения явлений психической жизни, Ушинский отмечал, что „такое деление психических явлений на три области очень старо, и напрасно некоторые приписывают его Канту, который только яснее других формулировал это деление, и его последователю Фрису, доведшему это деление до крайности. Основы такого разделения психических явлений мы встречаем у Спинозы и Декарта, у Аристотеля и Платона: но, что всего важнее, встречаем в общечеловеческой психологии,

[1] К. Д. Ушинский, Человек как предмет воспитания, т. II, стр. 284.

[2] „Дело“, 1868 г., № 2, стр. 52.

как она выразилась в языке народов: везде язык разделил у м, с е р д ц е и в о л ю"[1].

Плодом глубокой проницательности и большого таланта Ушинского следует признать его указание о том, что, хотя душа едина и по своей природе является нераздельной, но для научного изучения ее процессов человек условно делит ее на области. Так, критикуя Гербарта и Гегеля по этому вопросу, Ушинский писал: „На основании этих-то соображений и признавая психологию наукою, основанною на фактах и наблюдениях над фактами, а не на верованиях, мы не смущаемся теми грозными филиппиками, которые были подняты Гербартом, а отчасти и Гегелем, против разделения души на три области. Мы не делим душу на области, но делим душевные явления на те отделы, на которые они сами собою распадаются очевидно для всякого сознания, непотемненного самонадеянною мыслью вывести все разнообразие психических явлений из одного какого-либо фантастического принципа"[2].

Насколько прав был Ушинский в этом своем положении, видно не только из всего содержания его психологического учения, но и из того, что такой подход к проблеме единства и условного деления психических процессов на познавательные, волевые и эмоциональные остается в силе и в марксистской материалистической психологической науке.

Но чем обусловлено и чем определяется психофизическая деятельность живого организма, в данном случае человека, как сознательного существа, и как реагирует организм на внешнюю среду, непрестанно действующую на него? При разрешении этой проблемы с самого же начала определились две основные теории: механическая, которая свое начало ведет от Декарта, считавшего человека машиной, автоматически выполняющего все действия и виталистическая, которая в основу фактов психофизической деятельности кладет идею, присущую человеку, якобы, из начала, регулирующую его действия и ведущую его к заранее определенной цели.

Как первая, так и вторая теория, понятно, не могли научно объяснить психофизическую деятельность человека и не могли удовлетворить Ушинского.

---

[1] К. Д. У ш и н с к и й, Человек как предм. воспит., т. II, стр. 231.
[2] Там же, т. II, стр. 234.

Ушинский выдвинул так называемую теорию стремления организма, основанную, главным образом, на теории Дарвина. Эта теория во многих отношениях близко подходит к решению проблемы о деятельности в свете материалистической психологии. Основное положение материалистического учения о сущности деятельности живого организма, в отличие от неорганического мира, заключается в том, что всякая органическая жизнь предполагает обмен веществ, т. е. всякий живой организм непременно является носителем определенных потребностей на какой-бы ступени развития он ни находился. Всякое поведение, всякий акт деятельности человека, при всей своей сложности и многообразии, являются производными определенных потребностей, и человек свои отношения с внешним миром устанавливает на основе тех потребностей, которые в свою очередь вырабатываются в процессе и в результате отношений с внешним миром. Внешний мир, действуя на человека как на единый психофизический организм, действует как единая система удовлетворения потребностей не непосредственно, а опосредственно, через определенную ситуацию, созданную в организме как необходимое условие этого воздействия. Эту ситуацию, готовность организма к деятельности Ушинский называет стремлением организма.

Таким образом, по Ушинскому, получается следующая трехзначная формула: внешний мир—стремление (личность)—деятельность. Ушинский считал, что человек, устанавливая свою связь с внешним миром в процессе деятельности, достигает этой связи не через тело или душу, а как психофизически единое существо через посредство стремления.

В ответ на вопрос о том, что представляет по своей природе само стремление, Ушинский пишет: „О существовании стремлений мы можем узнать только в их проявлении, т. е. тогда только, когда стремление становится осознанным, а сознаваемое стремление есть уже не стремление, а чувствование или желание. Следовательно, стремление есть гипотеза, но гипотеза необходимая. Такою мы ее и признаем“[1]. Так ставя и разрешая этот вопрос, Ушинский критикует Вундта, который источником психической деятельности человека признавал подсознательность. Указав, что „под именем стремления мы разумеем уже действенную

[1] К. Д. Ушинский, Человек как предмет воспитания, т, II, стр. 32.

причину деятельности"[1], и что лишь действительность может служить основой этой причины, Ушинский пишет: „Однако же, если наука открыла, что человек уже при выходе из младенчества обладает множеством приобретенных способностей, приобретение которых обусловливается наблюдением, опытом и умозаключением, то нам остается одно из двух: или приписать возможность делать опыты, наблюдения и умозаключение бессознательной природе, как делает это Вундт, т. е. придать сознание тому, что в то же время признается нами бессознательным, или приписать эту возможность такому, все же сознательному существу, каким является наш ребенок,—и мы выбираем последнее"[2].

Ушинский считает, что существуют три основных группы стремлений в человеке, в основе которых лежат определенные потребности: 1) стремления телесные, 2) стремления духовные и 3) стремления души к деятельности"[3]. Телесные стремления вытекают из потребности „к распространению бытия в пространстве и во времени, „к бытию индивидуальному и потомственному"; духовные стремления являются результатом сознательного отношения человека к внешнему миру и связаны с чувствованиями, так как „без представления желаемого нет желания". Ведущим и характерным для человека стремлением является „стремление души к деятельности" „Телесное стремление к движениям, выходящее из избытка физических сил, следует строго отделять от стремления к сознательной деятельности, которая может продолжаться и тогда, когда физических сил нехватает даже для правильных, нормальных отправлений растительного организма, так что сознательная деятельность, продолжая совершаться, совершается в ущерб телесному организму, истребляя те силы, которые нужны для его питания",[4]—пишет Ушинский

Решающее значение в психической деятельности человека Ушинский придает воле. Воля является регулирующим рычагом стремления. Огромное значение придавал Ушинский также и моменту удовольствия в процессе реализации стремления. Он писал: „Работать только для того, чтобы работать—нельзя, а можно или

---

[1] К. Д. Ушинский, Человек как предмет воспитания, т. II, стр. 34.

[2] Там же, т. I, стр. 123.

[3] Там же, т. II, стр. 258.

[4] Там же. стр. 44.

для того, чтобы удовлетворять потребностям тела или потребностям души—потребность же души одно прекрасное. Само стремление поддержать жизнь материальную имеет в себе прекрасное, ибо оно имеет целью жизнь души".

Таковы в основном общие черты психологического учения Ушинского. Все это указывает на то, что Ушинский в области психологии придерживается своей гносеологической концепции и в основном стоит на пути материалистического объяснения психической жизни человека и законов ее развития. Ушинский свою психологию создавал в соответствии с требованиями новейших достижений биологических наук, преимущественно на основах дарвинизма Изучение психологического учения Ушинского приводит к заключению, что оно вырабатывалось под большим влиянием великих русских мыслителей-шестидесятников, в частности, Чернышевского. Не случайно и то, что Ушинский назвал свой капитальный труд „Человек как предмет воспитания" „опытом педагогической антропологии. Теория стремления, которая пронизывает психологическую концепцию Ушинского, во многом предвосхищает некоторые положения новейшей психологии, стремящейся построить всю психологию на основе преодоления функционализма.

Но вместе с этим нельзя упускать из виду и то положение, что в психологическом учении Ушинского многое уже устарело, что в нем имеются идеалистические толкования ряда фактов, в особенности из области психологии чувствований, встречаются и вульгарно-материалистические положения в области психологии ощущения и т. д.

В целом же психология Ушинского, безусловно представляет собой ценный вклад в психологическую науку. Это учение особенно жизненно потому, что оно построено на основе подхода к толкованию психических процессов с точки зрения развития отдельных психических способностей человека в процессе воспитания. Именно такой подход и был одной из основных причин того, что в истории педагогической психологии в смысле постановки ряда важнейших проблем Ушинский и до настоящего времени остается непревзойденным.

Особенно ценным является психологическое учение Ушинского в плане построения дидактики на основе учета психологических закономерностей развития человека в онтогенезе. Ушинский, считая обучение одной из самых специфических сфер стрем-

ления сознательной деятельности, признавал, что закономерность обучения хотя и является педагогической закономерностью, но имеет и не может не иметь свою специфическую психологическую природу, которая должна быть учтена при установлении закономерностей процесса обучения.

Это положение красной нитью проходит не только через психологические и педагогические работы Ушинского, но оно всецело отражается и в „Детском мире" и „Родном слове".

Прежде всего мы должны учесть, что Ушинский требовал, чтобы педагог строил обучение на основе знания телесных и умственно-нравственных стремлений и стремлений к деятельности ребенка. Ушинский пишет: „Но не слишком ли многого однако, же, требуем от педагога, по преимуществу человека практического, желая, чтобы он был в то же время и психологом? Но разве на деле не всякий педагог—и без того психолог? Он изучает своего воспитанника, его способности, наклонности, достоинства и недостатки, подмечает развитие ума, руководит им, хочет давать направление воле, упражнять рассудок, раскрывать разум, борется с леностью, с упорством, искореняет дурные природные наклонности, формирует вкус, внушает любовь к истине—словом ежеминутно вращается в области психических явлений... или заставляет зубрить учеников от точки до точки и наказывает тех, кто не выучил урока или шумит в классе".[1]

Таким образом, Ушинский требует, чтобы педагог изучал психологическое развитие ребенка и все обучение основывал на глубоком знании законов развития психофизической природы ребенка. Поэтому не случайно, когда Ушинский пишет: „Конечно, психология, в отношении своей приложимости к педагогике и своей необходимости для педагога, занимает первое место между всеми науками".[2]

Но, учитывая уровень психологической науки своего времени, Ушинский предупреждал о том, что „...педагогика не должна довольствоваться смутными противоречащими, призрачными теориями психологов, теориями, на которых нельзя построить ни-

---

[1] К. Д. Ушинский, Собр. пед. сочинений, т. I, О пользе педагог. литературы, стр. 9—10.

[2] К. Д. Ушинский, Человек как предмет воспитания, т. I, стр. XXXVIII.

чего прочного...", что „изучение проявлений души, сравнительно с изучением явлений телесного организма, находится в весьма незавидном положении, с этим нельзя не согласиться".[1]

Ушинский требовал, чтобы психологическая наука была выведена из своего отсталого положения на основе всестороннего изучения детей в процессе их деятельности, в процессе обучения. С другой же стороны, он требовал, чтобы педагог, с своей стороны, глубоко проникал в сущность психологических учений. Ушинский, солидаризируясь с Н. И. Пироговым, приводит следующие его слова: „Мы от души восхищаемся нашими успехами, полагая, что ребенок нас понимает, и сами не хотим понять, что он понимает нас по-своему".[2] Ушинский упрекал тех педагогов, которые успокаиваются поверхностной оценкой результатов своей педагогической работы. Требуя глубокого, научного подхода к педагогическому „искусству", Ушинский одной из самых трудных задач в области педагогического мастерства считал способность преподавателя „не переносить его (ученика—Д. Л.) из его сферы в нашу, а самим переселяться в его духовный мир"[3] (Н. И. Пирогов) и руководить правильным развитием этого мира в процессе обучения и воспитания.

Для правильного построения процесса обучения Ушинский особенно большое значение для педагога придавал знанию им таких психических процессов, как память, сознание, воля, эмоция.

В плане педагогической психологии и рассмотрим учение Ушинского о внимании и интересе, о памяти и запоминании, о развитии мышления, о воле и ее роли в процессе обучения и учение об эмоциях.

2. Внимание

Все великие дидакты в деле рационального построения обучения весьма большое значение придавали вниманию и его закономерностям. Еще Коменский считал, что „луч сознания", „свет

---

[1] К. Д. Ушинский, Собр. пед. соч., О пользе педаг. литературы, стр. 9.

[2] К. Д. Ушинский, Собр. пед. соч., т. I, Пед. соч. Н. И. Пирогова, стр. 464.

[3] Там же, стр. 463.

учения есть внимание, благодаря которому учащиеся воспринимают все".[1]

И Ушинский в своем труде „Человек как предмет воспитания" первую главу по психологии сознания посвящает вниманию. „Внимание есть именно та дверь, через которую проходит все, что только входит в душу человека из внешнего мира". Указывая на прогрессивный и научный характер учения Ушинского о внимании, М. Цебрикова в 1872 году писала: „Ушинский вполне хорошо понимает и показывает факторы внимания".[2]

„Человек может направить свою деятельность только в определенном направлении. Состояние же внимания это то состояние, когда он мобилизует свою энергию в определенном направлении",[3]—пишет Д. Н. Узнадзе. И если учесть определение внимания Ушинским, как „того сосредоточения сознания, при котором оно начинает действовать",[4] будет понятно, насколько близко стоял он в понимании внимания, как психологического явления с общепринятым пониманием его нашей психологической наукой.

Придавая исключительно важное значение внимания для человека и его деятельности вообще и для учения, в частности, Ушинский писал: „Внимание есть та единственная дверь нашей души, через которую все, что есть в сознании, непременно проходит; следовательно, этой двери не может миновать ни одно слово ученья, иначе оно не попадает в душу ребенка. Понятно, что приучить дитя держать эти двери открытыми, есть дело первой важности, на успехе которого основывается успех всего ученья".[5] Но внимание является не только необходимым условием учения, но оно вместе с тем представляет и предмет воспитания. Поэтому и Ушинский одной из основных задач обучения ставит воспитание в детях способности сосредоточивать свое внимание в

---

[1] Я. А. Коменский, Великая дидактика, гл. XX, § 12.

[2] М. Цебрикова, Воспитание души, ее сил (опыт педаг. антропологии К. Д. Ушинского), ж. „Детский сад", 1872 г., № 7—8, стр. 275.

[3] Д. Узнадзе, Общая психология, на грузин. языке, 1940 г., стр. 417.

[4] ЦГ арх. ВПК и Б., Прогр. по курсу педаг. для спец. жен. уч. завед., фонд. канц. вед. имп. Марии, лит. Б., № 150, лл. 131—158.

[5] К. Д. Ушинский, Собр. пед. соч., т. II, Руков. и преподав. по „Родн. слову", ч. I, 1939 г., стр. 171.

определенном целеустремленном направлении, отбрасывая все то, что не соответствует конкретной задаче воспитания. „Развить в ученике внимание к научным предметам, значит проложить ему широкую и легкую дорогу к ученью“,[1]—учит Ушинский.

По Ушинскому, сосредоточенность сознания достигается лишь тогда, когда учащиеся понимают преподнесенный им материал. Для достижения этой цели Ушинский на первый план выдвигает наглядность обучения и требует от педагога заботиться о том, чтобы как можно более органов принимали участие в акте запоминания.

Так же, как и традиционная психология, Ушинский отличает внимание активное от внимания пассивного, придавая решающее значение для обучения активному вниманию.

Совершенно правильным следует признать указание Ушинского о том, что „в активном внимании не предмет уже владеет человеком, а человек предметом“ [2], и что все обучение должно быть построено на активном внимании. Ушинский вскрывает специфику сущности активного и пассивного внимания в детском возрасте. „В детях и воля, а, следовательно, и активное внимание,—пишет Ушинский,—непременно слабы, тогда как пассивное иногда очень сильно. Дитя все замечает, все слышит, хотя никто его к этому не принуждает, и громадная масса слов, образов, впечатлений, такая масса, что взрослому человеку не усвоить ее и в десять лет, ложится глубоко в свежую детскую душу, не загроможденную как наша. Но то же самое дитя, которое, играя, выслушало краем уха весь ваш длинный разговор и заметило даже выражения, то же самое дитя, которое в какой-нибудь год, перенесенное в иностранную землю, начинает говорить на иностранном языке так, как вам, взрослому человеку, не выучиться в десять лет, то же самое дитя сидит целые часы над пятью иностранными словами или над десятью строками учебника, плачет, мучится и не может вдолбить их в голову. Вот вам резкое различие в детской природе между пассивным вниманием и активным“.[3]

---

[1] К. Д. Ушинский, Собр. пед. соч., т. II, Внутр. устр. сев.-амер. шк., стр. 55.

[2] К. Д. Ушинский, Избр. пед. соч., т. II, Руков. к препод. по „Родному слову“, ч. I, стр. 171.

[3] Там же, стр. 172.

Исходя из этого, Ушинский требовал, чтобы педагоги всегда имели в виду уровень общего развития детей и их способность сосредоточиваться на определенном предмете. С этой точки зрения он особое значение придавал использованию разнообразных методов и приемов, поддерживающих внимание детей на всех этапах процесса обучения.

Ушинский считал необходимым, чтобы в основу интереса ребенка, как одного из факторов сосредоточенности внимания, было положено чувство ответственности и сознания выполнить свой долг—учиться, требуя от каждого преподавателя, чтобы он приучал учащегося все более к сильному и продолжительному сосредоточению внимания. Ушинский особенно подчеркивал значение воспитания в учащихся твердой воли и приучения их к сознательному выполнению своих учебных обязанностей. В то же время он предупреждает учителя, что „ученье, лишенное всякого интереса, и взятое только силою принуждения, хотя бы она почерпалась из лучшего источника—из любви к воспитателю—убивает в ученике охоту к учению, без которой он далеко не уйдет".[1] Это требование полностью остается в силе и для нашей дидактики.

Так же ценно указание Ушинского о том, что „Детское внимание надо воспитывать понемногу, не надрывая их силы". С этой целью воспитание внимания, по Ушинскому, должно быть основано на систематическом и постоянном выполнении детьми трудных, но посильных задач.

При воспитании внимания в детях преподаватель должен всегда иметь в виду развитие в них способности сосредоточивать внимание не только на том, что им нравится, но так же и на том, что не нравится. „У детей,—пишет Ушинский,—память восприимчива и усваивает быстро и прочно, но под условием сосредоточенности внимания; внимание же у детей слабо, непостоянно и его-то именно должен воспитывать наставник. Одна из главнейших задач первоначального учения—приучить дитя по возможности долго и сильно сосредоточивать свое внимание на изучаемом предмете: достичь же этого возможно только заставляя дитя учиться при себе, или, лучше сказать, уча его уроку".[2]

---

[1] К. Д. Ушинский, Собр. пед. соч., т. II, Главн. черты чел. орг. в прилож. к искусств. воспитан., стр. 194.

[2] К. Д. Ушинский, Собр.пед. соч., т. I, Педаг. поездка по Швейцарии, стр. 367.

Ушинский считает вредным для воспитания, когда обучение способствует рассеиванию внимания детей. Такое обучение не только не развивает волю и характер, но разрушает и расслабляет их. В деле укрепления внимания в детях Ушинский придавал большое значение педагогическому такту. Наряду с этим он подчеркивал исключительную важность создания такой учебной ситуации, которая способствовала бы повышению в учащихся интереса и поддерживала в них максимальную концентрированность внимания во всем процессе обучения. Достаточно много внимания уделял Ушинский и таким вопросам, как например, когда и в какой последовательности следует использовать различные наглядные пособия с тем, чтобы обеспечить полную заинтересованность учащихся этими материалами. „Картины необъясненные не должны быть показываемы ученикам, чем предотвращается праздное любопытство, вредное уже и потому, что оно, предупреждая рассказ, отнимает у него значительную долю занимательности",[1]— писал Ушинский.

Совершенно правильны упреки Ушинского в отношении тех учителей, которые своим ненужным и несвоевременным вмешательством рассеивают внимание учащихся. Так, он считает вредным и недопустимым, когда например, беспрестанными мелочными поправками учителя и наставники вмешиваются в процесс чтения, прерывают его, или же не дают учащимся возможность при ответах высказать свою мысль до конца и путают его.

Считая лень в психологическом отношении привычкой быть невнимательным, Ушинский требовал бороться с этим „пороком". Внимательность и заинтересованность учащихся он считал одним из основных показателей качества работы школы. Борьба с ленью, по его мнению, это—борьба за воспитание в детях навыков к труду. „Чтобы полюбить умственную работу, надобно мало-по-малу, незаметно привыкнуть к ней. Развитие этой привычки в ребенке совершенно зависит от воспитания и составляет основную и труднейшую его задачу: вот почему степень внимания учеников служит, по нашему мнению, лучшим термометром достоинства воспитателя и преподавателя, годности метода преподавания и правильности устройства учебного или воспитательного заведения",[2] —писал Ушинский.

---

[1] К. Д. Ушинский, Собр. пед. соч., т. I, Воскр. школы стр. 182.
[2] К. Д. Ушинский, Собр. пед. соч., т. II, стр. 58—59.

3. Память и запоминание

Но если внимание является „дверью", через которую внешние впечатления попадают в наше сознание, то память сохраняет то, что было воспринято в прошлом. Этим и объясняется, что у Ушинского „за главой о внимании следует глава о памяти", как в „Человеке как предмете воспитания", так и в его программах курса педагогики. Говоря о значении памяти для построения всего обучения, Ушинский в своем проекте программы курса педагогики подчеркивал необходимость глубокого изучения педагогом процессов памяти у детей и закономерностей ее развития в процессе обучения. Он особенно обращает внимание педагога на важность этого понимания им как логической, так и механической памяти и их значения для прочного усвоения детьми знания и навыков.

Каковы исходные положения Ушинского в области психологии памяти? Во-первых, Ушинский считает, что дитя родится на свет без всяких следов в своей памяти, и в этом отношении он соглашается с Аристотелем, который сознание дитяти рассматривал как чистую таблицу. При этом он отмечает, что эта „таблица" не пассивно воспринимает все, что на ней „пишут", что качество „написанного" зависит от самой же „таблицы", т. е. от психофизических свойств новорожденного. Во-вторых, Ушинский, рассматривая память как психо-физический процесс запоминания, указывал, что этот процесс совершается в нас беспрерывно, за все время деятельности нашего сознания. По его мнению, нельзя было бы даже говорить об обучении и воспитании человека вообще, если бы он не имел способностей запоминания, забвения и воспоминания.

Ушинский различал память логическую и память механическую, а отсюда запоминание логическое и запоминание механическое. Отдавая для общего развития человека преимущество логической памяти и логическому запоминанию, Ушинский ведущими в обучении считал процессы логического запоминания и в то же время совершенно правильно отмечал, что логическая, рассудочная память без механической совершенно невозможна. Правильно его указание также и на то, что воспитание является могучим средством для укрепления памяти и повышения качественных показателей процесса запоминания.

Исключительно большое значение в деле укрепления памяти и развития способности запоминания и воспроизведения Ушинский

придает твердой воле. „Заставляя себя упорно вспоминать то или другое,—пишет Ушинский,—мы привыкаем не забывать,—получаем уверенность в возможности вспомнить, а эта уверенность имеет сильнейшее влияние на акт воспоминания“ [1].

Оценивая значение взглядов Ушинского в области психологии памяти, нельзя не указать, что ряд его положений сохраняет свою жизненность и в наши дни. Основными из этих положений являются утверждения Ушинского о том, что:

1) в основе психических процессов памяти лежит физиологический субстрат;

2) память человека регулируется сознательными, волевыми процессами;

3) невозможно оторвать процессы памяти от процессов мышления, и в связи с этим,—утверждение Ушинского об односторонности и необоснованности теории памяти ассоцитивной психологии.

4) Развитие памяти в онтогенезе обусловлено воспитанием, но вместе с тем и одновременно память является основой для процессов мышления, воображения, эмоции и т. д. Отсюда память —основа воспитания и обучения.

Учитывая, что обучение главным образом основывается на процессах памяти и что без запоминания и воспроизведения не может быть и речи об обучении, Ушинский дал ряд ценных положений о процессах памяти с точки зрения педагогической психологии.

Прежде всего, Ушинский указал на необходимость учета уровня развития памяти в процессе обучения и дифференцированного подхода к разным типам памяти. Его исходным психологическим положением было: „В младенческом возрасте память, которая, казалось, должна быть свежею и восприимчивою, напротив, усваивает с большим трудом и забывает легко, в отрочестве усваивает легко и забывает легко“.[2] И дальше: „Чем менее возраст учащегося, тем чаще следует прибегать к повторениям, потому что первые следы науки укореняются гораздо труднее последующих“.[3]

---

[1] К. Д. Ушинский, Человек как предм. воспит., т. I, стр. 271.

[2] К. Д. Ушинский, Главн. черты чел. орг. в прилож. к иск. восп., журн. „Пед. сборн.“, 1866 г., февр., стр. 124.

[3] К. Д. Ушинский, Собр. пед. соч., т. II, Главн. черты чел. орг. в прилож. к иск. восп., стр. 191.

По мнению Ушинского, прежде чем предложить учащимся запоминать материал, надо возбудить в них сознание о необходимости запоминания, т. е. чтобы акту запоминания предшествовала осознанность цели запоминания. В связи с этим Ушинский особо подчеркивает необходимость воспитать в каждом учащемся уверенность в своей памяти. „Дитя, неуверенное в своей памяти,—пишет он,—привыкшее знать, что оно забывает, легко отказывается от усилий воспоминания и тем самым заставляет изглаживаться в памяти приобретенные ею факты. Часто учитель сам виноват в такой неуверенности ученика и может легко заметить, как дурно действует на память подобная неуверенность. Уже только потому следует изучать твердо и часто повторять изученное, чтобы дети не привыкали забывать и, не будучи часто в состоянии преодолеть слишком большой трудности насильственных воспоминаний, не потеряли уверенности в силу своей памяти: беспрестанным повторением следует предупреждать забвение, а не возобновлять забытое".[1]

Ушинский признает преимущества осмысленного процесса запоминания явлений и фактов в их естественной связи перед механическим процессом, но при этом он не отрицает значения этого последнего для развития памяти и мышления человека. Особенно важное значение он придает механической памяти для выработки „нервных привычек", т. е. навыков, через которые человек проявляет свою жизнедеятельность как-бы автоматически, механически, без больших усилий. Так, критикуя методы Жакото, Ушинский пишет: „Метода же Жакото выучивает учить и не думать о том, что учишь, усиливает механическую память за счет рассудка и сознания".[2] Но вместе с тем, по его мнению, без развития механической памяти нет и не может быть развития рассудочной памяти. „Вот почему ученье никак не должно пренебрегать этою памятью, хотя и не должно, с другой стороны, на ней одной только основываться, как это часто было в старинных схоластических школах",[3]—говорит Ушинский.

Для интенсивности запоминания Ушинский допускал возможность и даже необходимость пользования и мнемоническими прие-

---

[1] К. Д. Ушинский, Человек как предм. воспит., т. I, стр. 271.

[2] К. Д. Ушинский, Собр. пед. соч., т. I, О народн. в обществ. восп., стр. 55.

[3] К. Д. Ушинский, Собр. пед. соч., т. II, Гл. черты чел. орг. в прилож. к искусств. восп., стр. 179.

мами. Однако, отрицая возможность возведения в систему этих приемов запоминания, Ушинский считал полезными только те из мнемонических приемов, которые были бы основаны на участии в акте памяти „возможно большего числа органов нервной системы". „Конечно,—пишет он,—лучше, если это сближение будет совершенно естественное, как, например, между историческим событием и картою местности, где совершалось это событие. Но где такого естественного сближения установить нельзя, можно прибегнуть и к искусственному. Так, например, при изучении наизусть какого-нибудь отрывка можно заметить 5—6 главных характеристических слов, ведущих за собой другие, или при изучении каких-нибудь грамматических исключений, основанных часто на употреблении, можно прибегать к известным грамматическим виршам".[1]

Совершенно правильно указание Ушинского относительно того, что лишь те знания и навыки бывают прочными, которые твердо укоренились в памяти, для чего не всегда достаточно однократное восприятие. Он считал незыблемым законом обучения давнишнее положение: „повторение—мать обучения". „Повторение есть общий закон как для усиления привычки, так и для укрепления чего-нибудь в памяти; и латинская поговорка „Repetitio est mater studiorum" основана на коренном психическом законе",[2]—говорит Ушинский. Наряду с этим он выдвигает глубоко верное положение о том, что всякое повторение своею целью, прежде всего, должно иметь предупреждение забвения, а не только лишь возобновление забытого.

Говоря о значении дозировки домашних заданий в соответствии с уровнем развития детей, Ушинский находит, что не надо „задавать детям уроков, которые им не по силам, потому что такие уроки, которых дитя одолеть не может, надрывают память".[3]

Исключительно большое значение придавал Ушинский составлению учебников так, чтобы они равномерно и последовательно развивали память и одновременно основывались на сочетании механического и рассудочного процесса памяти. „Любая страница

---

[1] К. Д. Ушинский, Собр. пед. соч., т. II, Гл. черты чел. орг. в прилож. к искусств. восп., стр 181.

[2] К. Д. Ушинский, Главн. черты чел. орг. в прилож. к искусств. восп., ж. „Педагог. сборник", 1866 г., февраль, стр. 7.

[3] К. Д. Ушинский, Собр. пед. соч., т. II, Гл. черты чел. орг. в прилож к искусств. восп., стр. 196.

любого учебника,—пишет Ушинский,—дает преподавателю (преподавателю педагогики—Д. Л.) возможность приучать своих слушательниц отличать верно, что может быть усвоено только механическою памятью, от того, что усваивается рассудочным процессом".[1]

Таким образом, учение Ушинского о памяти, в особенности психолого-педагогическая сторона этого учения, содержит ценнейшие положения, которые с успехом могут быть и должны быть использованы советской педагогической теорией и практикой.

4. Мышление

Но процесс обучения не является только процессом восприятия и запоминания единичных ощущений, фактов. Ушинский хорошо понимал, что без движения мысли, раскрывающего существующие связи между предметами, не может быть и речи об обучении, вообще, и о сознательном запоминании этих предметов, в частности. Ушинский не раз указывал, что человек, являясь продуктом исторического развития, находится на самой высшей ступени биологической лестницы потому, что он имеет способность мыслить и рассуждать. Мышление, по Ушинскому, представляет, с одной стороны, основу обучения, с другой же стороны оно, является предметом воспитания. Отсюда ясно, почему Ушинский решающее значение для рационального обучения придавал развитию мыслительных процессов и почему принцип сознательности он считал ведущим дидактическим принципом всякого обучения.

Как в общепсихологическом плане, так и, в особенности, с точки зрения педагогической психологии, Ушинский затронул основные стороны психологии мышления и дал много ценных указаний о построении обучения с учетом психологических закономерностей процессов мышления. Его учебники „Родное слово", „Детский мир" и особенно „Родное слово" т. III являются лучшими образцами применения этих закономерностей для развития логического мышления учащихся и построения обучения на принципе полной сознательности и последовательности.

Ушинский, считая мыслительную способность человека высшей способностью самопознания и познания вне нас существующего мира, указывал, что „сознание и теперь остается для нас

[1] Ц. Г. Архив ВПК и Б., Проект программы курса педагогики, фонд канц. ведом. учрежд. импер. Марии.

единственным окном, через которое мы можем заглянуть в душевный мир. Мы знаем только то, что различаем и сравниваем; но нет сомнения, что само различаемое и сравниваемое существует прежде того, чем мы его стали сравнивать и различать".[1]

Для Ушинского совершенно ясно было, что мышление находится в неразрывной связи с речью. Поэтому он требовал, чтобы обучение было направлено на развитие внутренней и внешней речи, на развитие мыслительных способностей и их проявлений, суждений. Не случайно, что основным стержнем обучения Ушинский считал родной язык.

По мнению Ушинского, мыслительные процессы в ребенке обнаруживаются уже в 2—3-летнем возрасте. Увязывая развитие процесса мышления с развитием памяти, Ушинский считал, что „ни одного определенного образа, ни одного определенного следа какого-нибудь ощущения не заключает в себе память новорожденного младенца".[2]

Придавая особо важное значение для развития мыслительных способностей соблюдению принципа природосообразности, Ушинский требовал, чтобы детей последовательно и по силе их возможностей приучали к отысканию в предметах характерных признаков и постепенно приводили их к общим понятиям. „Следует предварительно приучить детей отыскивать, перечислять и излагать в порядке признаки предметов, находящихся у них перед глазами, потом сравнивать между собою несколько знакомых уже им предметов, находя между ними сходство и различие, для чего в „Детском мире" представлено несколько образцов, которыми, конечно, преподаватель не ограничится",[3]—писал Ушинский.

Вместе с тем Ушинский считал необходимым, чтобы дети приучались находить различие и сходство между предметами. Поэтому от педагога он требовал, чтобы он заранее обдумал, какие ассоциации по противоположности или сходству следует давать учащимся при обучении, как увязывать новый материал со старым с тем, чтобы знания были приведены в единую систему.

---

[1] К. Д. Ушинский, Человек как предм. воспит., т. II, стр. 420.

[2] К. Д. Ушинский, Гл. черты чел. орг. в прилож. к искус. восп., ж. „Пед. сборник", январь, стр. 6.

[3] К. Д. Ушинский, Собр. пед. соч., т. II, Предисл. к I изд. „Детского мира". стр. 81.

Учитывая большое значение осознанности сходства и различия предметов для прочности их запоминания, Ушинский также требует от учителя, чтобы он при сообщении новых знаний, например, новых имен, названий, дат и т. д., обратил внимание учащихся на их сходство или различие по сравнению с теми, что они раньше изучали и хорошо помнят.

Ушинский считал, что знания будут прочными лишь при условии, если каждое предыдущее знание является необходимою ступенью последующего и если они изучены во взаимосвязи. „При таком дружном содействии всех органов в акте усвоения вы победите самую ленивую память. Конечно, такое сложное усвоение будет происходить медленно; но не должно забывать, что первая победа памяти облегчает вторую, вторая третью и т. д. Прочное и всестороннее усвоение памятью первых образов чрезвычайно важно, потому что, как мы увидим далее, чем прочнее залягут в памяти дитяти эти первые образы, даваемые ученьем, тем легче и прочнее будут ложиться последующие, конечно, если между этими и последующими образами есть связь“ [1],—пишет Ушинский.

Весьма большое значение для развития мыслительных способностей у учащихся Ушинский придавал преподаванию логики. Он требовал восстановления в средних учебных заведениях этого предмета, указывая при этом, что „отсутствие изучения логики в наших гимназиях и уездных училищах составляет весьма заметный и значительный пробел; прежняя схоластическая логика, основанная на аристотелевских категориях, конечно, не достигала своей цели; но и отсутствие изучения всякой логики также оказалось вредным“.[2]

Одновременно он считал необходимым, чтобы начиная с первого же года обучения, особое внимание было уделено постепенному развитию в детях способности логического мышления, приучая их на основе наблюдения над конкретными явлениями находить сходство и различие между предметами, приучать их к анализу, синтезу, обобщению, индукции, дедукции и другим формам суждений. При этом, по мнению Ушинского, на эту логическую сторону обучения должны обращать внимание преподаватели каждой учебной дисциплины и на всех ступенях обучения.

---

[1] К. Д. Ушинский, Человек как предмет воспитания, т. I, стр. 155—156.

[2] К. Д. Ушинский, Собр. пед. соч., т. II, стр. 81.

Ушинский не ограничивается одними лишь теоретическим обоснованием вопроса о необходимости преподавания логики. В своих учебниках он дает совершенно ясные и точные указания, как следует учитывать закономерности развития мыслительных процессов и в какой последовательности следует воспитывать в детях логическое мышление. „Я старался воспользоваться в „Детском мире" наглядной логикой природы с тем,—писал Ушинский в предисловии к 1-му изданию „Детского мира",—чтобы мало-помалу довести ученика до логических отвлеченностей". С этой целью Ушинский весьма строго соблюдает принцип последовательности в расположении материала в учебнике. Подбирает и составляет лучшие образцы для логического упражнения, чуть ли не каждый рассказ или стихотворение, помещенные в его учебниках, снабжает вопросами, загадками, пословицами, требующими логических суждений учащихся. Не мало внимания уделял Ушинский также и логической стороне преподавания грамматики и математики.

Несомненно, все эти положения Ушинского являются ценным вкладом в дидактику и имеют огромное научное и практическое значение для нашей школы.

5. Воля

Учение Ушинский рассматривал как специфический вид деятельности человека, точнее—как специфический вид умственного труда. Всякая же деятельность для Ушинского по своей психологической природе прежде всего является волевым процессом. Как указывает Ушинский, воля является „могущественнейшим рычагом, который может изменять не только душу, но и тело с его влияниями на душу".[1]

Исходя из такого понимания воли и ее значения, Ушинский определял обучение как волевой, произвольный процесс, в основе которого лежит стремление к цели, стремление удовлетворить непосредственную или посредственную потребность к учению. Он пишет: „Зная, что напряженность внимания есть необходимое условие прочного и верного восприятия памятью, воспитатель должен приучать воспитанника все к сильнейшему и продолжительнейшему сосредоточению внимания. Этот же последний акт... зависит или от силы воли воспитанника и от власти, приобретенной им над своим

[1] К. Д. Ушинский, Человек как предмет воспитания, т. I, стр. XXIV.

нервным организмом, или от интереса возбуждаемого самим предметом усвоения... там где возбудить внимание предмета невозможно... мы думаем лучше всего приучать дитя прямо к выполнению его учебных обязанностей, каковы бы они ни были, но облегчить ему эти обязанности там, где можно интересом предмета... ученье основанное только на интересе не дает возможность окрепнуть самообладанию и воле ученика, так как не все в учении интересно и придет многое, что надобно будет взять силой воли".[1]

Из этого глубоко научного положения ясно видно, как высоко ценил Ушинский волю как предмет воспитания и в то же время как основу обучения, которое не может миновать закономерности развития волевых процессов. Вот почему все дидактические принципы обучения, которые Ушинский выдвигал или развивал, прежде всего находят свое обоснование в учении Ушинского о воле. Так, говорит ли он о сознательности, о наглядности, о прочности, о последовательности в обучении, Ушинский всегда учитывает закономерности волевых процессов, не только в плане педагогическом, но и в плане психологии воли.

С этой точки зрения общим для всех этих дидактических принципов, прежде всего, является требование Ушинского построить обучение так, чтобы оно основывалось на осознанности учащимся цели предстоящей конкретной учебной работы. Отметив, что „решимость есть не что иное, как вполне образовавшееся желание, желание, одолевшее в душе своей стремительностью все другие представления" и что „только когда душа достигает такого единства и такого сосредоточия всех своих сил в одном желании, только тогда тело начинает ей повиноваться",[2] Ушинский находил безусловно необходимым, чтобы ключом всякого обучения являлась именно сознательная цель и решимость реализовать эту цель на основе единой установки учащегося, как личности.

По Ушинскому, сам процесс учения, прежде всего, должен представлять процесс преодоления учащимися трудностей, процесс непрерывных побед воли. В этом процессе формируются сознание, воля и характер учащегося. „Каждая победа воли, над чем-бы то ни

---

[1] К. Д. Ушинский, Собр. пед. соч., т. II, Гл. черты чел. орг. в прилож. к иск. воспит., стр. 194.

[2] К. Д. Ушинский, Человек как предмет воспит., т. II, стр. 261—262.

было, придает человеку **уверенности** в собственной своей нравственной силе, в возможности победить те или другие препятствия, этой уверенности приписываем мы именно укрепление воли, а вместе с тем и укрепление произвольного внимания. Кроме того, если человек с детства и юности своей не давал нервам властвовать над собою, то они не привыкнут раздражаться и будут ему послушны",[1]—пишет Ушинский.

Это положение Ушинского противоречит гербартовской теории так называемого „управления". Как известно, Гербарт и его последователи, в частности Бэнеке, твердили о „многостороннем интересе" как о фундаменте всякого рационального обучения; на самом же деле они всю дидактику строили на основе „управления" детской души, имевшего целью подавить в детях всякое проявление своих собственных сознательных стремлений, воспитать из них людей, машинально исполняющих чужую волю. Этому и служат гербартовские формальные ступени обучения, построенные на основе идеалистической метафизической психологии и требующие точного соблюдения этих ступеней (ясность, ассоциация, система и метод) при всяком обучении. Эта теория не является „открытием" и большим достижением новой дидактики, как это думали некоторые. По своему существу она является самой реакционной теорией, подобно так называемым моральным категориям (нормам) Гербарта.

Исходя из всего этого можем заключить, что учение Ушинского о воле, в плане педагогической психологии, является самой передовой теорией своего времени, ставящей задачу воспитания твердой воли на основах сознательности и развития инициативы и самодеятельности учащихся.

6. Эмоции

В процессе обучения учащиеся устанавливают свое отношение к предметам обучения, как отношение субъекта к объекту, т. е. выявляют свои чувствования, переживания положительного или отрицательного характера. Отсюда понятно, что обучение как по своему содержанию, так и по своим формам и методам не может игнорировать закономерности и эмоционального развития человека, закономорности чувствований, как это называл Ушин-

[1] К. Д. Ушинский, Человек как предм. восп., т. I, стр. 207.

ский. Более того, Ушинский, в соответствии с своей теорией стремления, считал, что решающим психологическим фактором деятельности человека является именно чувствование, составляющее сердцевину душевных явлений. Исходя из того, что „в чувствованиях выражается субъективное отношение души к ощущениям, причиной которых является внешний мир, действующий на нас через посредство органов внешних чувств“ [1], Ушинский писал: „В противоположность всем другим психологам мы ставим в центр душевных явлений—не сознание, как гербартианцы, и не волю, как Шопентауэр и его последователи,—а чувствование, как первое проявление стремлений... Только уже впоследствии, при развитии, с одной стороны, области сознания, а с другой—области воли, чувствование становится необходимым посредником между этим двумя областями душевных явлений. Но чувствование не только—среднее, связывающее звено между явлениями сознания и явлениями воли, но вызывает и те и другие. Страдание прежде всего побуждает человека и вглядываться во внешний мир, и прилагать к нему свою волю с целью удовлетворить своим потребностям, заставляющим его страдать. Вот на каком основании мы ставим чувствования в средоточие всех душевных явлений. Из них они все исходят и к ним все возвращаются: в них первая причина человеческой деятельности в области сознания и воли, в них же и окончательная цель этой деятельности“.[2]

Отсюда понятно, почему одно из самых ведущих мест в психологическом учении Ушинского занимает психология чувствований.

По мнению Ушинского, из всех чувствований наиболее часто повторяющимися являются удовольствие и неудовольствие. При этом он выделял пять антагонистических пар этих „сердечных“ чувствований, имеющих особое значение для человеческой деятельности вообще и обучения, в частности. Такими парами он считал: 1) удовольствие и неудовольствие; 2) влечение и отвращение; 3) гнев и доброту; 4) страх и смелость; 5) стыд и самодовольство.

Эмоция, по определению Ушинского, как рычаг стремления личности, является не отдельной функцией человеческой психики, а выражением единого психофизического состояния личности: „...человек, не увлеченный односторонностью умственной работы и

---

[1] К. Д. Ушинский, Человек как предм. воспит., т. II, стр. 3.

[2] Там же, стр. 230—231.

знающий сам по себе, что такое **жизнь сердца**, согласится с нами, что видеть в наших горестях и радостях, в наших наслаждениях и страданиях, в гневе, любви и отчаянии только дидактические приемы природы для укрепления в нашей памяти тех или других представлений и идей, значит превращать человека в какую-то думающую машину"[1],—писал Ушинский.

Ушинский считал, что стремление к положительным чувствованиям является необходимой потребностью человека и обусловленной его социальной и биологической природой. В этом отношении он большое значение придавал увлечениям и считал их необходимой психологической предпосылкой для плодотворной деятельности человека в любой сфере. Он писал: „Если мы думаем не для того только, чтобы любить и ненавидеть, то без сомнения, не для того же любим и ненавидим, чтобы думать. Этот сухой, бесчувственный взгляд на человека отзывается нестерпимой гордостью философа, воображающего, что он один только живет, как следует, т. е. головою. При этом случае мы должны отдать справедливость Гегелю, что он гораздо лучше, чем Кант, оценил важное значение страстей в человеческой жизни и признал, что без страсти ничего великого сделано быть не можеть".[2]

Имея в виду эти основные психологические положения Ушинского об эмоциях и их значении для человеческой деятельности, легко понять, почему он в деле рационального построения обучения такое большое значение придавал вопросам возбуждения и развития в детях положительных эмоций.

Уделяя большое внимание вопросам психологии эмоции, Ушинский разрешал ряд ее основных проблем как в плане общей, так и педагогической психологии. В основу всей теории обучения и воспитания Ушинского и его учебников „Родное слово" и „Детский мир" положен принцип воспитания в детях любви и стремления к учению и ко всему, что направлено на благо родины и народа и воспитания отрицательного отношения ко всему, что не соответствовало в прошлом, не соответствует в настоящем и не может соответствовать в будущем интересам родины и народа.

Разрешению этой задачи посвящен ряд общеметодических положений и правил обучения, выдвинутых и развитых Ушинским.

---

[1] К. Д. Ушинский, Человек как предм. восп., т. II, стр. 6.

[2] Там же, стр. 6.

В. ДИДАКТИЧЕСКИЕ ПРИНЦИПЫ

Ушинский в своей дидактике дает для своего времени на высоком научном уровне разработанную систему построения процесса обучения в школе. В этой системе ведущее место занимает его учение о дидактических принципах или, как он говорит, о „необходимых условиях преподавания". Такими "необходимыми условиями" всякого преподавания Ушинский считает: „1) своевременность, 2) постепенность, 3) органичность, 4) постоянство, 5) твердость усвоения, 6) ясность, 7) самодеятельность учащегося, 8) отсутствие чрезмерной напряженности и чрезмерной легкости, 9) нравственность, 10) полезность" [1]. Анализ содержания каждого из них ясно показывает, что под „нравственностью" Ушинский понимал воспитывающий характер обучения, под „полезностью"—связь обучения с жизнью, под „своевременностью" и „органичностью"—природосообразность в обучении, а под остальными „условиями"—то, что мы называем дидактическими принципами обучения.

В результате изучения теории обучения Ушинского в целом, а также анализа „Родного слова" и „Детского мира" мы приходим к заключению, что основными дидактическими принципами обучения Ушинский считал: 1) сознательность и активность учащихся в процессе обучения („ясность", „самодеятельность учащегося"), 2) наглядность в обучении, 3) последовательность („постепенность", „отсутствие чрезмерной напряженности и чрезмерной легкости") и 4) прочность знаний и навыков („твердость усвоения").

При этом следует учесть, что Ушинский, который всякое обучение рассматривал как единый процесс, указывал, что эти дидактические принципы самостоятельно, в чистом виде, не могут иметь места, и они в процессе обучения органически переплетаются друг с другом и обусловливают друг друга. Так, правильно использованный принцип наглядности в то же время является носителем и принципа сознательности и активности учащихся, и прочности усвоения знаний и т. д. и, наоборот, всякая сознательность в процессе обучения неминуемо приводит к активности учащихся, к прочным знаниям и т. д. Однако, каждый принцип имеет свои особенности и свои закономерности, без учета которых правильно построить обучение невозможно.

---

[1] Программа педагогики для спец. классов женск. уч. заведений ЦГ архив ВПК и Б, фонд канц. им. Марии, дело № 150.

Правда, все перечисленные здесь дидактические принципы были известны еще до Ушинского, но его заслуга заключается в том, что он многие положения из этих принципов поставил в совершенно новом плане и дал им совершенно новое освещение и этим самым внес большой вклад в дидактику.

1. Принцип сознательности и активности

Принцип сознательности и активности впервые нашел свое обоснование в дидактике Коменского. Мы находим очень ценные указания в отношении этого принципа также у Руссо, у Песталоцци. О принципе сознательности говорил Гербарт и гербартианцы и т. д. Но, как известно, если Коменский в принципе сознательности видел путь реализации природосообразного обучения через наглядное преподавание, Песталоцци принцип сознательности рассматривал, главным образом, как средство развития формальных способностей учащихся, а Гербарт и гербартианцы принцип сознательности и активности выводили из метафизической психологии и задачей обучения ставили приведение в систему находящихся в хаотическом состоянии представлений, а через нее сохранение и защиту „реалов" от всякого рода возможных изменений, Ушинский же, понимая под „ясностью" и „самостоятельностью учащегося" построение обучения на той основе, чтобы оно сопровождалось полным пониманием учащимися учебно-воспитательных материалов и активностью каждого учащегося в процессе усвоения знаний и навыков, этот принцип строил на совершенно новых началах. Он не только придавал большое значение принципу сознательности для правильного построения обучения, но считал этот принцип основным, ведущим дидактическим принципом воспитания всесторонне развитого человека.

Ушинский хорошо понимал, что психологическое содержание принципа сознательности делает процесс обучения активным, т. е. обеспечивает активность каждого учащегося во всем процессе обучения; поэтому и сознательность и активность неотделимы друг от друга: активность—это форма, в которой осуществляется сознательное обучение учащегося. Если обучение не сопровождает понимание, осознанность всего содержания обучения, весь процесс представляет собой лишь механическую зубрежку, муштру, и обучение делается пассивным.

Характеризуя обучение, построенное на непонимании учащимися преподнесенного материала, как репетицию театрального представления, Ушинский писал: „Мы заставляем дитя сочинять о том, чего оно не видело, не чувствовало; заставляем его прикидываться то глубокомысленным, то восторженным, то чувствительным и полагаем гибельные начала двойственности в его душе. Мы заставляем ребенка повторять наши мысли, наши чувства и восхищаемся, что дети, побуждаемые желанием понравиться нам и заслужить нашу похвалу, передразнивают нас так удачно. Боже мой! Да если заглянуть поглубже в наши школы, вслушаться внимательнее в наши уроки, то, может быть, мы увидим, что и все это не что иное, как репетиции театрального представления".[1]

Ушинский требовал, чтобы учение воспитывало в детях логическое мышление и ясное понимание явлений и предметов внешнего мира. „Прежнее схоластическое учение,—писал Ушинский,—довольствовалось таким усвоением, и отличительный признак человека, воспитанного совершенно схоластически, заключается именно в том, что все бесчисленные представления, понятия и даже идеи лежат в голове его такими мертвыми вереницами, как лежат, по преданию, оцепенелые от стужи ласточки: один ряд лежит возле другого, не зная о существовании друг друга, и две идеи, самые близкие, самые родственные между собой, могут прожить в такой поистине темной голове десятки лет и не увидеть друг друга. Я выставляю это явление в его крайности, но не в такой крайности оно бывает почти во всех головах. Едва ли есть такая человеческая голова, в которой было бы совершенно светло так, чтобы все живущие в ней представления, понятия и идеи видели бы и знали друг друга. Но к воцарению возможно большого света должно стремиться всякое ученье".[2]

Процесс обучения Ушинский представлял себе как сознательный процесс перехода от незнания к знанию. „Всякий правильный метод учения от известного для мальчика должен переходить к неизвестному, а не наоборот... При таком методе учения возбуждается та самостоятельная работа головы учащегося, которая составляет единственное прочное основание всякого плодовитого

[1] К. Д. Ушинский, Соч., т. I, Пед. соч. Пирогова, стр. 465.

[2] К. Д. Ушинский, Избр. пед. соч., т. II, Рук. к препод. по „Родн. сл.", ч. I, 1939, стр. 174.

учения",[1]—писал он. Одновременно с этим Ушинский считает, что процесс обучения может стать процессом активного и прочного освоения знаний учащимися не только через усилие и правильное руководство учителя. Для этого особое значение имеет и стремление самого же учащегося преодолеть трудности на пути от незнания к знанию. Поэтому учитель всегда, во всем процессе обучения должен стараться держать в состоянии мобилизации и волю, и память, и мышление, и эмоции учащегося, и ввиду того, что „быстрота и совершенство процессов обдумывания зависят, впрочем, не от одной степени организации души, но и от многих других причин: от врожденной быстроты процесса мышления; от силы воли, распоряжающейся этим процессом для данной цели; от настойчивости стремления, из которого рождается желание",[2]— Ушинский считал необходимым, чтобы учитель приучал детей быстро переводить свои мысли от одного образа на другой, с сохранением организованности „души".

С этой же целю он находил целесообразным, чтобы учитель заставлял учащихся приводить усвоенные ими понятия в разнообразные комбинации. В основном с этой же целью помещает Ушинский многие логические упражнения, а также загадки в своих учебниках.

Придавая особое значение для понимания материала выделению из него основного, а также использованию пройденного материала для выведения общих законов и понятий, Ушинский предъявлял к учителю требование, чтобы он как при объяснении, так и при проверке знаний всегда подчеркивал главную, ведущую мысль и особое внимание обращал на логически стройную формулировку основных положений.

Так же, как и Коменский, Ушинский считает, что всякое упражнение должно начинаться после того, как основной смысл его содержания усвоен учащимися. А для того, чтобы понять смысл преподаваемого материала, по мнению Ушинского, необходимо, чтобы преподавание основывалось на живом созерцании, с соблюдением последовательности и конкретности объяснения. Он пишет: „Если учение не хочет быть сухим, отвлеченным и односторонним, а стремится к тому, чтобы развивать дитя во всей его живой,

---

[1] К. Д. Ушинский, Собр. пед. соч., т. II, Внутр. устр. сев.-америк. школ, стр. 62.

[2] К. Д. Ушинский, Человек как предмет воспитания, т. II, стр. 316.

гармонической природной целости, то не должно никогда терять из виду места и времени. Всякое событие, представленное ученику в известном ему месте и с оттенками, которые придают событию то или другое время года, глубоко, плодовито укореняется в душе дитяти. Вот почему весьма полезно при изучении истории живо представлять детям ту местность, где событие совершается, природу этой местности и, если возможно, то время года, в котором это событие происходило. Но к такому изучению следует подготовлять дитя заранее, и я не нахожу для этого лучшего средства, как взять предметом для чтения и изустных бесед, насколько это, конечно, возможно, ту местность, которая окружает дитя, и то время, когда учение происходит, чтобы впечатления, о которых читается в книгах или говорится в школе, были в ребенке живы и могли быть проверены его собственным детским опытом и чувством. В таком случае ребенок будет говорить о том, что видит и чувствует, его слова будут полны действительности: истинность слова и есть именно то драгоценное его качество, которое надобно развить всего больше.[1]

Для достижения сознательности и активности учащихся в процессе усвоения знаний и навыков Ушинский считал необходимым, чтобы обучение строилось на научных началах, в полном соответствии его содержания с объективной истиной. Так, упрекая тех преподавателей, которые „перекраивают" истину на детский лад, Ушинский писал: „Не педагогически также поступает и тот, кто будучи не в состоянии поднять ребенка до понимания какого-нибудь предмета, старается понизить этот предмет до уровня детского понимания. Как, например, говорит иной наставник, не познакомить малюток с событиями отечественной истории? И вот для этой цели начинает он перекраивать исторические личности на детский лад: пона делает из Святославов и Владимиров детских куколок и радуется, что дети знают отечественную историю. Но на что, спрашивается, ребенку и кому бы то ни было такая история? Неужели только для того, чтобы со временем он узнал, каким глупостям его учили в детстве? И куда торопится воспитатель? Зачем не хочет он обождать того времени, когда ребенок созреет до понимания исторических событий? И не лучше ли бы сделал воспитатель, если бы вместо того, чтобы забегать вперед,

[1] К. Д. Ушинский, Избр. пед. соч., т. II, Руков. к преподав. по „Родному слову", ч. I, стр. 188.

подготовлял дитя к пониманию истории чтением детских рассказов... доступных детскому пониманию и, вместе с тем, превосходно подготовляющих дитя к дельному изучению истории.[1]

Основным критерием установления качества знаний Ушинский прежде всего считал осознанность, понимание учащимися этих знаний. Он правильно указывал, что знать наизусть—не значит еще знать.

Придавая исключительно большое значение языку, как средству сознательного, „ясного" обучения, Ушинский писал: „Язык не есть что-нибудь отрешенное от мысли, а, напротив—органическое ее создание, в ней коренящееся и беспрестанно из нее вырастающее, так что тот, кто хочет развивать способность языка в ученике, должен развивать в нем прежде всего мыслящую способность. Развивать язык отдельно от мысли невозможно, но даже развивать его преимущественно пред мыслью положительно вредно. Если при таком исключительно формальном направлении и можно достичь каких-нибудь результатов, то только результатов призрачных и даже вредных".[2] Поэтому, Ушинский требует, чтобы, во-первых, обучение шло на родном языке, а во-вторых, чтобы учитель увязывал все обучение с развитием мышления и речи учащегося.

Наряду с „ясным" словом учителя, необходимым условием для построения процесса обучения на основе сознательности и активности учащихся, Ушинский считал „наглядное созерцание", так как картина не только запечатлевает в памяти рассказ, но и группирует в голове учащихся приобретенные ими сведения.

Считая естественным спутником, а также основой всякой ясности в обучении стремление дитяти к самостоятельной деятельности, Ушинский жестоко осуждает всю схоластическую систему обучения, построенную на принципе подавления в детях всякой самодеятельности, творчества и инициативы.

„Что же способно породить такое воспитание?"—ставит вопрос Ушинский и отвечает: „Книгоедов, глотающих книги десятками и из чтения которых не выйдет никакого проку, потому что даже для того, чтобы написать стройную статью, нужны воля и при-

---

[1] К. Д. Ушинский, Избр. пед. соч., т. II, Руков. к препод. по „Родному слову", ч. I, стр. 142.

[2] К. Д. Ушинский, Собр. пед. соч., т. II, пред. к I изд. „Дет. мира", стр. 73.

вычка, и чтобы высказать словами ясно и красиво свои мысли, нужны также воля и навык, а школа наша дает им только знания, знания и еще знания, переходя поскорее от одного к другому. Развитие головы и совершенное бессилие характера, способность все понимать и обо всем мечтать (я не могу даже сказать—думать), и неспособность что-нибудь делать—вот плоды такого воспитания".[1]

Говоря об уроке с точки зрения соблюдения принципа активности учащихся, Ушинский считает плохим тот урок, который строится на односторонней активности учителя и пассивности учащихся. „Если же урок,—пишет Ушинский,—весь состоит из толкования учителя, не призывающего детей к участию,—а у нас именно такие уроки и встречаются всего чаще,—то я считаю час времени nec plus ultra внимания не дитяти, а взрослого человека. Попробуйте сами, господа наставники, прослушать кого-нибудь целый час, и потом передать, что вы слышали. Но если наставника не слушают, то зачем же он говорит? Для препровождения времени, для собственного удовольствия, а урок все же будет выучен по книге или по тетрадке".[2]

Одним из основных критериев годности того или иного метода обучения и степени его применения в преподавании отдельных дисциплин, Ушинский считал соответствие этого метода с требованиями принципа сознательности в обучении.

Ставя задачу перед каждой учебной книгой всячески способствовать развитию у учащихся инициативы, активности и самостоятельности в мышлении и действии, Ушинский с изумительным мастерством реализует эту задачу в „Родном слове" и „Детском мире". Кроме того основного, что учебные статейки, помещенные в этих учебниках, построены в соответствии с принципом сознательности и активности в обучении, они снабжены умело составленными вопросами, загадками и разными упражнениями, заставляющими учащегося самостоятельно решать трудные, но посильные задачи. Этому служат также рисунки для бесед, помещенные в „Родном слове".

---

[1] К. Д. Ушинский, Главн. черты чел. организма в прилож. к искусству воспитания, журн. „Педаг. сборник", 1886 г., февраль, стр. 534.

[2] К. Д. Ушинский, Собр. пед. соч., т. I, Пед. поездка по Швейцарии, стр. 360.

2. Последовательность в обучении

Но чтобы обучение давало полноценные знания и навыки, оно наряду с „ясностью", должно характеризоваться и „систематичностью", т. е. последовательностью. Главной задачей принципа последовательности в обучении для Ушинского является построение всего процесса обучения на той основе, чтобы оно постепенно, в определенной последовательности, вырабатывало у учащихся единую систему знаний и навыков. „Степень этой стройности может служить лучшим мерилом развития и сосредоточенности души, а сосредоточенность души есть ее сила. Мы, конечно, не можем требовать от детской души, чтобы все представления, в ней хранящиеся, составляли одну систему, но мы должны подготовлять возможность такой системы в уме ученика и приучать его к внутренней работе над приведением в ясную и отчетливую стройность всего богатства его представлений"[1],—пишет Ушинский.

Одновременно Ушинский, в духе своей теории познания, систему знаний мыслил не как какую-то арифметическую сумму абстрактных, метафизических представлений, а между собой органически связанные, единые знания об объективно существующем мире. „Только система, конечно, разумная, выходящая из самой сущности предметов, дает нам полную власть над нашими знаниями. Голова, наполненная отрывочными, бессвязными знаниями, похожа на кладовую, в которой все в беспорядке, и где сам хозяин ничего не отыщет; голова, где только система без знаний, похожа на лавку, в которой на всех ящиках есть надписи, а в ящиках пусто",[2]—писал он.

Необходимым условием для осуществления принципа последовательности в обучении Ушинский, прежде всего, считал преподавание основ науки в соответствии с системой той или иной науки.

Ушинский считал односторонним как увлечение лишь фактами, без системы и обобщений, так и увлечение системой и обобщением без фактов. Он писал: „Излагать без связи описания тех или других естественных предметов и явлений—значило бы только бесполезно утомлять детскую память: излагать систему

---

[1] К. Д. Ушинский, Человек как предмет воспитания, т. I, стр. 272.

[2] К. Д. Ушинский, Собр. пед. соч., т. II, О первоначальн. препод. русск. языка, стр. 162.

естественных наук, не познакомив с ее частностями, значило бы нарушать основное правило здравой педагогики. Между этими двумя крайностями я старался найти середину, т. е. изложив сначала отрывочно несколько естественных предметов, сравнивал их потом между собою и, наконец, сводил эти частности по возможности в одну систему".[1]

Исходя из этого основного положения, Ушинский дает ряд ценных указаний о построении обучения в определенной методической последовательности. Сердцевиной этих методических указаний являются незыблемые педагогические формулы: „от конкретного—к отвлеченному", „от знакомого—к незнакомому", „от единичного—к сложному", „от частного—к общему и наоборот" и т. д. Отметив, что „самый логический ход развития ведет нас к тому, чтобы начинать с конкретных явлений и потом уже переходить к отвлеченностям,"[2] Ушинский писал: „Истинная педагогика, избегая обеих крайностей, даст ученикам прежде материал и по мере накопления этого материала, приводит его в систему. Чем более и разнообразнее накопляется материал, тем выше становится система и, наконец, достигает до отвлеченности логических и философских положений".[3] Он требовал, чтобы этот принцип был соблюден при преподавании любого предмета.

Говоря о соблюдении принципа перехода от единичных явлений к явлениям более сложным, как о необходимом условии рационального обучения, Ушинский писал: „На обязанности наставника, а также и учебника, руководящего самосознанием дитяти, лежит подбирать такие явления, слова, чтобы дитя постепенно переходило от явлений простых к явлениям сложным и употребляло выводы, сделанные им из прежних наблюдений, для уяснения новых и более сложных явлений".[4]

По мнению Ушинского, для последовательности в обучении необходимы твердо установленные организационные формы обучения и соответствующий режим учебно-воспитательной работы

---

[1] К. Д. Ушинский, Собр. пед. соч., т. II, Пред. к I изд. „Детск. мира", стр. 80.

[2] К. Д. Ушинский, Собр. пед. соч., т. II, Внутр. устр. сев.-амер. школ, стр. 61.

[3] К. Д. Ушинский, Собр. пед. соч., т. II, О первонач. препод. русск. яз., стр. 162.

[4] К. Д. Ушинский, Избр. пед. соч., т. II, Руков. к препод. по „Родн. слову", ч. II, стр. 398.

школы в целом. Так, с точки зрения систематичности обучения Ушинский обратил внимание и на такую сторону режима обучения, как, например, порядок приема учащихся в школу. По этому поводу он писал: „Конечно, если дети поступают в неопределенные сроки—сегодня приведут одного, через неделю—другого и так круглый год,—то никакое систематическое обучение невозможно".[1]

Но осуществление принципа последовательности в обучении не может быть достигнуто в отрыве не только от принципа сознательности и активности, но и от принципов наглядности и прочности усвоения знаний и навыков. Поэтому, наряду с принципами сознательности и систематичности обучения, Ушинский всегда указывал на необходимость построения обучения на принципах наглядности и прочности усвоения знаний, и безукоризненно осуществлял их единство и взаимозависимость в „Родном слове" и „Детском мире".

3. Наглядность в обучении

История использования наглядности в обучении почти так же стара, как история самого обучения. Однако, возведение ее на уровень всеобщего дидактического принципа связано с именем Коменского, который, на основе бекоповского материалистического эмпиризма, обосновал ее как „золотое правило" обучения. Правда, Песталоцци своей главной заслугой перед человечеством считал открытие этого принципа, но это, во-первых, объясняется тем, что Песталоцци не был знаком с учением Коменского, и, во-вторых, тем большим значением, которое придавал этот великий педагог-демократ наглядному обучению в формировании, в образовании человека. И Ушинский, несмотря на то, что в этой области многое уже было сделано его великими предшественниками, этот принцип развил в соответствии с новыми достижениями в науке, дал совершенно новое толкование многим важнейшим вопросам наглядного обучения и тем самым возвел этот принцип на новую, более высокую ступень.

Прежде всего надо учесть, что для Ушинского наглядность является не методом обучения, как ее часто считают и до настоя-

[1] К. Д. Ушинский, Избр. пед. соч., т. II, Рук. к препод. по „Родн. слову", ч. I, стр. 148.

щего времени, а общим дидактическим принципом, который должен пронизывать как содержание обучения, так и отдельные методы и приемы обучения. Лучшей иллюстрацией такого правильного понимания принципа наглядности представляют „Родное слово“ и „Детский мир“, эти „Orbis Pictus“ XIX века.

Исходным положением учения Ушинского о принципе наглядности и его роли в процессе обучения является его указание о том, что обучение должно строиться на живом созерцании, на конкретных образах, соблюдая дидактическую формулу—„от конкретного к отвлеченному“. „Что такое наглядное обучение?“—спрашивает Ушинский и отвечает: „Да это такое ученье, которое строится не на отвлеченных представлениях и словах, а на конкретных образах, непосредственно воспринятых ребенком: будут ли эти образы восприняты при самом ученьи под руководством наставника, или прежде самостоятельным наблюдением ребенка, так что наставник находит в душе дитяти уже готовый образ и на нем строит ученье. Этот ход ученья от конкретного к отвлеченному, от представления к мысли так естественен и основывается на таких ясных психических законах, что отвергать его необходимость может только тот, кто вообще отвергает необходимость сообразоваться в обучении с требованием человеческой природы вообще, и детской в особенности“.[1]

Из этого определения сущности наглядного обучения вытекает совершенно правильный вывод о том, что для Ушинского наглядность является не каким-то „высшим“ или „универсальным“ принципом обучения, могущим заменить даже учителя, как на это часто указывали представители так называемого „свободного воспитания“, а одним из таких условий обучения, которое, при руководстве учителя, наряду с другими условиями, обеспечивает получение учащимися твердых, полноценных знаний.

Ушинский дает принципу наглядности психологический анализ и он в связи с этим особо подчеркивает односторонность такого понимания наглядности, которое считает наглядным обучением только то, что связано лишь с зрительными ощущениями. Основное положение Ушинского в этом вопросе—цельность личности. По образному выражению Ушинского, „паук потому бегает так изумительно верно по тончайшим нитям, что держится не одним

[1] К. Д. Ушинский, Избр. пед. соч., т. II, 1939 г., Руков. к преп. „Родного слова“, 1939 г., стр. 155.

когтем, а множеством их: оборвется один—удержится другой", Развивая эту мысль дальше, он пишет: „Чем более органов наших чувств принимает участие в восприятии какого нибудь впечатления или группы впечатлений, тем прочнее ложатся эти впечатления в нашу механическую, нервную память и вернее сохраняются ею и легче потом вспоминаются. Мы скорее и прочнее заучим иностранные слова, если пустим при этом в ход не один какой-нибудь, а три или четыре органа нашей нервной системы: если мы будем читать эти слова глазами, произносить вслух голосовым органом, слушать, как произносим сами или как произносят другие, и в то же время писать их на доске или на тетради".[1]

Но интенсивность восприятия и, следовательно, качество освоения зависит не только от интенсивности внешнего раздражения, т. е. действия предметов внешнего мира на наши органы чувств, но, прежде всего, от психофизической направленности всей личности. По мнению Ушинского, „чем сильнее внимание, тем ощущение отчетливее, яснее... Внимание будет направлено на предмет восприятия, если оно базируется на предшествующем „опыте", т. е. если обучение идет от „знакомого к незнакомому". Исходя из этого положения, Ушинский пишет: „Трудно спорить против той совершенно логической мысли, что прежде всего должно познакомить человека с окружающим его миром и с предметами, которые он беспрестанно встречает в жизни и во многих других науках. Можно ли, например, изучать географию так, чтобы это изучение было совершенно сознательно и, следовательно, плодовито, не имея хотя бы общих понятий о предметах естественных наук?".[2]

Таким образом, Ушинский правильно определил место и значение принципа наглядности в общей системе дидактических принципов, превзойдя в этом отношении всех своих предшественников-дидактов. Правильное понимание принципа наглядности дало возможность Ушинскому умело сочетать принцип наглядности с другими принципами. Следует отметить, что в этом отношении „Родное слово" и „Детский мир" и до настоящего времени во многом сохраняют свое значение. Касаясь этой стороны „Детского мира",

---

[1] К. Д. Ушинский, Человек как предмет воспитания, т. I., стр 154.

[2] К. Д. Ушинский, Собр. пед. соч., т. II, Внутр. уст. сев.-амер. школ, стр. 61.

Ушинский писал: „Перебрав таким образом все роды предметов, избираемых обыкновенно для детских чтений, я остановился на предметах естественной истории. К этому побудило меня несколько причин. Во-первых—наглядность предметов. Дитя, начинающее учиться, должно не только понимать то, что читает, но правильно и зорко смотреть на предстоящий предмет, замечать его особенности, словом—учиться не только думать, но и созерцать, и прежде даже созерцать, чем думать".[1]

Такое понимание задач наглядного обучения и научное обоснование ее исходных положений как с точки зрения гносеологии, так и психологии, обусловили правильность методических путей осуществления принципа наглядности в обучении и воспитании. Особенно ценными в учении Ушинского являются его положения о наглядности в разрезе дидактики первоначального обучения. Его огромная заслуга в том, что он дал от начала до конца разработанную методику осуществления принципа наглядности в начальной школе, в особенности по родному языку.

Исходя из того положения, что „детская природа ясно требует наглядности"[2] и что „наглядное обучение должно бы, конечно, предшествовать умственным упражнениям и начинаться в самом раннем возрасте"[3], Ушинский считал необходимым, чтобы первые дни пребывания детей в школе представляли как-бы введение к их дальнейшей серьезной учебной деятельности. Поэтому он требовал, чтобы эти дни были насыщены наглядными беседами, чтобы наглядность полностью пронизывала содержание учебного дня педагогов. Не соглашаясь с теми педагогами, которые считали необходимым сделать наглядное обучение отдельным предметом в начальной школе, Ушинский вместе с тем считал целесообразным такое обучение в первые месяцы поступления детей в школу, т. е. до тех пор, пока дети начнут читать и пока объяснительное чтение можно будет соединять с наглядным обучением. Ушинский считал вредным отрыв наглядного обучения от „слова". „Облекая первоначальное учение в формы, краски, звуки—словом, делая его доступным возможно большему числу ощущений дитяти, мы

[1] К. Д. Ушинский, Собр. пед. соч., т. II, Пред. к I изд. „Дет. мира", стр. 77.

[2] К Д. Ушинский, Избр. пед. соч., т. II, Руков. к препод. по „Родному слову", стр. 156.

[3] К. Д. Ушинский, Собр. пед. соч., т. II, Пред. к I изд. „Детского мира", стр. 77.

делаем вместе с тем, наше учение доступным ребенку и сами входим в мир детского мышления",[1]—писал Ушинский, подчеркивая значение наглядности для развития мышления и дара слова учащихся.

Исключительно большое значение придавал Ушинский принципу наглядности в осуществлении одной из важнейших задач обучения—сделать учение основательным и вместе с тем как можно более легким. Он пишет: „Кто не замечал над собою, что в памяти нашей сохраняются с особенной прочностью те образы, которые мы восприняли сами посредством созерцания, и что к такой, врезавшейся в нас, картине мы легко и прочно привязываем даже отвлеченные идеи, которые без того изгладились бы быстро".[2]

Для наглядного обучения Ушинский основными средствами считал: 1) предметы в натуре или 2) модели рисунки и другие наглядные пособия, отображающие предметы и явления. Степень использования этих средств обусловлена возрастом учащихся, спецификой предмета и конкретного материала обучения и условиями технической обстановки школы. По мнению Ушинского, чем меньше возраст, тем больше должны прибегать к наглядному обучению.

Наглядным пособиям, в особенности картинкам, Ушинский придавал не только учебное, но и воспитательное значение, считая необходимым, чтобы педагог всегда обращал внимание на эту сторону наглядного обучения. „Показывание картинок и рассказы по ним—лучшее средство для сближения наставника с детьми. Ничем вы не можете так быстро разрушить стену, отделяющую взрослого человека от детей, и в особенности учителя от учеников, как показывая и объясняя детям картинки",[3]—пишет Ушинский.

Но для того, чтобы наглядные предметы и пособия имели свою педагогическую силу, т. е. чтобы они вызывали у учащихся работу мысли и интерес к разрешению определенной учебной задачи, по указанию Ушинского, необходимо преподносить учащимся эти предметы и пособия перед объяснением с тем, чтобы они представляли для них „новость", вызывали интерес. Наглядные предметы и пособия Ушинский считает лучшими средствами, способствующими поддержанию внимания учащихся, но при этом

[1] К. Д. Ушинский, Избр. пед. соч., т. II, Руководство к препод. по „Родному слову", ч. I, стр. 156.

[2] Там же, стр. 156.

[3] Там же, стр. 156—157.

предупреждает, что неправильное использование наглядности может привести к обратным результатам. Он пишет: „Картины не должны быть известны детям, не должны висеть в классе, иначе они потеряют свой интерес. Пусть учитель приносит в класс картину за картиной, меняя их тогда, когда все содержание картины будет беседою исчерпано и когда дети приобретут навык рассказывать картину порядочно для своего возраста. Успех и от такого наглядного обучения будет значительный; но пусть наставник не думает, что это наглядное обучение таково, как оно должно быть".[1]

Ушинский большое значение придавал наглядному обучению и наглядным пособиям для внедрения в детях навыка самостоятельного, последовательного изложения своих мыслей.

Особенно подчеркивал Ушинский значение наглядности для преподавания гражданской истории. „Душа наша,—писал он,—особенно легко, ясно и прочно усваивает то, что воспринимает через орган зрения и, вследствие того, может всегда представить себе в виде картины. Историческое происшествие, которое совершается в известной мне местности, с известной обстановкой, ход которого я могу провести по карте, врезывается в мою душу гораздо прочнее и вызывается из нее гораздо легче, чем то, которое совершается для меня на воздухе, в каких-то неопределенных пространствах".[2]

Исключительно большое значение, по мнению Ушинского, имеют школьные фронтальные картины по разным учебным дисциплинам. Поэтому он считал необходимым, чтобы школы приобретали педагогически оправданные картины. Он даже несколько переоценивал значение фронтальных картин и думал издать первую часть „Родного слова" без иллюстраций, мотивируя это тем, что картины должны быть изданы особо на больших листах и непосредственно применены к классному преподаванию по „Родному слову".

Создание и укрепление материальной учебно-технической базы обучения и ее рациональное использование должны составлять одну из первостепенных обязанностей для руководителей школ и учителей,—учит Ушинский.

---

[1] К. Д. Ушинский, Избр. пед. соч., т. II, Руковод. к преподав. по „Родному слову", ч. I, стр. 157.

[2] К. Д. Ушинский, Собр. пед. соч., т. I, Педаг. поездка по Швейцарии, стр. 385.

4. Принцип прочности усвоения знаний и навыков

Одним из самых основных показателей полноценности знаний и навыков и, следовательно, качества обучения, является степень прочности, твердости этих знаний и навыков. Поэтому естественно, что все великие педагоги-мыслители, весьма большое внимание уделяли этой стороне обучения. Они требовали, чтобы „обучение обеспечивало основательность и прочность знаний" (Коменский).

Ушинский не только освоил все лучшие положения своих предшественников и опыт передовой педагогической практики в этой области, но он, тесно увязав задачу прочного освоения с принципом сознательности обучения, возвел этот важнейший принцип прочного освоения знаний и навыков на новую ступень.

Известно, что основным средством для выработки у учащихся прочных знаний и навыков прежде всего являются повторения и упражнения. Поэтому от того, насколько правильно организованы повторения и упражнения, главным образом и зависит степень прочности знаний и навыков. Не случайно и то, что старинная народная поговорка о том, что „повторение—мать учения" сделалась как-бы всеобщим законом учения для всех времен и для всех народов.

Однако, Ушинский, так же как и Коменский, повел решительную борьбу против схоластическо-догматической постановки повторений и упражнений, против зубрежки и муштры, направленных на выхолащивание в детях всякой самостоятельной мысли, заглушающих в них способности, инициативу и творческую самодеятельность, подавляющих в учащемся свое „я".

Ушинский пошел по пути Коменского, требовавшего „не заставлять детей изучать что-нибудь наизусть кроме того, что хорошо осознано их умом" [1] и в основу повторений и упражнений положил сознательность, считая понимание учащимися содержания материалов повторения или упражнения необходимым условием рационального обучения. Не отрицая неизбежности механического запоминания ряда материалов, Ушинский все же для „работы механической памяти" считал абсолютно необходимой осознанность данных материалов и требовал подчинения механического запоминания логическому. „Изучая процесс памяти,—писал он,—мы уви-

[1] Я. А. Коменский, Великая дидактика, гл. XVII, § VII, п. 37, II.

дим, как бессовестно еще обращается с нею наше воспитание, как валит оно туда всякий хлам и радуется, если изо ста брошенных туда сведений одно как-нибудь уцелеет, тогда как воспитатель собственно не должен бы давать воспитаннику ни одного сведения, на сохранение которого он не может рассчитывать".[1] По мнению Ушинского, для прочного освоения знаний и навыков огромное значение имеет сознательная активность учащихся. „Но, если даже предположить,—пишет он,—что ученик поймет мысль, объясненную ему учителем, то и в таком случае мысль эта никогда не уляжется в голове его так прочно и сознательно, никогда не сделается такой полной собственностью ученика, как тогда, когда он сам ее выработает, только обратив внимание на сходство или различие уже укоренившихся в нем представлений. Вот почему, например, прежде чем излагать историю или теорию поэзии, следует прочно укоренить в памяти учеников образчики поэтических произведений того народа, об истории или поэзии которого мы хотим впоследствии говорить".[2]

Особо следует подчеркнуть, что одним из самых важнейших положений, впервые во всей своей полноте выдвинутых Ушинским, является его требование о том, что всякое повторение прежде всего должно преследовать задачу не воспроизведения в памяти уже забытого, а предупреждения забвения. „Повторение только тогда рационально,—учит Ушинский,—когда оно является предупреждением забвения, а не возобновлением забытого",[3] а потому „Воспитатель, понимающий природу памяти, будет беспрестанно прибегать к повторениям не для того, чтобы починить развалившееся, но для того, чтобы укрепить здание и вывести на нем новый этаж".[4]

Ушинский отдает должное также и принципу так называемого попутного повторения, когда каждое последующее знание в разных комбинациях содержит основные, узловые элементы предыдущих. По этому принципу и составлены все учебники Ушинского,

---

[1] К. Д. Ушинский, Человек как предмет воспитания, т. I, стр. XXIII—XXIV.

[2] К. Д. Ушинский, Собр. пед. соч., т. II, Главн. черты челов. орг. в прилож. к искус. воспитания, стр 188—189.

[3] Из Арх. Смольн. ин-та, опубл. Б. Чернышевым в журн. „Педаг. сборн.", 1912, янв., ч. неофиц., § 5.

[4] К. Д. Ушинский, Собр. пед. соч., т. II, Главн. чер. чел. орг. в прил. к искусст. восп., стр. 190.

в которых каждая последующая новая буква (в буквенный период обучения). каждое новое слово, каждое предложение и даже отдельные элементы рассказов или стихов повторяются равномерно и даны в иных комбинациях и сочетаниях. Такое целеустремленное попутное повторение направлено к тому, чтобы учащиеся полностью овладевали знаниями и могли свободно оперировать ими.

В соответствии с этим Ушинский различает два вида повторения и упражнения: пассивный и активный. Характеризуя каждый из них в отдельности, он пишет: „Повторение может быть двух родов, из которых одно мы назовем активным, а другое—пассивным. Пассивное повторение состоит в том, что ученик вновь воспринимает то, что воспринимал уже прежде; видит то, что уже видел, слышит то, что уже слышал, причем, как мы показали выше, следы ощущений углубляются. Активное повторение состоит в том, что ученик самостоятельно, не воспринимая впечатлений из внешнего мира, воспроизводит в самом себе следы воспринятых им прежде представлений".[1]

Понятно, что Ушинский отдавал предпочтение активному виду повторения и считал этот вид ведущим. Совершенно правильно и глубоко обосновывая эти преимущества и в плане педагогической психологии, Ушинский писал: „Активное повторение гораздо действительнее пассивного, и способные дети инстинктивно предпочитают его первому: прочитав урок, они закрывают книгу и стараются проговорить его напамять. Большая сила активного повторения, сравнительно с пассивным, заключается в сосредоточенности внимания. Можно прочесть десять раз страницу без внимания и не помнить; но нельзя ни разу проговорить этой страницы, не сосредоточив внимания на том, что говоришь, если не на самой связи содержания, то на связи слов, строчек, букв".[2]

Большое значение для закрепления знаний и навыков, по мнению Ушинского, имеют и специальные упражнения, направленные, как он говорил, на выработку, „нервных привычек". Так, указывая на методы обучения чтению и письму, Ушинский особенно заострял внимание именно на этой стороне обучения.

---

[1] К. Д. Ушинский, Собр. пед. соч., т. II, Главн. чер. чел. орг. в прил. к искусст. восп., стр. 190—191.

[2] Там же, стр. 191.

Совершенно прав Ушинский в своих высказываниях о том, что безупречно полноценные навыки через повторение и упражнение вырабатываются лишь при условии, если этими процессами также безупречно руководит преподаватель. В этом отношении исключительно большое значение он придавал правильной дозировке повторений и упражнений. „Однако,—пишет он,—и повторение нам не нравится, если оно беспрестанно, потому что деятельность, которую требует сознание при слишком частых повторениях, будет уже слишком ничтожна и, наконец, обратившись в навык, совсем прекратится".[1]

Г. ОРГАНИЗАЦИЯ И МЕТОДЫ ОБУЧЕНИЯ

Особое место в деле достижения учебно-воспитательных целей и задач Ушинский отводит методам обучения. „Человек, желающий чего-нибудь, лучше всех знает, чего желает, и потому сам же должен знать и средства достигнуть желаемого",[2]—писал он.

Считая правильное сочетание цели, содержания и средства обучения незыблемым законом всякого рационального обучения, Ушинский в то же время, отмечает, что во всяком изучении главную цель должно составлять самое содержание, а не форма, в которой оно излагается. По мнению Ушинского, цель обучения определяет средство обучения. „Как бы ни были чисты и возвышенны цели воспитания,—пишет он,—оно должно еще иметь силу, чтобы достичь этих целей; а если цель его будет чиста и высока, то и средства к достижению этих целей будут носить тот же характер".[3] Под „средством" обучения Ушинский в первую очередь подразумевал организационную форму обучения и методы обучения. Основной организационной формой обучения он считал урок, а под методом обучения он понимал единый путь передачи учителем знаний и навыков и усвоения их учащимися. Ушинский дал на высоком научном уровне разработанную теорию как о построении урока, так и об основных методах обучения и применения их в практической работе.

---

[1] К. Д. Ушинский, Человек как предмет воспитания, т. I, стр. 49.

[2] К. Д. Ушинский, Собр. неизд. соч., т. III, Лекции, чит. в Ярославском лицее. Материалы к биографии, стр. 57.

[3] К. Д. Ушинский, Собр. пед. соч., т. II, Три элемента школы, стр. 13—14.

1. Урок и его строение

Ушинский является горячим поборником классно-урочной системы организации учебных занятий в школе и необходимыми условиями для всякого рационального обучения считает: 1) класс как основную единицу, основное звено школы; 2) твердый, не меняющийся состав учащихся в классе; 3) строго регламентированные во времени занятия, устроенные по твердому учебному расписанию; 4) фронтальное занятие учителя со всем классом, с полным сочетанием этих занятий с задачами обеспечения рационального развития специфических способностей каждого учащегося; 5) сочетание коллективных форм занятий учащихся с индивидуальными на основе применения учителем активных методов обучения; 6) ведущую, руководящую роль учителя во всем ходе урока. Ушинский дальше развил классическое учение Коменского об уроке и поднял его учение на следующую, более высокую ступень.

Изучив передовую практику постановки обучения как у себя на родине, в России, так и в школах западно-европейских государств, главным образом в Швейцарии, Ушинский глубоко научно обосновал и показал все преимущества классно-урочной системы по сравнению с другими формами занятий и создал стройную теорию об уроке, история которого берет свое начало еще от Квинтилиана.

Главное в учении Ушинского об уроке, прежде всего, заключается в том, что он в основном правильно определил организационное строение урока и разграничил отдельные виды уроков. Если проанализируем взгляды Ушинского, касающиеся вопроса классификации уроков, можем выделить такие виды уроков, как: 1) урок смешанный, содержащий повторение пройденного и объяснение нового материала (самый распространенный вид); 2) урок устных и практических упражнений (т. е. повторений и закрепления знаний и навыков); 3) урок письменных упражнений; 4) урок оценки знаний. В первом случае исключительно большое значение приобретает объяснение нового, с подчинением всех других элементов этой задаче, во втором случае основной является задача закрепления, все же остальные элементы подчиняются ей; в третьем случае —развитие письменной речи, навыков и т. д. является определяющим весь ход урока, в четвертом—специальная оценка (четвертная или годовая) является главной целью урока.

При этом следует принять во внимание, что разрабатывая свою теорию урока, Ушинский, прежде всего, в плане первоначальной школы, считал возможным и даже необходимым сочетание этих общих видов урока в одном так называемом комбинированном уроке.

Ушинский, требуя от учителя использования с максимальной эффективностью назначенного для урока времени, обязывал его применять многообразные методы обучения, в нужном случае на ходу изменять направление урока. Он пишет:„ Наставник начинает свой урок беседою, выспрашивая у целого класса, что дети делали на прошедшем уроке, и ведет свою беседу к тому, чтобы в ответах детей вышла почти та статейка, которую им предстоит читать. Затем следует чтение, не прерываемое объяснениями, потому что все необходимое уже объяснено в предварительной беседе. Чтение идет так: сначала читает один ученик несколько предложений (вся статья состоит из коротеньких предложений), потом второй продолжает там, где остановится первый, и т. д., затем еще два или три ученика прочитывают всю статейку вполне. За чтением, при котором наставник добивается возможной ясности произношения, следуют вопросы такого рода: кто бывает в классе? где сидит учитель? где сидят ученики? что стоит возле учителя? чем пишут на классной доске? какие доски лежат перед учениками? и т. д. Когда на предлагаемые вопросы все ученики в классе отвечают правильно, громко и быстро, тогда наставник может комбинировать свои вопросы так: где сидит учитель и где ученики? что стоит возле учителя и что лежит перед учениками на скамьях? чем пишут на классной доске и чем на грифельной? и т. д. После этого ученики могут уже без вопросов повторить всю прочитанную статью. Затем следует сравнение того, что делается в описанной книжной школе с тем, что делается в школе действительной, где находится ученик. Из этого сравнения в голове дитяти возникает ясное представление как действительности, его окружающей, так и прочитанной статьи".[1]

Из этого описания хода урока видно также и то, какова должна быть, по Ушинскому, структура урока. На это указывает также и расположение каждого поурочного материала, помещенного в „Родном слове" и „Детском мире". Анализ всего этого дает нам

[1] К. Д. Ушинский, Избр. пед. соч., т. II, Руков. к препод. по „Родному слову", ч. II, стр. 185—186.

полное право сказать, что в деле правильного построения урока Ушинский огромное значение придавал точному разграничению урока и определению его структуры, разрешив этот важнейший вопрос организации процесса обучения более прогрессивно и научно, чем все предшествующие педагоги-дидакты.

О структуре урока в дидактике имеется ряд различных теорий. В буржуазной педагогике широко распространена теория гербартианцев, которые элементы процесса обучения отождествляют с этапами урока и структурными элементами урока считают те же самые известные формальные ступени обучения („ясность", „ассоциация", „система" и „метод" или их разные вариации). Мы считаем, чти правильное решение вопроса о структуре урока в основном первым дал Коменский, дальнейшая же разработка этого вопроса, несомненно, принадлежит Ушинскому. Как известно, Коменский определил следующие ступени обучения: 1) живое созерцание, 2) пояснение и 3) упражнение. В соответствии с этим он считал, что первое является „началом", второе—„продолжением", а третье —„концом" обучения.[1] И Ушинский определил следующие общие ступени обучения: 1) чувственное восприятие, 2) мыслительная переработка, абстракции, 3) закрепление в памяти и в привычках. Сообразно с этим в каждом уроке он подразумевал три последовательно связанных друг с другом части. Первая часть урока направлена на осуществление сознательного перехода от пройденного к новому и созданию у учащихся установки на интенсивное восприятие материала. По Ушинскому, эта часть урока является необходимым ключом, как-бы дверью урока. Вторая часть урока направлена на разрешение основной задачи урока и является как-бы определяющей, центральной частью урока. Третья часть направлена на подытоживание проделанной работы и на закрепление знаний и навыков. Таким образом, эта структура урока является не навязанной „сверху" схемой, вроде гербартовской, а выведена из практики и обоснована научно-психологически. Нами разработанная структура урока[2] всецело исходит из этих положений Коменского и Ушинского. Первую часть урока мы назвали вводной, вторую—основной и третью—заключительной частью урока.

---

[1] См. нашу книгу: „Дидактика Я. А. Коменского" 1941 г. на русск. яз., Тбилиси, стр. 75

[2] См. нашу книгу: „Принципы, организация и методы обучения", 1945 гг., на груз. яз., Тбилиси, стр. 93—168.

Практика советской школы ясно показывает, насколько правы Коменский и Ушинский в своих основных положениях о структуре урока. Именно такое правильное понимание структуры урока дает возможность учителю, в соответствии с конкретными задачами урока, строго разграничить его составные части и удельный вес каждой этой части, умело и легко планировать урок и на высоком методическом уровне провести его.

Во всей учебно-воспитательной работе учителя и всей школы основным и решающим Ушинский считал подготовку и проведение урока, требующего от учителя большого педагогического мастерства и предварительной тренировки. „Сколько обдуманности в словах и задачах, сколько напряженного внимания, сколько привычки требуется со стороны учителя, чтобы занять на весь урок тридцать или сорок еще не окрепших, рассеянных детских голов,!“[1] —писал Ушинский.

Для проведения урока в соответствии с дидактическими требованиями Ушинский дает ряд весьма ценных указаний. Из них самыми основными являются его требования о планировании урока, о подготовке технических условий проведения урока, о сознательном переходе от пройденного к новому, об отдельных путях последовательного соблюдения дидактических принципов обучения, о дисциплине, о гигиеническом режиме и о рациональном чередовании занятый и т. д. Указав на то, что:“ а) все ученье должно совершаться в классе не только при учителе, но вместе с учителем... б) беспрестанно должно повторяться старое с прибавлением нового при каждом повторении, так, чтобы новое непременно строилось на старом; в) как можно меньший ежедневный урок; г) возможно меньшие годовые задачи в младших классах и постепенное увеличивание их в старших; д) при каждом годовом экзамене следует спрашивать все пройденное в прежних классах“[2],—Ушинский требовал, чтобы началом каждого урока являлось приведение в ясность, в систему предыдущих знаний. Такое начало урока он считал необходимым условием осуществления сознательности, последовательности и прочности в обучении.

Учение, построенное на прочном и сознательном усвоении предыдущего, Ушинский сравнивает с ростом сильного дерева. Он пишет: „Если такое учение можно сравнить с ростом сильного

---

[1] К. Д. Ушинский, Собр. пед. соч., т. II, Внутр. устр. сев.-амер. школ, стр. 54.

[2] К. Д. Ушинский, Собр. пед. соч., т. I, Пед. поездка по Швейц., стр. 369—370.

дерева, которое с каждым годом приобретая новые ветви, вместе с тем утолщает, и укрепляет свой корень, то ученье, которое прошли мы в наших гимназиях, можно уподобить пьяному вознице с дурно увязанной кладью: он все гонит вперед, не оглядываясь назад, и привозит домой пустую телегу, хвастаясь только тем, что сделал большую дорогу".[1]

Ушинский строго осуждает таких педагогов, которые для облегчения и упрощения своей работы избирают наиболее легкий путь, занимаясь не с целым классом, а с одним или несколькими учениками. По его мнению, „вся тяжесть школьного занятия при таком преподавании, весьма легком для учителя и потому весьма употребительном, падает на ученика",[2] а потому такое обучение не может принести ничего, кроме вреда. Наилучшим мерилом, показателем качества урока Ушинский считал умение педагога занять весь класс, мобилизовать внимание каждого учащегося. „Уменье учителя занять в свой урок всех учеников есть критериум учительского достоинства",[3]—пишет Ушинский.

Урок достигает своей цели, когда ему дано определенное, строго обдуманное направление, с умелым подбором преподносимого материала. „Искусство преподавательницы состоит в том, —учит Ушинский,—что она рельефно выставляет главную мысль как главный факт урока, беспрестанно его повторяет и заставляет повторить детей, сначала, способнейших, потом слабейших и потом мало-по-малу логически привязывает новые мысли и новые факты к основным, уже прочно укоренившимся в самых рассеянных головках".[4]

Отсюда понятно, что Ушинский решающее значение придавал объяснению учителя. В школе само по себе „не в опытах главное дело, а в объяснениях и в том уменьи, с которым преподавательница заставляла класс участвовать в этих объяснениях",[5] —пишет Ушинский. Одним из основных моментов при проведении урока, по мнению Ушинского, является порядок задавания уча-

---

[1] К. Д. Ушинский, Собр. пед. соч., т. I, Пед. поездка по Швейцарии, стр. 369.

[2] К. Д. Ушинский, Собр. пед. соч., т. II, Внутр. устр. сев.-амер. школ, стр. 54.

[3] Там же, стр. 55.

[4] К. Д. Ушинский, Соб. пед. соч., т. I, Пед. поездка по Швейцарии, стр. 367.

[5] Там же, стр. 392.

щимся вопросов, их вызова и выслушивания. „Дело заметно подвигается вперед, весь класс работает, вопрос наставницы обращен к целому классу, так что все ученицы готовят ответ и потом уже отвечает на него та, которую спросят",[1]—пишет он.

В целях поддержания активности и внимания учащихся на уроке, Ушинский требовал от учителя, чтобы он особое внимание уделял правильному чередованию трудностей и легкостей как на уроке, так и в общем распределении предметов. Так, требуя правильного составления расписания уроков, он писал: „Назначение одного урока в неделю на какой бы то ни было предмет, особенно в младших классах, не может принести большой пользы. Расстояние от одного урока до другого так велико, что дитя легко позабывает, что было выучено им в прежний урок, и самое впечатление урока быстро изглаживается в неокрепшей детской природе. Но если в день урока придется праздник, то дитя легко позабывает даже, о чем было дело".[2]

Указывая на необходимость организации некоторых пауз внутри урока,—физкультурных минутах, хоровом пении и других видах „передышки", Ушинский говорил: „Дайте ребенку немного подвигаться, и он подарит вас опять десятью минутами внимания, а десять минут живого внимания, если вы сумели ими воспользоваться, дадут вам в результате больше целой недели полусонных занятий".[3]

Так же, как и Коменский, по образному выражению которого „школа без дисциплины—что мельница без воды", важнейшим условием плодотворного проведения урока Ушинский считал сознательное отношение учащегося к своему долгу—учиться. Главным пороком старой школы он признавал суровую дисциплину, палочный режим и указал на правильные пути построения обучении на основе сознательной дисциплины учащихся. Вскрывая причины, порождающие недисциплинированность учащихся на уроках. Ушинский пишет: „В старой школе дисциплина была основана на самом противоестественном начале—на страхе к учителю, раздающему награды и наказания. Этот страх принуждал детей не только к несвойст-

[1] К. Д. Ушинский, Собр. пед. соч., т. I, Пед. поездка по Швейц. стр. 371.

[2] Из Арх. Смольн. ин-та, опубликов. Чернышевым в журн. „Пед. сборник", 1912 г., январь, ч. неофиц., стр. 6.

[3] К. Д. Ушинский, Собр. пед. соч., т. I, Пед. поездка по Швейц., стр. 364.

венному, но и вредному для них положению: к неподвижности, классной скуке и лицемерию".[1]

Главное условие поддержания сознательной дисциплины на уроке, по мнению Ушинского, это, прежде всего, заинтересованность учащихся учебным процессом и проведением учителем урока на высоком педагогическом уровне. „Если мы устроили наш класс по началам, высказанным выше, если мы ввели в него порядок и стройность в занятиях, не утомляя детей слишком продолжительным для их возраста занятием в одном направлении и в то же время не допускаем и классной скуки, не оставляя ни на одну минуту ни одно дитя без дела; если мы сумели сделать эти занятия занимательными для ребенка и в то же время собственной своей ровностью и серьезностью, никогда, впрочем, не переходящей в суровость, внушили детям уважение к исполнению своих обязанностей; если сделали эти обязанности не слишком легкими, чтобы их нельзя было заметить, ии слишком трудными, чтобы погнулась под ними слабая натура дитяти; если не требуем от ребенка развития, которого он еще не достиг, и даем достаточную пищу тому, которое в нем в настоящее время совершается; если, наконец, нравственная природа наша такова, что дети могут полюбить нас,—то классная дисциплина в наших руках",[2]—учит Ушинский.

2. Характеристика методов обучения

На уроке учитель обучает и, обучая, воспитывает учащихся применением миогообразных методов, средств, приемов обучения. Качество этого процесса во многом зависит от того, какие методы использует учитель и с каким мастерством делает процесс обучения на уроке активным и сознательным процессом для каждого учащегося. Ушинский потому и считал методическое мастерство учителя одним из необходимых условий высококачественного построения всего обучения и рациональной насыщенности учебного времени в целом. „Я убежден,—писал он,—что усовершенствование педагогических приемов приведет к еще большему умению пользоваться временем и что даже то число часов, которое наз-

[1] К. Д. Ушинский, Избр. педаг. соч., т. II, Руков. к препод. по „Родн. слову", ч. I, стр. 150.

[2] Там же, стр. 150.

начают теперь в лучших школах для первоначального обучения, со временем покажется слишком большим".[1]

Как известно, Ушинский учение о методах обучения делил на 2 части: общую и частную.[2] 1) Первая, общая дидактика, изучает общие основы обучения и принципы (общие для всех дисциплин) методов обучения. Вторая, частная дидактика, является применением основ общей дидактики к отдельным учебным дисциплинам и изучает методы их преподавания. К частной дидактике Ушинский главным образом относит методику первоначального обучения. „Дидактика,—писал он,—не может иметь и претензии перечислить все правила и приемы преподавания. Она только указывает на главнейшие правила и на наиболее выдающиеся предметы. Практическое же применение их бесконечно разнообразно и зависит от самого наставника. Никакая дидактика и никакой учебник не могут заменить наставника: они только облегчают сму труд".[3]

В соответствии с духом направления своей гносеологии и учитывая данные педагогической теории и практики, Ушинский дает определенную классификацию методов обучения: „Два главные метода преподавания и учения: 1) метод синтетический, 2) метод аналитический. Особенная приложимость того или другого метода к разным предметах, изучения. Необходимость их соединения во всех предметам, как результат соединения обоих методов. Приемы преподавания: 1) прием догматический или предлагающий, предложение предметное и предложение словесное. Необходимые условия того или другого. 2) Прием сократический или спрашивающий. 3) Прием эвристический или дающий задачи. Правила задач. Прием акроматический или излагающий. Правила изложения. Особенная приложимость этих приемов по возрастам и приемам учения. Необходимость их соединения в каждом преподавании".[4]

Из всего этого ясно видно, что, во-первых, Ушинский считает односторонним такое обучение, которое построено только

---

[1] К. Д. Ушинский, Избр. пед. соч., т. II, Руков. к препод. по „Родн. слову". ч. I, стр. 148.

[2] Ц. Г. Арх. ВПК и Б, фонд канц. ведом. импер. Марии, д. № 150, Программа педаг. курса для женских уч. зав.

[3] К. Д. Ушинский, Собр. пед. соч., т. II, Руков. к преп. по „Родн. слову", ч. II, стр. 439.

[4] Ц. Г. Арх. ВПК и Б., фонд канц. ведом. имп. Марии, д. № 150. Программа педаг. курса для женск. учебн. завед.

лишь на индукции (синтетический путь) или на дедукции (аналитический путь), и требует их соединения в процессе обучения; во-вторых, он правильно разграничивает методы устного изложения, указывая на диалогические (сократический метод) и монологические (догматический метод, акроматический метод) формы их применения. Конечно, эта классификация Ушинского является неполной, она лишь отражает методы устного изложения, но из „его руководства" и других дидактических работ видно, что наряду с этими методами Ушинский особо важное значение придавал таким методам обучения, как лабораторно-практическая работа, устные и письменные упражнения, работа над книгой и т. д.

Рассмотрим в кратких чертах основные из них.

а. Эротематические методы (беседа, эвристика)

Одним из лучших методов устного изложения Ушинский считал диалогический или, как он говорил, сократический путь. „Лучшим способом перевода механических комбинаций в рассудочные мы считаем для всех возрастов, и в особенности для детского, метод, употреблявшийся Сократом и названный по его имени сократическим".[1]

Говоря о „громадной пользе" этого метода Ушинский указывал: „Если наставник хочет, чтобы дитя ясно поняло и действительно усвоило какую-нибудь новую для него мысль, то лучше всего достигает этого сократическим способом".[2]

Однако, Ушинский не считал этот метод методом передачи нового, как это ошибочно полагают некоторые педагоги, а методом „более яркого разъяснения, толкования уже объясненного". „При сократическом методе, собственно говоря, не дается никаких новых рядов и групп представлений, но уже существующие ряды и группы приводятся в новую рассудочную систему",[3]—учит Ушинский.

Как известно, эффективность этого метода зависит от того, насколько правильно формулирует педагог вопросы, в какой по-

---

[1] К. Д. Ушинский, Собр. пед. соч., т. II, Главн. черты чел. орг. в прилож. к иск. восп., стр. 187.

[2] Там же, стр. 187.

Там же, стр. 187.

следовательности задает он их ученикам, как втягивает весь класс в ответ на вопросы и, наконец, как реагирует педагог на ответы учащихся. По всем этим вопросам Ушинский дает весьма ценные, вполне обоснованные указания.

„Хорошо понятый вопрос,—писал Ушинский,—есть уже половина ответа", а потому он требовал от учителя ставить вопрос ясно, отчетливо, понятно для учащихся. Он различал два вида вопросов: фронтальный и индивидуальный. Фронтальный вопрос должен охватить весь класс, а индивидуальный—отдельных учеников. Первый как правило, в большинстве случаев применяется для разъяснения материала или общего спрашивания, второй—при спрашивании отдельного учащегося. При этом Ушинский считает правильным и необходимым, чтобы: „Сначала высказан был преподавателем вопрос, а потом уже назван ученик, который должен на него отвечать. Этот очень простой прием чрезвычайно поддерживает внимание целого класса: все ученики слушают вопрос и все мысленно приготовляют ответ".[1] Придавая такое важное педагогическое значение порядку постановки вопросов перед классом, Ушинский отмечает, что „ученики же, которые могут отвечать на заданный вопрос, должны слегка поднять руку, и потом уже учитель называет фамилию ученика, который должен ответить на вопрос".[2]

Особенно подчеркивает Ушинский значение правильного чередования трудных и легких, а также основных и дополнительных вопросов и требует от каждого учителя заранее обдумать их самым тщательным образом.

6. Акроаматические методы (рассказ)

Из всех методов устного изложения акроаматического типа Ушинский исключительно большое значение придавал методу рассказа. Путем рассказа, этого сплошного монологического изложения материала, учитель передает учащимся, главным образом, новые знания. Поэтому этот метод, метод живого слова, по праву занимает ведущее место среди методов обучения вообще и на комбинированных уроках, в особенности.

---

[1] К. Д. Ушинский, Собр. пед. соч., т. II; Пред. к I изд. „Дет. мира", стр. 85.

[2] К. Д. Ушинский, Собр. пед. соч., т. II, О первонач. препод. русск. языка, стр. 150.

Правильное применение этого метода и, следовательно, его эффективность, прежде всего, обусловливается содержанием рассказа, языком, формой изложения, соответствием изложения уровню развития учащихся и правильным чередованием его с другими методами.

Ушинский подметил важнейшие стороны этого метода и дал в этом направлении ряд ценных указаний научно-методического характера. Приведем некоторые из них, имеющих актуальное значение для нашей школы:[1]

1) „...Мастерски веденный рассказ, где главная идея выдается далеко вперед, а побочная естественно к ней привязывается, где есть моменты отдыха для ребенка,—такой рассказ врезывается легко в душу дитяти и так же легко ею воспроизводится".

2) „... Хорошие рассказчики передают события не как нечто давно прошедшее, но как-будто происшествие только вчера ими виденное или слышанное. Интерес, который они сами принимали в рассказываемом событии, возбуждал к нему интерес в детях".

3) „... Та речь действительно хороша, которая выражает как-раз то, что должна выразить: ни более, ни менее. Всякие украшения речи, не имеющие отношения к ее содержанию, только портят ее".

4) „... Необходимо приучить детей не только читать, но и слушать внимательно, а потом усваивать и передавать слышанное. Искусство классного рассказа встречается в преподавателях не часто,—не потому, чтобы это был редкий дар природы, а потому, что и даровитому человеку надо много потрудиться, чтобы выработать в себе способность вполне педагогического рассказа".

5) „... Педагогический рассказ не только должен отличаться занимательностью, как и всякий другой, но заключать в себе еще чисто педагогические качества: он должен быть таков, чтобы мог легко запечатлеться в голове детей, чтобы, дослушав рассказ до конца, дитя помнило его середину и начало, чтобы подробности не затемняли главного, и чтобы главное, будучи лишено подробностей, не оказалось сухим".

6) „... Предметом рассказов может быть все доступное пониманию детей; если учащий сам не обладает запасом детских

---

[1] Порядок—1, 2, 3, и т. д. принадлежит нам.—Д. Л.

рассказов, то может извлечь их из детских книг и хрестоматий, но такой заимствованный рассказ должен быть не только усвоен предварительно учащим, но переработан им совершенно, так, чтобы в рассказе не слышно было чужой фразы".

Все эти основные положения Ушинского об отдельных моментах метода рассказа сохраняют свою жизнеспособность для советской школы и дидактики.

в) Упражнения

Для закрепления знаний и навыков, полученных посредством применения в обучении разных методов преподавания, Ушинский весьма большое значение придавал упражнениям. Он считал их основным средством, основным методом как для твердого запоминания полученных знаний, так и методом превращения их в навыки (например, чтения, письма, трудовой деятельности и разного вида поведения человека).

Упражнения Ушинский делил на три вида: 1) упражнения устные, 2) упражнения письменные, 3) упражнения практические (постановка опытов, трудовая деятельность и т. д.). Наряду с этим Ушинский различал упражнения попутные и упражнения специальные. Первого рода упражнения подразумевают повторение пройденного с включением последнего в новом, в разных комбинациях и сочетаниях—оно является необходимым спутником каждого обучения (например, закрепление навыка писать буквы и др.), а второго рода упражнения представляют собой специально проводимое многократное повторение материала до тех пор, пока не будет достигнута конкретная задача упражнения (например, упражнения в письме по выработке навыков правильного начертания буквы, заучивание стихотворений, фронтальные, общеклассные упражнения по разным учебным материалам и т. д.). Ушинский устанавливает по всем этим видам упражнений особые правила, главным образом в плане методики преподавания родного языка в начальной школе. Общедидактические основы же этих правил, как это мы видели при рассмотрении взглядов Ушинского о принципе

[1] См. подглаву о дидактических принципах, а также о памяти и вапоминании—Д. Л.

прочности знаний, вытекают из основного положения, что „повторение есть мать обучения".

3. О домашних заданиях

В некоторых работах об Ушинском встречаются совершенно незаслуженные упреки по адресу Ушинского, якобы, он в домашних заданиях видел излишнюю и бесцельную перегрузку учащихся и отрицал их. На самом же деле Ушинский выполнение учащимися домашних заданий считал необходимым видом учебных занятий, составной частью обучения. Правда, у него мы найдем указание на то, что учение должно заканчиваться на уроке, но оно касается исключительно периода обучения грамоте и в этом отношении Ушинский в основном прав.

Под домашним заданием Ушинский понимал продолжение учебного процесса, начатого в классе, в целях полного освоения и закрепления того, что было объяснено на уроке. „Без домашних уроков учение может подвигаться вперед лишь очень медленно".[1] „Классного времени так мало, что грех тратить его на чтение сказок и побасенок, и вообще я думаю, что детей десятилетнего возраста должно уже приучать к серьезному труду, соразмерному, конечно, с их силами и с их понимвнием",[2]—писал Ушинский.

Домашнюю учебную работу учащихся Ушинский считал как одну из самых основных форм самостоятельной работы учащихся, руководящая роль в процессе выполнения которой должна принадлежать учителю. Ученик на каждом шагу должен чувствовать. это руководство, хотя бы и в отсутствии учителя. Поэтому понятно, почему Ушинский особое значение придавал правильной дозировке домашнего задания в соответствии со спецификой содержания учебного материала и с уровнем развития детей. Критикуя старую школу, применяющую домашние задания без учета их особенностей и превращающую эти задания в средство бессмысленной зубрежки, Ушинский требовал, чтобы домаш-

[1] К. Д. Ушинский, Собр. пед. соч., т. I, Пед. поездка по Швейцарии, стр. 388.

[2] К. Д. Ушинский, Собр. пед. соч., т. II, Предисл. к I изд. „Детского мира" стр. 79.

ние задания основывались на полном понимании учащимися в школе того, что они должны выучить и освоить, а не зазубрить дома. Одновременно он требовал, чтобы домашние „уроки" (т. е. задания) давались лишь после того, как дети уже получили некоторые навыки самостоятельной работы под непосредственным руководством учителя в условиях классных занятий.

Ушинский решительно выступал против отупляющей механической зубрежки и проведения домашних заданий на основе взваливания всей тяжести обучения на плечи учащихся. „Задача уроков на дом и, вследствие того, возложение почти всего труда учения на одних учащихся, есть одно из наибольших зол, одолевающих наши русские училища. Послушайте только как иной ученик твердит свой урок и вы убедитесь, что из этого задавания уроков на дом не выходит ничего хорошего, а очень много дурного: „Моисей... Моисей... Моисей... жил... жил... жил у тестя... тестя... тестя своего Иофора... Иофора... Иофора... тестя своего..." и т. д., или: "Круг есть..- круг есть кривая" и т. д. Какой же толк может выйти из такого учения?",[1]—спрашивает Ушинский.

Эти указания Ушинского и сейчас особенно поучительно звучат для тех учителей, которые в последнее время перегнули палку в сторону зубрежки.

4. Об оценке знаний и об экзаменах

О проверке и оценке знаний учащихся, равно как и об экзаменах, у Ушинского нет специально разработанной теории и точных указаний, но на основе его учения по вопросам дидактики и по его учебникам нетрудно составить себе представление об его взглядах по этому вопросу. В этом отношении в некоторой степени помогают архивные материалы, как, напр., „Проект Ушинского о преобразовании Гатчинского сиротского института".

Из изучения всех этих материалов можно заключить, что проверку и оценку знаний учащихся Ушинский рассматривал как

[1] К. Д. Ушинский, Собр. пед. соч., т. I, Пед. поездка по Швейцарии, стр. 367.

неотъемлемую часть педагогического процесса, имеющего целью, с одной стороны, приведение в систему знаний и навыков учащихся, с другой же стороны, выработку у учащихся стимула учиться прилежно и итти вперед. Такое понимание учебно-воспитательной задачи проверки и оценки знаний учащихся в корне отличается от той официальной системы проверки и оценки знаний учащихся, которая строилась на основе жестокой дисциплины, страха и бездушного, бюрократического отношения учителя к учащимся.

В то же время Ушинский был очень далек от всякого рода либеральных настроений в оценке знаний и требовал объективного подхода к каждому учащемуся и справедливой оценки уровня знаний учащихся. Таковы были его требования и в отношении переводных и выпускных экзаменов.

Весьма большое значение во всей системе проверки и оценки знаний учащихся Ушинский придавал соблюдению принципа индивидуальной и всесторонней проверки знаний. Он считал необходимым, чтобы перед тем, как учащиеся будут допущены к экзаменам, были изучены данные о каждом из них. „В списке воспитанников,—писал он,—представляемых к экзамену, должна быть подробно изложена история воспитания каждого и мнение о каждом из них, как его частного воспитателя, так начальника и совета школы".[1]

Велико, по мнению Ушинского, значение систематических знаний. Поэтому он требовал, чтобы при каждом переводном или выпускном экзамене учащихся спрашивали пройденные материалы не только за весь год, но и за предыдущие классы. „При каждом годовом экзамене следует спрашивать все пройденное в прежних классах",[2]—писал он.

Считая справедливый и объективный подход основой всякой оценки и вместе с тем рассматривая экзамены как проверку не только учащегося, но и как форму контроля работы и учителя, и школы в целом, Ушинский требовал, чтобы на экзаменах присутствовали руководители учебного заведения, а также лучшие педагоги. „На этом экзамене должно присутствовать начальство сиротского заведения

---

[1] К. Д. Ушинский, Собр. пед. соч., т. I, Проект учит. семин., стр. 289.

[2] К. Д. Ушинский, Собр. пед. соч., т. I, Педаг. поездка по Швейцарии, стр. 370.

и учительской семинарии и все лучшие его педагоги с тем, чтобы проверить справедливость представленных соображений о каждом воспитаннике"[1]—писал Ушинский по вопросу о переводных экзаменах из класса в класс.

Ушинский, стоял за пятибальную цифровую систему оценки знаний и требовал соблюдения полной объективности в оценке.

Д. ПРИМЕНЕНИЕ ДИДАКТИКИ К ЧАСТНЫМ МЕТОДИКАМ

Ушинский свою дидактическую теорию построил на основе глубокого изучения учебно-воспитательной практики школы и учителя в соответствии со своими методологическими воззрениями. В этом смысле дидактика Ушинского представляет научное обобщение передового для того времени педагогического опыта как отечественной школы, так и школ зарубежных государств.

Но если дидактика, построенная на определенном гносеологическом принципе, своим источником имеет педагогический опыт и достижения отдельных методик и представляет собой обобщение этого опыта, т. е. теорию, устанавливающую общие закономерности обучения, то она сама является основой и источником методик обучения отдельным учебным дисциплинам, т. е. основой построения частной дидактики.

Лучшим образцом такого взаимоотношения дидактики с методиками является стройная теория первоначального обучения Ушинского, в частности, методика преподавания родного языка. Вполне права проф. Е. Петрова, когда пишет: „Разработанная Ушинским методика преподавания родного языка—драгоценнейший вклад в русскую педагогику".[2] Более того, не будет преувеличением сказать, что педагогическая литература во всем мире до Ушинского не знала такой стройной и научно-обоснованной теории о первоначальном обучении родному языку, какую дал Ушинский. А потому, как справедливо пишет член-корреспондент Академии педагогических наук проф. В. Я. Струминский, „в ряду многочисленных неоспоримых заслуг Ушинского перед русской педаго-

---

[1] К. Д. Ушинский, Собр. пед. соч., т. I, О проектд учит. снминар., стр. 289.

[2] Проф. Е. Петрова, Ушинский о родном языке, „Учительская газета", 1945 г., 4.XII, № 49.

гикой, классически четко проведенная им разработка вопросов методологии и методики преподавания родного языка в школе должна быть отмечена как одна из основных".[1] И что особенно важно, едва ли во всей домарксовой педагогической литературе можно указать на лучший пример применения своих дидактических и методических принципов обучения к составлению учебников, как это с высоким, непревзойденным мастерством осуществлено Ушинским в его учебниках „Родное слово" и Детский мир", которые по отзыву А. П. Флерова, „явились не только результатом пристальной вдумчивости в учебное дело, но вместе с тем отразили и теоретические взгляды составителя".[2] Друг Ушинского по университету Ю. Рехневский еще в 1871 году говорил: „Детский мир" и „Родное слово" Ушинского займут в истории образования такое же место, как „Orbis sensualum pictus". Сбылись предсказания дореволюционных передовых учителей относительно учебников Ушинского, что „Рано или поздно придется обратиться к этим вечно юным перлам детской литературы".[3]

Советская педагогическая наука и советская школа широко используют никогда не теряющие своего значения и ценности учебники Ушинского. Основной причиной этого является осуществление в них принципов передовой теории обучения. Именно это и имеет ввиду Е. Н. Медынский, когда пишет об Ушинском, как об „отце русской начальной школы".[4] Считая родной язык стержнем обучения в первоначальной школе, Ушинский дал не только научно-разработанную „частную дидактику" преподавания родного языка, свое бессмертное „Руководство" (к преподаванию по „Родному слову", ч. ч. I и II) для учителя, но и основные источники знаний учащихся, разработанные в единстве с установками методики—„Родное слово" и „Детский мир". Появление „Родного слова" знаменовало собой изгнание из школы мучительного для

---

[1] Проф. В. Я. Струминский, Родной язык в школе, к 70-ти летию со дня смерти К. Д. Ушинского, журн. „Русский язык в школе", 1940 г. № 3, стр. 56.

[2] А. П. Флеров, К. Д. Ушинский, Воронеж, 1896 г., стр. 15.

[3] Ю. Рехневский, К. Д. Ушинский, „Вестн. Европы", 1871 г. 1 февр., стр. 883.

[4] Е. Н. Медынский, Отец русской нач. школы, „Учит. газета" 1944 г., 1.III, № 10.

детей утвержденного веками буквослагательного способа обучения грамоте и, по справедливому замечанию известного педагога, дирсктора Глуховского учительского института А. Беляевского „составило эпоху в нашей элементарной детской литературе".[1] „Вдруг послышалась в школе живая, речь, раздался резкий, веселый детский смех",—пишет Миропольский в связи с оценкой роли „Родного слова" в жизни русской школы и народа в целом. Это, прежде всего, объясняется тем, что все три части „Родного слова" и „Детского мира" насквозь пронизаны принципом сознательности. „Каждый рассказ „Родного слова", каждая статейка вызывает в ребенке определенную мысль, давая или живые сцены из жизни людей (вместе тесно, а врозь скучно), или характерные черты того или другого животного („Лиса и дятел", „Спор животных"), или картинное изложение какого-нибудь производства (рубашка в поле выросла). Читая статью, ребенок „все время вращается среди живых образцов людей или среди природы",— пишет А. Корсакова.[2] „Детский мир", по удачной характеристике ученика и друга Ушинского Д. Д. Семенова, „преследует общеобразовательные цели..." составлен по принципу: „книга—мастерская гуманности".

Вот почему эти учебники явились незаменимыми руководствами в продолжение многих десятков лет и с честью выдержав все нападки со стороны реакционно настроенных руководителей дела народного образования. На „Родном слове" и „Детском мире" получил образование и воспитание ряд поколений не только русского народа, но и народов, входящих ныне в великий Советский Союз.

Но ценность учебников Ушинского этим не исчерпывается. Все известные и лучшие учебники, как, напр., учебники Бунакова, Тихомирова и др., являются подлинными детищами „Родного слова", носителями основных принципов преподавания родного слова, впервые высказанных Ушинским. И сегодняшние наши учебники в своем методическом построении, во многом обязаны Ушинскому. Некоторые рассказы, талантливо написанные детские стихи, статейки

---

[1] А. Беляевский, Историческое развитие элементарной школы, Глухов, 1877 г., стр. 97.

[2] Е. Я. Корсакова, Чем обязана моя дочь К. Д. Ушинскому в своем начальном обучении, „Русская школа", 1895 г., № 12, стр. 84.

Ушинского и сейчас включены в учебники родного языка не только русских школ, но и школ братских республик Советского Союза. Знаменателен и тот почин, который имел место в Ленинграде. Педагогический кабинет Куйбышевского района составил, размножил и распространил в школах своего района детскую библиотеку для внеклассного чтения из книжек Ушинского. В эти книжки внесены рассказы, стихи, загадки, пословицы и другие детские сочинения Ушинского, как, напр., „Одежда", „Пища и питье", „Какие бывают растения", „Спор животных", „Два петушка", „Прилежная собака", „Гусь и журавль", „Нескладно скроен, да крепко сшит", „Всякой вещи свое место", „Лиса и кувшин" и др. Отдельными хорошо оформленными листками были розданы детям также рассказы „Пчелка на разведках", „Как рубашка в поле выросла", „Капустная бабочка", „Проказы зимы", „Четыре желания", „Утренние лучи" и др.[1].

Ушинский разработал не только теорию преподавания родного языка, но наряду с этим он очень много сделал и в отношении методики преподавания арифметики, естествознания, иностранных языков и др.

Не задаваясь целью дать анализ учения Ушинского по всем этим методикам, ограничимся рассмотрением основных принципов методик преподавания родного и неродного языков с тем, чтобы иметь представление о приложении Ушинским основных положений дидактики к методике.

1. О преподавании родного языка

Степень приложения дидактики к методикам отдельных дисциплин Ушинский более всего отразил в своих учебниках. Научно-методическую же установку по этому вопросу Ушинский более отчетливо дает в своей программе педагогики. Раздел частной дидактики этой программы начинается так: „Предмет частной дидактики. Ее значение. Изменение правил общей дидактики

[1] См. „Учит. газ.", 1946 г., 16. 1, № 4. Этот опыт показывает, что многие детские сочинения Ушинского, с успехом могут быть изданы массовым тиражом, как детская литература для внеклассного чтения школьников.

различными предметами преподавания". Из этого ясно видно, что Ушинский требовал диференцированного приложения дидактики к отдельным методикам в соответствии с характером учебной дисциплины. На этом принципе и построена методика преподавания родного языка, разработанная Ушинским.

Средство обучения, учит Ушинский, обусловливается целью и содержанием воспитания. Указав на то, что „не нужно большой наблюдательности и большой учености, чтобы видеть, что язык, которым мы обладаем, не есть что-нибудь, прирожденное человеку, и не какой-нибудь случайный дар, упавший человеку с неба, но — плод бесконечно долгих трудов человечества, начавшихся с незапамятных времен и продолжающихся до настоящего времени в наследственной передаче от племени к племени и от одного поколения к другому" [1] и что „нельзя также сказать, чтобы это пренебрежение родным языком при первоначальном обучении не оставляло весьма печальных следов в нашем дальнейшем образовании",[2]—Ушинский писал: „Отечественный язык есть единственное орудие, посредством которого мы усваиваем идеи и знания, а потом передаем их".[3]

Исходя из принципа народности, Ушинский требовал „сделать в русской школе главными предметами русский язык, русскую географию, русскую историю, возле которых группировались бы все остальные, словом—обратить нашу школу к народности".[2]

Отсюда ясно видно, что Ушинский центром обучения считал русский язык, но не в ущерб другим дисциплинам, а с полным соблюдением принципа предметной системы и обеспечения каждой дисциплине своей самостоятельности. Поэтому нельзя здесь не отметить, как жестоко ошибались те, которые пытались найти в Ушинском представителя комплексной системы преподавания.

Принцип систематичности является для Ушинского основой обучения и именно на этом принципе и строил он методику обучения вообще и первоначального, в частности. Однако, он очень далек был от полной изолированности в преподавании от-

---

[1] К. Д. Ушинский, Избр. пед. соч., т. 1939 г., ч. II, рук. к преп. по „Родному слову", ч. II, стр. 389.

[2] К. Д. Ушинский, Собр. пед. соч., II, Отчет командированиого для осм. загр. женск. учеб. заведений стр. 246.

[3] Там же, стр. 246.

дельных предметов, в особенности в системе первоначального обучения. Поэтому и родной язык, как орудие мысли, в форме так называемого объяснительного чтения, а не комплексного обезличивания предмета, должен представлять собой связующее звено отдельных сведений и знаний о родной природе, истории родной страны, географии и т. д.

Большое мастерство в деле приложения дидактических принципов сознательности и наглядности в обучении, а также прочности знаний в методике обучения грамоте, делают методическое наследство Ушинского жизненной для преподавания родного языка в советской школе. Не случайно подчеркивается всеми особая заслуга Ушинского перед отечеством в этом отношении.

Существовавшая до Ушинского отжившая свой век средневековая схоластическая система преподавания грамоты по буквослагательному методу не только не давала возможности приобретать навыки к чтению и письму наиболее легким и кратким путем, но являлась „системой" отгораживания, изоляции широких масс народа от культуры, препятствием получения им образования. Старая школа со своей системой азов, буков и разных складов изматывала детей в течение нескольких лет и подавляющее большинство всего состава учащихся выпускала неграмотными и неучами, звуковой же метод Ушинского явился настоящим переворотом в системе обучения грамоте, разрушившим устои веками существовавшего буквослагательного метода и освободившим миллионы детей от слез и иссушивающей мозг зубрежки. Метод этот имел не только узкопедагогическое значение. Звуковой метод явился средством как-бы демократизации права на образование, обеспечивающим каждому без особого напряжения быстро и основательно овладевать навыками к чтению и письму.

Ушинский дает прекрасное определение преимущества звукового метода. Он пишет: „Достоинства его состоят в том, что он чрезвычайно рационален; учит сначала детей различать звуки, а потом изображать их, что он переходит со строгой постепенностью от легкого к трудному, сильно упражняет, а, следовательно, развивает в детях внимание, дает детям возможность самостоятельных занятий с первых же уроков и тем позволяет учителю заниматься разом с несколькими классами"[1]. Поэтому „Заслуга

---

[1] К. Д. Ушинский, Собр. пед. соч., т. II, Отчет команд. для осм. загр. жен. учеб. завед., стр. 242.

новой звуковой методы обучения грамоте именно в том и состоит, что она оторвалась от прежней искусственной, схоластической методы и обратилась на естественный исторический путь, обратилась прямо к изучению звуков, как элементов изустного слова, и их начертаний. Многие, однако же, в особенности у нас, еще не совершенно осознали преимущества звуковой методы, и если немного уже найдется таких, которые стоят за прежние азы и живете, то немало еще защитников последующих затем бе, ве, че, ем, ен и бесконечных таблиц складов, говоря, что и по этой методе выучивались читать также хорошо и скоро, как и по нынешней звуковой. Если бы это было и так (чего я, впрочем, не признаю), то и тогда я отдал бы преимущество звуковой методе на том основании, что она способствует умственному развитию дитяти, тогда как прежняя останавливала и замедляла это развитие и, кроме того, надоедала детям".[1]

Преимущества звукового метода Ушинский обосновывал и с точки зрения психологии и указывал, что этот метод дает возможность приучать ребенка учить вслух, потом учить глазами, произнося в то же время слова без звука и, наконец, только тогда уже замечать одни мысли.

Придавая большое значение звуковому методу, как средству развития мыслительных способностей учащихся, Ушинский особенно подчеркивал необходимость правильного сочетания изучения письма и чтения с целью умственного развития детей. „Я предпочитаю медленно приучать дитя к механизму чтения и письма: но вместе с тем развивать в нем способность внимания, устную речь, рассудок, обогащать его память живыми образами и меткими словами для выражения этих образов и вводить его понемногу в живой народный язык",[2]—пишет Ушинский.

Исходя из этой общей установки, основанной на дидактических принципах, Ушинский строит методику обучения чтению и письму. Обучение родному языку (грамоте), по Ушинскому, состоит из трех одновременно проводимых занятий: 1) наглядного обучения, 2) приготовительных упражнений в письме и 3) звуковых упражнений, приготовляющих к чтению.

---

[1] К. Д. Ушинский, Избр. пед. соч., 1939 г., т. II, Руководство к преп„Родного слова", ч. 1-ая, стр. 158.

[2] Там же, стр. 169.

Ввиду того, что „все эти три упражнения должны итти одновременно, сменяя одно другого в каждом уроке", как единый процесс, Ушинский требует, чтобы в изучении азбуки была соблюдена следующая последовательность: „При каждой новой букве идет сначала ее звуковое изучение, потом письмо ее в целом слове учителем на классной доске; далее, письмо слова с новою буквою учениками на своих досках; затем письмо с прописей, находящихся в „Родном слове"; и, наконец, переписка нового слова и целой фразы из печатной азбуки, начинающейся в „Родном слове" на стр. 28".[1]

Таким образом получается: 1) слово, его звуковой анализ, выделение звука-буквы, 2) письмо учителем целого слова на доске, 3) письмо учеником целого слова с новой буквой на доске, а потом переписка из книги с прописью, 4) упражнения в чтении этих букв следует за письмом до 10-го урока (письмо-чтение); таким путем изучаются буквы О, С, Ы, У, Е, И, Л, И, Ш, Я, В, Н, Я и Г, 5) после десятого урока обучающийся овладевает чтением буквы в слове в разных сочетаниях и эти упражнения и чтения сопровождаются параллельным упражнением в письме (чтение-письмо); таким путем и в такой последовательности изучаются следующие буквы: Т, М, П, Д, Ц, Ь, З, Р, Х, К, В, Ж, Е, Ч, Щ, Ф, Э.

Принципиальные основы звукового метода, впервые рекомендованного Ушинским, сохраняют свою силу и в наши дни. Правда, система чтения-письма охватила и первые десять уроков, как более отвечающая требованиям быстрого и твердого освоения навыков чтения и письма в своем единстве, изменилась также и последовательность в изучении букв, но все это не меняет общих принципов звукового метода, разработанного Ушинским.

Как известно, Ушинский ставил задачу так построить изучение родного языка в школе, чтобы оно обеспечивало: 1) „развитие дара слова", 2) „усвоение форм языка, выработанных как народом, так и литературой", 3) „усвоение грамматики". Исходя из этих целей обучения родному языку в начальной школе, Ушинский в системе методики первоначального обучения огромное значение придавал объяснительному чтению, насытив его содержание

[1] К. Д. Ушинский, Избр. пед. соч., 1939 г. т. II, Руков. к препод. по „Родному слову", ч. 1-я, стр. 163.

разнообразными, посильными для детей материалами, взятыми из реальной окружающей действительности.

Главным условием развития речи и мышления детей Ушинский считал преподавание на понятном для детей родном языке. Он писал: „Мало успеха будет иметь та школа, в которую дитя переходит из дома, как из рая в ад, и из которой оно бежит домой, как из темного ада, в котором все темно, чуждо и непонятно, в светлый рай, где все ясно, понятно и близко сердцу; а почти такое впечатление должна производить школа на дитя малороссиянина, когда оно начинает посещать это странное место, в котором одном только в целом селе и говорят на непонятном языке..."[1] „...Что с детьми начинают заниматься на том самом наречии, на котором они говорят дома, это, без сомнения, не только весьма разумно, но и не менее гуманно".[2]

Ушинский решительно выступает против формализма в обучении языку и требует, чтобы учащиеся увлекались не фразерством, не формой выражения мысли, а самым содержанием явления, предмета. „Не трудно убедиться,—писал Ушинский,—что формальное изучение языков противоречит и самой природе дитяти. Дитя, если оно еще не испорчено ложным воспитанием, не склонно к фразам: его прежде всего увлекает самая мысль, содержание, явление, факт, а не форма выражения мысли. Нельзя придумать более неприличного для дитяти, более старческого занятия, как забота об отделке форм. Это роскошь, желание которой приходит уже тогда, когда содержания в уме много, когда новое перестает нас сильно занимать; а для ребенка весь мир еще нов и занимателен".[3]

Поэтому развитие речи должно быть основано на принципе сознательности. „Наставник русского языка должен дать детям упражнения, возбуждающие мысль и вызывающие выражение этой мысли в слове",[4]—учит Ушинский.

Но чтобы процесс развития речи происходил на основе сознательности, Ушинский считал необходимым, чтобы одновременно

---

[1] К. Д. Ушинский, Собр. пед. соч., т. I, Педаг. поездка по Швейцарии, стр. 357.

[2] Там же, стр. 357.

[3] К. Д. Ушинский, Собр. пед. соч., т. II, Пред. к I изд. „Детского мира", стр. 73.

[4] К. Д. Ушинский, Избр. пед. соч., т. II, Руков. к преп. по „Род. слову", стр. 154.

обучение языку было основано на принципе наглядности. „Но чем вы возбудите мысль ребенка и вызовете у него самостоятельное слово, как не показав ему какой-нибудь предмет или изображение предмета“,[1] —замечает он.

На основах дидактики строил Ушинский также и методику преподавания грамматики родного языка. Он не только составил для своего времени блестящий учебник грамматики—„Родное слово“, ч. III, но создал также научно-обоснованную теорию о ее преподавании. Ушинскому пришлось преодолеть латинско-немецкие традиции в формальной грамматике и впервые поставить ее преподавание на научные рельсы.

Главное здесь заключается в том, что Ушинский систему изучения грамматики строит на основе принципа сознательности, а также систематичности и прочности знаний и навыков. Он требует от учителя построить обучение грамматики родного языка таким образом, чтобы оно развивало сознание дитяти, воспитывало в нем логическое мышление.

Ушинский дает вполне правильное указание относительно того, что систематическое изучение грамматики должно быть построено не на принципе формализма, а на полном понимании каждого грамматического правила. Он пишет: „Грамматика везде является только выводом из наблюдений над языком, уже создавшимся. Точно то же должно быть и в преподавании: каждое грамматическое правило должно быть выводом из употребления форм, уже усвоенных детьми“.[2]

Для того, чтобы грамматические формы изучались на основе их понимания и усваивались твердо, Ушинский считал необходимым установление связи между изучением грамматики и литературным чтением, а также использование разнообразных методов в соответствии с уровнем общего развития учащихся. „Точное понимание слов и оборотов, употребленных писателем, с одной стороны, вводит дитя в более и более сознательное обладание его собственных словесных богатств, а с другой—пополняет и исправляет эти богатства и дает, наконец, детям хорошие словесные привычки. Это уже само собой показывает, какого рода статьи должны

---

[1] К. Д. Ушинский, Избр. пед. соч., 1939 г., т. II, Руководство к преподаванию по „Родному слову“, ч. I, стр. 155.

[2] К. Д. Ушинский, Собр. пед. соч., т. II, О первоначальном преподавании русск. языка, стр. 157.

быть выбираемы для чтения и изучения наизусть в малолетних классах. Статьи эти должны отличаться правильностью языка, правильностью и логической, и исторической, т. е., другими словами, должны быть в одно и то же время и логичны, и народны. Правильность языка не должна быть только внешней, ибо такая правильность, гладкость и приятность, если они не сопровождаются логичностью, даже вредны: привлекая дитя блестками и погремушками, они именно приучают его к той болтовне, от которой мы хотели бы его охранить",[1]—пишет Ушинский.

Проф. Е, Н. Петрова, оценивая учение Ушинского о преподавании грамматики и осуществление этого учения в „Родном слове" и „Детском мире", пишет, что система Ушинского „прямо противоположна формалистическому направлению в методике русского языка, видевшему и начало и конец преподавания в наблюдении и накоплении форм. Нельзя отрицать изучения форм речи. Но у формалистов грамматика стоит вверх ногами, голова ее ученику даже и не видна. Ушинский ставит грамматику и культуру речи с головы на ноги. И лицо предметов становится явным".[2]

Как известно, Ушинский устанавливает тесную связь между преподаванием грамматики и изучением основ логики. В „Детском мире" IV отдел „Урока логики" посвящен изучению основных логических категорий: понятие, сходство, различие, суждение, явление, причина, следствие. В результате такой связи, с одной стороны, знание грамматики приобретает логическую стройность и делается более осознанным, с другой же стороны, оно воспитывает в учащихся логическое мышление, развивает способность облекать свои мысли в стройную логическую форму.

Таковы основные элементы методической системы преподавания родного языка в начальной школе, созданной Ушинским, которая с исключительным умением и мастерством применена им при составлении „Родного слова" и „Детского мира". Отсюда его требование, чтобы, в связи с преподанием курс частных методик, преподаватель педагогических учебных заведении основательно знакомил своих учащихся с учебниками отдельных дисциплин.[3]

---

[1] К. Д. Ушинский, Избр. пед. соч., 1939 г., т. II, к Руковод. к препод. по „Родн. слову", ч. II, стр. 397.

[2] Проф. Е. Петрова, Ушинский о родном языке, „Учит. газета", 1945 г., 4 декабря, № 49.

[3] Ц. Г. арх. ВПК и Б., фонд. канц. вед. имп. Марии, д. № 150, Программа педагогич. курсв для женск. уч. зав.

Ушинский не раз указывал на сложность и трудность составления учебников первоначального обучения, в особенности азбуки и книги для чтения по родному языку. Эту сложность Ушинский одолел на высоком научно-методическом уровне. Л. Н. Модзалевский, обращаясь к своему учителю и другу Ушинскому на прощальном обеде в 1864 году (в Петербурге), в своей речи сказал: „В последние два года вы честно работали на пользу нашего юношества и в своей литературной деятельности спустились до „азбуки" или, вернее, поднялись на самую высоту педагогической науки, педагогического творчества".[1]

И на самом деле, если бы Ушинский не оставил после себя ничего, кроме этих своих учебников, и тогда можно было бы получить основательное представление о тех главных методических и общедидактических принципах и закономерностях обучения, которые Ушинский дал в своих научно-педагогических работах в развернутом виде. В этом и сила дидактического учения Ушинского и его творческого приложения к методике родного языка.

2. О преподавании иностранных языков

В методической системе первоначального обучения Ушинский значительное место уделяет вопросам преподавания иностранных языков. Исходя из идеи народности и теории естественного сочетания (единства) классического и реального образования, Ушинский дал ряд таких ценных положений по вопросам постановки преподавания иностранных языков, с которыми не только не может не считаться советская педагогическая наука вообще, но она многое должна освоить и применить на практике.

Не задаваясь целью рассмотреть все учение Ушинского о преподавании иностранных языков, что является предметом специального исследования специалистов-методистов, укажем только на основное, при этом с точки зрения применения общедидактических закономерностей в преподавании иностранных языков. Это тем более необходимо, что в учении Ушинского о преподавании иностранных языков много таких положений, которые сыграли большую роль в разработке методики, а также в составлении учебников по неродному языку для начальных школ народов СССР.

---

[1] Памяти К. Д. Ушинского, 1896 г., стр. 167.

Ведя борьбу против недооценки изучения родного языка и за изжитие из практики школ такого положения, когда иностранные языки являются центром обучения, совершенно заслоняя родной язык и родную литературу, Ушинский вместе с тем для всестороннего и самостоятельного развития России совершенно необходимым считал знание иностранных языков широкими массами народа. „Мы не вооружаемся вообще против изучения иностранных языков,—писал Ушинский,—напротив, мы находим это изучение необходимым в воспитании людей образованного класса и в особенности у нас, в России. Мы скажем более: знание европейских иностранных языков, и в особенности современных, одно может дать русскому человеку возможность полного, самостоятельного и неодностороннего развития".[1]

Основные руководящие принципы методики преподавания неродного языка Ушинский лаконически и исчерпывающе выразил в следующих пяти положениях: „При изучении иностранных языков следовало бы, как мне кажется, держаться правил: 1) не приступать к изучению иностранного языка прежде, чем будут положены прочные основания к обладанию языком отечественным; 2) устроить дело так, чтобы грамматика родного языка всегда предшествовала грамматике чуждого; 3) выбрав тот или другой язык для изучения, назначать для него возможно большее количество времени и никак не менее шести часов в неделю, на каждый день по уроку, потому что трудности иностранного языка могут быть побеждены только беспрестанным повторением, предупреждающим забвение; 4) никогда не начинать изучение двух иностранных языков разом; 5) приступать к изучению второго иностранного языка не иначе, как дав прочное основание в первом".[2]

Из частных вопросов методики преподавания неродного языка замечательным является указание Ушинского о значении фонетических упражнений для освоения навыков речи, а также прочного запоминания лексических материалов. „Заучивая урок,—пишет Ушинский,—ученик иногда также беззвучно произносит его более или менее ясно, и от степени этой ясности зависит уменье его от-

[1] К. Д. Ушинский, Собр. пед. соч., т. I, „Родное слово", стр. 202.

[2] К. Д. Ушинский, Собр. пед. соч., т. I, Педаг. поездка по Швейцарии, стр. 278.

вечать потом вслух. Если ученик заметит только мысль, но не приучит своих голосовых органов к течению звуков, выражающих эту мысль, то будет при ответе заикаться и путаться. Вот почему дитя, еще не привыкшее к беззвучному произношению читаемого, инстинктивно учит урок вслух, выкрикивает его, т. е., другими словами, приучает свои голосовые органы к движениям в данном порядке. И так как выработка голосовых органов есть дело очень важное, то такое ученье вслух необходимо; но, конечно, ученье вообще далеко не должно этим ограничиваться. Особенно важно такое упражнение голосовых мускулов при изучении иностранных языков".[1]

Ушинский, не считал переводный метод универсальным методом обучения неродному языку, но все же придавал ему весьма большое значение. В то время, когда натуральный метод, который по справедливости называли немым методом, при поддержке официальной педагогики вытеснял из употребления родной язык, Ушинский не только выступал в защиту родного языка, но вместэ с тем обосновывал необходимость построения изучения неродного языка на базе родного языка, отведя должное место переводному методу. Одновременно Ушинский дает ценное указание о сочетании переводного метода с другими методами, положив в основу преподавания, прежде всего, принцип сознательности.

[1] К. Д. Ушинский, Человек как предмет воспитания, т. I, стр. 148.

ГЛАВА V

УЧЕНИЕ О ВОСПИТАНИИ ЛИЧНОСТИ

Каждая педагогическая система, которую знает история педагогики, в той или иной мере, непременно охватывает вопросы воспитания личности в определенном направлении. Более того, если проследить педагогическую систему любого классика педагогики, легко можно обнаружить, что вопросы воспитания и направление их разрешения в конечном счете определяют направление и других частей этой системы. Это и понятно, так как воспитание человека определенного морального профиля, в широком смысле этого слова, подчиняет себе все другие стороны воспитания и обучения.

И в педагогической системе Ушинского большое место отведено вопросам воспитания личности, главным образом—вопросам воспитания нравственно совершенного человека—человека-патриота. Эти вопросы поставлены и разрешены Ушинским в свете его учения о народности и представляют ценный вклад в теорию воспитания. Научно-педагогические труды Ушинского, наряду с его „Родным словом“ и „Детским миром“ в этом отношении особенно ценны с точки зрения методики нравственного воспитания. Правда, в этой области и, может-быть, больше, чем в других, у Ушинского мы находим и такие отрицательные, чуждые для коммунистической морали, стороны, как, например, некоторая идеализация патриархальных нравов и обычаев русского народа в далеком прошлом (хотя в борьбе против моральных устоев самодержавия в свое время они могли иметь некоторое прогрессив-

ное значение), признание (в некоторых работах) развития чувства религиозности как одной из ведущих составных частей воспитания человека и др., но эта исторически обусловленная ограниченность не заслоняет положительных сторон учения Ушинского о воспитании „человека в человеке". Эти положительные стороны и сохраняют свое значение для наших дней. Имея, главным образом, их в виду, М. И. Калинин говорил: „У нас уже социалистический строй. Но я вижу, что те идеи, которые развивал в свое время Ушинский и которые я здесь выдвинул в качестве практических предложений,—это настоящие педагогические идеи. Мало того: я считаю, что они только в нашем социалистическом обществе и могут быть полностью осуществлены".[1]

Считая теорию воспитания Ушинского предметом специального исследования, мы здесь ограничиваемся лишь характеристикой ее основных принципов. Исходя из этого, мы в определенной последовательности рассматриваем теорию воспитания Ушинского по следующим основным вопросам: 1. Каковы общие руководящие принципы Ушинского в области воспитания личности, 2. Какое содержание вкладывает Ушинский в воспитание „человека в человеке", 3. Каковы пути и методы воспитания личности.

1. Общие основы воспитания личности

Как известно, под гармонически развитым человеком Ушинский подразумевал умственную зрелость, нравственное совершенство и физическую развитость и крепкость человека. Ведущим и определяющим личность человека из этих основных качеств он считал нравственное совершенство. И, признавая, что нравственное чувство благороднейшее и нежнейшее растение души человеческой, которое требует большого ухода и присмотра, чтобы вырасти и окрепнуть, Ушинский пишет: „Мы смело высказываем убеждение, что влияние нравственное составляет главную задачу воспитания, гораздо более важную, чем развитие ума вообще, наполнение головы познаниями".[2] Конечно, Ушинский никогда не отделяет обучение от воспитания и учит о том, что нельзя утверждать,

[1] М. И. Калинин, Речь на I Всероссийском совещании руководящих работников народного образования, „Учительская газета", 1941, 28 февраля.

[2] К. Д. Ушинский, Собр. пед. соч., т. I, Нравств. элем. в русск. воспит., стр. 212.

что „человечество развивается умственно, а не нравственно—ибо оба эти развития в конце-концов—одно.“ [1] Но в то же время никогда не отожествлял обучение с воспитанием и говорил не об их тождестве, а об единстве этих основных педагогических категорий.

Критикуя немецкую педагогику, отождествляющую воспитание с обучением, Ушинский писал: „Человек ученый и человек хорошо воспитанный для немца одно и то же; хоть он и старается положить в своей педагогической теории границу между этими двумя понятиями, но на деле эта черта исчезает. Уменье приложить знание к делу, укрепление душевных способностей, развитие характера, внешняя полировка человека—составляют для немецкой педагогики вопросы второстепенные“.[2]

Не считая нравственность естественным, природным последствием умственного развития, Ушинский считал эту область специальной областью педагогической теории. Но одновременно он отмечал, что главным фактором воспитания моральных качеств является обучение и то влияние, которое оказывает на формирование личности в человеке в целом общественная жизнь. „Убежденные в том, что нравственность не есть необходимое последствие учености и умственного развития, мы еще убеждены и в том, что воспитание, семейное и общественное, вместе с влиянием литературы, общественной жизни и других общественных сил, может иметь сильное и решительное влияние на образование нравственного достоинства в человеке“,[3]—пишет Ушинский.

Отсюда понятно, чем было вызвано требование Ушинского подчинить все воспитание и обучение учащихся воспитательным задачам народа: „К чему же и воспитание, если оно не будет действовать на нравственное и умственное развитие человека? Зачем зубрить историю Аристидов, Сократов, Катонов, если только от природного благородства или неблагородства натуры нашей будет зависеть исполнение или неисполнение нашего общественного долга? К чему учить историю, словесность, все множество наук, если это учение не заставит нас полюбить идею и истину?“[4] В со-

---

[1] К. Д. Ушинский, Собр. неизд. соч., Мат. к педагог. антропол., т. III, стр. 111.

[2] К. Д. Ушинский, Собр. пед. соч., т. I, О народн. в общ. восп., стр. 32.

[3] К. Д. Ушинский, Собр. пед. соч., т. I, О нравств. элем. в русск. восп., стр. 211—212.

[4] К. Д. Ушинский, Собр. пед. соч., т. I, О пользе педаг. лит-ры, стр. 7—8.

ответствии с идеей народности Ушинский требовал также, чтобы дух школы и всего воспитания был пропитан интересом служения родине и народу. Он пишет: „Действительную воспитательную силу имеет только то воспитание, которое, не завися от частных, прихотливых требований, меняющихся как мода на костюмы, и часто совершенно противоречащих нравственной идее воспитания, будет основывать свои правила на общественном мнении, и вместе с ним жить и развиваться".[1]

Человек должен быть и умственно развитым, и морально совершенным. „Только человек, у которого ум хорош и сердце хорошо, вполне хороший и надежный человек",[2]—учит Ушинский.

Исходя из всего этого, Ушинский ставит задачу воспитания личности в центр всех мероприятий и забот, к которым прибегают в деле воспитания детей школа, семья и общество.

Для того, чтобы воспитать „человека в человеке", Ушинский считал необходимым:

1) воспитание в детях правильного взгляда на человека и его назначение в свете идей народности. Он писал: „Можно сказать с уверенностью, что если воспитатель даст своему воспитаннику истинный, не теоретический только, но и практический, т. е. проникнутый чувствованиями и желаниями взгляд на человека, то положит незыблемую основу нравственного воспитания";[3]

2) воспитание в детях серьезного, делового отношения прежде всего к учебе, ее целям и задачам. „Как яда, как огня надобно бояться, чтобы к мальчику не забралась идея, что он учится только для того, чтобы как-нибудь надуть своих экзаминаторов и получить чин, что наука есть только билет для входа в общественную жизнь, который следует бросить или позабыть в кармане, когда швейцар пропустил уже вас в залу",[4]—пишет Ушинский;

3) соответствие всей воспитательной работы с возрастными особенностями детей. Ушинский требовал, чтобы все действия учителя были основаны на данных глубокого изучения развития психики ребенка и предпринимались они с чувством глубокой уверенности и оптимизма в этих действиях;

---

[1] К. Д. Ушинский, Собр. пед. соч., т. I, О пользе пед. литературы, стр. 20.

[2] К. Д. Ушинский, Человек как предмет воспитания, т. II, стр. 82.

[3] Там же, стр. 318.

[4] К. Д. Ушинский, Собр. пед. соч., т. I, Труд в его псих. и воспит. знач., стр. 161—162.

4) чтобы все воспитание осуществлялось под систематическим и непосредственным руководством учителя. Совершенно прав был Ушинский, выражая свое недовольство в отношении учителей современной ему школы, когда писал: „Если неуменье наше учить детей велико, то еще гораздо больше неуменье наше действовать на образование в них душевных чувств и характера“;[1]

5) чтобы школа всегда чувствовала ответственность не только за воспитание в детях знаний, но и, прежде всего, за их высокую нравственность. Ушинский совершенно правильно указывал, что аттестат зрелости должен являться не только показателем зрелости в познаниях, но, прежде всего,—зрелости человека как гражданина. Он был уверен, что школа может достигнуть успехов в деле воспитания в учащихся высоких нравственных качеств лишь путем установления единого подхода к детям со стороны руководителей и всех педагогов школы, путем „тесного соединения всех трех элементов школьной жизни“, так как именно в этом соединении „воспитательная сила их необыкновенно велика“;[2]

6) чтобы коллектив учащихся был организован в соответствии с требованиями педагогики и чтобы жизнь этого коллектива направлялась разумным руководством школы и учителя. Отмечая, что „на убеждения и нравственность молодого человека... ничто не имеет такого влияния, как тот кружок товарищей „в котором он живет“, Ушинский вместе с тем указывает, что учащиеся, предоставленные самим себе, не подчиненные одному воспитывающему влиянию, не могут быть правильно воспитаны;

7) чтобы во всем процессе воспитания детей было бы осуществлено единство в подходе к учащимся со стороны школы, семьи и широкой общественности. „Мы сильно заблуждаемся,—пишет Ушинский,—если думаем, что жизнь ребенка в школьном возрасте вся принадлежит школе; нет, школа имеет весьма небольшую долю в том естественном развитии дитяти, на которое гораздо больше влияния оказывают время, природа и семейная жизнь“.

Таким образом, чтобы воспитать учащихся в определенном направлении, надо их не только учить, но и воспитывать на основе единого подхода к каждому учащемуся со стороны учителя,

---

[1] К. Д. Ушинский, Человек как предмет воспитания, т. I, стр. XXIV.

[2] К. Д. Ушинский, Три элемента школы, Собр. соч., т. II, стр. 11. Под тремя элементами, как известно, Ушинский подразумевал руководителей школы, наставника (классный руководитель) и учителя—Д. Л.

школьного коллектива, семьи и общества, при руководящей роли учителя. Таков общий дух взглядов Ушинского об основах воспитания качеств полноценной личности.

2. Основные элементы воспитания личности

Изучение педагогического учения Ушинского, а также его „Родного слова" и „Детского мира" дает полное основание заключить, что под воспитанием личности Ушинский понимал формирование в учащихся таких качеств, как: 1) любовь к родине, 2) гуманность, 3) правдивость, 4) достойное самолюбие, 5) трудолюбие, 6) чувство ответственности, 7) дисциплинированность, 8) эстетическое чувство, 9) твердая воля и твердый характер.

Все эти качества Ушинский рассматривал не как изолированные друг от друга и самостоятельно развивающиеся объекты воспитания, а как такие стороны единого процесса воспитания личности, которые в этом процессе так же, как и в действительности, переплетаются между собой и обусловливают как друг друга, так и, следовательно, формирование личности в целом. Так, например, воспитывая патриотическое чувство, мы в то же время воспитываем и волю, и характер и наоборот: в отрыве от воспитания твердой воли и твердого характера, нельзя воспитать настоящий, действительный патриотизм.

Самым высоким, пламенным, сильным чувством в человеке, „общественным цементом... связывающим людей в честное, дружное общество",[1] Ушинский считал патриотическое чувство, которое „при общей гибели всего святого и благородного в человеке гибнет последнее".[2] Патриот, по мнению Ушинского, это—человек, подчиняющий все свои личные интересы интересам отечества и народа, человек, все свои силы и знания отдающий на благо родины. По вопросу об единстве личных и народных интересов, о слиянии их на базе подчинения первых последним, Ушинский писал: „Человек является в государстве двояким... в первой сфере двигателем является эгоизм, во втором—патриотизм. Первая сфера есть частная, эгоистическая, гражданская; вторая—публичная, общественная, государственная. Первая подчиняется последней, но последняя, самым своим существованием, необходимо предпола-

[1] К. Д. Ушинский, Собр. пед. соч., т. I, О нравств. элем. в рус. восп., стр. 211.

[2] К. Д. Ушинский, Собр. пед. соч., т. I, О народн. в общ. восп., стр. 103.

гает существование первой, и без нее быть не может; но гражданская сфера только в государственной находит свое полное осуществление".[1]

В патриотизме Ушинский видит ту великую силу, которая способна отстаивать честь, самостоятельность и независимость отечества, обеспечить его продвижение вперед и в экономическом, и в культурном, и в общественно-политическом отношении. Он жестоко осуждает всех, кто недооценивает эту силу патриотизма. „Нам смешно и жалко, больно и досадно слушать и читать, когда какой-нибудь литератор или наставник усиливается доказать, например, что французов в двенадцамом году побили морозы",[2]— пишет Ушинский.

Настоящий патриот без малейшего колебания, не задумываясь ни минуту, должен быть готов отдать свою жизнь народу, отечеству и до последнего вздоха защищать честь, независимость и свободу своего отечества, своего народа от внешних врагов. Вместе с тем, считая борьбу с внутренними врагами народа также ярким показателем патриотизма, Ушинский требовал от каждого честного человека, патриота до конца бороться за правду, за интересы народа. Он писал: „Мы считаем выражением патриотизма и те проявления любви к родине, которые выражаются не в одних битвах с внешними врагами: высказывать смелое слово истины бывает иногда гораздо опаснее, чем подставить лоб под вражескую пулю, которая авось пролетит и мимо".[3]

Предъявляя такие повышенные требования каждому человеку—бескорыстно, честно служить интересам народа, Ушинский также требовал от самого народа, общества ценить и уважать личность каждого своего члена, не на словах, а на деле. Именно такое взаимоотношение и единство личности и народа и порождает действенный, а не созерцательный патриотизм; в таких условиях полюбит человек настоящим образом народ, свою родину, ее прошлое, ее настоящее, ее будущее.

Но „благороднейшие стремления человеческого сердца,— подвиги великодушия, патриотизма, любви к человечеству",[4] не

[1] К. Д. Ушинский, Собр. неизд. соч., т. III, Лекции, читанные в Ярославском лицее, Матер. к биографии, стр. 55.

[2] К. Д. Ушинский, Собр. пед. соч., т. I, О нравств. элем. в рус. восп, стр. 249—250.

[3] Там же, стр. 249.

[4] К. Д. Ушинский, Собр. пед. соч., т. I, Труд в его псих. и восп. знач., стр. 151.

создаются сами по себе, а требуют воспитания, „оно должно быть развиваемо общественными учебными заведениями...“.[1]

Основой и источником воспитания патриотических чувств Ушинский считал историю народа, его жизнь и борьбу в прошлом, его жизнь и быт в настоящем. Разоблачая представителей привилегированного, высшего сословия, их ложный, показной патриотизм, и указывая на то, что именно трудовой народ является подлинным защитником родины, всех ее благ и достижений, что именно трудовой народ является носителем самого высокого человеческого качества—гуманизма, Ушинский писал: „Но, в ответ на рождающееся в нас сомнение, из этой же самой серой, невежественной, грубой массы льется чудная народная песнь, из которой почерпают свое вдохновение и поэт, и художник, и музыкант; слышится меткое, глубокое слово, в которое, с помощью науки и сильно развитой мысли, вдумывается филолог и философ и приходят в изумление от глубины и истины этого слова, несущегося из самых отдаленных, самых диких, невежественных времен“.[2]

По мнению Ушинского, главная цель воспитательной работы школы—выработка в учащихся высоких чувств любви и преданности народу. Поэтому он весьма большое значение придавал отечественной истории, родному языку и литературе (включая и фольклор), географии и естествознанию. Кроме того, он особо подчеркивал огромную роль народной песни. Учиться у народа, воспитываться у народа—таковы основные положения Ушинского в деле воспитания личности. Он пишет: „Не забудем, что если мы многому хотим учить простой народ, то есть многое, чему мы сами от него научились. Не забудем, что этот народ создал тот глубокий язык, глубины которого мы до сих пор еще не могли измерить; что этот простой народ создал ту поэзию, которая спасла нас от забавного детского лепета, на котором мы подражали иностранцам; что именно из народных источников мы обновили всю нашу литературу и сделали достойною этого имени; что этот простой народ, наконец, создал и эту великую державу, под сенью которой мы живем“.[3]

---

[1] К. Д. Ушинский, Собр. неизд. соч., т. III, Матер. для антроп., стр. 126.

[2] К. Д. Ушинский, Собр. пед. соч., т. I, „Родн. слово“, стр. 188.

[3] К. Д. Ушинский, Собр. пед. соч., т. I, Общ. взгляд на возн. наш. нар. школ, стр. 531.

Главная задача, которую ставит в своих учебниках Ушинский, это—возбудить и развить в детях патриотическое чувство, любовь к народу, родине, к ее героическому прошлому и настоящему. Не только содержание рассказов, стихов, статеек, помещенных в его учебниках, но и пословиц отражает героическую историю русского народа, лучшие стороны его жизни. Говоря о главном назначении пословиц, так удачно подобранных им, Ушинский пишет: „По содержанию наши пословицы важны для первоначального обучения тем, что в них, как в зеркале, отразилась русская народная жизнь со всеми своими живописными особенностями. Может быть ничем нельзя так ввести дитя в понимание народной жизни, как объясняя это значение народных пословиц. В них отразились все стороны жизни народа: домашняя, семейная, полевая, лесная, общественная; его потребности, привычки, его взгляды на природу, на людей, на значение всех явлений жизни".

Так понимал Ушинский чувство патриотизма, задачи, содержание и пути его формирования. Он являл собой образец патриота своего времени, отдавшего все свои силы служению интересам родины. Никогда и ни при каких обстоятельствах у него слово не расходилось с делом. За недолгий период своей жизни он успел сделать необыкновенно много для родины, неуклонно идя к своей основной цели: „Сделать как можно больше пользы моему отечеству—вот единственная цель моей жизни и к ней-то я должен направлять все свои способности".

В то же время вся жизнь и деятельность Ушинского лучший пример того, как человек не должен зазнаваться, удовлетворяться достигнутым, кичиться и испытывать чувство самодовольства. Девизом его было: трудиться честно и скромно на благо родины и наслаждаться результатами этого честного труда. „Если же человек захочет,—писал он,—взять более обильную дань с своего благородного подвига, остановить эту чарующую искру, то она не только немедленно начнет тускнеть, но, потухнув, наполнит сердце его смрадом тщеславия и самым пошлым самодовольством".[1]

Но Ушинскому чужд не только бесцветный космополитизм,—он враг всякого проявления шовинизма. Через патриотизм—общечеловеческий гуманизм,—только этим путем можно воспитать совершенного человека. В основу такого воспитания должна быть заложена идея свободы, равенства между народами.

[1] К. Д. Ушинский, Собр. пед. соч., т. I, Труд в его псих. и восп. знач., стр. 151.

Ушинскнй ставит вопрос о том, что должно быть показателем человечности человека, и тут же дает ответ: „Сознание личности своей —равной всякой другой личности—и стремление к совершенству, не только кажущемуся, но истинному, к совершенству в своих собственных глазах.—Дурное обращение с тобой—возбуждает в тебе ненависть и отвращение—то же возбудит и в других твое дурное действие с ними".[1]

Противопоставляя в человеческой жизни, в каждом начинании добро злу, Ушинский всеми доступными ему средствами стремился показать преимущества гуманного воспитания. Он писал: „Воспитание должно просветить сознание человека, чтобы перед глазами его лежала ясно дорога добра".[2]

Особое место в области гуманного воспитания Ушинский отводил развитию в учащихся отрицательного отношения к зависти и злобе. Он неоднократно указывал на необходимость такой постановки дела обучения и воспитания, чтобы с самого же начала развить в детях чувство бескорыстности, скромности и гуманного отношения к личности человека, без различия расы и национальности. Этим принципом руководствуется Ушинский во всей своей педагогической системе.

Одной из главных задач гуманного воспитания, по мнению Ушинского, является развитие в человеке таких высоких нравственных качеств, как честность, справедливость, правдивость, искренность.

Высоко ценя взгляды Н. И. Пирогова относительно воспитания этих качеств, Ушинский писал: „Мы не знаем ни одного ни русского, ни иностранного сочинения, в котором бы эта основная истина воспитания была захвачена глубже и выражена яснее того, как выражается она в статьях Н. И. Пирогова".[3]

Для воспитания правдивости в детях Ушинский считал необходимым развитие в них чувства отвращения к притворству и лжи.

Различая ложь преднамеренную, произвольную и ложь невольную и указывая на необходимость пресекания их в корне

---

[1] К. Д. Ушинский, Собр. неиздан. соч., т. III, Мат. для пед. антроп., стр. 102.

[2] К. Д. Ушинский, Собр. пед. соч., т. I, О народности в обществ. воспитании, воспит. характера, стр. 102.

[3] К. Д. Ушинский, Собр. пед. соч., т. I, Пед. соч. Н. И. Пирогова, стр. 462.

путем применения обдуманных педагогических мер, Ушинский особо подчеркивает значение личного примера учителя и считал это решающим для воспитания в детях правдивости, искренности и честности. Он пишет: „Я заметил на сыне, как необыкновенно сильно действует на него неисполненное обещание. Мне кажется, что это один из источников лжи—лучше как можно меньше обещать, но всегда сдержать данное обещание. Правило это—„не лгать детям"—часто забывается; так, его забывают во многих местах Руссо, а также и Бенеке".[1]

Наряду с чувством патриотизма, гуманности, справедливости и честности высоким качеством личности Ушинский считал чувство достойной гордости и самолюбия.

Рассматривая чувство достойного самолюбия и гордости не как выражение эгоизма, а как стремление к совершенству, Ушинский считал необходимым культивировать это чувство в учащихся на основе высоких нравственных поступков.

Особенно большое значение в формировании личности Ушинский придавал труду. По Ушинскому, человеку присуще стремление к деятельности, к труду. Тот не человек, кто не трудится. Труд—великое счастье на земле, через труд человек становится человеком. Материальные плоды трудов можно отнять, наследовать, купить, но внутренней духовной, животворящей силы труда нельзя ни отнять, ни наследовать, ни купить за все золото Калифорнии: она остается у того, кто трудится, учит Ушинский.

Следовательно, труд не только основа и фактор воспитания, но само воспитание; если оно желает счастья человеку, должно воспитать его не для счастья, а готовить к труду. Поэтому воспитание должно возбудить и развивать в учащихся неутомимую жажду труда, привычку и любовь к труду. Таковы исходные положения Ушинского о труде, как о главном факторе воспитания „человека в человеке".

Таким образом, развитие в человеке навыков к труду в системе нравственного воспитания Ушинского представляет один из важнейших элементов. Но труд обращается в привычку, в необходимую потребность человека не только в результате познания огромного значения трудовой деятельности человека и знания основных научных основ трудового процесса, и не только через внешнее признание труда, как благородного дела, но, прежде всего, через личный труд. „Труд является необходимым условием

[1] К. Д. Ушинский, Собр. неизд. соч., т. III, стр. 124.

физического, нравственного и умственного развития и самое счастье человека поставил в неизбежную зависимость от личного труда".[1]

Связь обучения с трудом, по Ушинскому, может совершенствовать у учащихся и знания, и навыки, и неутомимую жажду к труду. „Кто не испытывал живительного, освежающего влияния труда на чувства? Кто не испытывал, как после тяжелого труда, долго поглощавшего все силы человека, и небо кажется светлее, и солнце ярче, и люди добрее? Как ночные призраки от свежего утреннего луча, бегут от светлого и спокойного лица труда—тоска, скука, капризы, прихоти, все эти бичи людей праздных и романтических героев, страдающих обыкновенно высокими страданиями людей, которым нечего делать",[2]—пишет Ушинский.

Ушинский считает основным средством для воспитания трудолюбия в учащихся: первое—воспитание навыков и жажды учебы, и, второе—участие их в производственном труде людей, а также выполнение посильной работы, связанной с домашним бытом. Все эти виды труда должна объединять задача воспитать и усовершенствовать в детях стремление к деятельности, так как „праздность есть мать всех пороков".[3]

В процессе учебно-трудовой деятельности учащихся должны быть выработаны и усовершенствованы дисциплинированность, чувство ответственности за выполнение своего долга, твердая воля, твердый характер.

Придавая исключительно большое педагогическое значение в выработке чувства ответственности развитию в детях чувства стыда за свои неправильные поступки, Ушинский как в психологическом, так и в педагогическом плане рассматривает вопрос о стыде и дает ряд ценных практических указаний.

Ушинский требовал так поставить дело воспитания и обучения, чтобы в человеке чувство стыда вырабатывалось в единстве с чувством скромности. Он рекомендовал даже, чтобы при совершении учащимся недостойного для него поступка и нарушении общих правил, в целях исправления учащегося прибегать именно к этому чувству стыда. Совершенно правильно указание Ушин-

---

[1] К. Д. Ушинский, Собр. пед. соч., т. I, Труд в его псих. и воспит. знач., стр. 158.

[2] Там же, стр. 149.

[3] Там же, стр. 154.

ского о том, что „всякий же стыдится того, что признается постыдным в кругу людей, мнение которых он уважает. Следовательно, предметы стыда даются человеку историей и воспитанием". Поэтому воспитание этого чувства возможно именно в коллективе. „Чувство стыда,—пишет он, признается таким чувством, которое соответствует стремлению человека к общежитию и в отдельности от этого стремления считается невозможным. Аристотель прямо даже указывает на эту невозможность, говоря, что никто не стыдится младенцев и животных, и что стыд, ощущаемый нами в присутствии других людей, как-раз соразмеряется с тем уважением, которое мы имеем к их мнению".[1]

Наряду с этим Ушинский предупреждает воспитателей, что неправильное воспитание чувства стыда, чрезмерное его развитие, может оказаться губительным, развить в детях неискренность, слабость воли, трусость и другие низкие качества.

Касаясь вопроса о необходимости воспитания чувства стыда, Ушинский особо подчеркивал большое значение воспитания чувства ответственности для формирования цельной личности. Сознание своего долга перед родными, перед обществом, перед родиной Ушинский считал основным фактором в деле пресечения в корне причин, могущих вызвать вредные последствия стыда.

Рассматривая чувство ответственности, сознание необходимости выполнения своего долга, регулирующим поступки человека, как-бы рычагом его действия, Ушинский требовал на основе сознания своего долга воспитывать в детях сознательную дисциплинированность. Выступая в защиту прав детей и в защиту принципа сознательности, Ушинский писал: „В старой школе дисциплина была основана на самом противоестественном начале—на страхе к учителю, раздававшему награды и наказания. Этот страх принуждает детей не только к несвойственному, но и вредному для них положению: к неподвижности, классной скуке и лицемерию".[2]

Ушинский справедливо отводит большое место в деле воспитания в учащихся сознательной дисциплинированности, активности, деятельности. Он считал, что именно в школьной скуке и

---

[1] К. Д. Ушинский, Человек как предмет воспитания, т. II, стр. 169.

[2] К. Д. Ушинский, Избр. пед. соч., т. II, Руков. к препод. по „Родному слову", ч. I, стр. 150.

скрываются источники множества детских проступков и даже пороков: шалости, лени, капризов, отвращения к учению, хитрости, лицемерия, обманов и тайных грехов. „Уничтожьте школьную скуку —и вся эта смрадная туча, приводящая в отчаяние педагога и отравляющая светлый поток детской жизни исчезнет сама собой“,— писал Ушинский.

В этой связи Ушинский указывает на огромное нравственное значение труда и навыков трудовой деятельности. „Навыки во многом делают человека свободным и прокладывают ему путь к дальнейшему прогрессу“,[1]—говорил Ушинский.

Самое ценное в навыках и привычках, а отсюда и их воспитательное значение, по мнению Ушинского, заключается в том, что привычка воспитывает и развивает выдержку и выносливость, необходимые для выполнения любой серьезной задачи. Поэтому Ушинский требовал, чтобы при обучении и воспитании учащихся преподаватель всегда имел в виду нравственную сторону процесса выработки навыков и привычек.

Ушинский считал, что всякая человеческая деятельность связана с эмоциями, чувствованиями, а потому он особое значение придавал воспитанию эстетического чувства. „Во всякой науке более или менее есть эстетический элемент, передачу которого ученикам должен иметь в виду наставник“,[2]—учит Ушинский.

С точки зрения воспитания нравственно-эстетических чувств в учащихся Ушинский особенно подчеркивает значение художественной литературы, музыки, изобразительного искусства, басен, народных поговорок и, что главное, родного языка. От каждого учителя он требует в своей учебно-воспитательной работе исключительное внимание уделять воспитанию в детях способностей чувствовать, переживать, наслаждаться прекрасным, всем, что есть в природе, в обществе, в жизни. И в то же время Ушинский предупреждает о том, что не нужно детей переполнять красивым, так как, обратившись в привычную вещь, красота может остаться незамеченной ими.

Ушинский заостряет внимание учителя и на том, чтобы не только содержание, но и форма обучения и воспитания развивали в учащихся чувство любви к прекрасному.

---

[1] К. Д. Ушинский, Человек как предм. воспит., т. I, стр. 140.

[2] К. Д. Ушинский, Собр. неизд. сочин., Матер. для пед. антроп., т. III, и мат. для биогр., стр. 157.

Ушинский всегда увязывал вопрос воспитания личности с задачей воспитания в человеке твердого характера и твердой воли, как основных качеств всесторонне развитого человека. „Характеры, пересозданные к лучшему воспитанием и жизнью, имеют за собой великое достоинство открытия нового источника добра“,[1]— говорит Ушинский и требует, чтобы все достоинства человека— любовь к родине, гуманность, правдивость, скромность и т. д.— представляли единое свойство человеческой личности, чтобы „слово не расходилось с делом“. „Самое убеждение тогда только делается элементом характера, когда переходит в привычку. Привычка именно и есть тот процесс, посредством которого убеждение делается наклонностью и мысль переходит в дело“,[2]—говорит Ушинский. А для воспитания такой цельной личности решающее значение Ушинский придавал воспитанию твердой воли.

Весьма ценны и поучительны мысли и указания Ушинского по вопросу о воспитании твердой воли и характера. Он требует, чтобы в обучении и воспитании особое внимание было уделено правильному развитию таких качеств, как смелость и выдержанность. „Мы вполне согласны с Беном,—писал Ушинский,—который называет смелость одним из величайших качеств души человеческой, без которого невозможны ни благородная деятельность, ни порядочный образ мыслей, ни самостоятельность характера“.[3] Ушинский считал, что дитя родится с безграничной смелостью, и чем менее дитя напугано, тем оно смелее. Но в то же время важнейшим фактором воспитания смелости в направлении мужества, по мнению Ушинского, является систематическое и разумно организованное преодоление трудностей в учебе и жизни детей. Он пишет: „Воспитатель должен беречь драгоценное чувство смелости, но вместе с тем опытами преодоления страха переделывать неразумную смелость в разумное мужество“.[4]

Как известно, Ушинский учение рассматривал, прежде всего, как волевой процесс, процесс преодоления трудностей в разрешении поставленных задач и жестоко критиковал всех, кто требовал построить обучение лишь на интересе. „Такое интересующее

---

[1] К. Д. Ушинский, Ссбр. пед. соч., т. I, О народ. в общ. воспит., стр. 102.

[2] Там же, стр. 93.

[3] К. Д. Ушинский, Человек как предмет воспитан., т. II, стр. 165.

[4] Там же, стр. 168.

учение,—пишет Ушинский,—развивая дитя, не дает никакого упражнения его воле, а, следовательно, не только не способствует, но еще мешает развитию в нем самостоятельного характера".[1] Правильно понимая значение чередования интересного материала с неинтересным для воспитания воли и характера, Ушинский писал: „Должно делать учение занимательным для ребенка; но в то же время должно требовать от детей точного исполнения и незанимательных для них задач, не наклоняя слишком ни в ту, ни в другую сторону, давая пищу пассивному вниманию и упражняя активное".[2]

Для воспитания твердой воли Ушинский очень большое значение придавал развитию в детях чувства уверенности в своих силах. Для этого Ушинский считал необходимым в процессе обучения „избегать всего, что бы могло внушить ученику неуверенность, в его памяти, потому что эта неуверенность, соединяющаяся часто с общей нерешительностью характера",[3] нередко производит в детях настоящее беспамятство"[3]. Глубоко веря в возможности ребенка и уважая его личность, Ушинский с беспощадной критикой обрушился на гербартовскую теорию воспитания воли, основанную на подавлении, на ломке воли у детей. „Чтобы выработалась воля,—учит он,—надобно дать ей упражнение и руководить этими упражнениями так, чтобы чувство победы препятствий не было подавлено чувством неудач. В самом стремлении человека к совершенству лежит уже залог того, что успех ободрит его даже независимо от своего содержания: „я это сделал", „я этого достиг". В этом есть наслаждение независимо от содержания того, что сделано и достигнуто. Вот почему воля крепнет от деятельности. „Ломать волю" потому только, что она воля дитяти, а не наставника, есть величайшее безумие".[4]

Большую роль в воспитании твердой воли и характера, а также в нормальном физическом развитии учащихся, по мнению Ушинского, играет половое воспитание. Основным положением Ушинского в этом отношении является его указание о том, что воспитание должно избегать всего, что может двинуть вообра-

[1] К. Д. Ушинский, Избр. пед. соч., т. II, Руков. к преп. по „Родн. сл.", ч. I, стр. 172.

[2] Там же, стр. 172.

[3] К. Д. Ушинский, Собр. пед. соч., т. II, Гл. черты чел. орг. в прилож. к искус. воспит., стр. 195.

[4] К. Д. Ушинский, Собр. неизд. соч., матер. для пед. антр., т. III, стр. 20—21.

жение отрока в направлении к преждевременной половой зрелости.[1]

Такова в общих чертах сущность учения Ушинского по вопросу о воспитании личности.

3. Основы методики нравственного воспитания

Правда, мы не будем искать у Ушинского до конца разработанную систему методики нравственного воспитания, но в своих педагогических трудах Ушинский охватывает очень важные стороны методики воспитания. Достоинства „Родного слова" и „Детского мира" заключаются не только в том, что они, применительно к учебникам первоначального обучения, олицетворяют лучшие стороны теории воспитания Ушинского, но и в том, что эти учебники дают ряд ценных образцов о путях связи обучения с воспитанием отдельных качеств личности.

Ушинский в своем учении должное внимание уделяет таким вопросам методики нравственного воспитания, как: 1) личный пример и его воспитательное значение, 2) убеждение как основное средство воспитания в сочетании с необходимым принуждением, 3) обращение с учащимися и воспитательное значение педагогического такта, 4) мера предупреждения как необходимое средство для успеха в воспитании, 5) поощрение и награды, 6) наказание и т. д.

При освещении этих вопросов Ушинский, прежде всего, исходил из того положения, что методика нравственного воспитания немыслима в отрыве от целей и содержания самого воспитания: цель и содержание нравственного воспитания обусловливает ее методику. Поэтому естественно, что методика нравственного воспитания построена в соответствии с общим духом всего учения Ушинского о нравственном воспитании. Потому и понятно, что наряду с прогрессивно-гуманистическим направлением, мы встречаем у Ушинского отсталые, чуждые нашей школе положения по вопросам методики нравственного воспитания (религиозность, некоторая идеализация патриархальных нравов и т. д.).

Критикуя методику воспитательной работы в современной ему школе, Ушинский в то же время выявлял суть иезуитской системы нравственного воспитания. „Иезуит,—писал Ушинский,—

[1] К. Д. Ушинский, Собр. неизд. соч., т. III, Матер. для пед. антропол., стр. 204.

был учителем, воспитателем, товарищем, начальником, духовным пастырем и духовником своего воспитанника. Он пропитал своим иезуитским характером всю атмосферу школы и молодая душа мальчика, по преимуществу только всасывающая впечатления, хотя бы она трепеталась сначала, как голубь, лишенный воздуха, должна была скоро покориться и всеми порами своими принимать учение и скрытый в нем яд... ласка, страх, обман, суеверие, хитрость, угрозы, шпионство, личный недостаток воспитанника, даже самый порок его, все, что попадалось под руку, бралось без разбору, и всякое средство было хорошо, лишь бы вело к цели и отдавало во власть воспитателя душу воспитанника... При таких средствах иезуитское воспитание делало много зла, делает его и теперь там, где оно удержалось; но не даром в общественном мнении осталось воспоминание, что иезуиты были мастера учить. Вся же тайна силы иезуитской педагогики, не слишком заботившейся о совершенстве дидактических приемов, заключалась в том, что иезуиты не ограничивались одним учением и поверхностным наблюдением, но прежде всего старались покорить своему влиянию душу воспитанника".[1]

Как уже было сказано, Ушинский всю систему воспитания строил и обосновывал на принципе сознательности, на принципе признания и уважения личности ребенка, его настоящего. Самым лучшим средством, лучшей педагогической мерой в этой системе Ушинский считал **личный пример учителя**, в виду того, что „даже самое хозяйство детей, их одежда, пища должны находиться, по возможности, под влиянием тех же воспитателей, потому что, повторим еще раз, дитя воспитывается, развертывается умственно и нравственно только под прямым влиянием человеческой личности и никакими формами, никакой дисциплиной, никакими уставами и расписаниями времени занятий невозможно искусственно заменить влияния человеческой личности. Ушинский говорил: „Личный пример учителя это—плодотворный луч солнца для молодой души, которого ничем заменить невозможно".[2]

Но нравственный пример должен быть дан детям, учащимся только лишь в положительной форме.

---

[1] К. Д. Ушинский, Собр. пед. соч., т. II, Три элемента школы, стр. 12—13.

[2] К. Д. Ушинский, Собр. пед. соч., т. I, Проект учит. семин., стр. 288.

Ушинский считал недопустимой систему классных воспитателей, при которой „преподаватель“ занимается только „преподаванием“, а воспитатель, находясь в классе вместе с преподавателем, занимается лишь тем, чтобы соблюдать тишину в классе. Естественно, что в такой обстановке личный пример учителя сводился к казенщине и вместо положительного влияния способствовал выхолащиванию человеческих достоинств в детях с самого раннего же возраста. Признавая исключительно большое значение единства в подходе к детям администрации школы, классного руководителя и учителя, Ушинский все же решающую, ведущую роль в воспитании учащихся отводил именно учителю, который только и может соединить обучение с личным примером и придать их единству силу фактора нравственного воспитания. Жалуясь на недостаток хороших учителей, способных осуществить соединение обучения с положительным влиянием личного примера, Ушинский считал, что недостаток учителей есть величайший, существеннейший недостаток всей нашей системы общественного воспитания и лишает наше ученье умственно-развивающей и нравственно-воспитывающей силы.

Ушинский подчеркивал большое значение реальной действительности, как лучшего фактора воспитания, как лучшего „личного“ примера. Так, касаясь вопроса о нравственном значении семейной обстановки для выработки в детях определенных моральных качеств, Ушинский писал: „Природные русские педагоги—бабушка, мать, дед понимали инстинктивно и знали по опыту, что моральные сентенции приносят детям больше вреда, чем пользы, и что мораль заключается не в словах, а в самой жизни семьи, охватывающей ребенка со всех сторон и отовсюду ежеминутно проникающей в его душу“.[1] Из многих указаний Ушинского относительно рационального использования личного примера, как решающего фактора воспитания в детях любви и уважения к личности человека, особо важное значение имеют его требования относительно взаимоотношений учителя и учащегося. Основное содержание этих требований—гуманность и здравые педагогические соображения. Ушинский требовал от каждого учителя находиться с учащимися не в официальных, формальных и искусственных отношениях, а установить с ними отношения, основанные на взаимном уважении и любви. „Если же воспитатель находится во временных, официальных отношениях к детям, и притом

[1] К. Д. Ушинский, Избр. пед. соч., т. II, Руков. к преподав. по „Родному слову“, ч. I, стр. 176—177.

к такому числу детей, что о личном влиянии на каждого здесь и речи быть не может, то неудивительно, что все воспитательное влияние такого воспитателя выражается только в ограничениях, стеснениях, запрещениях и внешней дисциплине, облегчающей его труд",[1]— пишет Ушинский. Поэтому он считал вредным и недопустимым „дразнить учащегося систематическими намеканиями и незаслуженными замечаниями". В то же время Ушинский требовал от учителя находиться от учащегося на определенном расстоянии, не превращать любовь к нему в причину излишней нежности или уничтожения всякой границы между педагогом и учащимся. „Следует любить дитя, но не следуст ласкать его",—говорит Ушинский.

Одним из основных средств педагогического воздействия Ушинский считал у б е ж д е н и е, основанное на сознательности. Указывая на то, что „невозможно развивать душу дитяти, не внося в нее никаких убеждений",[2] Ушинский требовал, чтобы убеждение являлось не только спутником обучения, но и фактором воспитания нравственных привычек, поведения. Поэтому он считал необходимым, как это было отмечено, чтобы обучение ставило себе целью выработку в детях определенных взглядов и убеждений. Для достижения этой цели Ушинский решающее значение придавал пониманию детьми содержания того, чему его обучают. Говоря о том, что „длинные нравственные наставления, особенно однообразные, очень вредны, приучая душу к их бессилию",[3] он пишет: „Что касается до моральных сентенций, то они едва ли даже не хуже наказания, если относятся к детям того возраста, о котором здесь говорится. Приучая детей слушать высокие слова нравственности, смысл которых не понят, а, главное, не прочувствован детьми, вы приготовляете лицемеров, которым тем удобнее иметь пороки, что вы дали им ширмы для закрытия этих пороков".[4] А потому всякие „пустые восторги, которые могли бы только приучить детей к фразе, конечно, должны быть исключены".[5]

---

[1] К. Д. У ш и н с к и й, Собр. пед. соч., т. I, Проект. учит. семинар. стр. 285.

[2] К. Д. У ш и н с к и й, Собр. пед. соч., т. I, Пед. соч. Н. И. Пирогова, стр. 467.

[3] К. Д. У ш и н с к и й, Собр. неизд. соч., т. III, Матер. для пед. антропологии, стр. 130.

[4] К. Д. У ш и н с к и й, Избр. пед. соч., т. II, Руков. к препод. по „Родному слову", ч. 1-я, стр. 151.

[5] К. Д. У ш и н с к и й, Собр. соч., т. II, О первонач. препод. русск. яз., стр. 154.

Для искоренения в детях дурных убеждений, Ушинский большое значение придавал опыту, фактам, и что главное, доверию и любви к учителю. Ушинский писал: „...Создай сначала материал нравственности, а потом уж сей правила. То же самое следует сказать и об искоренении дурных наклонностей, хотя здесь сила понятий и суждений более имеет влияния. Тут задача в том, чтобы отбросить морально-неправильное, а это могут сделать суждения, как и сами по себе имеющие силу. Но напрасно ожидали бы мы, чтобы суждения и моральные наставления уничтожали дурную наклонность... вот почему в отношении дитяти, которого мы хотим исправить, как бы он ни был испорчен, мы должны показать любовь и доверие".[1]

В своих высказываниях о методике нравственного воспитания Ушинский особое внимание уделял вопросам предупреждения, поощрения и наказания, увязывая их рассмотрение, прежде всего, как с вопросами общешкольной дисциплины, так и с вопросами воспитания в детях дисциплинированности.

Особого интереса заслуживают указания Ушинского о мерах предупреждения. Он учит: „В школе должна царствовать серьезность, допускающая шутку, но не превращающая всего дела в шутку, ласковость без приторности, справедливость без придирчивости, доброта без слабости, порядок без педантизма и, главное, постоянная разумная деятельность. Тогда добрые чувства и стремления сами по себе разовьются в детях, а начатки дурных наклонностей, приобретенные, быть-может, прежде, понемногу изгладятся".[2]

По мнению Ушинского, если школа, учитель и семья разумно организовывают весь процесс обучения и воспитания детей, то перед ними никогда остро не будет стоять вопрос о наказании и других „излечивающих" мерах. „Наказания,—писал он,—уже не безвредные гигиенические средства, предупреждающие болезнь или излечивающие правильною нормальною жизнью и деятельностью, а лекарства, которые вытесняют болезнь из организма другой болезнью. Чем менее нуждается школа и семья в этих, иногда

---

[1] К. Д. Ушинский, Собр. неизд. соч., Матер. для пед. антроп., стр. 112—113.

[2] К. Д. Ушинский, Избр. пед. соч., т. II, Рук. к препод. по „Родн. слову", ч. 1, стр. 151.

необходимых, но всегда лекарственных и потому ядовитых средствах, тем лучше".[1]

При разработке вопросов о мерах наказания Ушинский исходил из того положения, что дети все же нарушают и могут нарушать дисциплину, хотя и в самых исключительных случаях, даже в разумно организованных школах. Поэтому прибегать к наказанию учащихся, как мере педагогического воздействия на них, необходимо. Ушинский считал, что „педагогические наказания—не наказания в собственном смысле этого слова,—это не более как вспомогательные средства, без которых иногда не может обойтись воспитатель при достижении этой цели",[2] но он решительно выступал против всяких мер физического наказания, подавляющих, заглушающих в учащихся чувство человеческого достоинства и вызывающих в них лишь чувство страха. „Некоторые педагоги,—пишет Ушинский,—допускают телесное наказание только как средство против злости; другие как средство против лжи, третьи совершенно не признают его как средство противления и т. п. Мы не понимаем такого ограничения. Напротив, страх телесного наказания не сделает злого сердца добрым, а смешение страха со злостью—самое отвратительное явление в человеческой природе. Употребляя наказание как средство к искоренению привычки лгать, можно иногда достигнуть цели, но можно сделать и большой вред; ребенок или не станет поддаваться удовольствию солгать и мало-по-малу кинет дурную привычку, или станет лгать все искуснее и искуснее, и может достичь в этом такого совершенства, что станет обманывать не только своего воспитателя, но даже самого себя, и вся жизнь его может сделаться одною громадной ложью".[3]

Ушинский указывал также на недопустимость физического наказания не только в школе, но и в семье. Основным средством для изжития этого позорного явления Ушинский считал педагогизирование народных масс. „Распространение здравых педагогических понятий между родителями, обдуманное устройство учебных и воспитательных заведений, улучшения в методах преподавания и образования опытных, владеющих собой педагогов—един-

---

[1] К. Д. Ушинский, Избр. пед. соч., т. II, Руковод. к препод. по „Родн. слову", ч. 1-ая, стр.151.

[2] К. Д. Ушинский, Собр. пед. соч., т. II, Внутр. устройство сев.-амер. школ., стр. 59.

ственные средства для постепенного изгнания телесных наказаний",[1] —писал он, выступая не только против физического наказания, но и всякого рода мер, не оправданных педагогически и отрицательно влияющих на самолюбие учащегося. Так, когда Ушинский был назначен инспектором Гатчинского сиротского института, в этом институте он застал практику ведения красной и черной доски. Изучив результаты вывешивания списков учащихся как на черную, так и на красную доску, Ушинский убедился, что эта система отрицательно действовала на нравственность учащихся. Поэтому Ушинский немедленно из'ял использование красной и черной доски в институте.

Ушинский особо подчеркивает вредные последствия искусственного соперничества среди детей, считая это антипедагогической мерой, наказанием для учащихся. „Воспитатель не должен никогда хвалить дитя в сравнении с другими, но только в сравнении с его собственным прежним несовершенством, или еще лучше в сравнении, с нормою того совершенства, которое достигается",[2]—писал он.

Из всех мер наказания Ушинский более приемлемыми считает предупреждение, замечание, низкую оценку поведения. При этом Ушинский предупреждает, что и в этом особенно важно соблюдение педагогического такта и такое отношение к учащемуся, чтобы оно не оскорбляло его личность в глазах всего коллектива.

Очень осторожно подходил Ушинский также и к мерам поощрения учащихся. Признавая материальные награды учащихся антипедагогическими, Ушинский большое значение в деле нравственного развития детей придавал систематическим, заслуженным одобрениям учащихся со стороны преподавателя и школы. „Дети ненавидят учителей, от которых никогда не дождешься одобрения или признания того, что хорошо сделано... Это убивает стремление к совершенству",[3]—говорит Ушинский и требует от каждого учителя одобрения по заслугам и признания успехов учащегося с тем, чтобы развить в них неутомимую жажду итти вперед, сделать эту жажду естественною потребностью каждого учащегося, качеством их личности.

---

[1] К. Д. Ушинский, Собр. пед. соч., т. II, Внутр. устр. сев.-америк. школ, стр. 59.

[2] К. Д. Ушинский, Собр. неизд. соч., т. III, Матер. для пед. антр., стр. 67.

[3] К. Д. Ушинский, Собр. пед. соч., т. II, Внутр. устр. сев.-амер. школ, стр. 59.

VI ГЛАВА

ОБ УЧИТЕЛЕ

О роли, качествах и системе подготовки учителя

Человек—предмет воспитания. Его воспитатели—семья, школа, народ, природа, жизнь в целом. В этих факторах воспитания руководящая роль принадлежит школе. В школе, в этом „организме общественного воспитания", всякому назначено свое дело, но „самый важный член в этом организме, без сомнения, преподаватель".[1] „Многое, конечно, значит дух заведения; но этот дух живет не в стенах, не на бумаге, но в характере большинства воспитателей, и оттуда уже переходит в характер воспитанников"...[2] „В воспитании все должно основываться на личности воспитателя, потому что воспитательная сила изливается только из живого источника человеческой личности. Никакие уставы и программы, никакой искусственный организм заведения, как-бы хитро он ни был продуман, не может заменить личности в деле воспитания".[3] „Главнейшая дорога человеческого воспитания есть убеждение, а на убеждение можно только действовать убеждением. Всякая программа преподавания, всякая метода воспитания, как бы хороша она нн была, не перешедшая в убеждение воспитателя, останется мертвой буквой, не имеющей никакой силы в действительности. Самый бдительный контроль в этом деле не поможет. Воспитатель никогда не может быть слепым исполнителем инструкции: не согретая теплотой его личного убеждения, она не будет иметь ни-

[1] К. Д. Ушинский, Собр. пед. соч., т. I, О пользе пед. литер., стр. 12.
[2] Там же, стр. 13.
[3] К. Д. Ушинский, Собр. пед. соч., т. II, Три элемента школы, стр. 26.

какой силы",[1]—таковы основы положения Ушинского о роли учителя.

Достаточно проследить эти взгляды Ушинского с точки зрения того гениального определения роли учителя, которое дает Ленин еще в 1909 году в своем известном письме ученикам Каприйской партийной школы, что „Во всякой школе самое важное—идейно-политическое направление лекции", что это направление определяется „всецело и исключительно составом лекторов", что „всякий „контроль", всякое „руководство", всякие „программы", „уставы" и проч., все это—звук пустой по отношению к составу лекторов"... и что „никакой контроль, никакие программы и т. д. абсолютно не в состоянии изменить того направления занятий, которое определяется составом лекторов",[2]—чтобы ясно могли представить, насколько правильно понимал Ушинский роль и значение учителя, как решающего фактора в формировании сознания и моральных устоев учащихся.

В соответствии с идеями народности Ушинский первым и основным условием для того, чтобы школа представляла собой кузницу „человечности" и воспитывала детей в духе стремлений народа, считал, чтобы ее учителя были не только образованными, но и пронизанными народным духом, его интересами, были бы вышедшими из среды народа. Он писал: „Желание крестьянина иметь в своей школе настоящего учителя, а не священника, есть только типическое выражение совершенно верной и практической мысли".[3]

Основное требование Ушинского было: „Прежде всего и более всего наше народное воспитание нуждается в людях, способных к этому великому делу, нуждается в народных учителях,—народных не потому только, что они учат народ и в народных школах, а потому, что они вышли действительно из среды народа, вынесли с собою его лучшие, характеристические свойства".[4]

Говоря о качествах учителя, Ушинский прежде всего учит, что учитель должен не только учить, быть преподавателем, учителем, но вместе с тем воспитывать, быть педагогом, воспитателем.

---

[1] К. Д. Ушинский, Собр. пед. соч., т. I, О пользе пед. лит., стр. 12—13.

[2] Ленин, Соч., т. XIV, стр. 118—119.

[3] К. Д. Ушинский, Собр. пед. соч., т. I, Общий взгляд на возникнов. наших нар. школ, стр. 526.

[4] К. Д. Ушинский, Собр. пед. соч., т. I, О нравств. элем. в русск. восп., стр. 260—261.

„В преподавателе среднего учебного заведения знание предмета далеко не составляет главного достоинства. Трудно ли знать какой-нибудь один предмет в пределах гимназического курса? Трудно ли знать три, четыре такие предмета, занимаясь ими исключительно год или два? Но главное достоинство гимназического преподавателя состоит в том, чтобы он умел воспитывать учеников своим предметом",[1]—говорит Ушинский.

Ушинский требует от каждого учителя, чтобы он любил свою профессию, с чувством ответственности относился к этому величайшему всенародному делу и с честью выполнял великое доверие родителей и народа, вручающих ему будущность своего счастья, своей родины. „Вверяя воспитанию чистые и впечатлительные души детей, вверяя для того, чтобы оно провело в них первые и потому самые глубокие черты, мы имеем полное право спросить воспитателя, какую цель он будет преследовать в своей деятельности и потребовать на этот вопрос ясного и категорического ответа",[2]—совершенно правильно пишет Ушинский. Также верно его указание о том, что „прежде всего от народного учителя требуется, чтобы он имел призвание, охоту и способность к своей деятельности".[3] Он призывал учителя к глубокому и всестороннему изучению ребенка и в категорической форме требовал: „Кто хочет учить, тот должен снизойти до потребности ученика, заглянуть в его душу".[4]

Ушинский требовал, чтобы учитель был образованным, знающим свое дело, всегда заинтересованным в совершенствовании своих знаний и педагогического мастерства. „Истинно добросовестный и хороший учитель—явление не совсем такое обыкновенное, как думают; и вот почему не всякий, кто знает предмет (трудно ли знать его!) способен быть учителем. Большой энергии и большого навыка требует добросовестное выполнение этой должности",[5]—пишет он.

---

[1] К. Д. Ушинский, Собр. пед. соч., т. II, Три элем. школы, стр. 28.

[2] К. Д. Ушинский, Человек как предмет воспитания, т. I, стр. VIII.

[3] К. Д. Ушинский, Собр. пед. соч., т. I, Проект учит. семин., стр. 279.

[4] К. Д. Ушинский, Собр. пед. соч., т. I, О нравств. элем. в русск. восп., стр. 232.

[5] К. Д. Ушинский, Собр. пед. соч., т. II, Внутр. устройство сев.-амер. школ, стр. 54.

Учитель выполнит свою большую ответственную функцию и с честью оправдает доверие народа, если он не только совершенствует свои знания, но если он систематически повышает свою педагогическую культуру и, прежде всего, овладевает педагогической теорией. Ушинский правильно указывает, что „Педагогические меры и метод воспитания очень разнообразны, и только знакомство со всем эти разнообразием может спасти воспитателя от той упрямой односторонности, которая, к несчастью, слишком часто встречается в педагогах-практиках, незнакомых с педагогической литературой".[1]

Наряду с этим Ушинский требует от учителя глубокого знания и психологии. Он пишет: „Конечно, не всякий педагог-практик должен быть ученым и глубоким психологом, двигать науку вперед и способствовать созданию, испытанию на деле и исправлению психологической системы,... но от каждого педагога-практика можно и должно требовать, чтобы он добросовестно и сознательно выполнял долг свой и взявшись за воспитание духовной стороны человека, употреблял все зависящие от него средства, чтобы познакомиться сколько возможно ближе с предметом деятельности всей своей жизни".[2]

Особо подчеркивает Ушинский для такого важного дела, каким является воспитание, значение совершенствования мастерства учителя. В этой связи он обращает внимание учителя на необходимость выработки в себе правильного педагогического такта, в противном случае „воспитатель, как бы он ни изучил теорию педагогики, никогда не будет хорошим воспитателем-практиком".[3]

Ушинский предупреждает учителя, что для выработки такого такта недостаточно только знания педагогики или психологии,— необходимо также и совершенствоваться в творческой педагогической практике, используя для этого опыт лучших учителей.

Ушинский считал учителя народным деятелем, а потому требовал от него безукоризненно честного и активного участия в тех или иных областях народной жизни. „Преподаватель, который только в классах занимается своим делом, а переходя за порог

---

[1] К. Д. Ушинский, Собр. пед. соч., т. I, О пользе пед. лит-ры, стр. 11.

[2] Там же, стр. 10—11.

[3] К. Д. Ушинский, Человек как предм. восп., т. I, стр. XXXII.

школы, не встречает ни в обществе, ни в литературе никакого участия к своему занятию, весьма скоро может охладеть к нему",[1] —пишет Ушинский. С той целью, чтобы внушить больше бодрости и надежды народному учителю, поставленному царским правительством в тяжелые культурно-бытовые и материальные условия, Ушинский писал: „Пусть порядочный человек не совестится выбрать для себя учительскую карьеру и смотрит без зависти на чиновника, шагающего от места к месту и от награды к награде".[2]

Одним из самых положительных качеств педагога Ушинский считал его стремление сделать свой опыт достоянием своих товарищей и широких масс учительства, его постоянную готовность перенять хороший опыт других. Требуя, чтобы учитель своим самым лучшим опытом делился через посредство педагогической печати, Ушинский писал: „Всякий воспитатель имеет возможность не ограничиваться тесным кругом своей плодовитой деятельности. Его опыт, мысль, которую он выработал в своей практике, новый вопрос, родившийся в его голове,—все это не остается в пределах его школы, или, что еще хуже, не умрет в нем самом: но, появившись на литературном поприще, облетит все концы России, заглянет во все захолустья, где только есть школа, и вызовет сочувствие или спор в сотне его товарищей, дела, которых коснется мысль его прямо: она может вызвать горячее сочувствие, приобресть защитников и перейти в действительность не в тесных пределах одного класса или одной школы, но в обширных пределах общественного образования целого государства".[3]

Говоря о „детстве души", как об основе плодотворной деятельноети учителя, Ушинский образно пишет: „Вечно встречающееся детство души есть глубочайшая основа истинного самовоспитания человека и воспитания детей. Только тот, кто сохранил в себе возможность во всякую минуту стать лицом к лицу с своей собственной душой, не отдаляясь от нее никаким предупреждением, никакой привычкою, укоренившейся глубоко и потому бессознательною, только тот, кто не торгуется с самим собой и готов всегда, во всей целости своей души, решиться на то или другое, без

---

[1] К. Д. Ушинский, Собр. пед. соч., т. I, О пользе пед. лит-ры, стр. 13.

[2] К. Д. Ушинский, Собр. пед. соч., т. I, Школьн. реформы в Сев. Амер., стр. 140.

[3] К. Д. Ушинский, Собр. пед. соч., т. I, О пользе пед. литер., стр. 16—17.

задних мыслей, без скрытых, не выдавшихся наружу чувств, без обманчивых фраз,—только тот способен итти по дороге самоусовершенствования и вести по ней других".[1]

Отметив важнейшую роль учителя в деле повышения культурного уровня народа и его прогресса, Ушинский решительно выступал за создание специальных учреждений, готовящих учителей и требовал от государства особого внимания к подготовке учительских кадров. „Хорошие школы необходимы теперь как воздух; народ сам сознает потребность учиться, а учителей нет и и нет",—писал Ушинский спустя несколько дней после так называемой крестьянской реформы 1861 года. К тому же он хорошо видел, что и существующие кадры учителей не отвечали высокому назначению учителя.

Ушинский требовал создания единой системы подготовки учителей на базе развития широкой сети учительских семинарий и организации педагогических факультетов при университетах. Он не только выдвигает этот вопрос, но как в своих научно-педагогических работах, так и в ряде специальных документов и положений дает развернутую научно-разработанную теорию подготовки учителя, в особенности через систему учительских семинарий. В разных работах, как, например, в „Проекте учительской семинарии", „Педагогической поездке по Швейцарии", а также в ряде составленных им документов ведомственного характера, в особенности в „Мнениях коллежского советника Ушинского о проекте реорганизации Гатчинского сиротского института", Ушинский высказывает много таких глубоких взглядов о порядке и содержании работы педагогических семинарий, которые сохраняют свое значение и в наши дни. Более того: такие требования Ушинского, как, например, об уделении ведущего места в учебных планах семинарии педагогике, психологии, физиологии и частным методикам, о широкой постановке педагогической практики студентов в школе, о создании опытной (базовой) школы при семинарии, о сообразности курса обучения с будущим назначением студента (воспитанника) семинарии, об организации специальных занятий по выразительному чтению, по рисованию и черчению, по рукоделию, пению, гимнастике и т. д., которые лишь частично практически

[1] К. Д. Ушинский, Собр. пед. соч., т. I, Пед. соч. Н. И. Пирогова, стр. 461—462.

были реализованы ближайшими учениками Ушинского, главным образом Д. Д. Семеновым—основателем и первым директором одной из старейших в России—Кавказской учительской семинарии в Гори (Грузия), свое широкое применение нашли лишь в наши дни в работе высших и средних педагогических учебных заведений. Все это дает нам право сказать, что Ушинский является основателем в России разумной системы педагогического образования.

ГЛАВА VII

О ДИРЕКТОРЕ ШКОЛЫ

В педагогических сочинениях Ушинского находим довольно много указаний по вопросам руководства работой школы, в частности, о директоре, о его роли и функциях, о формах работы и т. д. Эти вопросы лучше всего освещены в таких работах Ушинского, как „Проект учительской семинарии", „Педагогическая поездка по Швейцарии", „Три элемента школы", „О нравственном элементе в русском воспитании" и ряде архивных материалов, в особенности, „Мнение о Гатчинском сиротском институте" и „Проект Гатчинского института". Кроме того, практическая работа Ушинского в должности инспектора как в Гатчинском, так и в Смольном институте представляет лучший источник для того, чтобы составить себе полное представление о взглядах Ушинского по важнейшим вопросам системы руководства учебными заведениями. Здесь особое внимание следует обратить на вопросы, связанные с взглядами Ушинского на роль, содержание и формы работы директора.

„В школьном воспитании самое важное дело—выбор главного воспитателя" [1] (под главным воспитателем Ушинский подразумевает директора—Д. Л.),—говорит Ушинский. Директор школы—это, прежде всего, педагог. „На этом лице должна лежать вся тяжесть ответственности, оно должно быть не администратором только, не начальником, не чиновником, не контролером чужих действий, а воспитателем".[2]

[1] К. Д. Ушинский, Собр. пед. соч., т. II, Три элемента школы, стр. 26.

[2] Гос. Архив ВПК и Б., Ф. Гатчинского сирот. инст., д. № 2103, 1862, л. л. 186—196 (179—189).

Поэтому вредно, когда директор мало занимается не только воспитательной, но и учебной работой всей школы. Следовательно... „учебная часть должна главным образом принадлежать директору, потому что учение есть главное воспитательное средство, скорее хозяйственная и, отчасти, административная часть могут быть несколько самостоятельны, но в подчинении главному воспитателю (директору)".[1]

Директор должен быть высокообразованным и опытным педагогом, иметь способность и уменье искусно, мастерски соединять в себе все три элемента школьной жизни—воспитательную, учебную и административную и правильно направлять их. „Директор-воспитатель должен оправдать свое назначение: не только быть главным администратором, но и главным воспитателем, поучая и поощряя подчиненных своим собственным примером".[2]

Директор—единоначальник, который должен вполне обладать знанием всех сторон жизни школы и осуществлять над нею действительное идейное и практическое руководство на высоком уровне научно-педагогических и государственных требований. „В руках главного воспитателя (директора) должна быть сосредоточена вся власть и воспитательная, и учебная, и административная, но он должен быть таков, чтобы мог действительно указывать по всем этим частям и не мог говорить, что та или другая часть ему незнакомы, и потому-де он за нее не отвечает",[3]—пишет Ушинский.

Поэтому директор должен иметь широкое образование и основательно знать свой предмет, он должен иметь не только опыт педагогической работы и быть умелым администратором, но и владеть педагогической теорией, чтобы прежде всего быть умелым руководителем школы.

По мнению Ушинского, директор должен иметь уроки и сам представлять лучший пример для учительского состава школы в том, как следует высококачественно вести преподавание в классе и, вместе с тем, иметь непосредственное воспитательное влияние на учащихся. „Директор заведения обязан преподавать в старших классах не менее трех часов в день и именно те предметы, ко-

---

[1] Гос. Ц. Архив ВПК и Б., Ф. Гатчинского сирот.-инст., д. № 2103, 1862, л. л. 186—196 (179—189).

[2] Там же.

[3] Там же.

торые могут оказывать большое нравственное влияние на воспитанников".[1] „От чтения лекций директор не может отговариваться незнанием искусства воспитания, потому что, принимая на себя должность директора Сиротского института, он уже тем самым принимает на себя важную воспитательную обязанность и с тем вместе должен уже иметь наставить своих подчиненных и словом и делом в деле воспитания".[2]

Ушинский указывал, что директор должен осуществлять конкретное руководство над ходом всего учения, посещать уроки, следить за нагрузкой и работой учащихся, непосредственно изучать и принимать соответствующие воспитательные меры в отношении особо одаренных, а также отстающих и недисциплинированных учеников. „Директор непосредственно или через учителей наблюдает за порядком и дисциплиною в заведении и следит за занятиями и поведением каждого ученика, оказывая на него воспитательное влияние. Директор наблюдает за ходом всего учения и как можно чаще посещает уроки учителей. Сам директор обязан иметь не более пятнадцати уроков в неделю".[3]

От директора Ушинский требовал знания учащихся своей школы, в особенности тех, которые выделяются своей одаренностью. Директор должен всячески содействовать их правильному и эффективному развитию. Совершенно правильно указывал Ушинский, что „Заведывающее лицо, как бы его ни называли, должно также быть и наставником и воспитателем, принимая под свой личный надзор самых безнадежных воспитанников".[4]

Говоря о работе директора по созданию учебно-материальной и технической базы школы, Ушинский заострял внимание не только на строительстве светлых школьных помещений, отвечающих санитарно-гигиеническим и педагогическим требованиям, но и отметил ряд моментов относительно оборудования школ соответствующими дидактическими пособиями, приборами для лаборатории, коллекциями, картами и другими необходимыми наглядными учеб-

---

[1] К. Д. Ушинский. Собр. пед. соч., т. II, Три элем. школы, стр. 9.

[2] ГЦАВПК и. Б., Фонд. Гатчинского инст., д. № 2103, ч. 1-я, л. л. 186—196 (179—189).

[3] К. Д. Ушинский, Собр. пед. соч., т. I, Педаг. поездка по Швейцарии, стр. 408.

[4] К. Д. Ушинский, Собр. пед. соч., т. I, Проект учит. семинар., стр. 288.

ными пособиями. Вместе с тем Ушинский заострял внимание школ и, прежде всего, их руководителей также на необходимости организации при школе земельного участка и разных мастерских. Он писал: „Постоянные умственные занятия для ребенка—отрока, даже юноши, не только бесполезны, но положительно вредны, и следует ввести в институт (речь идет о Гатчинском Сиротском ин-те—Д. Л.) всевозможные физические работы—огородные и садовые, если уж не полевые, а для зимы—ремесленные занятия, а именно: переплетное мастерство, токарное, столярное, сапожное, портняжное и слесарное. Устройство таких мастерских, необходимых самому заведению, может стоить очень дешево, а дети при небольшом искусстве со стороны воспитателя с жаждой кинутся на все эти занятия".[1]

Отметив, что и в процессе воспитания в школьниках навыков к труду должна быть соблюдена строгая последовательность и систематичность с тем, чтобы в детях „не охлаждалась тяга к труду и не разучивались знания и навыки к труду", Ушинский требовал, чтобы в период каникулов не прерывалась эта работа. „На все вакационное время,—писал он,—следует организовать правильно садовые и огородные работы, а равно более или менее отдаленные прогулки, связав их с правильными наблюдениями природы".[2] Эту меру особенно важной считал Ушинский для городских школ, которые не имеют возможности в невакационное время в широком масштабе воспользоваться величайшим и необходимым воспитательным влиянием сельскохозяйственного труда и наблюдением над природой.

Ушинский возлагал полную ответственность на директора школы в деле создания нормальных санитарно-гигиенических условий в школе в целях правильного физического развития детей, поддержания в них всегда бодрого учебного настроения и полного физического здоровья. В этом отношении он исключительно большое значение придавал поддержанию чистоты воздуха, соблюдению должной температуры, физическим упражнениям во время перемены (а также в период урока) и поддержанию общей чистоты и порядка в школе и ее вспомогательных помещениях, в школьном дворе и т. д. Весьма важным условием нормальной работы в школе Ушинский считал поддержание в классных комнатах оп-

[1] ЦГАВПК и Б., Фонд Гатч. Ин-та, д. 2103, ч. 1, л. л. 186—196 (179—189).
[2] Там же.

ределенной температуры. „Соблюдение должной температуры так же важно для детей, как для цветов, чтобы поддерживать их в бодром, возбужденном состоянии. Не говорим уже о влиянии этого обстоятельства на здоровье",[1]—пишет Ушинский. Он особо отмечает даже необходимость, чтобы в классных комнатах, равно как в коридорах и других местах школьного помещения, были термометры или часто проверялась бы в них температура руководителем учебного зведения с соответствующей отметкой в круговом журнале учебного заведения.

Важнейшей обязанностью директора Ушинский считал установление единых воспитательных мер школы и семьи в отношении каждого учащегося. Не снимая и не недооценивая роли среды в воспитании учащихся, Ушинский требовал: „Каждая школа должна хорошо знать среду, к которой принадлежат дети, воспитываемые в ней, и должна, сколько можно, бороться с вредным влиянием этой среды, давая полный простор влияниям хорошим".[2]

Исходя из того положения, что „родители всегда являются хотя отчасти воспитателями своих детей и полагают первые семена будущих успехов или неуспехов воспитания",[3] первостепенной задачей школы Ушинский считал повышение педагогической культуры родителей. „Отдавая детей в руки воспитателя,—писал Ушинский,—или помещая их в учебное заведение, родители, конечно, не избавляются этим от священной обязанности наблюдать за воспитанием. Но для этого родители должны иметь здравые и ясные понятия о том, чего они могут требовать, с одной стороны, от воспитателя или учебного заведения, а с другой, от своих детей.[4] Поэтому „не для одних воспитателей необходима педагогическая литература: она необходима также и для родителей".[5]

Также правильно требование Ушинского, предъявляемое директору школы относительно его ответственности за сохранность всего имущества школы. Он особо подчеркивает важнейшее значение хранения документов, отражающих прошлое и настоящее жизни всей школы, и каждого ее члена—педагога и учащегося. Ушинский хорошо знал, что архив школы—это зеркало, это исто-

---

[1] К. Д. Ушинский, Собр. пед. соч., т. II, Внутр. устр. сев.-амер. школ, стр 52.

[2] К. Д. Ушинский, Собр. пед. соч., т. II, Гл. черты чел. орг. в прил. к иск. восп., стр. 212.

[3] К. Д. Ушинский, Собр. пед. соч., т. I, О польз. пед. лит., стр. 18—19.

[4] Там же, стр. 17—18.

[5] Там же, стр. 17

рия школы и обучающихся в ней лиц, культурно-историческое и всенародное значение которого неизмеримо велико. Потому Ушинский, считая одной из обязанностей директора общее руководство над оформлением разных документов и материалов, подлежащих хранению, возлагал на него непосредственную ответственность за их ведение и сохранность.

В обязанность директору Ушинский вменял создание коллегиального, сплоченного педагогического коллектива, пропитанного едиными стремлениями и убеждениями. Ушинский учит, что голые административные приказы не дают в деле воспитания желательных результатов и что основной формой руководства директора в этой части должны быть педагогические беседы, совещания, советы. Он пишет: „Все важнейшие дела элементарной школы должны решаться в общем совете всех ее воспитателей и наставников. В этом же совете должна быть решаема участь каждого воспитанника: должен ли он оставаться в элементарной школе, или пришла уже пора оставить ее, и в этом последнем случае должно быть указано воспитаннику его новое назначение, должна быть составлена подробная история каждого воспитанника, которая гораздо более, чем экзамены, знакомит с его способностями и наклонностями и дает возможность определить... какое назначение должно указать тому или другому воспитаннику".[1]

Одновременно с этим Ушинский учит: „Директор во всех сколько-нибудь важных случаях и как можно чаще обязан советоваться с подчиненными ему воспитателями, старшими или младшими, не только потому, чтобы воспользоваться их мнением и обсудить вопрос со всех сторон, не только потому, что подчиненные ему воспитатели ближе к воспитанникам, чем он сам, но для того, чтобы в этих советах образовывалось в воспитителях общее убеждение и чтобы вся их воспитательная деятельность вытекала из убеждения: так как воспитание есть главным образом дело совести, то простой начальнический приказ редко может иметь здесь место".[2]

Придавая исключительно большое значение таким педагогическим совещаниям в общей системе оперативного повседневного руководства учителем и повышением уровня его научно-педагоги-

---

[1] К. Д. Ушинский, Собр. пед. соч., т. I, Проект учит. сем., стр. 288—289.

[2] ЦГАВПК и Б., Ф. Гатчинск. Ин-та, № 2103, ч. 1, 1862 г., л.л. 186—196 (179—189).

ческой и педагогического мастерства, Ушинский в Смольном институте, как его инспектор, сам организовал такие совещания для преподавательского состава института. На этих совещаниях, устраиваемых Ушинским в неделю один раз, по четвергам, разбирались актуальные вопросы постановки обучения отдельных дисциплин, заслушивались информации учителей, и устраивался обмен опытом, организовывались доклады, беседы и сообщения по важнейшим воспросам теории и истории педагогики, психологии и др. Эти знаменитые „четверги", вскоре прославившиеся на весь Петербург и привлекшие к их работе самых передовых педагогов учебных заведений столицы, явились образцом того, как следует руководить работой каждого учителя. Идейная и научно-педагогическая насыщенность этих совещаний не только помогала учителям в усовершенствовании своих знаний в разных областях педагогической теории и практики, но и сплачивала их в единый, коллегиальный педагогический коллектив, работающий по единым принципам.

Из этого коллектива, из этих „четвергов", как бы школы, организованной и руководимой Ушинским, вышли сослуживцы и ближайшие ученики Ушинского, выдающиеся русские педагоги Д. Д. Семенов, Л. Н. Модзалевский, М. И. Семевский, В. И. Водовозов и др., которые, восприняли идеи своего любимого учителя Ушинского, и отдали все свои силы и знания делу просвещения народа.

ГЛАВА VIII

ЗНАЧЕНИЕ К. Д. УШИНСКОГО ДЛЯ РАЗВИТИЯ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ МЫСЛИ В ГРУЗИИ

Известный педагог Н. В. Чехов, в связи с чествованием памяти К. Д. Ушинского в 1910 году, писал: „Его педагогические идеи и сочинения нужны и ценны не для одних русских, но и других народов, живущих в России и имеющих свою школу или добивающихся ее".[1]

Имя К. Д. Ушинского дорого не только великому русскому народу. Оно заслуженно пользуется всеобщей известностью и глубочайшей любовью у всех народов Советского Союза, в том числе и у грузинского народа.

На примере освещения той роли, которую педагогическое учение Ушинского сыграло в развитии педагогической мысли в Грузии во второй половине XIX века, мы ставим себе задачу показать, как велико было его значение для нерусских народов СССР.

1. Проникновение учения Ушинского в Грузию

Все видные грузинские педагоги второй половины XIX века с исключительной любовью и уважением относились к имени Ушинского и заслуженно отводили ему одно из первых мест среди классиков педагогики. Известный грузинский педагог, ныне заслу-

[1] Н. В. Чехов, На могиле Ушинского, журн. „Для народного учителя", 1910 г., № 11, стр. 16.

женный учитель Грузинской ССР, И. Гомелаури в 1901 году в крупном общественно-политическом журнале „Квали“ поместил большую статью—„К. Д. Ушинский, по случаю 30-летия со дня смерти“, в которой анализировал основные принципы педагогической системы Ушинского и призывал грузинский народ, в особенности учительство, „свято хранить заветы отца русской педагогики, никогда не забывать его имя“, так как из всех „он самый могучий проповедник национальной школы и горячий поборник родного языка“.[1]

Имя Ушинского стало известно грузинской передовой интеллигенции уже в начале научно-педагогической деятельности основоположника грузинской педагогики Я. С. Гогебашвили. С работами Ушинского Гогебашвили познакомился еще в период своего учения в Тбилисской духовной семинарии. В 1857—1858 гг. он изучал известные статьи Ушинского в „Журнале для воспитания“ —„О народности в общественном воспитании“, „О пользе педагогической литературы“, „Внутреннее устройство северо-американских школ“ и „Три элемента школы“. Эти статьи открыли Гогебашвили совершенно новую сферу, сферу педагогическую, которая стала ведущей во всей его жизни, его творчестве и деятельности. Гогебашвили особенно основательно изучал педагогические идеи Ушинского будучи студентом Киевской духовной академии. Изучали Ушинского и близкие друзья Гогебашвили, в дальнейшем известные грузинские педагоги Г. Каландарашвили (автор первого учебника русского языка для начальной школы „Первоначальный практический курс русского языка для Грузии“, первое издание в 1866 году), Н. Ломоури, Н. Цхведадзе и др. После же издания Ушинским учебников „Родное слово“ и „Детский мир“ имя Ушинского приобретает широкую известность не только среди интеллигенции, но и всего грузинского народа.

Ушинский становится большим авторитетом для крупнейших представителей грузинской прогрессивной и педагогической мысли. Особенно большое влияние оказал Ушинский своим классическим учением о родном языке как на идеологию, так и на практическую деятельность таких известных руководителей национально-освободительного движения, каковыми были Илья Чавчавадзе,

---

[1] И. Г-р и (И. Гомелаури), К. Д. Ушинский, журн. „Квали“, 1901 г., декабрь, стр. 33.

А. Церетели, Д. Кипиани, Я. Гогебашвили, Н. Цхведадзе и др. Илья Чавчавадзе высоко ценил талант и педагогическое учение Ушинского и характеризовал его, как „крупнейшего педагога, не имевшего у русских равного по настоящее время".[1] Он неоднократно цитирует Ушинского для подтверждения своих взглядов о человеке и его назначении, о родном языке и его роли и, что главное, он, аргументируя Ушинским, дает глубокую критику руссификаторской политики царских чиновников в области народного образования.

Я. С. Гогебашвили, сделавшись верным последователем Ушинского, считал его крупнейшим авторитетом и характеризовал его как „великого русского педагога, обладавшего не только глубоким всесторонним образованием, но и одаренного самобытным творческим талантом и всеми без изъятия признанным патриархом русской педагогики".[2] Во многих работах Я. С. Гогебашвили встречаем мы высокую оценку Ушинского: „Высокоталантливый педагог", „Светило гуманности и альтруизма", „Великий защитник справедливости", „Отец русской педагогики", „Автор высокоталантливого труда", „Автор прекрасного „Детского мира" и „Родного слова" и т. д.,—так отзывается Гогебашвили об Ушинском в своих педагогических и общественно-публицистических статьях.

Высокую оценку Ушинскому давали и другие передовые грузинские педагоги. Так, прозванный „вторым Гогебашвили", крупный педагог Л. Боцвадзе оценивал Ушинского, как „великого мыслителя-педагога эпохи" и особенно подчеркивал большую ценность педагогической системы Ушинского.

Но настоящая оценка больших заслуг Ушинского как в России, так и в Грузии, стала возможной лишь в нашу великую эпоху, в эпоху нерушимой ленинско-сталинской дружбы народов. Признательность и любовь грузинского народа к Ушинскому особенно ярко показал 75-летний юбилей со дня его смерти, который, в Грузии, как и у всех народов СССР, превратился во всенародный праздник. Во всех городах и районных центрах республики, во всех высших учебных заведениях и средних школах были проведены многолюдные торжественные заседания, посвященные Ушинскому. Грузинская пресса широко осветила жизнь, деятель-

---

[1] И. Чавчавадзе, По случаю статьи г. Яновского, соч., т. VII, стр. 215, на груз. яз.

[2] Я. С. Гогебашвили, Разбор руководств по „Русскому языку".

ность и учение великого педагога. В целях изучения наследства Ушинского в высших учебных заведениях и школах были проведены научно-педагогические сессии. В своей передовой статье специального юбилейного номера газета „Сахалхо ганатлеба" писала: „Многонациональный героический советский народ, которым руководит и которому озаряет путь в его победоносном шествии вперед гений великого Сталина, достойно ценит заслуги выдающегося русского педагога К. Д. Ушинского в деле развития педагогической науки у нас и утверждения их в практике здравых педагогических традиций. Он с чувством величайшей благодарности вспоминает имя великого педагога. Благодарный грузинский народ, вместе с великим русским народом, с любовью отмечает эти заслуги прославленного и бессмертного педагога".[1]

Понятно, что такая оценка Ушинского и такая всенародная признательность к нему вполне закономерны, если учтем то большое значение, какое имело учение Ушинского для развития педагогической мысли в Грузии как в период формирования грузинской педагогической науки, так и в последующие периоды ее развития. Прежде всего, это влияние благотворно сказалось на основоположнике грузинской педагогики Якове Семеновиче Гогебашвили, который совершенно справедливо прозван в Грузии „грузинским Ушинским".[2] В этих двух словах грузинский народ выразил свое отношение к Ушинскому и вместе с тем подчеркнул величие и Я. С. Гогебашвили, как выдающегося педагога и последователя Ушинского. Через Я. С. Гогебашвили влияние Ушнского распространилось и на ближайших учеников Гогебашвили—Цхведадзе, Боцвадзе, Ломоури и др., и на педагогов последующего поколения, на современных видных педагогов Грузии.

Это влияние Ушинского в основном определилось в двух направлениях: во-первых, на развитие педагогической мысли и, во-вторых, на непосредственную практику воспитания. В первом случае, как увидим ниже, влияние Ушинского особенно сказалось при выработке такой характерной черты грузинской педагогической науки, как принцип народности воспитания. Этот принцип, составивший как-бы органическую часть программных требований национально-освободительного движения, был выработан под

---

[1] Газ. „Сахалхо ганатлеба", 3 января 1946 г., передовая статья.

[2] Газ. „Комунисти", Я. С. Гогебашвили, 1940 г., редакционная статья.

сильным влиянием русской классической педагогики, в частности, под влиянием Ушинского. Велико также влияние Ушинского и на дидактические и методические учения грузинских педагогов, в особенности на методику преподавания родного и неродного языков в грузинской начальной школе. Это влияние Ушинского сохраняет свое значение и для современной грузинской школы. Практика работы начальных школ Грузии испытала на себе непосредственное влияние учебников Ушинского „Родное слово" и „Детский мир"; по ним в продолжение ряда лет изучали русский язык многие поколения грузинского народа (до 1866 года „Родное слово" фактически являлось единственным учебником русского языка для школ Грузии). Кроме того, эти учебники явились лучшими образцами для Я. С. Гогебашвили при составлении им учебников родного и русского языков. Учебники Гогебашвили „Дедаэна", „Русское слово" и „Бунебис кари" в принципе их построения во многом обязаны учебникам Ушинского и воспроизводят ряд статей и рассказов, принадлежащих Ушинскому (напр., „Приглашение в школу", „Ленивый и прилежный", „Четыре желания", „Что хорошо и что дурно", „Всякой вещи свое место", „Ворон и сорока", „Куй железо пока горячо" и др.). Эти учебники, переработанные в соответствии с задачами нашей школы, в настоящее время являются стабильными учебниками грузинских начальных школ. Таким образом, Ушинский жив и для современной практики школы Грузии; его педагогические сочинения способствуют воспитанию в грузинских детях любви к учебе и труду.

Распространению педагогического учения Ушинского в Грузии способствовали многие обстоятельства.

Педагогическая система Ушинского создавалась в такой исторический период, когда русский народ, в результате могучего расцвета поэзии, литературы, передовой общественной мысли и науки, уже стоял на высоких ступенях мировой цивилизации, и когда русская культура шире и глубже стала оказывать влияние на общечеловеческую культуру во всех областях. Она проникала и в Грузию и оказывала свое благотворное влияние на развитие многовековой грузинской культуры.

Проникновению русской культуры в Грузии главным образом способствовало то, что, с одной стороны, ссылаемые в Грузию прогрессивно-мыслящие деятели и поэты-вольнодумцы вели среди населения большую просветительную работу, с другой же стороны, грузинская молодежь, получившая образование, главным об-

разом, в городах России, приносила с собой новые идеи и взгляды на жизнь, вела большую работу по приобщению грузинской культуры к культуре великого русского народа. „Русская литература,—пишет Илья Чавчавадзе,—руководила нами и оказывала большое воздействие на нашу духовную мощь и силу тем, что она оставила свой след на нашей мысли, чувствах и на всем нашем мировоззрении. В настоящее время нет среди нас ни одного деятеля на литературном или общественном поприще, который был бы свободен от влияния названной литературы. Поэтому мы имеем основание сказать, что каждый из нас вырос на русской литературе, что каждый из нас построил свои убеждения, свое учение на ее великих идеях, сообразно им выбрал себе путь для служения общественному благу".[1] И вот, на этом фоне проникновения русской культуры в Грузию, создались благотворные условия для проникновения и русской педагогики, и, в частности, педагогической системы Ушинского.

Педагогическое учение Ушинского, воплощающее в себе лучшие, гуманные идеи воспитания и провозгласившее принцип обучения на родном языке, отвечало общественно-педагогическим интересам грузинского народа. Дело в том, что царское самодержавие „беспощадно подавляя малейшее проявление народной свободы",[2] свою просветительную политику строило на основе своей генеральной задачи—руссифицировать все народы России. Его просветительная политика в Грузии не только не способствовала просвещению грузинского народа, а, наоборот, являлась средством уничтожения той культуры, которая была создана грузинским народом в продолжение многих столетий. „Царизм стеснял, а иногда просто упразднял местную школу, театр, просветительные учреждения, чтобы держать массы в невежестве. Царизм пресекал всякую инициативу лучших людей местного населения. Наконец, царизм убивал всякую активность народных масс окраины",[3]—пишет товарищ Сталин. Естественно поэтому, что педагогическое учение Ушинского, сделалось знаменем не только педагогического, но, отчасти, и общественного движения в Грузии.

Проникновение учения Ушинского в Грузию было естественным выражением той дружбы, которая издавна установилась и ук-

---

[1] И. Чавчавадзе, Соч., т. XIII, стр. 285, на груз. языке.
[2] Л. П. Берия, Единая семья народов, 1937 г., стр. 4.
[3] И. Сталин, Марксизм и национальный вопрос, 1936 г., стр. 61.

репилась между русским и грузинским народами. Эта дружба берет свое начало в глубоком прошлом и еще более крепнет после присоединения Грузии к России в 1801 году, когда грузинский народ, в результате дальновидной политики крупного стратега царя Ираклия II окончательно и навсегда связал свою судьбу с судьбой великого русского народа. Эта дружба русского и грузинского народов никогда не была однобокой, односторонней дружбой. В письме бойцов Грузии к трудящимся Грузии, напечатанном в газете „Правда" 16 мая 1943 года, дается яркая характеристика исторических корней нерушимой дружбы грузинского и русского народов. „Грузинский народ,—говорится в письме,—искал на своем историческом пути истинного собрата, который делил бы с ним радости и печали и протянул бы ему руку, как руставелевский герой Автандил—Тариэлу. Взоры наших предков издавна были устремлены к великому соседу —России, и уже с XVI века в сознании грузин русский народ встает, как желанный собрат... Россия издавна стала второй родиной многих выдающихся грузин". Грузинский народ издавна доказал любовь и дружбу к русскому народу. Известно, что еще в эпоху Петра Первого прославились имена многих воинов-грузин, самоотверженно сражавшихся за величие России: Петр I за выдающиеся заслуги в борьбе против иноземных захватчиков присвоил звание генерал-фельцейхмейстера сыну грузинского царя Арчила, талантливому Александру Багратиони, который одновременно был назначен начальником русской артиллерии. Александр Багратиони принимал непосредственное участие в войне с шведами. Активное участие принимали грузины-воины и в Семилетией войне. Выдающийся грузинский поэт Давид Гурамишвили, который был участником взятия Берлина, восторженно писал в одном из своих стихотворений:

„И мы под прусским королем
Устои трона расшатали..."

Ученик великого Кутузова, один из замечательных военачальников первой отечественной войны, пламенный патриот Петр Багратиони, как правильно отмечается в упомянутом выше письме, был прямым потомком грузинских полководцев. До шестидесяти высших офицеров-грузин были боевыми соратниками Петра Багратиони. Отмечая эти и другие исторические факты, в письме совершенно правильно указано, что дружба русского и грузинского

народов была подготовлена славными предками обоих народов и закреплена их кровью, пролитой в многочисленных боях с общим врагом.

В этом же номере газета „Правда" в своей передовой статье „Святое братство народов СССР", касаясь вопроса об исторических корнях дружбы русского и грузинского народов, дает следующую исчерпывающую оценку этой дружбе: „Царское правительство посылало многих декабристов на Кавказ, как в ссылку, но они, благородные русские патриоты, находили братский приют в грузинском народе. Великий поэт Грибоедов вошел в грузинскую семью, породнился с ней и его гробница в Тбилиси почитается одинаково русскими и грузинами. Для Пушкина и Лермонтова Грузия была второй родиной. Они воспевали ее горы и доблесть ее сынов... В письме говорится: „Россия издавна стала второй родиной многих выдающихся грузин, не раз доказавших на поле боя сыновнюю преданность своей второй родине и готовность итти ради нее на самопожертвование... Сказано верно и хорошо, как верно и то, что Грузия стала родным краем, школой святой вольности и смелого гордого духа для многих лучших сынов русского народа".[1] На почве нерушимой дружбы русского и грузинского народов проникала в Грузию передовая русская культура и, в частности, педагогическое учение великого русского педагога Ушинского.

Кроме всех этих условий, способствовавших распространению влияния педагогического учения Ушинского в Грузии, немаловажное значение также имело и то, что на Кавказе, по рекомендации Ушинского, попечителем учебного округа Ю. Неверовым на работу в качестве руководителя Кавказской учительской семинарии был приглашен ближайший ученик Ушинского, известный русский педагог Д. Д. Семенов. Семенов работал директором Закавказской учительской семинарии в г. Гори с 1876 по 1883 год. По характеристике Гогебашвили, Семенов был глубоко гуманным педагогом. Он многое сделал для популяризации идей Ушинского. В особенности велика его заслуга в деле подготовки педагогических кадров для школ Грузии, воспитанных на принципах Ушинского.

Большую роль в распространении педагогических идей Ушинского в Грузии сыграл и другой ближайший ученик Ушинского—

---

[1] Газ. „Правда", 1943 года, 16 мая, передовая „Святое братство народов СССР".

Л. Н. Модзалевский, который работал в Тбилиси с 1867 по 1884 год. В 1881 году в Тбилиси была издана его большая работа об Ушинском „К биографии К. Д. Ушинского", которая способствовала широкой популяризации идей Ушинского на Кавказе и, в особенности, в Грузии.

2. Я. С. Гогебашвили—последователь Ушинского

Место и значение Ушинского в развитии педагогической мысли Грузии можно ясно себе представить на основе тщательного изучения педагогической деятельности и взглядов Якова Семеновича Гогебашвили под углом зрения того значения, которое сыграло учение Ушинского для формирования педагогических идей Я. С. Гогебашвили.

а. Краткая характеристика жизни и педагогической деятельности

В 1855 году Гогебашвили оканчивает Тбилисское духовное училище и в том же году поступает в Тбилисскую духовную семинарию.[1] В семинарии (1859—1860 гг.) он впервые знакомится с педагогическими статьями Ушинского. В 1860 году Я. С. Гогебашвили первым учеником кончает семинарию и в 1861 году для получения высшего образования отправляется в Киев, где поступает в духовную академию. В академии он с большим интересом слушал профессора С. С. Гогоцкого, который вел курс педагогики. Наряду с этим, как это видно из воспоминаний известного грузинского писателя, близкого друга Я. С. Гогебашвили, Н. Ломоури, Я. С. Гогебашвили систематически посещал лекции в Киевском университете. Особенно привлекали его естествоведческие дисциплины. Он сделался постоянным посетителем лекций известного натуралиста-дарвиниста проф. К. Ф. Кесслера. Я. С. Гогебашвили основательно изучал сочинения Дарвина, в частности, его, „Происхождение видов". Он ознакомился также с сочинениями Ренана, Гумбольдта, Моллешота и др. Глубоко сочувствуя основному духу учения Дарвина, Я. С. Гогебашвили близко подошел к материалистическому пониманию природы и законов ее развития. Материалистическое понимание природы явилось для Я. С. Гогебашвили научно-методологическим фундаментом, на основе которого сложились его взгляды на роль и значение естествоведческих знаний в системе образования и воспитания человека.

[1] Я. С. Гогебашвили родился 15 октября 1840 года, в сел. Вариани, в нескольких километрах от гор. Гори.

Наряду с этим, Я. С. Гогебашвили в сочинениях великих русских революционных демократов—Белинского, Герцена, Добролюбова, Чернышевского открыл для себя богатейший источник знаний по социально-экономическим вопросам. Познакомившись с их произведениями и усвоивши их основные идеи, Я. С. Гогебашвили становится большим почитателем этих великих людей и всегда с большим уважением произносит их имена. Под их же влиянием Я. С. Гогебашвили знакомится с учением известных социалистов-утопистов Оуэна, Фурье и Сен-Симона. На Я. С. Гогебашвили огромное впечатление произвели студенческие волнения, происходившие в 1863 году в Киевском университете, направлению которых он глубоко сочувствовал. В результате всего этого, Я. С. Гогебашвили, принесший с своей родины любовь к народу, делается убежденным демократом-прогрессистом и до конца своей жизни остается им как в своей общественно-литературной, так и в научно-педагогической и практической деятельности. В свободном труде Я. С. Гогебашвили видел источник человеческого счастья и благоденствия, а потому он проклинал всех тех, кто с презрением относился к этому „величайшему благу" и, в первую очередь, тех, „кто присваивал чужой труд". Такое отношение к труду явилось исходным принципом социальных взглядов Я. С. Гогебашвили, что во многом и обусловило характер разрешения им вопросов о целях и содержании воспитания.

В период своего пребывания в Киевской духовной академии Я. С. Гогебашвили особенно большое внимание уделял изучению педагогических наук. Здесь он основательно изучает труды Локка, Руссо, Коменского, Песталоцци, Толстого, Пирогова и Ушинского. Особенно любимым становится для него К. Д. Ушинский.

В Ушинском Я. С. Гогебашвили видел, прежде всего, крупнейшего русского педагога-мыслителя, горячо защищавшего родной язык, право каждого народа организовать все обучение на родном языке. Этот дух первых же работ Ушинского сделал великого русского педагога самым любимым для Я. С. Гогебашвили уже в его студенческие годы.

Состояние здоровья не позволило Я. С. Гогебашвили окончить курс обучения в академии. По совету врачей, он покидает Киев, едет на родину, закончив только два курса академии. Несмотря на такое кратковременное пребывание в Киеве, этот период в жизни Я. С. Гогебашвили явился одним из решающих. Именно здесь происходит его крещение как демократа-прогрес-

циста с новыми передовыми идеями и взглядами на жизнь; здесь навсегда полюбил он богатейшую русскую культуру и ее творца —великий русский народ, здесь сложилось его убеждение, что будущность и счастье грузинского народа неотделимо связаны с русским народом, с его счастьем и будущностью и, что главное, именно здесь была подготовлена твердая идейно-научная основа для его научно-педагогической деятельности, как „грузинского Ушинского". Уезжая на родину, „он с собою вез,—пишет биограф Я. С. Гогебашвили Д. Касрадзе,—Бокля и Спенсера, Гумбольдта и Смаильса, Гизо и Дреппера, Дарвина и Кондорсе, Песталоцци, Корфа и Пирогова и, наконец, постоянного спутника своей жизни —Ушинского, его принципы воспитания, его методу обучения, его „Родное слово".[1]

В 1863 году Я. С. Гогебашвили возвращается в Тбилиси. Здесь он назначается преподавателем географии и арифметики Тбилисского духовного училища, а через некоторое время переводится преподавателем этих же дисциплин в духовную семинарию. С первых же дней своей педагогической деятельности Я. С. Гогебашвили заслужил среди учащихся любовь и уважение как преподаватель и воспитатель. Многочисленные воспоминания его бывших учеников, впоследствии видных деятелей в различных областях общественной жизни в Грузии, указывают на высокие педагогические качества Я. С. Гогебашвили.

В 1868 году Гогебашвили назначается инспектором духовного училища. Работая в этой должности на протяжении 6 лет, Гогебашвили провел ряд энергичных мер по преобразованию училища в соответствии с требованиями передовой педагогики того времени. Эти преобразования, проведенные Гогебашвили, во многом напоминают преобразования, проведенные Ушинским в Гатчинском и Смольном институтах. Он повел решительную борьбу против телесных наказаний детей, дал широкий простор инициативе и самодеятельности учащихся, организовывал для них разные научные кружки, сам пропагандировал среди них основы учения Дарвина, основал ряд ученических журналов, как, например, „Шрома" („Труд") и всячески содействовал пробуждению в воспитанниках научной мысли, передовых взглядов на природу и общество. В результате всего этого Гогебашвили сделался самым близким и любимым для учащихся педагогом. „Может быт,—пишет в своих воспоминаниях известный грузинский писатель В. Барнови,—и мне, как и многим другим, измученным судьбой в этом училище, приш-

[1] Д. Касрадзе, Я. С. Гогебашвили, биография, 1940 г., стр. 37.

лось бы бросить учебное заведение, если к этому времени не был бы назначен у нас инспектором Яков Гогебашвили (курсив В. Барнови). При вступлении же в эту должность он немедленно воспретил телесные наказания учащихся, что не понравилось администрации. Много пришлось бороться покойному Якову, чтобы училище, эта „палочная юной души" было бы приведено им в состояние учреждения, похожего на учебное заведение".[1] Такую же оценку получила педагогическая деятельность Я. С. Гогебашвили и со стороны видных общественных деятелей Н. Ломоури, Г. Иоселиани, С. Мгалоблишвили и др., которые при Я. С. Гогебашвили учились либо в духовной семинарии, либо в духовном училище.

Совершенно противоположного мнения в оценке деятельности Я. С. Гогебашвили были администрация духовной семинарии и синод. На Я. С. Гогебашвили неоднократно составлялись доносы, в которых его обвиняли в распространении дарвинизма, в пропаганде антиобщественных взглядов и т. д. Ректор Тбилисской семинарии Валентин, неоднократно писавший доносы на Гогебашвили, говорил экзарху Евсевию: „Он—человек с большими способностями, если бы не был материалистом, то был бы достоин высокой должности".[2] Вскоре со специальным поручением синода проверить и снять с работы Я. С. Гогебашвили приехал в Тбилиси ревизор Керский. В своем секретном докладе синоду о результатах проверки деятельности Я. С. Гогебашвили, он писал: „Из компетентного источника мне сделалось известно, что Г. (Гогебашвили) по приезде в Тифлис давал у себя в квартире для более способных воспитанников семинарии литературные чтения. Предмет этих чтений, делавшихся негласно и без надлежащего разрешения, неизвестен; тем не менее о характере их можно судить по тому, что около того же времени ученики приобрели вкус к чтению Бокля и вообще книг отрицательного направления".[3] Одновременно Керский указывал на то, что „...ученикам выдаются для чтения преимущественно книги по части естественных наук и географии".[4] В результате этой ревизии царского чинов-

---

[1] Д. Касрадзе, Литературный портрет В. Барнови, журн. „Картули мцерлоба", 1928 г., № 2, стр. 137, на грузинск. языке.

[2] „Памяти Я. Гогебашвили", 1913 г., 16, статья Арбоэли, на грузязыке.

[3] Отчет о ревизии духовно-учебных заведений в Тифлисе за 1873—1874 год, стр. 139.

[4] Там же, стр. 140—141.

ника Керского, Я. С. Гогебашвили был снят с работы как политически неблагонадежный.

Снятие с любимой педагогической работы весьма тяжело подействовало на Я. С. Гогебашвили, в отчаянии он намеревался покончить жизнь самоубийством. Но, к счастью, Я. С. Гогебашвили вскоре пришел в себя и с свойственным ему мужеством принял твердое решение: „Отныне моя жизнь, все мои силы и знания принадлежат моей родине". „Сжег свои корабли,—говорил Я. С. Гогебашвили своему другу Н. Ломоури, когда он предал огню все свои официальные документы,—чтобы не мог возвратиться обратно". И на самом деле, Я. С. Гогебашвили после этого, до конца своей жизни, в продолжение 38 лет неустанно служил народу, не неся никакой официальной службы.

Впереди был трудный путь многогранной деятельности. Я. С. Гогебашвили без малейшего колебания пошел по этому пути. На него, как на одного из талантливейших соратников И. Чавчавадзе, А. Церетели и др., выпала весьма трудная роль—активное участие в национально-освободительном движении, в борьбе против политики царизма в области народного просвещения, за народную школу, за распространение знаний среди широких масс грузинского народа.

Я. С. Гогебашвили принимал активное участие в литературном салоне (кружке) И. Мамацашвили, где собирались видные общественные деятели и публицисты. В этом салоне, по инициативе Я. С. Гогебашвили, была создана касса из взносов членов кружка. На эти средства кружок открывал в селах народные школы и организовывал издательскую работу. „В этом же кружке родилась и созрела мысль об организации общества по распространению грамотности среди грузинского населения",[1] которая и была осуществлена под руководством главы национально-освободительного движения И. Чавчавадзе в 1879 году. В результате энергичной деятельности правления общества, в котором ведущую роль играл Я. С. Гогебашвили, во многих районах Грузии были открыты народные школы, библиотеки, организовано издание учебников для народных школ и т. д. Общество издавало также различную популярную литературу на актуальные темы из жизни народа и вместе с тем содействовало распространению книг среди широких

[1] Я. С. Гогебашвили, Избр. соч., т. II, под редакцией проф. Г. Тавзишвили, 1940 г., стр. 513.

масс, организовывало публичные лекции и доклады, оказывало содействие в получении высшего образования молодым людям, вышедшим из среды бедных крестьян и т. д.

В первые же годы своей деятельности Гогебашвили хорошо осознал громадное значение учебной литературы для распространения грамотности и культуры среди народа, в особенности, роль учебников для начального образования. Естественно, что в первую очередь его внимание привлек букварь по родному языку.

Составление и издание букваря в Грузии имеет многовековую историю. Печатный букварь для изучения грузинской азбуки выходит в 1629 году под названием „Alphabetum Ibericum" (автор Чолокашвили). Этот букварь напечатан в Риме гражданским шрифтом. В XVIII веке грузинские буквари печатались в Стокгольме (в 1703 году этим делом руководил сын царя Арчила Александр Батонишвили, генерал-фельдцехмейстер армии Петра Великого, участник войн с шведами), в Москве (1729 г., переводный учебник с русского букваря под названием: „Первый учебник для детей с азбукой и складами Феофана Прокоповича в переводе на грузинский язык Гавриила Чхеидзе") и др. В XIX веке до 1865 года было напечатано свыше 10 названий букварей разных авторов (Пл. Иоселиани, Ив. Кереселидзе, Д. Пурцеладзе, С. Мдиванова, П. Умикашвили, В. Тулашвили и др.). Эти учебники, главным образом, были составлены, по буквослагательному методу и изучение родного языка по этим учебникам для учащихся представляло большие, даже непосильные трудности.

По возвращении из Киева Я. С. Гогебашвили приступает к составлению учебников для народных школ. В 1865 году выходит его первый учебник-букварь „Картули энис анбани да пирвели сакитхави цигни" („Грузинская азбука и первая книга для чтения"). В 1868 году издается его знаменитый „Бунебис кари" („Ключ к природе"), книга для чтения, 3-й и 4-й годы обучения (последнее издание вышло в 1913 году). В 1872 году Я. С. Гогебашвили издает „Наставление о том, как должен вести работу преподаватель по азбуке и книге чтения".

В 1876 году издается его незаменимый учебник родного языка „Дедаэна" („Родная речь"), ч. I, который переиздавался ежегодно (иногда несколько раз за год) до 1925 года. Этот учебник выдержал 47 изданий, общим тиражом 1.300.000 экз. В 1944 году „Дедаэна" выходит (в переработке заслуженных учителей Грузинской ССР Н. Боцвадзе и Н. Бурджанадзе) как стабильный

учебник родного языка для 1 класса грузинской начальной школы. В 1876 году издается II часть „Дедаэна", книга для чтения для второго отделения. Последнее издание ее вышло в 1920 году.

В 1885 году Гогебашвили выпускает свой учебник по русскому языку—„Русское слово", ч. I (букварь и книга для чтения), который выдержал 27 изданий, общим тиражом в 293.000, а в 1888 году выходит II часть „Русского слова", книга для чтения по русскому языку, выдержавшая 21 издание, общим тиражом 180000 экз.

В разное время, начиная с 1880 года, Гогебашвили составляет и выпускает книги для чтения для детей разных возрастов, как, например: „Кокори", грузинская семейная азбука с книжкой для чтения (1880 г.), „Кунцула", сборник избранных рассказов русских и западно-европейских писателей для детей старшего возраста (1883), „Хомли", сборник грузинских стихотворений для детей старшего возраста (1883 г.), „Акидо", сборник рассказов для детей (1901), „Кона", иллюстрированный сборник элементарных рассказов по естественной истории.

Гогебашвили написал около 200 оригинальных детских рассказов, повестей и статей учебного характера. Из них 10 рассказов и повестей вышли отдельными изданиями, как например: „Иавнанам ра кмна" („Что сделала колыбельная песня"), „Аспиндзис оми" (Аспиндзская битва"), „Мепе Эрекле да ингило кали" („Царь Ираклии и ингилойка"), „Тавдадебули картвелни" („Самоотверженные грузины"), „Хатис мизези" („Икона ли причина или тоска по родине") и т. д., 13 рассказов помещены в детском журнале „Джеджили" („Нива"), остальные вошли в его учебники.

Вся эта учебно-педагогическая и художественно-дидактическая литература в продолжение многих десятков лет составляла обильную духовную пищу для многих поколений учащейся молодежи. Многое из этих творений Гогебашвили и сегодня с увлечением читается детьми в Грузии и приносит большую пользу в деле их воспитания в духе беззаветной любви и преданности социалистической родине.

Как педагогу-теоретику перу Гогебашвили принадлежит свыше 150 работ по вопросам воспитания, образования и обучения. Большинство из этих работ, в особенности, работы по методике преподавания родного и русского языков, сохраняет свою жизненность и для современной школы.

В многогранной деятельности Гогебашвили следует отметить его заботу об основании в Тбилиси высшего учебного заведения, в частности, университета. Известно, что Грузия имела высшие учебные заведения, не говоря о риторической школе высшего типа, которая существовала в IV веке в г. Понто (Поти), еще в XII веке: академии в Гелати и Икалто. Но после порабощения Грузии монголами, эти очаги науки и культуры были уничтожены. В 30-х годах прошлого столетия в передовой части грузинской интеллигенции возникает мысль об основании в Грузии университета. Впервые (в 1831—1832 гг.) об этом был поставлен вопрос С. Додашвили (автор знаменитой „Логики" на русском языке) и его близкими друзьями. Начиная с 1871 года, почти все прогрессивные журналы и газеты в Грузии (как, напр., „Дроэба", „Иверия" и др.) не раз поднимали вопрос об основании университета в гор. Тбилиси. Не раз ставился этот вопрос и перед высшими властями, но царизм, который „намеренно культивировал на окраинах патриархально-феодальный гнет для того, чтобы держать массы в рабстве и невежестве",[1] под разными предлогами отклонял вопрос об открытии университета в Тбилиси. Ближайший соратник великого Сталина В. М. Молотов в своей статье „Патриоты" и „народное образование", специально посвященной вопросу об открытии университета в Тбилиси, еще в 1912 году, на страницах газеты „Правда" (№ 23, 26 мая) разоблачил политику царизма и его сподвижников, как носителей мракобесия, и требовал открытия университета в гор. Тбилиси. Я. С. Гогебашвили широко популяризировал идею основания университета в г. Тбилиси и способствовал созданию общественного мнения вокруг этого вопроса. Одновременно он провел большую работу по постройке здания университета, которое под видом здания Тбилисской грузинской гимназии строилось на общественные средства. Народный педагог Н. Цхведадзе, который являлся практическим руководителем постройки этого здания, получал систематические указания и помощь со стороны Гогебашвили.

Гогебашвили был большим общественным благотворителем. Еще в начале 1890 года он передал всю свою печатную продукцию, за исключением „Дедаэна", ч. I и II, „Русское слово", ч. I и II, в распоряжение правления „Общества по распространению грамотности", а перед смертью все свои сбережения в 13.000 руб., все учебники, печатные труды, все свое движимое и недвижимое иму-

[1] И. Сталин, Марксизм и национально-колониальный вопрос, Партиздат ЦК ВКП (б), 1936 г., стр. 62.

ществ пожертвовал этому же обществу. Он много помогал учащимся-беднякам, общественным деятелям, поэтам, писателям и др.

Умер Я. С. Гогебашвили 1 (14) июня 1912 года на 72 году своей жизни. Известный ученый академик Н. Я. Марр, выражая свое глубокое соболезнование грузинскому народу по этому случаю, оценивал смерть Гогебашвили как „крупную утрату, которая постигла не только грузин, но и всех, для которых дороги высокие интересы просвещения в Закавказье".

Прах Гогебашвили 10 (23) июня 1912 года был похоронен в гор. Тбилиси, в Дидубийском пантеоне, а 27 октября 1940 года был перенесен на Мтацминдскую гору и предан земле недалеко от могилы Ильи Чавчавадзе.

б) Общепедагогические идеи Гогебашвили

Педагогическое учение Гогебашвили сложилось в полном соответствии с его социально-политическими и философскими взглядами. В социально-политической концепции Гогебашвили главное место занимает вопрос об освобождении грузинского народа от гнета царизма, с одной стороны, и улучшения культурно-бытовых условий трудящихся своей страны, с другой. Прежде всего следует отметить, что Гогебашвили, как и все передовые участники национально-освободительного движения, возглавляемые Ильей Чавчавадзе, при разрешении этих вопросов исходил из того положения, что грузинский народ может достигнуть своего счастья лишь в тесном, братском единении с великим русским народом. Поэтому, призывая грузинский народ к освободительной борьбе, Гогебашвили считал лжепатриотом каждого, кто вопрос о будущности своей родины и народа не увязывал с борьбой великого русского народа за общее светлое будущее. В своей программной статье „Внутреннее обозрение", которая в 1880 году была помещена как редакционная статья в журнале „Иверия", редактируемом И. Чавчавадзе, Гогебашвили писал: „Наши патриоты не хотят воскресить мертвого, а они хотят вывести живого из болота. Они стремятся к тому, что могли бы пожелать талантливейшие русские западники: Белинский, Добролюбов, авторы „Кто виноват" и „Что делать?" (Герцен и Чернышевский—Д. Л.), Щедрин и другие".[1]

[1] Я. Гогебашвили, Избр. соч., т. II, 1940 г., стр. 114.

Для характеристики того, насколько высоко ценил Гогебашвили великий русский народ, видно из его отношения к таким великим его сынам, как Пушкин, Лермонтов, Добролюбов, Ушинский, Корф и др. Так, по случаю смерти Н. Корфа, Я. С. Гогебашвили в 1883 году писал: „Всем, для кого дорого либеральное, прогрессивное направление, как фактор успеха страны, эта внезапная смерть причинит большое горе.... Корф умер так же преждевременно, как преждевременно умирают лучшие сыны России. Не можете не сказать: Пушкины, Лермонтовы, Белинские, Гоголи, Добролюбовы, Ушинские, Корфы в молодости же умирают, а Катковы, Леонтьевы, Победоносцевы, Суворины, Мещерские и другие апостолы мракобесия живут мафусаильское время и всем надоедают".[1]

Гогебашвили чужд лжепатриотизм и шовинизм так же, как чужд ему и безличный космополитизм. Его патриотизм согрет чувством солидарности с другими национальностями. Он писал:"... Наш патриотизм... воплощает лишь чистую любовь к своей отчизне. Ненависть к кому-нибудь, желание угнетать кого-нибудь, стремление сделать кого-нибудь несчастным, в нем не имеет ни малейшего места. Наши патриоты несут свою деятельность не с той целью, чтобы угнетать других и на их унижении возвыситься самим себе, но для того, чтобы нашей нации указать путь к ее умственному развитию, ее нравственному возвышению, ее благоденствию".[2]

Одновременно Гогебашвили твердо стоял за прогресс своей страны и всякую погоню за прошлым считал очень вредным для народа. „Патриоты Бретани и Прованса во Франции,—писал Гогебашвили,—противодействуют новому республиканскому порядку и его направлению и хотят восстановить те взгляды, направление и порядок, которые существовали во Франции до Великой революции. У нас таких патриотов вовсе не найдете. Восстановление старой Грузии, реставрация порядка XVII и XVIII веков и во сне никому в голову не придет: прошлая Грузия у нас всеми признается прошедшим временем, возвращение к которому так же невозможно, как невозможно возвращение воды, которая уже прошла по своему те-

[1] Я. С. Гогебашвили, Ушинский и Корф, Избр. соч., т. II, стр. 141.
[2] Я. С. Гогебашвили, Избр. соч., т. II, 1940 г., стр. 112—113.

чению. Новая Грузия должна быть обращена не назад, а вперед".[1]

Исходя из этих общих установок, Гогебашвили одним из главных средств сохранения национальных прав, национальной культуры и всестороннего развития народа, считал родной язык. В этом вопросе он полностью разделял взгляды Ушинского. Гогебашвили курсивом приводит следующие слова Ушинского, касающиеся роли родного языка в деле сохранения национальной личности. „Язык есть самая живая, самая обильная и прочная связь, соединяющая отжившие, живущие и будущие поколения народа в одно великое историческое живое целое. Он не только выражает жизненность народа, но есть именно самая эта жизнь; когда исчезает народный язык, народа нет более. Пока жив язык народа в устах народных, до тех пор жив и народ. И нет насилия более невыносимого, как то, которое желает отнять у народа наследство, созданное бесчисленными поколениями его отживших предков. Отнимите у народа все, и он все может воротить, но отнимите язык—и он никогда более не создаст его; новую родину даже может создать народ, но языка никогда—вымер язык на устах народа, вымер и народ".[2] Солидаризируясь с Ушинским в этом вопросе, Гогебашвили одним из основных качеств подлинного патриота считал любовь к народу и его языку.

В области социальных вопросов Гогебашвили также придерживался прогрессивных взглядов. Он не был социалистом, но нередко в его трудах, главным образом позднейшего периода, мы находим элементы радикального демократизма. И если он с таким большим восторгом встретил так называемую крестьянскую „реформу" 1861 года, то вскоре, убедившись, что надежды не оправдались, Гогебашвили с горечью отмечает, что крестьянство оказалось обманутым, землю оно не получило, и его экономическое положение не только не улучшилось, но в некоторых случаях даже и ухудшилось. „Хотя после освобождения крестьян прошло 17 лет,—писал Гогебашвили,—но не знаем, назад ли ушло наше крестьянство, так же как и крестьянство России, или вперед идет... Не знаем, сколько семейств смогло освободиться от крепостного ига".[3] Еще в начале 80-х годов, а еще более широко в

---

[1] Я. С. Гогебашвили, Избр. соч., т. II, 1940 г., стр. 113—114.

[2] К. Д. Ушинский, Соч., т. I, 1916 г., стр. 190.

[3] Я. С. Гогебашвили, Избр. соч., том II, стр. 130.

1907 году, Гогебашвили развивал мысль о необходимости уравнения всех без исключения людей в общественно-политическом отношении. Он писал: „Лично я в продолжение всей своей жизни был искренним сторонником равенства и ненавидел всякое господство и противодействовал ему: ненавидел господство князей и дворян, бюрократии и буржуазии... Полного освобождения трудового народа я всегда искренно желал и чем мог, помогал ему. ...Пока земля не перейдет полностью в руки крестьян, заводы и фабрики —в руки рабочих, в человечестве не установится ни общего благоденствия, ни равноправия, ни свободы, и останется нынешнее положение, когда ничтожная часть человечества жиреет от богатства, а большинство страдает от бедности".[1] Такие прогрессивно-демократические социальные идеи во многом определили прогрессивно-демократический характер его мировоззрения в целом.

Исходя из таких социально-политических убеждений и основываясь на принципе народности и воспитания, Гогебашвили в основу своего педагогического учения кладет именно принцип народности. Этим принципом пронизаны все его научно-педагогические работы, публицистические статьи, его учебники и вся его практическая деятельность. Под народностью Гогебашвили понимал культурные, социально-политические и экономические интересы трудового народа своей родной страны. Считая, что трудовой народ является создателем и носителем национального организма, его истории, его настоящего и будущего, и, будучи уверен в том, что „дворянское сословие является пожелтевшей и высохшей веткой нашей нации, и чем раньше колесо жизни отрубит эту ветку от ее организма, тем лучше",[2] Гогебашвили в принцип народности воспитания вкладывает самое прогрессивное для того времени содержание. Основными элементами в этом содержании для Гогебашвили являются родной язык, свободный труд, народная культура и здравый патриотизм. Такое понимание принципа народности и воспитания в корне противоположно тому направлению и тому содержанию принципа народности, который против воли самого народа пропагандировали и насаждали на практике царские служители. Демократизм в понимании принципа народности, как основы всей педагогической системы Гогебашвили, придает пос-

---

[1] Я. С. Гогебашвили, Сборн. избр. пед. и публ. соч., 1910 г. стр. 498.

[2] Я. С. Гогебашвили, Избр. соч., т. II, стр. 320.

ледней жизненность и актуальность для нашей школы, для нашей педагогической науки.

Как понимал Гогебашвили задачи воспитания и какой основной путь намечал он для решения поставленных перед воспитанием задач? Гогебашвили основной целью воспитания считал формирование всесторонне подготовленного и полноценного гражданина, для которого честный труд является природной потребностью, делом доблести, чести и совести, человека, „кто главной целью своей жизни считает счастье родной страны, кто самоотверженно и неустанно борется со всеми препятствиями, которые преграждают путь к прогрессу его родины, кто считает потерянным каждое мгновение, непосвященное заботам об отечестве, у кого сердце обливается кровью при страдании своей отчизны, кто радуется его радости, счастлив его счастьем, несчастлив его горестями, кто готов с улыбкой на устах отдать свою жизнь за родину".[1]

При этом Гогебашвили неоднократно отмечает, что достижение этой цели возможно лишь путем воспитания. Так, говоря о чувстве патриотизма, он указывает, что и это чувство не является прирожденным, что оно представляет предмет воспитания. „Некоторые наши господа скажут,—пишет Гогебашвили,—любовь к родной стране всем даруется, мол, от природы и не следует заботиться о ее воспитании. Для того, чтобы стать патриотом совершенно недостаточно, чтобы человек знал, что патриотизм сам по себе прекрасное дело. Конечно, иметь красивую березу в своей усадьбе для каждого было бы приятно, но только лишь пустым желанием человек не украсит свою усадьбу этим деревом: он должен ее посадить, обеспечить уход, отгородить от всяких невзгод, вырастить и, наконец, наслаждаться ее красотой, пользою ее охладительной тени. И для национального патриотического чувства также требуется длительная забота, уход, внимание и верность. Оно является таким же нежным, как ореховое дерево, таким же глубоким, как его корни, высоким, как его верхушки, широким, как его ветки, плодовитым, как его бутоны".[2] Отсюда—роль воспитания, которому Гогебашвили придавал значение решающего фактора в формировании человека.

---

[1] Я. С. Гогебашвили, Избр. соч., т. II, стр. 111.

[2] Там же.

Считая „идеалом воспитания и обучения гармоническое развитие человека“,[1] Гогебашвили рассматривал воспитание и образование молодого поколения, этого „корня народа“, как важнейшее государственное и всенародное дело. Он вполне разделял мнение Ушинского о том, что „ни железные дороги сами по себе, ни земские учреждения, ни судебные реформы не могут оказать на народ всего своего благодетельного влияния, если уровень его образования не будет сколько-нибудь поднят школою“.[2]

В то же время Гогебашвили хорошо видел, что господствующая в тот период система образования не обеспечивала задачу служения интересам народа. Требуя расширения сети народных школ, он, вслед за Ушинским, объявляет войну против схоластического и догматического обучения детей, которое имело место почти во всех существующих звеньях системы народного образования того периода. В своей известной статье „Дерево по плодам узнается“ Гогебашвили дает исчерпывающую характеристику схоластической школы: „Здесь царит изводящая, бессмысленная зубрежка непонятных слов и сухой механизм обучения. Школа лишена живительной радости, которая представляет такую же необходимую стихию для детской природы, как вода для рыбы“.[3]

Одним из самых больших недостатков современной ему школы Гогебашвили считал оторванность ее от интересов народа. „Самая бедная школа могущественна,—пишет Гогебашвили,—если она посредством родного языка пустила глубокие корни в народ, а самая богатая, во всех отношениях обеспеченная школа бессильна, когда она лишена почвы“. Гогебашвили дает такое удачное сравнение: „Да, хорошо ухаживают за деревом, во всех отношениях заботливо относятся к нему, а плоды оно дает гнилые, ядовитые. Почему происходит так, что отравляет плоды? Дерево не имеет совершенно корней, оно оторвано от земли, от почвы. Вот действительная причина его негодности, его неплодовитости“.[4]

Для Гогебашвили, хорошо знающего отрицательные стороны современной ему школы, вполне понятно было справедливое негодование, недовольство которое открыто выражали трудящиеся массы. Он писал: „Народ ясно увидел, ...что школа не оправдала доверия народа и заставила его смотреть на школу с недове-

[1] Из предисловия „Бунебис кари“.
[2] К. Д. Ушинский, Избр. пед. соч., т. I, 1916 г., стр. 519—520.
[3] Я. С. Гогебашвили, Собр. соч., т. II, стр. 71.
[4] Там же, т. II, стр. 70.

рием“ [1] ...„И неудивительно, что в результате этого народ ненавидит эти школы“.[2]

Такой же критике подвергает Гогебашвили отрицательные стороны в работе и средних учебных заведений, в особенности классических гимназий. Отмечая нежизненность направления классического образования, он пишет: „Если вначале в гимназии поступают сто учеников, то до конца курса едва достигает четыре ученика, и то в лучшем случае, а достигают они усталые, утомленные, девяносто шесть же высыхают в пустынной Сахаре классицизма“.[3] „И положение окончивших курс гимназии является незавидным, если они не одарены исключительным талантом; после окончания гимназии они почувствуют необыкновенную истощенность своих сил, усталость, и их аттестат зрелости будет аттестатом истощенности. Какого благоденствия может ожидать родина от этих истощенных классиков?“.[4]

Гогебашвили полностью разделял взгляды Ушинского по вопросу о классическом и реальном образовании. Он писал: „Я всегда был, есть и буду сторонником системы реального образования“.[5] В своих требованиях о новой системе образования, о содержании народной школы, об учебных планах, программах и т. д., Гогебашвили всегда исходил из того, что именно реальное образование принесет народу пользу, во многом повысит его экономический, умственный и нравственный уровень. Однако, придерживаясь мысли Ушинского о том, что „не о преимуществах этих двух направлений (классического и реального образования—Д. Л.), а о гармоническом их соединении следовало бы говорить“,[6] Гогебашвили вовсе неодносторонне понимал направление реального образования. Он правильно указывал, что „реальная система обеспечивает учащимся и то формальное развитие, которое составляет единственное достоинство классической системы, и, кроме того, обогащает их подлинными знаниями“.[7]

---

[1] Я. С. Гогебашвили, Собр. соч., т. II, стр. 78, автор имеет в виду школы „Общества распространения христианства“—Д. Л.

[2] Там же, стр. 71.

[3] Там же, стр. 276.

[4] Там же, стр. 265—266.

[5] Там же, стр. 265.

[6] К. Д. Ушинский, Человек как предмет воспитания, т. I, изд. 1901 г. стр. 22.

[7] Я. С. Гогебашвили, Избр. соч., т. II, стр. 276.

Исходя из такой установки по вопросу „чему учить" и основываясь на принципе народности воспитания, Гогебашвили требует открытия таких школ, которые давали бы учащимся подлинние знания в самых различных областях науки и общественной жизни. „В настоящее время,—пишет Гогебашвили,—для всех является очевидной истиной, что специальное образование, более или менее бессильно, если ему не предпосылается общее образование, способствующее расцвету всех умственных способностей учащегося и превращающее его в полноценного человека. Специалист, лишенный общего образования, уподобляется машине, которая одно выполняет механически, а что-нибудь другое выполнить не может. Такой узкий специалист всегда теряется в иных обстоятельствах, самостоятельно ничего не может делать и часто портит дело, вместо того, чтобы выполнить его".[1]

в) Теория обучения Гогебашвили

Гогебашвили в своих научно-педагогических работах большое внимание уделял вопросам дальнейшего усовершенствования и конкретизации таких принципов обучения, как принципы сознательности, наглядности, воспитывающего обучения и др. Что особенно ценно в работе Гогебашвили и, пожалуй, является главным, так это то, что общедидактические принципы обучения он приложил к составлению своих учебников с исключительным знанием и мастерством подлинного дидакта-виртуоза.

Ведущим дидактическим принципом Гогебашвили считал принцип сознательности в обучении. И в этом вопросе он полностью стоял на позиции Ушинского, который писал: „Отличительный признак человека, воспитанного совершенно схоластически, заключается именно в том, что все бесчисленные представления, понятия и даже идеи лежат в голове такими мертвыми вереницами, как лежат по преданию оцепенелые от стужи ласточки: один ряд лежит возле другого, не зная о существовании друг друга, и две идеи, самые близкие, самые родственные между собою, могут прожить в такой, поистине темной голове, десятки лет и не увидеть друг друга. Я выставляю это явление в его крайности, но не в такой крайности оно бывает почти во всех головах... К воцарению возможно большего света должно стремиться

[1] Я. С. Гогебашвили, Избр. соч., т. II, стр. 272.

всякое учение".[1] Для Гогебашвили именно этот „свет" в сознании учащихся должен был представлять и фундамент, и предмет всякого обучения. Он писал: „Обучение, чтобы быть педагогическим и развивающим, должно сопровождаться на каждом шагу и на каждом слове полным пониманием, что от этой полной сознательности преподавания зависит воспитание крепкости и твердости внимания учащихся,[2] так как... „только при сильном сосредоточении внимания делаются доступными нашему уму внутренние глубокие стороны предметов".[3] Считая внимание психологической основой сознательности в обучении, Гогебашвили в воспитании внимания в то же время видел одну из задач обучения, посредством которой можно осуществить принцип сознательности. Ушинский писал: „Внимание есть та единственная дверь нашей души, через которую все, что есть в сознании, непременно проходит, следовательно, этой двери не может миновать ни одно слово учения, иначе оно не попадет в душу ребенка. Понятно, что приучить детей держать эти двери открытыми, есть дело первой важности, на успехе которого основывается успех всего учения[4] „... развить в ученике внимание к научным предметам—значит проложить ему широкую и легкую дорогу. Внимание есть единственные ворота, через которые сознательное знание, одно только плодовитое, может перейти в умственные способности ученика,[5] поэтому „...степень внимания учеников служит, по нашему мнению, лучшим термометром достоинства воспитателя и преподавателя, годности и методы преподавания и правильности устройства учебного или воспитательного заведения".[6]

Разделяя эти взгляды Ушинского, Гогебашвили писал: „Главнейшая задача обучения заключается в воспитании внимания учащихся, в приучении их сосредоточивать свой ум в данный момент на известном предмете, подлежащем наблюдению и изучению".[7] При этом он указывал, что подлинное, сосредоточенное внимание создает не схоластическое содержание обучения, а вполне до-

---

[1] К. Д. Ушинский, Избр. пед. соч., т. II, Руковод. к препод. по „Родн. слову", 1939, стр. 174.

[2] Я. С. Гогебашвили, Разбор учебн. руков. по русск. яз., стр. 7.

[3] Там же, стр. 22.

[4] К. Д. Ушинский, Избр. пед. соч., т. II, 1939 г., стр. 171.

[5] К. Д. Ушинский, Собр. пед. соч., т. II, 1913 г., стр. 55.

[6] Там же, стр. 58—59.

[7] Я. С. Гогебашвили, Разб. учебн. руков. по русск. яз., 1896 г., стр. 36

ступные детям учебные материалы, которые взяты из действительности, которые отражают ее и одновременно создают в детях заинтересованность для преодоления трудностей учения. Он требует „отвернуться от ложного знания, от зубрежки формул и приступить к приобретению действительного, истинного знания".[1]

Гогебашвили дает ряд замечательных указаний, в особенности на примере преподавания родного и русского языков, как должен осуществляться переход от близкого к далекому, от простого к сложному, от легкого к трудному, от знакомого к незнакомому. Образцами лучшего практического их применения являются его учебники „Дедаэна", „Бунебис кари" и „Русское слово".

Имея в виду общий дух педагогического учения Гогебашвили, понятно, почему он придавал такое большое значение принципу наглядности в обучении. Он не раз указывал, что в воспитании и обучении не может быть сознательности, если наглядность не пронизывает все обучение. Однако, для него этот принцип не принимает всеобъемлющего характера и пользование им дозируется в соответствии с возрастом детей, с особенностями учебного материала и условиями, в которых протекает обучение. „Итак,—пишет Гогебашвили,—прежде предмет, потом его название; прежде зрительное впечатление, потом слуховое восприятие. Если же нельзя показать самого предмета, предъявите детям рисунок. Если же не имеется под руками ни того, ни другого, или слово выходит из зрительной области, тогда прибегайте к посредству живого слова".[2] Эту идею он проводит во многих своих научно-методических работах.

Учебники Гогебашвили являются образцом, как следует реализовать принцип наглядности в учебниках начальной школы. Идейность содержания рисунка, правильная методическая обработанность, высокая художественность и точное отражение действительности придают иллюстрациям учебника большую образовательную и воспитывающую силу. Стоит всмотреться в эти учебники, чтобы эти достоинства бросились в глаза, начиная с простого рисунка, и кончая рисунками с более сложной композицией.

Последовательность и постепенность в обучении для Гогебашвили являются необходимым условием общего успеха в деле овладения знанием „незыблемых законов обучения.

---

[1] Я. С. Гогебашвили, Избр. соч., т, II, стр. 276.

[2] Я. С. Гогебашвили, Руководство для учителей и учительниц, 1893 г., стр. 8.

С изумительным мастерством и умением соблюдает он в своих учебниках эти два важнейших принципа в обучении.

Наряду с другими дидактическими принципами, обеспечивающими получение детьми полноценных знаний, Гогебашвили огромное значение придавал системе педагогических мер, способствующих овладению детьми основательными, прочными знаниями. В системе этих мер Гогебашвили особое место отводил сознательным повторениям, как попутным, так и специальным. Признавая как непреложную истину, что „повторение—мать учения", Гогебашвили требовал так поставить преподавание, чтобы пройденное закреплялось новым, последующим материалом, а также многократными повторениями. Он считал, что если „сегодняшнее не опирается на вчерашнее"... и если „сегодняшнее не закрепляется последующим", то „усвоенное учащимися сегодня, забывается завтра, а заученное завтра улетучивается из головы послезавтра". В таком случае „ученический мозг является ареной, где на короткое время появляются звуковые впечатления, чтобы вскоре, подобно миражу, исчезнуть и уступить место другим, таким же мимолетным представлениям, в свою очередь вскоре улетучивающимся. Что может быть вреднее этого не только для языкознания, но и для нормального умственного развития".

Вся система обучения по учебникам Гогебашвили пронизана принципом воспитывающего обучения. Так же, как и Ушинский, писавший, что „учение есть могущественный орган воспитания", Гогебашвили считал, что обучение, оторванное от воспитания, есть лжеобучение.

Воспитание в детях любви к учению, к природе, к труду, воспитание чувства пламенного патриотизма, соединенного с чувством солидарности с другими национальностями, воспитание любви к русскому языку и русскому народу, воспитание чувства справедливости, гуманности и других высоких качеств человека являлись для Гогебашвили всегда центральными задачами обучения. Как много высоконравственных, теплых и задушевных наставлений содержит написанное товарищем Сталиным в годы юношества и помещенное в „Дедаэна" (I часть) высокохудожественное стихотворение „Дила" („Утро"), впервые опубликованное в 1894 г. в газете „Иверия", призывающее детей к учению и овладению зна-

[1] Я. С. Гогебашвили, Разбор учебн. руковод. по русск. языку, стр. 8.

ниями на благо своей родины; какие высокие чувства к родной матери выражены в рассказе Гогебашвили „Вано и птички", каким высоким чувством любви к отчизне согрет замечательный рассказ „Путешествие севрюги" (помещен в „Бунебис кари"), а также другие учебные материалы, помещенные во всех учебниках Гогебашвили!

Именно это воспитывающее направление учебников Гогебашвили обеспечило им большой успех и сделало их любимыми книгами не только для детей, обучающихся по ним, но и для взрослых, которые когда-то учились по этим замечательным учебникам.

г) Родной язык—основа обучения

Как известно, родной язык Ушинский считал краеугольным камнем всего обучения. „Главным предметом в общем гуманном развитии современного человека,—писал Ушинский,—должны стоять родной язык и родная литература".[1] Поэтому „нельзя сказать, чтобы пренебрежение родным языком, при первоначальном обучении, не оставляло весьма печальных следов в нашем дальнейшем образовании. Отечественный язык есть единственное орудие, посредством которого мы усваиваем идеи и знания".[2]

Опираясь на эти и другие аналогичные высказывания Ушинского, Гогебашвили писал: „Родной язык не внешним образом связан с человеческим существом, он не похож на одежду, которую можно сменить легко и безболезненно; родной язык неисчерпаемая сокровищница, неисчерпаемая книга, где сокрыты все богатства разума, фантазии и сердца народного, все продуманное, прочувствованное и содеянное им, изучение чего сближает ребенка с душой и сердцем целой нации, с ее длительной исторической жизнью и пополняет его духовной силой и бодростью".[3]

Отсюда Гогебашвили в родном языке видел великую воспитательную силу для учащихся и для всего народа. Эту мысль, которой насквозь проникнуты все его учебники по родному языку, он всегда решительно отстаивал во всех своих многочисленных работах. Будучи убежден в том, что в ближайшем будущем будут созданы благоприятные условия для процветания родного, гру-

[1] К. Д. Ушинский, Собр. пед. соч., т. I, 1916 г., стр. 484.
[2] Там же, т. II, 1913 г., стр. 246.
[3] Я. С. Гогебашвили, Избр. соч., т. II, стр. 360—363.

зинского языка, Гогебашвили считал, что это процветание в полной мере возможно с приобщением к культуре и богатейшему языку великого русского народа. Гогебашвили писал: „Пережив благополучно тысячелетние бури, унесшие с собою массу языков и народов, и пристав к русской гавани, язык этот не может не питать светлой надежды, что благоприятные обстоятельства позволят ему расцвести попрежнему, развиваться далее, усовершенствоваться и оказывать народу, создавшему его, те великие педагогические услуги, к которым способен родной язык, в особенности развитой—этот великий педагог—по выражению Ушинского."[1]

Гогебашвили полностью разделял мысли Ушинского о том, что школа, построенная не на родном языке, с „первого же дня, и весьма неласково, напомнит ребенку, что он не дома... такая школа не пустит корни в народную жизнь и не принесет для нее полезных плодов... И что же сделала такая школа: хуже чем ничего. Она на несколько лет задержала естественное развитие дитяти... Душу же человека такая школа не развивает, а портит".[2] В соответствии с этим, Гогебашвили писал: „Там, где действительно зажигался светоч науки, его главной опорой всегда являлся и является родной язык, обучение на родном языке, как лучшее средство образования и приобретения знаний. Всюду, во всех странах, где люди свернули с этого пути, там, вместо просвещения разума, достигали его затемнения, вместо просвещения—мрака, вместо чистоты и подъема нравственности—его падения".[3]

Самой крупной, исторической заслугой Гогебашвили являются его учебники по родному языку, в особенности „Дедаэна", I часть. Известный педагог Л. Н. Модзалевский, обращаясь к своему учителю Ушинскому на прощальном обеде в 1864 году (в Петербурге), в своей речи сказал: „В последние два года вы честно работали на пользу нашего юношества и в своей литературной деятельности спустились до „азбуки", или, вернее, поднялись на самую высоту педагогической науки, педагогического творчества".[4] Эти слова с успехом можем повторить и по адресу автора замечательного учебника „Дедаэна"—Гогебашвили. Тот факт, что этот учебник неизменно служил грузинскому народу в продолжение 50

[1] Я. С. Гогебашвили, Руководство для учителей и учительниц, стр. 92.

[2] К. Д. Ушинский, Собр. пед. соч., т. I, стр. 380.

[3] Я. С. Гогебашвили, Избр. соч., т. II, стр. 365.

[4] Памяти К. Д. Ушинского, 1896 г., стр. 167.

лет, и что в настоящее время он с некоторыми изменениями является стабильным учебником в грузинских начальных школах, говорит о том, что имя Гогебашвили было бы бессмертно и тогда, если бы он не создал ничего, кроме этого учебника-букваря.

Блестящую характеристику той роли, которую сыграла „Дедаэна" в жизни грузинского народа, дает один из основоположников революционного марксизма в Грузии Александр Цулукидзе. „В 1901 году,—пишет Ил. Бахтадзе,—в Хони я находился в семье моего соседа, известного революционера, соратника великого Сталина, Александра (Саша) Цулукидзе. Однажды, войдя в комнату к Александру Цулукидзе, я увидел на его письменном столе, наряду с книгами политического и политико-экономического характера, напечатанными на грузинском и русском языках, „Дедаэна" Якова Гогебашвили в драгоценном позолоченном переплете. На мой вопрос, чем объяснить такое уважение к Якову Гогебашвили, Александр Цулукидзе ответил: „Большая часть нашей ветренной интеллигенции, вышедшей из среды торговцев и выродившихся сословий, на словах очень много твердит о любви к родине и родному языку, а сама на чуждом языке мыслит, пишет и говорит; она даже считает ниже своего достоинства говорить и писать на своем родном языке. В среде нашей грузинской интеллигенции, к сожалению, немного найдется таких лиц, которые совместно с рабочими и крестьянами на самом деле защищали бы интересы грузинского народа, святость своего родного языка, а если и есть такие, то среди них первым является Яков Гогебашвили. В то время, как апостолы мракобесия—царские чиновники,—продолжал Александр Цулукидзе,—при поддержке некоторых грузин-выродков, этих проклятых любителей царских мундиров и чинов, запрещали и запрещают нам учиться, говорить и писать на нашем родном языке, Яков Гогебашвили вот этой книгой (указал на книгу) учил и в настоящее время продолжает учить грузинские юные поколения своему родному языку".[1]

В чем заключаются главные достоинства „Дедаэна"?

Прежде всего, букварь составлен по аналитико-синтетическому методу, который впервые был введен в Грузии Гогебашвили. Обосновывая преимущества этого метода, по сравнению с буквенным и буквослагательным методами, Гогебашвили писал: „Каждое новое тогда воспринимается, когда в старом осознаются недостатки. Какие недостатки имеют обыкновенные буквенные методы. Их

[1] Газ. „Сабчота масцавлебели", 1945 г., 27 октября, № 15 (841).

первый, основной недостаток заключается в том, что азбука начинается с букв".[1] Изучение азбуки по Гогебашвили должно начинаться не с букв, „которая ничего не выражает для ребенка, а со слов... Ученик сразу же почувствует, что между природой, жизнью и обучением существует связь".[2] Кроме того, по этому методу ученик учится чтению более разумно и быстрее.

„Дедаэна" составлена по методу чтения—письма, т. е. сначала наглядно изучается название буквы, ее очертание и форма, а после ведется обучение написанию данной буквы. Этот принцип остается в силе и в настоящее время.

Порядок изучения букв в учебнике Гогебашвили установлен с учетом степени трудности самих букв. Этот порядок последовательного расположения букв вполне соответствует, с одной стороны, каллиграфическим своеобразиям каждой буквы и, с другой стороны, и дидактическим требованиям этого расположения.

Все материалы для беседы, а также рассказы и стихи, помещенные в учебнике, взяты, главным образом, из окружающих, близких и знакомых детям явлений жизни и природы, что придает книге еще большую как образовательную, так и, в особенности, воспитывающую силу. Весьма большое внимание уделено естествоведческому материалу, который преподносится не в сухом виде, а в форме рассказа, увлекательного описания и т. д.

В учебнике с большим мастерством реализовано требование самого Гогебашвили о том, что „воспринятое на сегодняшнем уроке, должно повторяться на следующих уроках в иных комбинациях и других сочетаниях. Иначе невозможна твердая запечатлеваемость усваиваемого в памяти учащегося, и обучение будет построено на песке".[3] Так, например, каждая новая буква преднамеренно дается в разных комбинациях и сочетаниях в нескольких последующих уроках. Так же происходит и с отдельными новыми словами, и даже фразами, причем эти повторения дозированы в соответствии со степенью трудности самих букв, слов и фраз.

Учебник тщательно составлен и в смысле использования принципа наглядности. Подавляющее большинство иллюстраций, которые вошли в существующий в настоящее время стабильный учебник родного языка для первых классов начальных школ, полностью соответствуют всем педагогическим требованиям.

---

[1] Я. С. Гогебашвили, Наставление учителям, 1867 г., стр. 8.
[2] Там же, стр. 11.
[3] Я. С. Гогебашвили, Разб. учебн. руков. по русск. яз., стр. 8.

Язык учебника во всех отношениях безукоризненный, что придает ему особенную привлекательность и вместе с тем логическую стройность.

Общее техническое оформление учебника прекрасное. Даже интервалы между буквами, не говоря уже об интервалах между словами, между заголовком и текстом, рассчитаны в точности, и редко можно встретить учебник, где так хорошо была бы выдержана симметричность и гармоничность во внешнем расположении материала. Все это придает „Дедаэна" изумительную четкость, стройность, с соблюдением ничем и нигде ненарушающегося порядка.

В деле овладения родным языком и для умственного развития детей большую роль сыграла также II ч. „Дедаэна", предназначенная для 2-го года обучения. Этот учебник содержит ряд умело подобранных стихов, басен, народных песен и повестей. Все материалы расположены в такой последовательности, что после изучения определенной группы учебных материалов учащиеся получают связное, цельное впечатление об явлениях и предметах. Эти группы Гогебашвили называет рядами. Всего таких рядов в учебнике 20.

Они подобраны с большим мастерством как по своей доступности для учащихся, так и по их научной и моральной направленности и языка. В учебнике помещено большое количество рассказов и повестей, принадлежащих перу самого Гогебашвили; он же является автором всех рассказов и описаний по географии, а также исторических повестей, как, например: „300 самоотверженных крестьян", „Крестьянин Ваташвили и Зедгинидзе", „Сачино Бараташвили", „Цотне Дадиани", „Самоотверженный Тевдоре". Эти исторические повести в ярких красках и в доступной для детей форме рисуют отдельные эпизоды героической борьбы грузинского народа с иноземными захватчиками.

Чувством любви к родине, к родной природе, труду, народу, правде и к другим высоконравственным человеческим качествам пронизана и книга для чтения III и IV годов обучения „Бунебис кари" („Ключ к природе"). Эта детская энциклопедия, составленная под большим влиянием „Детского мира" Ушинского и построенная на высоком научно-педагогическом уровне, в продолжение десятков лет являлась источником, откуда учащаяся молодежь черпала знания о природе, о родине, о культуре, об истории своей страны и

т. д. В этой книге помещены лучшие, доступные для детей произведения таких замечательных мастеров художественного слова, как Пушкин, Л. Толстой, Крылов, И. Чавчавадзе, А. Церетели, В. Пшавела, Н. Бараташвили, Р. Эристави, Сулхан-Саба Орбелиани и др.

д) Принципы преподавания русского языка в грузинской школе

Гогебашвили считал, что, наряду с знанием родного языка, грузинскому народу необходимо также и знание русского языка, который он называл „отечественным" языком. Он целиком присоединялся к оценке значения русского языка для Грузии, которую давал ему И. Чавчавадзе, и считал русский язык важнейшим фактором развития грузинской культуры и всей жизни народа по новому пути. Гогебашвили не только высоко ценил богатый русский язык, но любил его как свой второй родной язык. Придавая большое значение знанию русского языка каждым грузином, Гогебашвили вместе с И. Чавчавадзе считал, что „без знания русского языка, этого большого блага для каждого кавказца, невозможно стать полноценным гражданином большого государства".[1]

Знаменательно и то, что это огромное значение знания русского языка для грузинского народа было полностью осознано и самим народом в такой степени, что знание русского языка он считал „неотъемлемой частью и одним из основных показателей образованности грузина. Гогебашвили так характеризовал эту всенародную любовь и уважение к русскому языку: „Наш народ желает знать русский язык. Это желание—надо правду сказать—настолько значительно, что народная школа, в которой не будет места русскому языку, не сумеет завоевать полной симпатии нашего народа".[2]

В области постановки преподавания русского языка в грузинской начальной школе Гогебашвили оставил богатое научно-педагогическое наследство. Его перу принадлежат: „Русское слово", ч. I (букварь) „Русское слово", ч. II (книга для чтения), „Методическое руководство для учителей и учительниц грузинских начальных школ к преподаванию по книге „Русское слово" (98 стр.),

---

[1] Я. Гогебашвили, „Как улучшить кавказскую народную школу", 1903 г., стр. 45.

[2] Я. Гогебашвили, Избр. соч., т. II, стр. 451.

„Как улучшить кавказскую народную школу“ (60 стр.), „Государственный язык в грузинских начальных школах“ (98 стр.), „Разбор учебных руководств по русскому языку“ (96 стр.), „О грузинском и русском алфавитах с педагогической точки зрения“ (30 стр.), „Нормальное письмо“ (32 стр.) и ряд статей в журналах и газетах, как, например, „Как учить русскому языку“ (газета „Обозрение“, 1895 г., №№ 4024, 4027), „Родное слово“ Ушинского в кавказских школах“ (газ. „Новое обозрение“, 1893 г., №№ 3390, 3392) и др.[1]. Первые две из этих книг являлись учебными руководствами для учащихся, лучшими учебными пособиями для изучения русского языка и приобщения к русской культуре, остальные же—научно-методическими руководствами для учащих, лучшим пособием для овладения ими теорией и педагогическим мастерством, для успешной постановки преподавания русского языка в грузинской школе.

О высоком качестве учебников Гогебашвили „Русское слово“ ч. I и ч. II прежде всего говорит тот факт, что они в продолжение 40 лет были незаменимыми учебниками в школах Грузии. Несмотря на жестокие преследования этих учебников со стороны царских чиновников, главным образом, представителей кавказского учебного округа (директор народных училищ Кутаисской губернии Ф. Левицкий циркулярно предлагал проподавателям русского языка школ Кутаисской губернии изъять учебники Гогебашвили и вести преподавание русского языка по учебнику „Курс русского языка для начальных училищ Закавказья“, автором которого являлся сам этот „ташкентец“[2] Левицкий), учебники Гогебашвили успешно выдержали все эти нападки и оставались почти единственными учебниками во всех школах Грузии.

О высоких качествах „Русского слова“ говорит и тот факт, что эти учебники были широко распространены за пределами Грузии и даже Закавказья (они были приняты как учебные руководства на Северном Кавказе и в Казанской губернии и т. д.).

---

[1] Все перечисленные здесь работы написаны и изданы на русском языке—Д. Л.

[2] Под влиянием сатирического романа Н. Щедрина „Господа ташкентцы“, Я. С. Гогебашвили часто под этим прозвищем упоминал имена таких мракобесов, как Победоносцев, Кувшинский, Лихачев, Завадский, Зуев и др., для которых наука была создана „не для распространения, а для стеснения просвещения“ (Щедрин).

Как местная, так и центральная печать положительно отзывалась об учебниках русского языка Гогебашвили и отмечала их высокие качества. Так, например, в журнале „Филологическая библиотека" мы находим такие строки: „Редко можно встретить среды массы учебных руководств, составленных для изучения русского языка инородцами такой прекрасный и талантливо составленный учебник, как труд г. Гогебашвили".[1] Такую же оценку дает также и журнал „Начальное обучение": „Издавая свое учебное руководство для Грузии, г. Гогебашвили высказал мысль о настоятельной необходимости иметь для каждой народности Кавказа особое руководство по русскому языку. Мысль кавказского педагога, безусловно, верная; практическое ее осуществление желательно не по отношению только к разным народностям Кавказа, но и к инородческим племенам всей вообще России", „Русское слово", предназначенное для Грузии, остается пока единственным руководством, составленным согласно требованиям новейшей методики".[2] Интересно, что и правительственный орган, газета „Кавказ", был вынужден писать: „Невзирая на то, что лицами, весьма авторитетными и пользующимися влиянием в учебном ведомстве (имеется в виду Ф. Левицкий—Д. Л.), также составлены учебники для грузинских школ, эти издания не могли конкурировать с книгами г. Гогебашвили, которые победили именно своею жизненностью и, стало-быть, верностью педагогических взглядов их автора".[3]

Для характеристики учебников Гогебашвили особенно знаменательно и то, что официальные органы Кавказского учебного округа были также вынуждены, хотя и спустя 27 лет после выхода в свет первого издания „Русского слова", подтвердить достоинства этих учебников и признать их „наилучшими учебниками по русскому языку".[4]

В чем заключается причина такого успеха учебников Гогебашвили „Русское слово" ч. I и II?

---

[1] „Филологическая библиотека", СПБ, 1894 г., февраль, т. I, разд. III, стр. 58—59.

[2] журнал „Начальное обучение", Казань, 1905 г., № 8, стр. 335—336.

[3] газ. „Кавказ", 1899 г., № 164, отд. библиографии.

[4] Циркуляр по управл. Кавказск. учебн. округ., 1912 г., февраль, № 2, прилож. № 1.

1. Гогебашвили исходил из того верного принципа, что изучение неродного языка должно быть построено на надлежащем знании родного языка. И в этом отношении он брал за основу взгляды классиков педагогики, главным образом Коменского и Ушинского. Гогебашвили не раз приводит мысль Коменского о том, что „желать обучить кого-нибудь чужому языку раньше, чем он освоил свой родной язык, значило бы желать научить своего сына ездить верхом раньше, чем он научился ходить".[1]

Исходя из указания Ушинского о том, что, „изучение иностранных языков не должно никогда начинаться слишком рано, и никак не прежде того, пока будет заметно, что родной язык пустил глубокие корни в духовную природу дитяти"[2] и что „начинать обучение ребенка чуждому языку, когда он еще плохо чи. тает на родном языке, не значит ли убить развитие и охоту к учению в самом начале",[3] Гогебашвили выдвигает и развивает в своем учебнике мысль о том, что обучение грузинских детей русскому языку должно начинаться со 2-й половины 2-го года обучения после того, когда родной язык детьми усвоен настолько, что они могут свободно читать и писать, разбираться в основных, доступных для детей, языковых формах.

При составлении учебника Я. Гогебашвили большое значение придавал выяснению сравнительных форм родного и русского языков. Этому вопросу он посвятил даже специальную работу „О русском и грузинском алфавитах с педагогической точки зрения". В своем „Руководстве для учителей и учительниц" Гогебашвили писал: „Во всей точностн уяснить себе взаимное отношение этих языков и сообразно с этим построить книгу так, чтобы части русской речи, аналогичные грузинским, предшествовали тем чисто русским формам и сочетаниям, которые резко отступают от строя грузинской речи".[4]

Совершенно прав был Гогебашвили, когда одной из причин успеха своего „Русского слова" он считал то обстоятельство, что

---

[1] Я. Коменский, Великая дидактика, XXIX, 4.

[2] К. Д. Ушинский, Соб. пед. соч., т. I, 1916 г., стр. 202—203.

[3] Цитируется по Я. С. Гогебашвили, Разбор учебных руководств русск. языка, стр. 50.

[4] Я. С. Гогебашвили, „Руковод. для учителей и учительн., стр. 7.

„у нас строго соблюдена постепенность в переходе от легких форм русского языка, аналогичных с грузинскими формами, к чисто русским сочетаниям, вследствие чего русская речь не вбивается в детские головы в беспорядке с мучительными затруднениями, а, так сказать, вырастает в этих головах органически, подобно родному языку и, усваиваясь с возможной легкостью, вызывает и воспитывает у учащихся симпатию к самому русскому языку, что чрезвычайно важно."[1]

2. „Русское слово" построено на том правильном принципе, что „учащиеся раньше всего должны приобрести знание и навык облекать в форме русской речи окружающие предметы, окружающую их обстановку, свой домашний быт, круг своих занятий, содержание своей фантазии, ума, памяти — словом, ближайшую внешнюю действительность, среди которой они вращаются".[2]

Гогебашвили, развивая дальше эту мысль в своих научно-методических работах, правильно указывал на то, что „многие составители руководств по русскому языку для инородческих школ не понимают этого существеннейшего требования или не могут его осуществить. В особенности, резко бросается в глаза отсутствие местного элемента в „Русской речи" Вольпера, предназначенной для инородческих школ". Сам Гогебашвили, которому руководители Кавказского учебного округа предложили переработать свое „Русское слово" с тем, чтобы эта книга была бы успешно введена во всех школах Кавказского округа, отказался выполнить этот сам по себе соблазнительный заказ, оставаясь верным своему принципу составления учебника на основе местных материалов и глубокого знания языка и быта того народа, для которого предназначается учебник.

Чем мотивировал Гогебашвили эти „существеннейшие требования?" Он писал: „Несоответствие между миром окружающим инородческих детей и содержанием руководств по русскому языку не только задерживает успехи в языке, делает их абстрактными, бледными и потому самому эфемерными, но и влияет на са-

---

[1] Я. С. Гогебашвили, Из предисл. к „Русск. слову", ч. I, изд. 22-е, 1913 г.

[2] Я. С. Гогебашвили, „Руководство для учителей и учительниц, стр. 47.

мое отношение учащихся к государственному языку неблагоприятно... „Когда вы облекаете в русскую речь то, чем живет инородческий ребенок, что он созерцает на каждом шагу, с чем он сжился, чем он интересовался, что он привык любить, одним словом, все родное и потому дорогое для его сердца, то вы переносите его живые симпатии от содержания к языку, который в таком случае приобретает прелесть родной речи. Отдельную же, отсутствующую жизнь в природе он изучает холодно, нехотя, по обязанности и принуждению, и потому в нем зарождается и крепнет индиферентизм, даже отрицательное отношение к языку, в который облекается такое чуждое ему содержание".[1]

Гогебашвили хорошо понимал, что и знания учащихся не могут быть прочными, если учебник не отражает реальную действительность, окружающую детей. Он писал: „Названия отсутствующих предметов, не поддерживаемые реальными впечатлениями от них, туго воспринимаясь, скоро бледнеют и, наконец, исчезают. В результате всего этого является совершенно абстрактное изучение языка, лишенное реальности, наглядности, жизненности, практичности и потому самому весьма непрочное, улетучивающееся из детской головы в короткое время".[2]

В то же время Гогебашвили не впадал в другую крайность и его учебники, в особенности учебники по русскому языку, насыщены прекрасно подобранными учебными материалами, знакомящими учащихся грузин с жизнью русского народа, с его культурой и бытом, с природой и т. д. Он пишет: „Мы этим вовсе не хотим сказать, что инородческих детей совсем не следует знакомить с особенностями русской жизни, природы, быта и народных произведений,—это знакомство тоже необходимо, но только после ознакомления их в первые два года школьных занятий с умением облекать родную действительность, окружающую природу и жизнь в формы русского языка".[3] Лучшим подтверждением правильности этих высказываний Гогебашвили является его „Русское слово", II часть, в которой из общего количества 227 учебных материалов (рассказы, стихи, народные песни, басни, сказки) подавляющее

---

[1] Я. Гогебашвили, „Руководство для учителей и учительниц", стр. 48—49.

[2] Я. Гогебашвили, Разбор учебных руководств по русскому языку, стр. 7.

[3] Я. Гогебашвили, Руководство для учителей и учительниц, стр. 48.

большинство (свыше 160) касается русской жизни и является произведениями русских писателей. Больше всего представлены произведения или отрывки, авторами которых являются Пушкин, Плещеев, Одоевский и др. Много материалов вошло в „Русское слово" и из учебников Ушинского, Тихомирова, Вахтерова и Бунакова.

Этими замечательными учебно-дидактическими материалами, написанными высоким литературно-художественным и в то же время понятным для детей языком, „Русское слово" вводит учащихся Грузии в новый для них мир, знакомит их с жизнью русского народа и богатейшими памятниками его творчества, с русской народной мудростью, постепенно приобщает учащихся к русскому языку и русской культуре.

3. Как известно, качество учебников-букварей, предназначенных для изучения неродного языка, во многом зависит от того, на каком методическом принципе составлен он. Опираясь с одной стороны, на самую передовую и научную мысль в этой области, в частности, на взгляды и высказывания Ушинского, и, с другой стороны, на изучение богатейшего опыта преподавания русского языка в грузинских школах, Гогебашвили был врагом универсалнзма любого одного метода. Он считал вредным и недопустимым универсализацию как метода сплошного перевода, так и натурального метода, который он называл также немым методом.

Гогебашвили находил положительные стороны в этих методах. „Метод обучения русскому языку,—писал он,—должен быть чужд узкости и односторонности: он должен совмещать достоинства и натурального метода и переводного, с устранением их недостатков. Наглядность и устность преподавания, поддерживаемая систематическим содействием родной речи,—вот основы, на которые должны опираться руководства по русскому языку для инородческих школ".[1]

4. Учебник „Русское слово" и по своему содержанию стоит на высоком научно-педагогическом уровне. „Составители руководств по русскому языку для инородческих школ,—писал Гогебашвили,—подражая авторам учебников по древним мертвым языкам, помещают в них одни только рассказы и стихотворения, забывая, что однообразие содержания мертвит обучение, и что для изучения живых языков несравненно больше зна-

[1] Я. Гогебашвили, Как улучшить кавказскую народную школу, газ. „Новое обозрение", 1903 г., № 6303.

чения имеют наглядные описания окружающих предметов и сцен из повседневной жизни, а также живые беседы о группах однородных предметов. Это драгоценный материал, который не только способствует конкретному, наглядному, вполне сознательному усвоению русской речи учащимися, но вместе с тем приучает их к наблюдательности, вдумчивости и обогащает их ясными представлениями об окружающем мире. Хорошо сознавая это, мы не ограничились в своем учебнике одними только рассказами и стихотворениями, но отвели довольно обширное место и простейшим сценам из обыденной жизни, а также беседам о группах предметов".[1]

5. „Русское слово" как и другие учебники Гогебашвили, основывается на передовых общедидактических принципах и представляет лучший образец талантливого применения и реализации в учебниках принципов наглядности, воспитывающего обучения, систематичности и прочности знаний, и, в особенности, принципа сознательности.

6. Успеху учебника Гогебашвили „Русское слово" Iч. во многом способствовало и то, что он начинает фонетическими и лексическими упражнениями на удачно обработанных материалах (рисунки, слова, рассказы, вопросы и ответы и т. д.), расположенными в правильной методической последовательности.

Этот вводный раздел „Русского слова" обеспечивал усвоение детьми в короткий срок и с наименьшими трудностями определенного лексического запаса, необходимого для успешного хода обучения и изучения русской грамоты.

В результате всего этого, учебники Гогебашвили давали учащимся основательные знания по русскому языку и, вместе с тем, вполне осуществляли указание самого Гогебашвили о том, что „Пробуждение, воспитание и укрепление симпатии и любовь к русскому языку в инородческих детях имеет больше значения, чем самые успехи в этом языке, в особенности эфемерные, ибо, во-первых, сама прочность и возрастание успехов зависит от этой симпатии, а, во-вторых, и что главное,—любя русский язык, нельзя не любить народа, его создавшего".

[1] Из предисловия к „Русскому слову", ч. I, изд. 22-е, 1913 г.

е) Естествознание и его значение

Гогебашвили в общей системе образования и воспитания учащихся, так же как и Ушинский, исключительно большое значение придавал естествоведческим знаниям. В соответствии со своими воззрениями на природу он видел в ней неисчерпаемые богатства для умственного и нравственного развития детей и важнейший источник для их подготовки к будущей сознательной практической деятельности. Рассматривая знание природы и законов ее развития как одно из основных условий благоденствия народа, он и в этой области остается верным принципу народности воспитания. „Хозяйство,—писал Гогебашвили,—весьма сложный предмет, оно требует теоретического и практического изучения. Природа подчиняется тому, кто вооружен знанием ее законов, она является источником богатства только для тех, кто умеет применить и использовать ее силы. Невежественный человек может умереть с голоду на лоне самой богатой природы, если он не обладает никакими знаниями в ее области. Самую бедную природу можно превратить в источник богатства, если человек достоверно знает, как подойти к ней и как заставить ее служить своим потребностям".[1]

Исходя из такого верного понимания взаимоотношений человека с природой, Гогебашвили неустанно пропагандировал среди населения Грузии необходимость овладения естествоведческими знаниями.

На основе этих же принципиальных установок Гогебашвили совершенно правильно критиковал то пренебрежение к природоведческим знаниям, которое имело место как в системе домашнего воспитания, так и в школе. Он писал: „Предметы, развивающие и ободряющие сознание детей, реальные упражнения по развитию здравого рассудка, живая природа и ее явления совершенно забыты нашими родителями в воспитании и образовании своих детей. И наши школы настолько бездушно и мертво учат естествознанию или, вернее говоря, его скелету, что в наших детях убивают всякий интерес к этому предмету".[2]

Наряду с тем большим образовательным и практическим значением, которое Гогебашвили придавал природоведческим знаниям,

[1] Я. Гогебашвили, Собр. соч., т. II, стр. 142.
[2] Я. Гогебашвили, Из предисловия к „Бунебис-кари".

в изучении природы он видел также большую патриотически-воспитательную силу. Он считал, что изучение природы родной страны во многом содействует воспитанию любви к родине, к родной земле, еще более укрепит способность народа бороться за родную землю, которая „является настоящим корнем жизни нации, и как дерево, оторванное от корней, высохнет, так и нация гибнет, когда она лишается своей земли, своей территории".[1]

Исходя из такого общеобразовательного и воспитательного значения природы, Гогебашвили не только высказал много замечательных соображений по вопросу преподавания естествознания, по распространению сельскохозяйственных знаний, но, что главное, во все свои учебники внес много природоведческого учебного материала. Этот материал объясняет природу и ее явления в духе дарвинизма и, как справедливо указывает действительный член Академии наук Грузинской ССР Н. Н. Кецховели, „разработаны с большой внимательностью и использованием новейших достижений науки".[2]

Для иллюстрации удельного веса естествоведческих материалов в учебниках Гогебашвили, укажем на некоторые основные показатели. Первая часть „Дедаэна" из общего числа 95 рассказов содержит 77 рассказов, построенных на естествоведческом материале (включая и тексты к буквам). Эти рассказы выполнены с большим художественным вкусом и с глубоким знанием детских интересов. Они отражают не неорганическую, а именно живую природу. Эти материалы в первую очередь знакомят детей с жизнью животных и птиц, этих самых любимых объектов изучения для детей младшего школьного возраста. Маленькие учебные статейки о птицах и животных, как „Песня ласточки", „Вано и птичка", „Построение гнездышка", „Заяц", „Хвастливый буйвол" и др. давали детям, с одной стороны, естествоведческие сведения о животных и птицах, а с другой стороны, постепенно вселяли в их юные души любовь к природе и жизни.

Из общего количества 255 учебных материалов (рассказы, стихи, повести, народные песни, басни, сказки и др.), помещенных во II части „Дедаэна", 53 являются материалом специально природоведческого характера. Эти материалы расположены

[1] Я. Гогебашвили, Собр. соч., т. II, стр. 277.

[2] Н. Кецховели, Вопросы естествознания в учебниках Якова Гогебашвили, сборн. „Я. Гогебашвили", изд. Тбилисского универ. им. Сталина, 1940 г., стр. 235.

тематически (домашние животные, домашние птицы, дикие птицы, дикие животные, растения, разные явления природы) и в художественных образах описывают разные явления природы.

„Бунебис кари" же является такой книгой для чтения детей, которая, как говорит само название книги, „открывает" детям дверь в природу, вводит в ее сокровищницу и дает им не только понимание явлений природы, но и воспитывает любовь к природе, труду, красоте и другие качества всесторонне развитого человека. В нем $^2/_3$ всех материалов являются материалами природоведческого характера. Они преподносятся учащимся в исключительно высокой художественной форме: все „действующие лица" из мира природы мыслят, говорят, действуют, как-бы одухотворяются. Все это придает этим учебным материалам такую привлекательность, такую красочность, что они легко и основательно запечатлеваются в сознании учащихся, развивают и воспитывают их.

Гогебашвили не малое место уделяет в своих учебниках и материалам по географии. Как в „Дедаэна" (II ч.), так и в „Бунебис кари" он выделяет специальные разделы для географического и этнографического материала. Особое внимание он уделяет вопросам изучения географии отечества, так так, по его мнению, „изучение родной страны является фундаментом любви к ней и патриотическим деяниям".[1]

ж) История и ее значение

Для всестороннего образования учащихся, а также воспитания в них патриотических чувств, Гогебашвили большое значение придавал изучению истории. Помещая в своих учебниках материалы из истории, главным образом, из истории родной страны, Гогебашвили ставил задачу показать учащимся прошлое своего народа, познакомить их с наиболее яркими историческими событиями, с деятельностью наиболее замечательных исторических личностей, с эпизодами героической борьбы народа за отстаивание своего свободного существования, за повышение культурного уровня населения. „Учителя и родители хорошо должны знать и всегда помнить, что изучение истории отечества не имеет своей целью простое удовлетворение любознательности. Давно сказано, что

[1] Из предисловия к „Бунебис кари".

история есть путеводитель народа. Поэтому исторические рассказы ясно и точно должны нарисовать перед нами, что мешало и что помогало нашему отечеству в прошлом, от чего ослаблялось и падало оно, от чего усиливалось, возвышалось и наполнялось могущественной силой, к чему должно оно стремиться, чтобы упрочить свое существование и сделать будущее интересным".[1]

На этих взглядах о роли истории и строит он свои мастерски написанные исторические рассказы, помещенные как в его учебниках, так и напечатанные отдельными изданиями, как например: „Царь Ираклий и ингилойка", „Луч прошлого", „Кем были вчера", „Аспиндзская битва", „300 самоотверженных крестьян", „Самоотверженные грузины" и пр. Эти исторические рассказы написаны с чувством большой любви к родине и движущей силе ее истории—к трудовому народу.

* * *

Из всего сказанного ясно видно, что Гогебашвили был горячим последователем Ушинского, широко использовавшим его принципы в построении своей педагогической системы применительно к специфическим условиям своей страны и требованиями грузинского народа. При этом Гогебашвили не был пассивным последователем Ушинского. Он во многих вопросах, в особенности и вопросах преподавания родного и неродного языков, дальше развил его учение и оставил богатое научно-педагогическое наследство. Советская педагогическая наука внимательно изучает это наследство, имеющее не только историческое, но и актуальное значение для советской школы.

Работа по изучению наследства Ушинского далеко не закончена и не будет исчерпана еще долгое время. Величие Ушинского, прежде всего, в том и состоит, что в связи с ростом нашей школы его педагогическая система становится все более актуальной и жизненной. Эта актуальность велика и для школ нерусских народов СССР. Грузинская школа и педагогическая мысль любовно изучает и впредь будет изучать богатое наследство великого русского педагога К. Д. Ушинского.

[1] Из предисловия к „Бунебис кари".

БИБЛИОГРАФИЯ

А. СОЧИНЕНИЯ К. Д. УШИНСКОГО [1]

I. Педагогические сочинения

1. Лекции, читанные в Ярославском лицее в 1846-1848 г.г., Собр. неизданных сочинений, материалы к педагогической антропологии, т. III и материалы для биографии, под редакцией А. Н. Острогорского, 1908 г., книга II, стр. 51—125 (Материалы для биографии).

2. О камеральном образовании, речь, произнесенная на торжественном собрании Ярославского Демидовского лицея 18 сентября 1848 года исправляющим должность профессора энциклопедии, законоведения, государственного права и науки финансов Константином Ушинским, М., 1848 г., 108 стр.

3. История одной французской эскадры, „Современник", 1853 г., кн. № 3, отд. II, стр. 1—32.

4. Заметки путешествующего вокруг света, „Библиотека для чтения", №№ за 1854 — 55 годы. Взгляды о воспитании высказаны в CXXV номере 1854 г., стр. 68—76.

5. О пользе педагогической литературы, „Журнал для воспитания", 1857 г., т. I, стр. 15—40 [2], Собрание педагогических сочинений, т. I, стр. 1—23. Избранные педагогические сочинения, т. I, с вводной статьей и примечаниями В. Я. Струминского, 1939 г., стр. 93 — 110.

6. Три элемента школы, „Журнал для воспитания", 1857 г., т. I, стр. 461—486. Собрание педагогических сочинений, т. II, стр. 7—30. Избранные педагогические сочинения, т. I, стр. 111—127.

7. О народности в общественном воспитании, „Журнал для воспитания", 1857 г., т. II, стр. 9—60, 105—149. Собрание педагогических сочинений, т. I, стр. 24—108.

8. О средствах распространения образования посредством грамотности, „Сын отечества", 1858 г., № 2, стр. 41—54. Собрание педагогических сочинений, под редакцией В. И. Черны-

[1] Перечень трудов и сочинений дается в хронологическом порядке. Наиболее полную библиографию сочинений К. Д. Ушинского см. В. И. Чернышева, К. Д. Ушинский, Собр. пед. соч., т. II, 1913 г., стр. 321—341.

[2] Страницы указываются по 5-му изд. 1916 г.

шева„ 1913 г., т. II, стр. 30—42. Избранные педагогические сочинения. т. I, стр. 128—133.

9. Школьная реформа в Северной Америке, „Журнал для воспитания", 1858 г., т. III, стр. 15—50. Собрание педагогических сочинений, т. 1, стр. 109—140.

10. Внутреннее устройство северо-американских школ, „Журнал для воспитания", 1858 г., т. III, стр. 250—274. Собрание педагогических сочинений, т. II, стр. 43—67. Избранные педагогические сочинения, т. I, стр. 134—148.

11. Программа журнала министерства народного просвещения, „Журнал министерства народного просвещения", 1860 г., ноябрь, Собрание педагогических сочинений, т. II, доп., стр. 68 — 70.

12. Объяснительная записка к проекту программ учебного курса в Воспитательном обществе благородных девиц и С.-Петербургском Александровском училище, напечатана Н. П. Черепниным в своей книге— Имп. воспит. общество благородных девиц, исторический очерк, т. II, СПБ, 1915 г., стр. 295—302.

13. Письмо о воспитании наследника русского престола (1859 или 1860 г.г.), Собрание неизданных сочинений, т. III, Материалы для биограф., стр. 127—168.

14. Проект некоторых преобразований в распределении классов Воспитательного общества благородных девиц и С.-Петербургского Александровского училища, напечатан Н. П. Черепниным в своей книге — Имп. воспитательное общество благородных девиц, истор. очерк, т. II, 1915 г., стр. стр. 276 — 285, 287 — 291.

15. Записки К. Д. Ушинского о преобразованиях в Смольном институте, „Педагогический листок", 1910 г., № 8, стр. 580—583. „Педагогический сборник", 1910 г., № 12. стр. 508.

16. Труд в его психическом и воспитательном значении, „Журнал министерства народного просвещения", 1860 г., июль, ч. CVII, отд. I, стр. 1—29. Собрание педагогических сочинений, т. I, стр. 141—166. Избранныые педагогические сочинения, т. I (сокращ.), стр. 149 — 159.

17. Предисловие к I изданию „Детского мира", 1860 г., ноябрь, Собрание педагогических сочинений, т. II, стр. 71—89.

18. О нравственном элементе в русском воспитании, „Журнал министерства народного просвещения", 1860 г., ноябрь и декабрь, ч. CVIII, отд. I, стр. 49—80, 157—190. Собрание педагогических сочинений, т. I, стр. 206—261.

19. Воскресные школы, „Журнал министерства народного просвещения", 1861 г., январь, ч. CIX, отд. I, стр. 58—82. Собрание педагогических сочинений, т. I, стр. 166—186. Избранные педагогические сочинения, т. I, стр. 218—232.

20. Проект учительской семинарии, „Журнал министерства народного просвещения", 1861 г., февраль, март, ч. CIX, отд. I, стр. 118—140, 191—212. Собрание педагогических сочинений, т. I, стр. 271—306.

21. 5-ое марта 1861 года, „Журнал министерства народного просвещения", 1861 г., март, ч. CIX, приложение к 3-ей кн., стр. I — II. Собрание педагогических сочинений, т. I, стр. 262—270.

22. Вопросы о народных школах, „Сын отечества", 1861 г. за апрель, № 18. Собрание педагогических сочинений, т. II, стр. 131—141. Избранные педагогические сочинения, т. I, стр. 257—263 (сокр.).

23. Предисловие к книге Адольфа Дистервега „Начатки школьного обучения". Адольф Дистервег. „Начатки детского чтения", перевод с нем., СПБ, 1861 г., стр. 3—4.

24. Родное слово, „Журнал министерства народного просвещения", 1861 г., май, ч. CX, отд. I, стр. 87—106. Собрание педагогических сочинений, т. I, стр. 187—205. Избранные педагогические сочинения, т. I, стр. 159—170.

25. Ответ на рецензию г-на Толля, „Журнал министерства народного просвещения", 1861 г., декабрь, ч. CX, отд. III, стр. 87—106. Собрание педагогических сочинений, т. I, стр. 564 — 584.

26. К вопросу о преобразовании духовных училищ, „Журнал министерства народного просвещения", 1861 г., август, ч. CX, Критика и библиография, стр. 45—63. Собрание педагогических сочинений, т. II, стр. 111—130.

27. Педагогическая семинария профессора Стоя в Иене, „Журнал министерства народного просвещения", 1861 г., т. 109, № 2, стр. 21—41.

28. Свод печатных рецензий на проект устава средних и высших учебных заведений, „Журнал министерства народного просвещения", 1861 г., № 2, стр. 149—189 и № 3, стр. 241—301.

29. Педагогические сочинения Н. И. Пирогова, „Журнал министерства народного просвещения", 1862 г., март, ч. CXII, отд. III, стр. 105—181. Собрание педагогических сочинений, т. I, стр. 454—518. Избранные педагогические сочинения, т. I, стр. 264—305.

30. Педагогическая поездка по Швейцарии, „Журнал министерства народного просвещения", 1862 г., декабрь, стр. 251—286; 1863 г., январь, стр. 1 — 48; март, стр. 326 — 347; апрель, стр. 1 — 14; май, стр. 41—60. Собрание педагогических сочинений, т. I, стр. 307—453. Избранные педагогические сочинения, т. I, стр. 306—377.

31. Что хотят московские педагоги, „Голос", 1864 г. № 210, 2 августа. Собрание педагогических сочинений, т. II, стр. 387—392.

32. О первоначальном преподавании русского языка, „Педагогический сборник", 1864 г., кн. 1-ая, стр. 19 — 29; кн. 2-ая, стр. 117—127. Собрание педагогических сочинений, т. II, стр. 142—162. Избранные педагогические сочинения, с вводной статьей и примечаниями В. Я. Струминского, т. II, стр. 5 — 21.

33. Главнейшие черты человеческого организма в приложении к искусству воспитания, „Педагогический сборник", 1864 г., октябрь, стр. 1—19; ноябрь, стр. 95—116; 1865 г., апрель, стр. 537—552; май, стр. 629—649; июль, стр. 791—809; октябрь, стр. 1037—1053; ноябрь, стр. 1131—1152; декабрь, стр. 1235—1258; 1866 г., январь, стр. 1—34; февраль, стр. 119—149; март, стр. 203—241. Собрание педагогических сочинений, т. II, стр. 177—213, помещена глава XV—педагогические приложения анализа памяти. Избранные педагогические сочинения, т. II, стр. 198—221, помещена та же глава.

34. Одна из темных сторон германского воспитания, „Голос", 1865 г., № 63. Собр. пед. соч., т. II, стр. 163 — 176.

35. Заметки, относящиеся к чистоте русского языка, 1865 г., „Памяти К. Д. Ушинского". 1896 г., стр. 163 — 164 и „Педагогический сборник", 1918 г., январь — март, стр. 65—69. Собрание педагогических сочинений, т. II, стр. 163—176.

36. Цветы московской педагогии на петербургской почве, „Отечественные записки", 1866 г., октябрь, № 20, т. 168, отд. I, стр. 687 — 712. Собрание педагогических сочинений, т. I, стр. 535 — 563.

37. Вопрос о душе в его современном состоянии, „Отечественные записки", 1866 г., ноябрь, кн. 1-ая, стр. 74 — 98, 213 — 240; декабрь, кн. 1-ая, стр. 410—443.

38. Отчет командированного для осмотра заграничных женских учебных заведений коллежского советника К. Ушинского, 1867 г., напечатан в собрании педагогических сочинений, т. II, стр. 213 — 304. Избранные педагогические сочинения, т. II, стр. 222—271.

39. Рассудочный процесс, „Педагогический сборник", 1867 г., август, стр. 712 — 728; сентябрь, стр. 743 — 770; октябрь, стр. 817 — 840.

40. Необходимость ремесленных школ в столицах, „Санкт-Петербургские ведомости", 1868 г., стр. № 103. Собрание педагогических сочинений, т. II, стр. 305—312.

41. О чувствованиях, „Педагогический сборник", 1868 г., апрель, стр. 379—414.

42. Стремление, „Педагогический сборник", 1868 г., июнь, стр. 663—692.

43. Практическое значение чувствований и их воплощение, „Педагогический сборник", 1868 г., ноябрь, стр. 2053 — 2064.

44. О чувствовании, „Педагогический сборник", 1868 г., декабрь, стр. 2137—2152.

45. Человек как предмет воспитания, опыт педагогической антропологии, т. I, 1868 г., 662 стр.

46. О чувствованиях, гл. XIX и XX; „Педагогический сборник", 1869 г., февраль, стр. 1—22; гл. XXI, февраль, стр. 105—118.

47. Человек как предмет воспитания, опыт педагогической антропологии, т. III, 1869 г., СПБ, 444 стр.

48. Проект программы педагогического курса, датир. 1869 г., 10 июля, „Советская педагогика", 1938 г., № 5, стр. 108 — 112.

49. Программа педагогики для специальных классов женских учебных заведений, впервые напечатана Д. Д. Семеновым в сборнике „Памяти К. Д. Ушинского", 1896 г., стр. 135 — 150, „Советская педагогика", 1938 г., № 5, стр. 112 — 116. Избранные педагогические сочинения, т. I, стр. 391—399.

50. Программа педагогического курса для двух старших классов женских учебных заведений, датир. 1870 г., 16 февраля, „Советская педагогика", 1938 г., № 5, стр. 116 — 118. Избранные педагогические сочинения, т. I, 1939 г., стр. 400 — 405.

51. Общий взгляд на возникновение наших народных школ, „Народная школа", 1870 г., № 5, стр. 6—16. Собрание педагогических сочинений, т. I, стр. 518—534.

II. Учебники и руководства к ним

1. Детский мир и хрестоматия, книга для классного чтения, приспособленная к постепенным умственным упражнениям и наглядному знакомству с предметами природы. (Назначается для детей от 8-ми до 12-ти лет). Составил К. Ушинский. С таблицей рисунков. Санкт-Петербург, 1861 г.

Отрывки из „Детского мира", а также предисловие к первому изданию и оглавление этого издания помещены в избранных педагогических сочинениях, т. II, стр. 171—218.

2. Родное слово, для детей младшего возраста, год первый. Азбука и первая после азбуки книга для чтения, с прописями, образцами для первоначальной рисовки и картинками в тексте, составил К. Ушинский. СПБ, 1864 г. Избранные педагогические сочинения, т. II, стр. 22—64.

3. Родное слово, год второй. Вторая после азбуки книга для чтения, с картинками в тексте, составил К. Ушинский, Санкт-Петербург, 1864 г. Избранные педагогические сочинения, т. II, 1939 г., стр. 64 — 138.

4. Родное слово (книга для учащих), советы родителям и наставникам о преподавании родного языка по учебнику „Родное слово", годы первый и второй (первое издание), СПБ, 1864 г. Избранные педагогические сочинения. т. II, 1939 г., стр. 138 — 198.

5. Родное слово, год третий, отдел первый — грамматический, Первоначальная практическая грамматика с хрестоматией, составил К. Ушинский. СПБ. 1870 г. Избранные педагогические сочинения, т. II, 1939 г., стр. 272 — 383.

6. Руководство к преподаванию по „Родному слову", ч. II (приложение к 1-му отделу третьего года „Родного слова", к практической грамматике), СПБ., 1870 г. Избранные педагогические сочинения, т. II, стр. 383 — 440.

III. Собрание сочинений К. Д. Ушинского

1. Собрание педагогических сочинений, СПБ, 1875 г. 5-ое издание в 1916 г., 584 стр.

2. Собрание педагогических сочинений, т. II, дополнительный, редакция и приложения В. И. Чернышева, СПБ, 1913 г., 394 стр.

3. Собрание неизданных педагогических сочинений, материалы для педагогической антропологии, т. III и материалы для биографии, под предисловием и редакцией А. Н. Острогорского. СПБ, 1908 г., стр. 207+стр. 172.

4. Избранные педагогические сочинения, с вводной статьей и примечаниями В. Я. Струминского, т. I, 1939 г., 414 стр.

5. Избранные педагогические сочинения, т. II, с вводной статьей и примечаниями В. Я. Струминского. 1939 г., 470 стр.

6. Избранные произведения, приложение к журналу „Советская педагогика" за 1946 г., I, II, III и IV т. т.

IV. Дневники и письма

1. Дневник, относящийся к гимназическим годам, Собрание неизданных сочинений. Материалы для педагогической антропологии, т. III и Материалы для биографии. СПБ, 1908 г., стр. 3—15 (материалы для биографии).

2. Дневник, относящийся к университетским годам, Собрание неизданных сочинений. Материалы для педагогической антропологии, т. III, и Материалы для биографии, СПБ. 1908 г., стр. 16—46.

3. Отрывки из дневника 1849 года. Собрание неизданных сочинений, Материалы для педагогической антропологии, т. III и Материалы для биографии. СПБ, 1908 г., стр. 47—50.

4. Письма к Н. А. Корфу, опубликованы в книге М. Л. Песковского „Барон Н. А. Корф в письмах к нему разных лиц", СПБ. 1895 г., стр. 78—86.

5. Письма к Л. Н. Модзалевскому, „Русская школа", 1893 г., № 7—8, стр. 57—81.

6. Письма к М. И. Семевскому напечатаны в книге В. Б. Тимощука „М. И. Семевский", СПБ, 1896 г.

7. Письма к А. В. Старчевскому, „Народная школа", 1885 г., № 1, стр. 36—65.

Б. ЛИТЕРАТУРА о К. Д. УШИНСКОМ. [1]

1. И. А. (Абрамов И. С.), На родине Ушинского, „Неделя“, 1901 г., № 8.
2. Абуладзе С., „Родное слово“ и „Русское слово“, газ. „Сахалхо ганатлеба“ („Народное просвещение“), 1946 г., 3 января, на грузинском языке.
3. Агапиев А., Наставление, как в русских школах иностранных поселенцев обучать по „Родному слову“ Ушинского, г. Екатеринослав, 1868 г.
4. Айхенвальд Ю., Памяти К. Д. Ушинского, „Вестник воспитания“, 1901 г., № 3, стр. 36—48.
5. А. Л., Идеал народного образования и народной школы по мыслям К. Д. Ушинского и С. А. Рачинского, „Народное образование“, 1907 г., № 3, стр. 342—352.
6. Александров А., Ушинский в Крыму, „Красный Крым“, 1946 г., 3 января.
7. Александров С., Великий русский педагог, „Московский комсомолец“, 3 января 1946 г.
8. Алпатов Н. В., О премиях имени К. Д. Ушинского, „Советская педагогика“, 1945 г., № 12, стр. 112—114.
9. Ананиев Б. Г., чл.-корресп. АПН РСФСР, Ушинский—великий русский психолог, „Советская педагогика“, 1945 г., № 12, стр. 98—111.
10. Арямов И. А., Материалистические черты „фактической теории“ Ушинского и его психолого-педагогическое учение, „Сов. пед.“, 1945 г., № 9, стр. 1—11.
11. Б., Мысли К. Д. Ушинского о значении религии в деле воспитания, „Народное образование“, 1897 г., № 11, стр. 15—32.
12. Беликов А., Великий русский педагог, „Военное обучение“, 4 января 1946 г.
13. Белявский А., Исторический очерк развития элементарной школы в биографиях замечательнейших педагогов и по уставам правительства, г. Глухов, стр. 84—97 отведены Ушинскому.
14. Блонский П., Место К. Д. Ушинского в истории русской педагогики, „Педагогический листок“, 1915 г., кн. 2.
15. Будде Е. Ф., Педагогические взгляды Ушинского и их значение, „Труды и протоколы Казанского педагогического общества“, 1901 г.
16. Будде Е. Ф., О значении Ушинского и его „Родного слова“ в истории изучения и преподавания отечественного языка, „Русская школа“, 1901 г., № 7—8, стр. 231—257.

---

[1] Здесь приводится перечень специальной литературы об Ушинском, остальное указывается в тексте.

17. Булгаков Вл., Ушинский в жизни. Извлечения из писем и дневников Ушинского, „Учительская газета“, 1946 г., 3 января.
18. Булгаков Ф., По поводу мыслей Ушинского об общественном воспитании, „Женское образование“, 1876 г., № 7, стр. 321—327.
19. Бунаков Н., Всемирный педагог Песталоцци и русский педагог Ушинский, „Русский начальный учитель“, 1896 г., № 4, стр. 143—153.
20. Бушля А. К., Нравственное воспитание в педагогическом учении К. Д. Ушинского, „Советская педагогика“, 1945 г., № 12, стр. 77—82.
21. В. Д., По поводу кончины К. Д. Ушинского, „Одесский вестник“, 1870 г., № 283.
22. Вигдорова Ф., „Родное слово“, „Комсомольская правда“, 2 января 1946 г.
23. В. К., К. Д. Ушинский перед судом церковно-педагогического официального органа печати, „Саратовский листок“, 1897 г., № 259.
24. Великий русский педагог, передовая статья газ. „Сахалхо ганатлеба“ („Народное просвещение“), 1946 г., 3 января, на грузинском языке.
25. Веселов А. Н., Ушинский о народном учителе, „Советская педагогика“. М., 1938 г., № 3, стр. 68—78.
26. Волгин Ник., К. Д. Ушинский, „Отдых“, 1901 г.
27. Водовозова Е. Н., Дореформенный институт и преобразования К. Д. Ушинского, „Русское богатство“, 1908 г., № 7—11.
28. Водовозова Е. Н., Грезы и действительность, 1918 г., стр. стр. 5, 11, 12, 15, 16, 13, 70, 72, 73, 74 и др.
29. Водовозова Е. Н., На заре жизни. М.—Л., изд. Академ., 1934 г., т. I и II.
30. Волкович В., Друг народа — К. Д. Ушинский, „Журнал министерства народного просвещения“, 1910 г., июль, стр. 1—78.
31. Волкович В. А., Национальный воспитатель К. Д. Ушинский. СПБ. 1913 г. 235 стр.
32. Волкович В. А., Великий русский педагог, „Вечерняя Москва“, 2 января, 1946 г.
33. Волковский Д. Д., Памяти Константина Дмитриевича Ушинского, „Педагогический листок“, 1906 г., № 1.
34. Ганелин Ш. И. и Голант Е. Я., История педагогики, М., 1940 г., стр. 271—282.
35. Ганелин Ш. И., проф., Ушинский и средняя школа, „Советская педагогика“, 1945 г., № 12, стр. 68—76.
36. Ганелин Ш., проф., Педагог, психолог, методист, „Учительская газета“, 1946 г., 3 января.
37. Геннади Г. Н., Краткие сведения о русских писателях и ученых, умерших в 1870 году, „Русский архив“, 1872 г., № 10, стр. 2017—2023.

38. Гмурман В., К. Д. Ушинский о развитии речи. „Учительская газета", 1941 г., 3 января, № 2.
39. Гогебашвили Яков, Ушинский и Корф. „Дроэба", 1883 г., 232.
40. Гогебашвили Яков, „Родное слово" Ушинского в кавказских школах, напечатано в книге — Разбор учебных руководств по русскому языку. Тифлис. 1896 г., 96 стр., глава об Ушинском, стр. 1 — 12, и дальше стр. стр. 40, 48, 49, 50.
41. Гогебашвили Яков, Руководство для учителей и учительниц к преподаванию по книге того-же автора, „Русское слово". Тифлис, 1896 г., 95 стр., об Ушинском стр. 24, 25, 26, 27, 29, 36.
42. Гогебашвили Яков, Как улучшить кавказскую народную школу, Тифлис, 1903 г., 60 стр., Об Ушинском, стр. стр. 10, 11, 19.
43. Гогебашвили Яков, Собрание педагогических сочинений, т. II, под редакцией проф. Г. Тавзишвили, 1940 г., Об Ушинском, стр. стр. 136, 137, 138, 139, 140, 148, 154, 156, 157, 266, 276, 307, 329, 349, 365, 366, 367, 369, 370, 372, 386, 393, 403.
44. Гольцев В. А., Памяти К. Д. Ушинского, „Педагогический листок". 1896 г., № 1.
45. Гомелаури И. (И. Г-ри). К. Д. Ушинский, журн. „Квали", 1901 г. № 2, стр. 28—38.
46. Гончаров Н. К., Материалистические черты педагогической системы К. Д. Ушинского, „Советская педагогика", 1945 г., № 12, стр. 23—39.
47. Готалов-Готлиб А. Г., проф., Русская педагогическая журналистика 1-й половины XIX века и К. Д. Ушинский, „Советская педагогика", 1941 г., № 3, стр. 79—90.
48. Греков Ф. В., Руководство к первоначальному обучению письму в связи с обучением чтению по методе Ушинского. М., 1896 г.
49. Гривин А., По поводу смерти г. Ушинского. „Донские войсковые ведомости", 1871 г., № 17.
50. Грунский Н., Жизнь, деятельность и взгляды К. Д. Ушинского, Юрьев, 1906 г.
51. Грунский Н. К., проф., Жизнь, деятельность и взгляды К. Д. Ушинского, Юрьев, 1912 г., изд. М. А. Троетникова, 71 стр.
52. Грушевский, Обзор русских азбук, Циркуляр по управлению Кавказским учебным округом, 1870 г., № 6 и 7, стр. 23—41 и 13—35.
53. Гуревич Я. Г., К. Д. Ушинский как редактор „Журнала министерства народного просвещения", „Русская школа", 1896 г., № 4, стр. 199—206.
54. Г—Ц—Т., К. Д. Ушинский, „Грамотей", 1876 г., № 11, стр. 1 — 14.
55. Данилов М. А., доц., Дидактика К. Д. Ушинского, „Советская педагогика", 1945 г., № 12, стр. 40—51.

56. Д-ский (Дебольский) Н. Г., Несколько раз'яснительных замечаний на психологическую часть сочинения К. Д. Ушинского: „Человек как предмет воспитания", „Педагогический сборник", 1873 г., №№ 1 и 3.
57. Девин П., Реформа общеобразовательной школы по плану Ушинского, „Школа и жизнь", 1916, № 37, стр. 1—8, № 33—40, стр. 3—9, № 44—46, стр. 2—8.
58. Девин П. И., Значение Ушинского в истории педагогики, „Советская педагогика", 1937 г., № 2, стр. 93—96.
59. Демещенко, Родной язык в педагогической системе Ушинского, „Советская педагогика", 1938 г., № 3, стр. 78—92.
60. Демков М. И., К. Д. Ушинский, его жизнь и педагогические труды (Демков, История русской педагогики, ч. III, М., 1909, стр. 360—392).
61. Демков М. И., Старые и новые педагоги, их жизнь, мысли и труды, М., изд. Ступина, 1912 г. (О К. Д. Ушинском стр. 139—149).
62. Демков М. И., Русская педагогика в главнейших ее представителях, об Ушинском, стр. 247—269.
63. Джапаридзе Л. Н., Об'яснительное чтение в методической системе К. Д. Ушинского, газ. „Сахалхо ганатлеба" („Народное просвещение"), 1946 г., 3 января, на грузинском языке.
64. Иванов, Домашнее воспитание, Составили по сочинениям Ушинского Водовозова и др. СПБ, 1883 г.
65. Деркачев И., Добрая встреча с Ушинским, „Новороссийский телеграф", 1871 г., № 11.
66. Деркачев И., Руководящие правила при занятиях „Родным словом", Херсон, 1871 г.
67. Деркачев И. П., Константин Дмитриевич Ушинский в Симферополе в 1870 году, „Русская школа", 1897 г., № 5—6, стр. 20—39.
68. Еголин Л. М., действ. чл. АПН., Великий русский педагог, „Литературная газета", 5 января, 1946 г.
69. Ельницкий К., Константин Дмитриевич Ушинский, „Педагогический еженедельник", 1896 г., № 2, стр. 16.
70. Ермилов В. Е., Наш родной учитель К. Д. Ушинский М., 1899 г.
71. Ельницкий К., К. Д. Ушинский, его жизнь, деятельность и педагогические труды, СПБ, 1903 г.
72. Ельницкий К. В., Константин Дмитриевич Ушинский, „Городской и сельский учитель", выпуск 1-й, стр. 21—24.
73. Ермилов В., Мысли К. Д. Ушинского о воспитании, „Вестник воспитания", 1896 г., № 2, стр. 59—86.
74. Ермилов В., В борьбе с рутиной, М., 1898 г., В книге особо выделена глава под названием „Мысли К. Д. Ушинского о воспитании", стр. 111—135.

75. Ермилов В., Наш родной учитель (К. Д. Ушинский). Его детство, юность, мечты и труды. Биографический очерк, М., изд. „Библиотека для семьи и школы", 1910 г., 72 стр.; изд. 2-е, М., 1910 г., в сборнике „Пойдем за ними", М., 1908 г.
76. Ермилов В., Идеалы воспитания, К. Д. Ушинский, М., 1906 г., 28 стр.
77. Жильцов М. Д., К. Д. Ушинский о наглядности обучения, „Учительская газета", 1938 г., № 148, 1 ноября, стр. 2.
78. Жильцов М. Д., К. Д. Ушинский о запоминании учебного материала, „Учительская газета", 1938 г., № 156, 19 ноября, стр. 2.
79. Жильцов М., К. Д. Ушинский о значении и средствах прочного запоминания учащимися учебного материала, „Советская педагогика", 1946 г., № 1—2, стр. 58—64.
80. Жураковский Г. Е., чл.-корресп. АПН, К. Д. Ушинский, „Вожатый", 1945 г., № 12.
80[1]. Жураковский Г. Е., Выдающийся русский педагог, „Большевик", 1946 г., № 19, стр. 59 — 64.
81. Завьялов Н. Н., Педагогическая хрестоматия, М., 1906 г., помещена биография Ушинского с избранными местами из его разных сочинений, стр. 371—465.
82. Завьялов Н. Н., Педагогическая хрестоматия, Пг., изд. „Школа", 1916 г., стр. 333—345.
83. Запонков Н., О подготовке народного учителя в связи с идеями К. Д. Ушинского, „Русская школа", 1903 г., № 2, стр. 137—149.
84. Запонков Н. А., О подготовке народного учителя в связи с идеями К. Д. Ушинского, СПБ, 1906 г., 62 стр.
85. Зданевич М., Памяти К. Д. Ушинского, газ. „Кавказ", 1896 г., № 9.
86. Зиневич Н. А. и Мензорова А. Г., Литература о К. Д. Ушинском, „Советская педагогика", 1945 г., № 12, стр. 119—125.
87. Зиневич Н. А., Всенародное чествование памяти К. Д. Ушинского, „Советская педагогика", 1946 г., № 1—2, стр. 117—123. В этой статье автор перечисляет также те работы и статьи, которые вышли в Советском Союзе на русском языке об Ушинском в связи с чествованием 75-летия.
88. Зикеев Н. В., Из истории педагогической подготовки учителей, „Советская педагогика", 1945 г., № 5—6, стр. 24—30.
89. Зикеев Н. В., Основные вехи жизни и деятельности К. Д. Ушинского, „Советская педагогика", 1945 г., № 12, стр. 115—118.
90. Зикеев Н. В., Молодые годы К. Д. Ушинского, помещено в сборнике „К. Д. Ушинский и Московский университет", 1946 г.
91. Золотарев С., Очерки по истории педагогики на Западе и в России, СПБ, 1910 г., изд. Башмаковых, стр. 155—168.
92. Золотарев С., 21 декабря—день Ушинского, „Школа и жизнь", 1914 г., № 51, стр. 4—6.
93. Золотарев С. А., День К. Д. Ушинского, „Народный учитель", 1915 г., № 1.

94. Золотарев С., К. Д. Ушинский и самоопределение русской школы, „Русская школа“, 1916 г., № 2—3, стр. 1—10.

95. Ивашкин А. Е., К. Д. Ушинский и начальная школа, „Для народного учителя“, 1911 г., № 1, стр. 9—13.

96. Иверсен В., Программа бесед по книге Ушинского, „Народная школа“, 1878 г., № 3, стр. 7—19.

97. Италинский А., К. Д. Ушинский, его жизнь, деятельность и значение, г. Гори, 1896 г., 24 стр.

98. Исполатов С., Национальное воспитание по воззрению Ушинского и современная оценка его, „Школа и жизнь Сибири“, 1917 г., № 1, стр. 12—21.

99. Каджая В. Н., К. Д. Ушинский и педагогическая мысль в Грузии, газ. „Сахалхо ганатлеба“ („Народное просвещение“), 1946 г., 3 января, на грузинском языке.

101. Казанский Н., Дидактические взгляды К. Д. Ушинского (к 70-летию со дня смерти), „В помощь учителю“, Л., 1940 г., № 12, стр. 3—7.

102. Казанский Н. Г., К. Д. Ушинский о развитии самостоятельности учащихся в процессе обучения, „Ученые записки Ленинградского государственного педагогического института им. Герцена“, Кыштым, 1944 г., т. 52, стр. 19—31.

103. Казанский Н. Г., проф. (Ленингр.), Неопубликованные рукописи К. Д. Ушинского, „Учительская газета“, 3 января 1946 г.

104. Кайданова О., Устарело ли „Родное слово“ Ушинского? „Школа и жизнь“, 1914 г., № 44, стр. 1—3.

105. Калинин И., Воспоминания об Ушинском, „Русский начальный учитель“, 1906 г., № 2, стр. 16.

106. Калинин М. И., Речь на Всероссийском совещании руководящих работников народного образования, 30 января 1941 года, „Начальная школа“, 1941 г., № 5, стр. 3.

107. Калмыкова А., Что связывает нас с временем и личностью К. Д. Ушинского, „Школа и жизнь“, 1915 г., № 1, стр. 1—4.

108. Карасев А., На могиле Ушинского, „Русская школа“, 1901 г., № 3, стр. 132.

109. Карлсон А., „Родное слово“ в советской школе (из опыта учителей Куйбышевского района Ленинграда), Материалы заочной конференции „Учительской газеты“, 16 января 1946 г.

110. Капралов Н., Константин Дмитриевич Ушинский (к 45-й годовщине смерти знаменитого педагога), „Для народного учителя“, 1915 г., № 20, стр. 2—10.

111. Каптерев П., Педагогические идеалы и взгляды К. Д. Ушинского. „Образование“, 1895 г., № 1, стр. 1—27.

112. Каптерев П. Ф., Ушинский об общественных и антропологических основах воспитания, „Русская школа“, 1895 г., № 12, стр. 65—73.

113. Каптерев П. Ф., К. Д. Ушинский, по поводу 25-й годовщины его смерти, „Всемирная иллюстрация“, 1896 г., № 1405.

114. Каптерев П. Ф., Новая русская педагогия, ее главнейшие идеи, направления и деятели, „Русская школа“, 1897 г., № 3, стр. 54—71.

115. Каптерев П., Взгляды Ушинского на первоначальное воспитание детей, „Воспитание и обучение“, 1901 г., стр. 1—17.

116. Каптерев П., Педагогические идеалы и взгляды К. Д. Ушинского, „Образование“, 1905 г., № 1, стр. 1—27, „Вестник воспитания“, 1905 г., № 8.

117. Каптерев П. Ф., История русской педагогики. Пг., изд. 2-е, стр. 548—580.

118. Каптерев П. Ф., Новая русская педагогия, ее главнейшие идеи, направления и деятели, изд. 2-е, склад „Земля“, СПБ, 1914 г., стр. 33—53.

119. Кипшидзе Д. С., Жизнь и деятельность К. Д. Ушинского, газ. „Сабчота масцавлебели“ („Советский учитель“), 1945 г., 29 ноября, на груз. языке.

120. Козьмин В. П., Замечания и характеристика К. Д. Ушинского Е. Н. Водовозовой (см. предисловие редакции к книге Водовозовой Е. Н. „На заре жизни“, М.-Л., изд. 1934 г., т. 1, стр. 15—21).

121. Козырев А. В., Великий русский педагог К. Д. Ушинский, „В помощь учителю“, г. Орджоникидзе, 1940 г., вып. 3(6), стр. 13-27.

122. Колотинский П., Памяти К. Д. Ушинского, „Кубанская школа“, 1917 г., № 1.

123. Константинов Н. А., По поводу издания избранных педагогических сочинений К. Д. Ушинского, „Советская педагогика“, 1940 г., № 9, стр. 105.

124. Константинов Н., действ. чл. АПН РСФСР, Ушинский и Московский университет (к 75-летию со дня смерти К. Д. Ушинского), „Учительская газета“, 1945 г., 10 октября, № 42.

125. Константинов Н. А., действ. чл. АПН РСФСР, Основоположник русской педагогической науки, „Вечерняя Москва“, 1945 г., 24 октября.

126. Константинов Н. А., Народность как основа педагогической системы К. Д. Ушинского, „Советская педагогика“, 1946 г., № 4—5, стр. 59—65.

127. Константинов Н. А., действ. чл. АПН РСФСР, Ушинский и педагогическая мысль народов Советского Союза, 1946 г., помещено в сборнике „К. Д. Ушинский и Московский университет“.

128. Константинов Н. А., действ. чл. АПН, К. Д. Ушинский, „Избранные педагогические сочинения“, „Сов. пед.“, № 10—11, стр. 111—119.
129. Концевич Г., Памяти К. Д. Ушинского, Кантата для смешанного хора, М., 1915 г., стр. 2.
130. Кореневский Е., К. Д. Ушинский о детском чтении, „Учительская газета“, 1944 г., 1 марта, № 10.
131. Корсакова Е. Я., Чем обязана моя дочь К. Д. Ушинскому в своем начальном обучении, „Русская школа“, 1895 г., № 12, стр. 82—87.
132. Костин Н., К. Д. Ушинский и Л. Н. Толстой о сочинениях в начальной школе, „В помощь учителю“, Л., 1940 г., № 5, стр. 4—8.
133. Крупская Н. К., К вопросу об изучении истории педагогики, „Советская педагогика“, 1940 г., № 2, стр. 3—5.
134. Куфаев В. И., проф., К. Д. Ушинский о воспитании детей в сиротских воспитательных заведениях. Бюллетень „Учебно-воспитательная работа в детских домах“, М., изд. Научно-практического ин-та детских домов НКП РСФСР, 1940 г., № 2, стр. 7—20.
135. Куфаев М. Н., Библиография русских педагогических журналов (со 2-й половины XIX ст. до 1917 г.), „Педагогическая энциклопедия“, под редакцией А. Г. Калашникова, М., изд. „Работник просвещения“, 1927 г., т. I, разд. 1, стр. 395 — 397, 400.
136. Лебедев А., Первые работники в истории русской педагогики (памяти Пирогова, Ушинского и Юркевича), „Народное образование“, 1908 г., № 7—8, стр. 1—20.
137. Лебедев А., Педагог русских педагогов, „Педагогический листок“, 1910 г., кн. 3, стр. 568—579.
138. Локтин А. А., Чествование памяти К. Д. Ушинского в учительском обществе, „Учитель и школа“, 1915 г., № 6, стр. 43—48.
139. Лордкипанидзе Д., Основы теории обучения К. Д. Ушинского, „Сабчота масцавлебели“, 1945 г., 22 декабря, № 23, стр. 1, на грузинском языке.
140. Лордкипанидзе Д., Я. С. Гогебашвили — последователь великого русского педагога К. Д. Ушинского, „Советская педагогика“, 1946 г., № 3, стр. 67—78.
141. Лубенец Т., Педагогические беседы, СПБ, 1903 г., Об Ушинском, в особенности беседы первая и восьмая.
142. Люстрицкий В., Очерк педагогической деятельности Константина Дмитриевича Ушинского и о его взглядах на общественное воспитание, Казань, 1882 г.
143. Маккавейский Н. К., К. Д. Ушинский и его педагогическая идея, Киев, 1896 г., помещено также в „Трудах Киевской духовной академии“, 1896 г., № 1, 3, 12.

144. Малаховский В. А., К. Д. Ушинский о воспитательном значении родного языка, „Сов. пед.“, 1946 г., № 3, стр. 59—66.

145. Малышев Н. П., профессор, Проект программы и курса педагогики, составленный К. Д. Ушинским. Помещено в сборнике „К. Д. Ушинский и Московский университет“.

146. М. Б., Некролог. „Одесский вестник“, 1870 г., № 281.

147. Медников Ф., Некролог, „Народная школа“, 1871 г., стр. 48—50.

148. Медынский Е. Н., Развитие педагогической мысли в России (начиная с XVIII в.), „Педагогическая энциклопедия“, под редакцией А. Г. Калашникова, М., изд. „Работник просвещения“, 1927 г., т. I, стр. 387—389.

149. Медынский Е. Н. История педагогики, т. III, 1929 г., стр. 231-264.

150. Медынский Е. Н., История русской педагогики, М., 1936 г., стр. 180—211.

151. Медынский Е. Н., Педагогические взгляды К. Д. Ушинского, „За коммунистическое просвещение“, 1936 г., 22 декабря.

152. Медынский Е. Н., Педагогическая система К. Д. Ушинского, см. „Историю русской педагогики“ Е. Н. Медынского, изд. 2-ое, М., Учпедгиз, 1938 г., стр. 193—224.

153. Медынский Е. Н. Народный русский педагог К. Д. Ушинский, Бюллетень для комсомольских газет, Прессбюро „Комсомольской правды“, 1940 г., 1 февраля, № 15.

154. Медынский Е. Н., Константин Дмитриевич Ушинский, „Вожатый“, 1943 г., № 4, стр. 24 — 26.

155. Медынский Е. Н., Отец русской начальной школы, „Учительская газета“, 1944 г., 1 марта, № 10.

157. Медынский Е. Н., Великий русский педагог (к 75-летию со дня смерти К. Д. Ушинского), „Известия“, 1945 г., 4 октября.

158. Медынский Е. Н., Великий русский педагог К. Д. Ушинский (стенограмма публичной лекции действительного члена Академии педагогических наук РСФСР Е. Н. Медынского, прочитанной 11 ноября 1944 г. в Круглом зале Дома Союзов в Москве), М., 1945 г., 25 стр.

159. Медынский Е. Н., действ. чл. АПН РСФСР, Отец русской педагогики, „Учительская газета“, 14 ноября, 1945 г.

160. Медынский Е. Н., действ. чл. АПН РСФСР, Великий русский педагог — К. Д. Ушинский, „Советская педагогика“, 1945 г., № 12, стр. 11—22.

161. Место К. Д. Ушинского в истории русской педагогики, „Народный учитель“, 1915 г., № 9.

162. М. Л., Некролог, „Педагогический сборник", 1870 г., № 12, стр. 1331.
163. Мильчевский О., „О труде" г. Ушинского, помещенном в „Журнале министерства народного просвещения" за июль 1860 г., „Русский педагогический вестник", 1860 г., т. IV, стр. 250—255.
164. Модзалевский Л. Н., К биографии К. Д. Ушинского, газ. „Кавказ", 1881 г., №№ 259, 274, 281. Был издан автором и отдельной книгой в Тифлисе, 1881 г.
165. Модзалевский Л. Н., О народности в воспитании по Ушинскому, „Русская школа", 1895 г., № 12, стр. 65 — 73.
166. Музикайтов Павел, Константин Дмитриевич Ушинский, „Русская старина", 1890 г., № 4, стр. 210.
167. Мурманов Л., Великий русский педагог и его судьи, „Правда", 1937 г., 10 апреля, стр. 4.
168. Налимов А., Жуковский в „Детском мире" Ушинского, „Воспитание и обучение", 1902 г., стр. 225—234.
169. Налимов А., Поэзия Тютчева в книгах Ушинского, „Воспитание и обучение", 1904 г., стр. 171—174.
170. Наши деятели. Галлерея замечательных людей России в портретах и биографиях, т. VIII, СПБ, 1880 г., стр. 94—103.
171. Нестеровская А., К. Д. Ушинский о детском чтении, „Детская литература", 1941 г., № 5, стр. 18—21.
172. Некролог, „Педагогический листок", 1871 г., № 1, стр. 59.
173. Некролог. „Иллюстративная газета", 1871 г., № 2.
174. Новиков В., К. Д. Ушинский, „Кубанская школа", 1914 г., № 5.
175. О 75-летии со дня смерти К. Д. Ушинского. В Совнаркоме СССР, „Известия", 1945 г., 15 сентября, № 218 (8883).
176. Оболадзе Уш. П., К. Д. Ушинский и родной язык, газ. „Сабчота масцавлебели" („Советский учитель"), 1945 г., 29 декабря, на грузинском языке.
177. Обухов М., Родоначальник современной русской педагогики К. Д. Ушинский, „Для народного учителя", 1916 г., № 4, стр. 5—10.
178. Орелкин П. и Ладыженский В., К. Д. Ушинский, М., 1901 г.
179. Острогорский А. Н., Образование и воспитание. „Взгляды Толстого, Ушинского, Пирогова", „Педагогический сборник", 1879 г., № 3, стр. 237—244.
180. Острогорский А., Предисловие к материалам для III тома Педагогической антропологии („Материалы для педагогической антропологии", т. III), СПБ, 1908 г., стр. V—IX.
181. Острогорский В., К. Д. Ушинский (Острогорский и Семенов— „Русские педагогические деятели", М., изд. Сытина, 1909 г.,

стр. 35—38); „Воспитание и обучение", 1885 г., кн. I, стр. 34—56; отд. изд. СПБ, 1914 г.

182. Острогорский В. и Семенов Д., Русские педагогические деятели Н. И. Пирогов, К. Д. Ушинский, барон Н. А. Корф, М., 1887 г. Глава об Ушинском напечатана также в журнале „Воспитание и обучение", 1885 г., № 2, стр. 37—65.

183. Острогорский Виктор, Кого лишились мы четверть века назад? „Мир божий", 1895 г., № 12, стр. 152—157.

184. Острогорский Виктор, Педагог-идеалист, „Вестник воспитания", 1891 г., № 1, стр. 76—93.

185. Острогорский А. Н., Памяти К. Д. Ушинского, „Педагогический сборник", 1915 г., № 10, стр. 87.

186. П. Ф. М., Чествование памяти К. Д. Ушинского в Московском обществе грамотности, „Для народного учителя", М., 1915 г., № 1, стр. 18—24.

187. Павловский М., Речь, произнесенная при выносе тела К. Д. Ушинского, „Сын отечества", 1871 г., № 16.

188. Павловский М., Речь при гробе К. Ушинского, „Херсонские епархиальные ведомости", 1871 г., № 1, стр. 21—23.

189. Пайков Д. Г., К. Д. Ушинский о методах общеобразовательно-воспитательной работы., „Ученые записки Свердл. гос. пед. ин-та", Свердловск, 1940 г., вып. 3, педагогический, стр. 140—157.

190. Памяти К. Д. Ушинского. „Киевлянин", 1883 г., № 277.

191. Памяти русского педагога К. Д. Ушинского, „Гражданин", 1895 г., 20 декабря.

192. Памяти К. Д. Ушинского, „Жизнь и искусство", 1895 г., 21 декабря.

193. Памяти К. Д. Ушинского, по случаю 25-летия со дня кончины К. Д. Ушинского (21 декабря 1870 г.—21 декабря 1895 г.), СПБ, 1896 г. Оглавление книги: 1) к читателям, стр. 1—2; 2) чествование памяти К. Д. Ушинского, стр. 1—6; 3) речь Василия Маренина, стр. 7—10; 4) речь директора Педагогического музея генерал-майора А. Н. Макарова, стр. 11-14; 5) значение чествования К. Д. Ушинского, его заслуги и труды, М. Л. Песковского, стр. 15—40; 6) Ушинский об общественных и антропологических основах воспитания, П. Ф. Каптерева, стр. 41 — 56; 7) голос из семьи, Е. Я. Корсаковой, стр. 56—66; 8) деятельность Ушинского в Смольном институте, Д. Д. Семенова, стр. 67—104; 9) педагогические идеи Ушинского, Д. Д. Семенова, стр. 105—134; 10) о народности в воспитании по Ушинскому, Л. Н. Модзалевского, стр. 151—162; 11) мысли К. Д. Ушинского о воспитательно-образовательном значении родной природы и родного слова, Ю. Ю. Цветковского, стр. 169—182; 12) значение К. Д. Ушинского для народных учителей и школ,

В. Я. Аврамова, стр. 183—198; 13) К. Д. Ушинский, как редактор „Журнала министерства народного просвещения“, Я. Г. Гуревича, стр. 199—206 и др.

194. Памяти К. Д. Ушинского, „Русский начальный учитель“, 1896 г., № 1, стр. 1—4.

195. Памяти К. Д. Ушинского, „Церковно-приходская школа“, 1896 г., февраль, стр. 33—41.

196. Памяти К. Д. Ушинского, „Народное образование“, 1901 г., № 4, стр. 392—398.

197. Памяти К. Д. Ушинского, „Русская школа“, 1902 г., № 1, отд. II, стр. 93.

198. Памяти К. Д. Ушинского, „Вестник воспитания“, 1906 г. № 1, стр. 240—243.

199. Панков Н. И., Дидактические взгляды К. Д. Ушинского, „Ученые записки Куйбышевского гос. пед. и учительского института имени В. В. Куйбышева“, Куйбышев, вып. 4, 1940 г., стр. 85 — 144.

200. Парибок, Из истории русской педагогики., Ушинский К. Д. о теории воспитания., „Учительская газета“, 1938 г., № 73, 1 июня.

201. Педагогические идеи К. Д. Ушинского в массы учительства, „Учительская газета“, 1945 г., 3 октября, № 41.

202. Песковский М. Л., К. Д. Ушинский. Его жизнь и педагогическая деятельность, СПБ, 1892 г.,

203. Песковский М., Памяти К. Д. Ушинского, „Новости“, 1895 г., 23 февраля.

204. Петерсон М., „Родное слово“ Ушинского, „Вечерняя Москва“, 11 декабря 1945 г.

205. Петрова Е. Н., проф. (Ленинград), Ушинский о родном языке, „Учительская газета“, 4 декабря 1945 г.

206. Петрова Е. Н., проф., О некоторых принципах преподавания русского языка в системе Ушинского, „Советская педагогика“, 1945 г., № 12, стр. 52—67.

207. Пиотровский И. А., Погоня за лучшим (по поводу педагогических статей г. Ушинского), „Современник“, 1861 г., т. 87, № 5, стр. 118.

208. Пиотровский И. А., Мотивы общественного воспитания, „Современник“, 1861 г., т. 87, № 6, стр. 291.

209. Познанский Н. К., Ушинский и его гимн в честь труда, „Ученые записки Саратовского государственного университета“, т. III, вып. 3, Саратов, 1925 г., стр. 1—5.

210. Покровский С., Государственно-правовые воззрения К. Д. Ушинского, „Вестник воспитания“, 1911 г., № 5, стр. 1—20.

211. Покровский С., Страница из профессорской деятельности К. Д. Ушинского в Демидовском лицее, „Вестник воспитания“, 1911 г., № 9, стр. 55—77.

212. Полянская Л. И., Документальные материалы о К. Д. Ушинском в Центральном государственном историческом архиве, „Сов. пед.“, 1947 г., № 3, стр. 116—118.
213. Поспелов И., Памяти К. Д. Ушинского, „Вестник воспитания“, 1913 г., № 9, стр. 47—55.
214. Потемкин В. Н., академик, К. Д. Ушинский — великий русский педагог. Речь на торжественном заседании, посвященном 75-летию со дня смерти К. Д. Ушинского, „Советская педагогика“, 1945 г., № 12, стр. 7—11.
215. Пурцеладзе С. Д. Методика преподавания грамматики в методическом наследстве К. Д. Ушинского, „Труды“ Института педагогических наук Грузинской ССР, 1948 г., № 4.
216. Ребельский И. В., проф., К. Д. Ушинский, „Коммунистическая молодежь“, 1934 г., № 17, стр. 55—58.
217. Рехневский Ю., К. Д. Ушинский, „Вестник Европы“, 1871 г., т. I, февраль, стр. 883—902.
218. Рождественский Н. С., Обучение грамотному письму в освещении К. Д. Ушинского. „Нач. школа“, 1946 г., № 1—2, стр. 6-9.
219. Рождествин А., Ушинский—национальный русский педагог, Казань, 1911 г., 15 стр.
220. Росиков Т., Речь, произнесенная на выносе тела К. Д. Ушинского, „Сын отечества“, 1871 г., 20 января.
221. Рубинштейн М., Жизнь в понимании К. Д. Ушинского, „Вестник воспитания“, 1915 г., № 1, отд. I, стр. 68—89.
222. Румянцев Н., Мысли К. Д. Ушинского о религиозном воспитании, „Вера и церковь“, 1901 г., февраль.
223. Сватиков Ф. Ф., К. Д. Ушинский о воспитании и обучении детей, „Дошкольное воспитание“, 1938 г., № 7—8, стр. 32—50.
224. Сватиков Ф. Ф., Великий русский педагог К. Д. Ушинский о народности и воспитании любви к родине, „Начальная школа“, 1942 г., № 8, стр. 7—12.
225. Седов Л., Ушинский о воспитании, „Вестник воспитания“, 1901 г., № 3, стр. 1—35.
226. Семенов Д., Первый год занятий с об'яснительным чтением и наглядным обучением по книге „Детский мир“, „Журнал министерства народного просвещения“, 1862 г., № 4, Напечатано отдельно, СПБ.
227. Семенов Д. Русская книга для первоначального чтения в связи со школой, „Женское образование“, 1888 г., Ушинскому отведена 5-я глава.
228. Семенов Д. Д., Очерки народного образования в России (Кавказские начальные училища), „Образование“, 1892 г., № 1, Об Ушинском, стр. 61.
229. Семенов Д. Д., Мысли К. Д. Ушинского о семейном воспитании, „На помощь матерям“, 1894 г., ноябрь, стр. 316—321.

230. Семенов Д. Д., Из пережитого. Мое знакомство с К. Д. Ушинским, „Русская школа“, 1895 г., №№ 1 и 2.
231. Семенов Д. Д., Сочинения и педагогические идеи К. Д. Ушинского, „Русская школа“, 1895 г., № 7—8, стр. 29—47.
232. Семенов Д. Д., Памяти К. Д. Ушинского, „Образование“, 1896 г., № 2.
233. Серополко С., Литература об Ушинском, „Школа и жизнь“, 1913 г., стр. 12—13.
234. Сигуа С., Великий русский педагог, газ. „Советская Абхазия“, 1946 г., 4 января.
235. И. С. (Симонов И.) Памяти К. Д. Ушинского, „Педагогический сборник“, 1910 г., № 12, стр. 489—506.
236. Скаткин М. Н., К. Д. Ушинский об изучении природы, „Начальная школа“, 1945 г., № 6, стр. 24—28.
237. Скворцов Ир., проф., К. Д. Ушинский как педагог-публицист, „Вестник воспитания“, 1894 г., № 8, стр. 182 — 199.
238. С—В (Скворцов И. С.), Памяти педагога-гражданина, „С.-Петербургские ведомости“, 1905 г., 22 декабря.
239. Слепцов А., Где искать основание здравой педагогике, „Современное обозрение“, 1868 г., № 2.
240. Смигельский В. В., К. Д. Ушинский о нравственном воспитании в семье, „Семья и школа“, 1946 г., № 6, стр. 15—20.
241. Смирнов В. З. Неизвестное письмо К. Д. Ушинского, „Сов. пед.“, 1946 г., № 10—11, стр. 81—84.
242. Смирнов О. Р., Заветы К. Д. Ушинского (к 40-летию со дня смерти великого педагога-реформатора), „Народный учитель“, 1910 г., № 19—20, стр. 1—2.
243. Снегирев С., О господствующих у нас методах обучения грамоте, „Педагогический музей“, 1878 г., № 9, Специальная глава об Ушинском, гл. III.
244. Соколова М. М., Значение К. Д. Ушинского для нашей народной школы, „Русская школа“, 1896 г., № 1, стр. 32—36.
245. Соловьев И., Пробуждение педагогической мысли в эпоху 60-х годов (из прошлого нашей журналистики), „Вестник воспитания“, 1915 г., № 1, стр. 90—117.
246. Соловьев И. М., Ушинский Константин Дмитриевич, „Энциклопедический словарь русск. библиограф. инст-та“, изд. Гранат, т. 42, изд. 7-ое, М., стр. 563—571.
247. Старосевильский С., К. Д. Ушинский, „Русский физиологический вестник“, 1902 г., т. 47, №№ 1 и 2.
248. Стоюнин В., Новая программа „Журнала министерства народного просвещения“, „Воспитание“, 1860 г., т. VIII, книга 12, отд. II, стр. 250—255.
249. Стоюнин В., К. Д. Ушинский, „С.-Петербургские ведомости“, 1871 г., № 49.

250. Страчевский А., Мои воспоминания о Константине Дмитриевиче Ушинском, „Народная школа", 1885 г., № 1, стр. 36—65.
251. Струминский В., Дидактические взгляды К. Д. Ушинского, „Начальная школа", 1937 г., № 3, стр. 10—23.
252. Струминский В., Методика преподавания родного языка в произведениях К. Д. Ушинского, „Начальная школа", 1937 г., № 4, стр. 40—52.
253. Струминский В. Я., Педагогическая система К. Д. Ушинского. Избр. пед. соч., т. II, М., 1939 г., стр. 5—88.
254. Струминский В. Я., Историческое значение К. Д. Ушинского в русской педагогике, вступительная статья к книге — К. Д. Ушинский об учебно-воспитательной работе в школе, Отрывки, М., 1939 г., стр. 3—12.
255. Струминский В. Я., Родной язык в школе (к 70-летию со дня смерти К. Д. Ушинского, 1870—1940), „Родной язык в школе", 1940 г., № 3, стр. 56—71.
256. Струминский В., Замечательное наследство (к 70-летию со дня смерти К. Д. Ушинского), „Учительская газета", 1941 г., 3 января, № 2.
257. Струминский В. Я., К. Д. Ушинский (к 70-летию со дня смерти), „Настольный календарь учителя на 1941 г.", М., 1941 г., стр. 206—216.
258. Струминский В. Я., Новые материалы о К. Д. Ушинском, „Советская педагогика", 1941 г., № 3, стр. 62—78.
259. Струминский В. Я., Человек как предмет воспитания К. Д. Ушинского (к 75-летию со дня выхода в свет), „Советская педагогика", 1942 г., № 3—4, стр. 116—122.
260. Струминский В. Я., Константин Дмитриевич Ушинский, 1824 — 1870, М., „Молодая гвардия", 1943 г., 69 стр. (Великие люди русского народа).
261. Струминский В. Я., Основоположник русской педагогической науки, „Учительская газета", 1944 г., 1 марта, № 10.
262. Струминский В. Я., проф., чл.-корресп. АПН РСФСР, О журнально-литературной деятельности К. Д. Ушинского в 1852 — 1856 г.г., „Советская педагогика", 1945 г., № 12, стр. 83—97.
263. Струминский В. Я., чл.-корресп. АПН РСФСР, Ушинский о начальной школе, „Учительская газета", 12 декабря 1945 г.
264. Струминский В. Я., чл.-корресп. АПН РСФСР, Друг русского дитяти, „Комсомольская правда", 2 января, 1946 г.
265. Струминский В. Я., чл.-корресп. АПН РСФСР, К. Д. Ушинский в Московском университете в 40-х годах XIX века, помещено в сборнике — „К. Д. Ушинский и Московский университет", 1946 г.

266. Тавзишвили Г. Я., Педагогика К. Д. Ушинского, газ. „Сабчота масцавлебели“ („Советский учитель“), 1945 г., 15 декабря, на грузинском языке.
267. Тавзишвили Г. Я., Принцип народности в педагогике К. Д. Ушинского, газ. „Сахалхо ганатлеба“ („Народное просвещение“), 1946 г., 3 января, на грузинском языке.
268. Тавзишвили Г. Я., К. Д. Ушинский, Тбилиси, 1946 г., на грузинском языке.
269. Титова, К. Д. Ушинский и В. И. Водовозов, „Русская старина“, 1887 г., № 2, стр. 471—494.
270. Тихомиров Д. И., Значение книги „Родное слово“, К. Д. Ушинского, „Педагогический листок“, 1896 г., кн. 1-я, стр. 12 — 21.
271. Тихомиров Д. И., Значение К. Д. Ушинского для народной школы, „Педагогический листок“, 1901 г., стр. 275—293.
272. Тихомиров Д. И., Всероссийская подписка на памятник К. Д. Ушинскому, „Народный учитель“, 1914 г., № 4, стр. 1—2.
273. Трошкова Т., Дорогое нам имя, „Комсомольская правда“, 2 января 1946 г.
274. Тулупов Н., Заветы великого педагога, „Журнал для народного учителя“, 1914 г., № 19—20, стр. 2—8.
275. Узнадзе Д. Н., действ. член Академии наук Грузинской ССР, проф., Психологические взгляды К. Д. Ушинского, Вторая сессия Института педагогических наук Грузинской ССР, тезисы докладов, 1945 г., стр. 7.
276. К. Д. Ушинский. Некролог, „Семья и школа“, 1871 г., февраль, кн. 2-я, стр. 160—162.
277. К. Д. Ушинский и его педагогическая деятельность, „Сияние“, 1871 г., т. I, № 16, стр. 256—259.
278. К. Д. Ушинский, биографический очерк, „Сын отечества“, 1871 г., № 52.
279. К. Д. Ушинский. Биография, „Иллюстративная газета“, 1872 г., т. 30, № 32, стр. 97—98; № 33, стр. 119.
280. Ушинский Константин Дмитриевич. Биография, „Нива“, 1895 г., № 52.
281. К. Д. Ушинский (биографический очерк), „Педагогический еженедельник“, 1896 г., № 1, стр. 2.
282. Ушинский Константин Дмитриевич, „Малая советская энциклопедия“, М., Огиз, 1931 г., т. IX, стр. 231 — 232.
283. Ушинский К. Д., Об учебно-воспитательной работе в школе. Отрывки из педагогических сочинений, М., Учпедгиз, 1939 г., стр. 3 — 12.
284. К. Д. Ушинский, В. П. Вахтеров, В. А. Флеров—Об обучении грамоте. Основы звукового метода (сборник). Сост. С. П. Редозубов, М., Учпедгиз. Напечатано в Саратове, 1941 г., 272 стр., с иллюстр. („Биб.-ка учителя“).

285. Ушинский Константин Дмитриевич, Советская энциклопедия, стр. 1612.
286. Увековечение памяти Ушинского, „Правда“, 1945 г., 11 октября.
287. Константин Дмитриевич Ушинский, „Учительская газета“, 1945 г., 26 октября, Редакционная статья.
288. Филонов А., Плоды педагогического озлобления (ответ на статью „Цветы московской педагогии“), „Современный листок“, № 28—32, 1867 г., отдельное издание.
289. Флеров А. П., К. Д. Ушинский, по поводу воспоминания его великих заслуг для русской педагогии, „Филологические записки“, 1895 г., вып. VI, есть отдельное издание, Воронеж, 1895 г.
290. Фролькоь А., К. Д. Ушинский, краткий биографический очерк, СПБ, 1881 г.
291. Фролькоь А. Ф., Константин Дмитриевич Ушинский, Владикавказ, 1896 г.
292. Хлебников Р., К. Д. Ушинский о задачах воскресной школы, „Русская школа“, 1902 г., № 12, отд. II, стр. 68.
293. Храмцов Ф. М. По случаю 75-летия со дня смерти великого русского педагога К. Д. Ушинского, сборник. Учебно-воспитательная работа в детских домах, 1946 г., № 6 — 7.
294. Чавдаров С. Х., проф., Дидактические принципы Ушинского и советская педагогика, „Учительская газета“, 1941 г., 11 апреля.
295. Чавдаров С. и Даденков М., К. Д. Ушинский, Киев, 1945 г., 29 стр.
296. Чавчавадзе Илья, По поводу статьи г. Яновского, собр. сочин., т. VII, стр. 213 — 230. Дана критика руссификаторской политики царских чиновников и аргументация взглядами классиков педагогики и, в особенности, учением Ушинского о родном языке.
297. Чалый М., Материалы для биографии К. Д. Ушинского, „Народная школа“, 1874 г., № 4, стр. 44 — 49.
298. Чалый М. К., Воспоминания, „Киевская старина“, 1889 г., № 8.
299. Чествование памяти К. Д. Ушинского, „Исторический вестник“, 1896 г., № 2, стр. 722 — 723.
300. Чествование памяти К. Д. Ушинского, торжественное заседание в большом зале Московской консерватории, „Учительская газета“, 1946 г., 12 января (№ 3).
301. Черепнин Н. П., Императорское воспитательное общество благородных девиц, исторический очерк, т. II, Пг., 1915 г., стр. 271—322.
302. Чернышев В., Забытые труды К. Д. Ушинского, „Журнал министерства народного просвещения“, 1906 г., № 12, стр. 113—148, отдельное издание. СПБ, 1907 г.

303. Чернышев В., Забытые труды К. Д. Ушинского, СПБ, 1907 г., 36 стр.; „Педагогический сборник", 1907 г., № 2, стр. 167—170. (Краткий реферат).
304. Чернышев В., Ушинский о первоначальном преподавании русского языка. „Педагогический листок", 1910 г., № 8, стр. 580—583.
305. Чернышев В., К. Д. Ушинский, как распространитель начального обучения, „Русский начальный учитель", 1910 г., № 10, стр. 316 — 320.
306. Чернышев В., К. Д. Ушинский как реформатор преподавания арифметики. „Педагогический сборник", 1910 г., № 12, стр. 507 — 513.
307. Чернышев В., К литературно-педагогической деятельности К. Д. Ушинского (к 40-летию со дня смерти Ушинского), „Русская школа", 1910 г., № 12, стр. 130—141.
308. Чернышев В., Чего желал Ушинский для нашей школы, „Русский начальный учитель", 1911 г., № 2, стр. 74 — 83.
309. Чернышев В., Мысли К. Д. Ушинского об обучении и наставниках, „Педагогический сборник", 1912 г., стр. 1—20.
310. Чернышев В., Разыскания о К. Д. Ушинском, „Русская школа", 1912 г., № 2, стр. 1—26.
311. Чернышев В., Письмо К. Д. Ушинского о голоде в России (1868 г.), „Русская школа", 1912 г., № 3, стр. 1—6.
312. Чернышев В., Участие К. Д. Ушинского в „Библиотеке для чтения", Собр. пед. соч. Ушинского, СПБ, изд. 2, 1913 г., т. II, стр. 325—326.
313. Чернышев В., Хронологический список книг, статей и переводов К. Д. Ушинского (1848—1870), Собр. педагогич. соч. Ушинского, СПБ, 1913 г., т. II, стр. 321—341.
314. Чернышев В., Список статей о К. Д. Ушинском (1857—1907). Собр. пед. соч. Ушинского, СПБ, 1913 г., т. II, стр. 342—370.
315. Чернышев В., Заметки К. Д. Ушинского, относящиеся к чистоте русского языка, „Педагогический сборник", 1918 г., январь-март, стр. 65—69.
316. Чехов Н. В., На могиле К. Д. Ушинского, „Для народного учителя", М., 1910 г., № 11, стр. 14—16.
317. Чехов Н. В., На могиле К. Д. Ушинского, „Для народного учителя", 1911 г., № 1, стр. 9—13.
318. Чехов Н. В., „Родное слово" для земских школ, (Памяти К. Д. Ушинского), „Народный учитель", М., 1914 г., № 31 — 32, стр. 1—2.
319. Чехов Н. В., Памяти К. Д. Ушинского, Труды II Всероссийского с'езда имени Ушинского, вып. 1, СПБ, 1914 г., стр. 63—69.
320. Чехов Н. В., Памяти К. Д. Ушинского (тезисы). Дневник II Всероссийского с'езда имени К. Д. Ушинского, СПБ, 1914 г., № 4, стр. 6.

321. Чехов Н. В., Национальное воспитание по Ушинскому. „Педагогический листок", 1915 г., книга 2, стр. 102—113.
322. Чечети, К некрологу К. Д. Ушинского, „Одесский вестник", 1871 г., № 6.
323. Чижов В., Родные напевы, для развития слуха и голоса по „Родному слову", К. Д. Ушинского, СПБ, 1870 г., приложение к „Народной школе".
324. Чижов Н. Д., засл. деят. науки, Великий русский педагог Константин Дмитриевич Ушинский, „Красная Башкирия", 1946 г., 3 января.
325. Чувашев И. В., К. Д. Ушинский о воспитании и первоначальном обучении детей дошкольного возраста, „Дошкольное воспитание". 1944 г., № 8 — 9, стр. 33 — 37 и № 10, стр. 31 — 38.
326. Шестов А. И., Научная педагогика и русская школа, Юрьев, 1916 г., стр. 49—69.
327. Шимбирев П., Мудрые мысли о воспитании, „Учительская газета", 1941 г., 3 января, № 2.
328. Шимбирев П. Н., проф., Классики русской педагогики о методах нравственного воспитания, „Начальная школа", 1945 г., № 6, стр. 1—6.
329. Шимбирев П. Н., проф., Тезисы для докладчиков о К. Д. Ушинском, помещены в сборнике „Ушинский об учебно-воспитательной работе в школе", Грозный, 1945 г., стр. 3 — 12.
330. Юров Д. Ф., Анализ „Родного слова" Ушинского, „Советская педагогика", 1938 г., № 3, стр. 93—106.
331. Яковлев М. А., Художественная литература в педагогической системе К. Д. Ушинского. „Сов. пед.", 1947 г., № 4, стр. 56 — 67.

В. АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ [1]

I. Материалы, принадлежащие перу Ушинского:

1. Прошение коллежского асессора Константина Ушинского в контору Гатчинского сиротского института от 26 января 1855 г. (о предоставлении ему места учителя—Д. Л.). Московский госуд. литер. музей, фонд В. И. Чернышева.

2. Рапорт исправляющего должность инспектора классов директору Гатчинского Николаевского института, от 1 ноября 1855 г., за № 220 (о мерах улучшения постановки преподавания русского языка в институте—Д. Л.), тот же фонд.

3. Дело № 4 о воспитанниках Гатчинского института, помещенных на красную и черную доски (текст Ушинского с примечаниями В. И. Чернышева, тот же фонд—Д. Л.).

[1] Здесь дается перечень архивных материалов, обнаруженных нами летом 1940 года в Московском Государственном музее (по указанию члена-корреспондента Академии наук СССР В. И. Чернышева) и в Центральном государственном архиве внутренней политики и быта СССР (в Ленинграде).

4. Мнение коллежского советника Ушинского о проекте преобразований, представленном из Гатчинского сиротского института, ЦГАВПК и Б, фонд Гатчинского института, дело № 2103, часть I, 1862 г., л. л. 170—186.

5. Проект преобразований в Гатчинском сиротском институте, составленный К. Ушинским, в дополнение к мнению, представленному им же по поводу Гатчинского проекта, тот же фонд и дело, л. л. 186—196.

6. Программа журнала „Убеждение", составленная Ушинским, Московский госуд. литер. музей, фонд В. И. Чернышева.

7. Об'яснение Ушинского по поводу жалобы, поданной на него начальницей Смольного института М. П. Леонтьевой, 1862 г., тот же фонд.

8. Письмо К. Д. Ушинского к А. И. Скребецкому от 23 сентября 1862 года, тот же фонд.

II. Материалы об Ушинском

1. Учебные годы К. Д. Ушинского, Обзор В. И. Чернышева, Московский государственный литературный музей, фонд В. И. Чернышева.

2. Увольнительное свидетельство, выданное К. Д. Ушинскому Новгород-Северской гимназией 22 июня 1840 г. (копия снята со справки, находящейся в архиве Московского университета—Д. Л.), тот же фонд.

3. Справка об окончании Московского университета, выданная в 1844 году, тот же фонд.

4. Дело о допущении Ушинского к преподаванию в Гатчинском сиротском институте, 30 октября 1854 г., № 327, тот же фонд.

5. Докладная записка Опекунскому совету Гатчинского института почетного опекуна С. Ланского об утверждении К. Д. Ушинского в должности инспектора классов, от 14 марта 1856 года, тот же фонд.

6. Всеподданнейший доклад е. и. в. г. императрице Александре Федоровне начальницы Смольного института М. П. Леонтьевой от 31 декабря 1858 г. (По вопросу о переводе К. Д. Ушинского из Гатчинского сиротского института в Смольный институт на должность инспектора классов Александровского училища—Д. Л.), ЦГАВПК и Б, фонд канц. е. и. в., дело № 958, 1858 г., л. л. 44, 45.

7. Доклад статс-секретарю по делам управления учреждений императрицы Марии (по вопросам выдачи переводных Ушинскому), тот же фонд и дело, л. л. 47, 48, 49.

8. Выписка из журнала Учебного комитета министерства народного просвещения заседаний 19 и 21 июня 1865 г. (было принято решение не рекомендовать в качестве учебника „Книгу для чтения" Бенедиктова, так как эта книга в своей основной части представляла плагиат „Родного слова" Ушинского—Д. Л.), ЦГАВПК и Б, фонд Ученого комитета министерства народн. просвещения, журн. за 1865 г. (75—100), книга № 3, стр. 94—99.

9. Е. в. благородию господину управляющему министерством народного просвещения, жены потомственного почетного гражданина Веры Константиновны Пото, прошение от 22 марта 1901 года (дочь Ушинского В. К. Пото просит министерство разрешить построенным ею на собственные

средства двум приходским школам г. Киева присвоить имя К. Д. Ушинского — Д. Л.), ЦГАВПК и Б, фонд департамента просвещения, 1901 г., дело № 197055, л. 1.

10. Доклад министру народного просвещения управляющего Киевским учебным округом по вопросу о предоставлении права В. К. Пото вести обучение в открываемых ею в двух приходских школах г. Киева по учебникам Ушинского „Родное слово", а также о разрешении повесить портрет Ушинского в библиотеке означенных училищ, тот же фонд и дело, л. 8. (Это дело содержит также ряд переписок по данному вопросу между Киевским учебным округом и министерством народного просвещения, с одной стороны, и В. К. Пото—с другой, л. л. 9, 10, 13—Д. Л.).

11. Выписка из журнала Особого отдела Ученого комитета министерства нар. просв., 17—24 марта 1889 года (№ 720), ЦГАВПК и Б, фонд департ. народн. просвещ., дело № 176670, 1889 г., л. л. 1—25 (материал касается вопроса запрещения „Родного слова", ч. 1—Д. Л.).

12. Прошение Н. К. Ушинской г. министру народного просвещения, графу И. Д. Делянову, от 17 марта 1896 г. (о снятии запрещения на учебник Ушинского „Родное слово"—Д. Л.), тот же фонд и дело, л. л. 27, 28.

13. Выписки из журнала Особого отдела Ученого комитета министерства народного просвещения, 14 января 1900 года (материал касается разбора прошения Н. К. Ушинской и анализа рецензий, представленных членами Ученого комитета на „Родное слово" — Д. Л.), тот же фонд и дело, л. л. 94—115.

14. Выписка из журнала Особого отдела Ученого комитета министерства народного просвещения, 10 сентября 1900 г. (№ 1150), тот же фонд и дело, л. л. 142—143.

15. Предписание Особого отдела Ученого комитета министерства народн. просв. от 15 апреля 1900 года о допущении к употреблению „Родного слова", ч. 1 в учительских библиотеках низших училищ, за № 9702, тот же фонд и дело, л. л. 140—141.

16. Мнение члена Ученого комитета министерства народного просвещения Соллетинского, представленное в Особый отдел Ученого комитета (по вопросу об учреждении в г. Киеве „Школы и курсов для учительниц им. К. Д. Ушинского"—Д. Л.) от 8 сентября 1890 г. и решение Ученого совета министерства народного просвещения по этому же вопросу, ЦГАВПК и Б, фонд министерства нар. просв., „Журн. Ученого комитета МНП" 1899 г. № 89; журн. №№ 1097—1122, стр. 1967—1972.

№ 17. Формулярный список о службе и достоинствах исполняющего должность профессора Демидовского лицея Константина Ушинского, 1849 г., Центральный государственный архив внутренней политики, культуры

и быта СССР, фонд Департамента народного просвещения, 1849 г., дело № 101590, л. л. 3—4.

18. Формулярный список о службе инспектора классов Воспитательного общества благородных девиц и Санкт-Петербургского Александровского училища, коллежского советника Ушинского, ЦГАВПК и Б, фонд соб. е. и. в. канц. IV, отд. III экспед., 1862 г.; дело № 4731, л. л. 5—12.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение № 1.

Учебные годы К. Д. Ушинского [1]

О гимназических учебных годах К. Д. Ушинского довольно подробные сведения сообщил в „Народной школе“ 1874 года (№ 4, стр. 44—49) и в „Киевской старине“ 1899 года (август, стр. 436—446) его товарищ по Новгородсеверской гимназии М. К. Чалый. Автор воспоминаний близко сошелся с Ушинским, был старше его года на 3 или 4 и, значит, во-первых, мог его хорошо узнать, во-вторых, мог наблюдать более об'ективно. Действительно, сообщения М. К. Чалого точны и ценны. Одно лицо, знавшее К. Д. Ушинского лично, сообщило нам, что даже манера держать себя с людьми (Ушинский всегда держал себя независимо, с сознанием своего достоинства) передана в названных воспоминаниях как нельзя лучше. Товарищ по университету Ю. С. Рехневский сообщил кое-что об университетских учебных годах Ушинского в некрологе, написанном вскоре после смерти последнего.

Сам знаменитый педагог в увлекательном рассказе передал и выяснил те прекрасные воспитывающие впечатления и влияния, которые вынес он из несколько провинциальной гимназии, во главе которой стоял отставной профессор, соединявший с ученостью педагогическое искусство и любовь к детству и молодости. К сожалению, эта замечательная записка К. Д. Ушинского о том, как он учился, [2] осталась неоконченной. По началу ее видно, что он хотел собственно рассказывать про свое университетское ученье, и рассказ об ученье в гимназии служил только вступлением для предполагаемой статьи, которая оборвалась, когда автор не дошел еще до конца рассказа о гимназии.

Вот и все, что мы имеем в литературе об учебных годах К. Д. Ушинского.

Если из этого материала выбирать только то, что рисует нам Ушинский лично, то он значительно сократится, и мы в праве будем сказать, что об учебных годах нашего педагога мы знаем не особенно много.

Вот почему мы не можем не придать большого значения тем сведениям о ходе его учебных занятий в гимназии и университете, которые нам любезно сообщены архивом Московского университета при посредстве бывшего его ректора, профессора Мануилова, которому и приносим за это нашу искреннюю благодарность.

---

[1] Обзор принадлежит В. И. Чернышеву. — Д. Л.

[2] Напечатано в „Материалах для педагогической антропологии“ и в „Материалах для биографии“, СПБ, 1908 г., а прежде значительные извлечения из нее даны в биографии Ушинского, составленной Фрольковым.

Если бы печатаемые нами ниже документальные данные не сообщали ничего нового, и то они были бы важны и интересны как подтверждение сведений, находящихся в других источниках. Но они дают больше этого; они вполне раз'ясняют вопрос, как учился Ушинский, дают и другие ценные указания, например, точно определяют неизвестное раньше время его рождения.[1]

Прежде чем рассматривать эти документы, мы должны свести в сжатом рассказе все, что мы знаем об учебных годах К. Д. Ушинского. Пересказ наш будет передавать только фактическую сторону дела и останавливаться лишь на тех обстоятельствах, которые касаются лично Ушинского. Чем был Московский университет в сороковых годах, т. е. во время ученья Ушинского, хорошо известно всем образованным людям, а воспитательная атмосфера Новгородсеверской гимназии изображена в названной автобиографической заметке с тем несравненным мастерством тонкого педагогического анализа и изящного художественного изложения, которым, нам изжется, обладал только один Ушинский.[2]

Приложение № 2.

КОПИЯ

УВОЛЬНИТЕЛЬНОЕ СВИДЕТЕЛЬСТВО[3]

ИМЯ. Константин Ушинский, Черниговской губернии Новгородсеверского уезда чиновника 7-го класса Дмитрия Ушинского сын, родился в г. Туле 1823-го года февраля 19-го дня.

ВРЕМЯ ПОСЕЩЕНИЯ ГИМНАЗИИ. Поступил в гимназию 1833-го года октября 10-го дня в 1-ый класс, и был в оном год, во 2-м, 3-м, 4-м, 5-м, 6-м и 7-м по году — всего семь лет.

ПОВЕДЕНИЕ. 1-ое) В отношении к соучащимся: вел себя прилично, не обнаружив никаких наклонностей, достойных осуждения; 2-ое) в отношении к начальству: оказывал должное уважение и приветливость; взыскания за проступки, свойственные его возрасту, принимал с видом раскаяния и исправления; и вообще был поведения хорошего.

ПРИЛЕЖАНИЕ. При превосходных дарованиях, старание к приобретению знаний употреблял посредственное; почему в предметах учения оказал следующие успехи:

ПОЗНАНИЯ. В законе божием, в священной истории и катехизисе, церковной истории и христианских обязанностях — хорошие. В российской словесности: в грамматике русской и славянской—достаточные, логике и риторике — хорошие, пиитике и истории словесности — отличные, в сочинении — хорошие. В латинском языке: в грамма-

---

[1] „Увольнительное свидетельство" выдано Ушинскому из Новгородсеверской гимназии. — Д. Л.

[2] Эта работа В. И. Чернышевым не закончена и не опубликована—Д. Л.

[3] Из архива Московского университета.

тике и переводах с латинского — достаточные, в переводах с русского — посредственные. В математике: в арифметике и алгебре — слабые, геометрии — посредственные. В тригонометрии и аналитической геометрии — слабые. В физике общей и частной — достаточные. Во всеобщей истории, древней, средней и новой — отличные. Всеобщей географии и статистике российской географии и статистике — хорошие. Русской истории — отличные. В немецком языке: в грамматике и переводах с немецкого — хорошие, в переводах с русского — посредственные. Во французском языке: в грамматике и переводах с французского и на французский — посредственные. В чистописании и рисовании — достаточные.

Ныне он, Константин Ушинский, из VII класса гимназии по его прошению — для дальнейшего образования в императорском московском университете, уволен; почему и выдано ему сие свидетельство за подписанием директора, инспектора и учителей и приложением гимназической печати. Новгородсеверск. 1840. Июня 22 кня. Верно: секр. совета С. Преображенский.

Московский государственный литературный музей, фонд В. И. Чернышева.

Приложение № 3.

СПРАВКА[1]

Константин Ушинский поступил в Московский университет на юридический факультет в августе 1840 г. по свидетельству Новгородсеверской гимназии, удостоен звания студента Московского университета по надлежащем испытании, каковому в те времена подвергались все поступавшие в университет (прилагается копия с гимназического свидетельства).

Окончил курс Московского университета по юридическому факультету с примерным поведением и отличными успехами и удостоен советом университета степени кандидата 3 июня 1844 г. Засим представлен министерству (в числе трех), как отличнейший кандидат (для определения на службу прямо в министерство и другие высшие присутственные места).

СВОДНЫЙ СПИСОК БАЛЛОВ ЗА ВСЕ 4 КУРСА

I к.	1) Энциклопедия законоведения	5
	2) История российского законодательства .	5
II к.	1) История римского права	5
	2) Российские государственные законы . . .	5
III к.	1) Римское право	5
	2) Уголовные законы	4

[1] Из архива Московского университета.

	3)	Благоустройство и благочиние	5
	4)	Российские гражданские законы	5
IV к.	1-	Уголовное судопроизводство	5
	2)	Гражданское судопроизводство	5
	3)	Иностранное законодательство	5
	4)	Законы о финансах	5
	5)	Римское право	5
	6)	Церковное законоведение	5
	7)	Общенародное правоведение	5

Итого 74, в среднем $4^{4}/_{5}$

Верно: секр. Сов. **С. Преображенский**

Московский государственный литературный музей, фонд В. И. Чернышева.

Приложение № 4.

Формулярный список о службе и достоинствах исправляющего должность профессора Демидовского лицея Константина Ушинского, 1849 года[1]

Чин, имя, фамилия, должность, им отправляемая, сколько от роду лет и какого вероисповедания — кандидат императорского Московского университета Константин Дмитриев сын Ушинский, исправляющй должность профессора энциклопедии законоведения, государственных законов казенного управления и финансов, 26 лет, православного вероисповедания.

Из какого звания происходит — из дворян.

Получаемые оклады. Получает жалованья 856 руб. 78 коп. сер. в год.

Есть ли за ним, за родителями его, или когда женат, за женою недвижимое имение: у родителей и у него самого родовое, благоприобретенное — не имеет.

У жены, буде женат, родовое, благоприобретенное — не имеет.

Когда в службу вступил и в оной какими чинами, в каких должностях и где происходил, также не было-ль каких отличных по службе деяний и не был ли особенно, кроме чинов, чем награжден и в какое время. Годы, месяцы и числа. — По окончании курса в императорском Московском университете по юридическому факультету определением Совета университета утвержден кандидатом — 1844 г. июня 3.

Вследствие представления г. попечителя Московского учебного округа г-ном министром народного просвещения утвержден исправляющим должность профессора в Демидовском лицее по кафедре энциклопедии законо-

[1] ЦГАВПК и Б СССР, фонд департ. народн. просвещ., 1849 г., д. № 201590, лл. 3—4.

ведения, государственных законов и учреждений законов казенного управления и финансов — 1846, августа 2.

В походах против неприятеля и в самых сражениях был или нет и когда именно. — Не бывал.

Не был ли в штрафах и под судом и если был, то за что именно, когда и чем дело кончилось. — Не бывал.

К продолжению статской службы способен и к повышению чинами достоин или нет и почему. — Способен и достоин.

Не был ли в отпусках и если был, то когда именно, на сколько времени, и являлся ли на срок к должности. — Не бывал.

Не был ли в отставке с награждением чина, или без онного и когда. — Не бывал.

Женат ли, имеет ли детей, когда именно, каких лет, где они находятся и какого вероисповедания. — Холост.

Директор Н. Чилличесов.

Секретарь Иван Богоявленский.

Приложение № 5.

ФОРМУЛЯРНЫЙ СПИСОК

о службе инспектора классов Воспитательного общества благородных девиц и С.-Петербургского Александровского училища коллежского советника Ушинского, 1861 года.[1]

1. Чин, имя, отчество, фамилия, должность, лета от роду, вероисповедания, знаки отличия и получаемое содержание.— Коллежский советник Константин Дмитриевич Ушинский.

Инспектор классов императорского Воспитательного общества благородных девиц и С.-Петербургского Александровского училища. От роду 38 лет. Вероисповедания православного.

Имеет бронзовую медаль в память войны 1853—1856 годов.

Получает в год:

жалов.	900 руб:
Пост. прибав	180 „
столов	300 „
экипаж	350 „
по спец. классу жалов.	500 „
за преподавание педагог.	200 „
	2430 р.

[1] ЦГАВПК и Б СССР, фонд соб. е. и в. канц. IV отдел, III экспед. 1862 г. № 4731, лл. 5—12.

II. Из какого звания происходит — Из дворян.

Есть ли имение.

III и IV — V. У него самого и у родителей. Родовое. Благоприобретенное. — Нет.

V. VI — У жены, буде женат. Родовое. Благоприобретенное — нет.

VII. Где получил воспитание и окончил ли в заведении полный курс наук, когда в службу вступил, какими чинами, в каких должностях и где проходил оную, не было ли каких особенных по службе деяний или отличий, не был ли особенно, кроме чинов, чем награжден и в какое время, сверх того, если, находясь под судом или следствием, был оправдан и признан невинным, то когда и за что именно был предан суду и чем дело кончено.

VIII. IX. Месяцы и числа.

По окончании курса в Московском университете со степенью кандидата в 1844 году в службу вступил исправляющим должность профессора энциклопедии законоведения, государственных законов казенного управления и финансов при Ярославском Демидовском лицее тысяча восемьсот сорок шестого года августа второго дня — 1846, августа 2.

Высочайшим приказом по гражданскому ведомству 1849 г. сентября 25 произведен по степени кандидата в коллежские секретари со старшинством с тысяча восемьсот сорок шестого года августа второго дня—1846 августа 2.

Высочайшим приказом по гражданскому ведомству согласно желанию его перемещен в департамент духовных дел иностранных исповеданий, помощником столоначальника 1850, февраля 6.

Из суммы, всемилостивейше пожалованной на департамент, получил в награду 250 р. сер. — 1850 — сент. 14.

Высочайшим приказом 16 декабря 1850 г. произведен в титулярные советники со старшинством с 1850 г. августа 2.

Был командирован управляющим министерством внутренних дел в Черниговскую губ. 1851 г. июля 11 дня и, окончив с успехом поручение, возвратился из командировки 17 апреля 1852 г.

Высочайшим приказом 1 октября 1852 г. № 200 произведен за отличие в коллежские асессоры, со старшинством с 1852, октября 10.

За упразднением III отделения департамента духовных дел инославных исповеданий, по высоч. утвержденному в 16 день июня 1854 г. мнению Государственного совета высочайшим приказом по гражданскому ведомству, отданным 1 августа 1854 г. за № 152, уволен от службы за штатом 1854 г. августа 1.

Высочайшим приказом по гражданскому ведомству от 3 апреля 1855 г. за № 63, прописанному в журнале С. Петербургского Опекунского совета 26 того же апреля определен старшим учителем русской словесности и юридических предметов при императорском Гатчинском Николаевском сиротском институте с 1854 ноября 4.

По постановлению С.-Петербургского Опекунского совета, 14 июня 1855 г. состоявшемуся, поручено исправление должности инспектора классов при институте, с прекращением преподавания уроков русской словесности и юридических предметов.

По высочайшему ее императорского величества соизволению, последовавшему на всеподданнейший доклад С.-Петербургского Опекунского совета в 28 день апреля 1856 г. и состоявшемуся высочайшему приказу по гражданскому ведомству 2 июня того же года за № 108, утвержден инспектором классов при императорском Гатчинском Николаевском Сиротском институте со времени исправления сей должности, т. е. с 1855, июня 30.

Высочайшим приказом по гражданскому ведомству от 17 июня 1856 г. за № 116 произведен за выслугу лет в надворные советники со старшинством с 1856, января 14.

На основании всемилостивейшего манифеста от 21 августа 1856 г. имеет бронзовую на андреевской ленте медаль в память войны 1853—1856 годов.

По случаю увольнения в отпуск г. директора института на три месяца поручено исправление должности его по журналу С. Петербургского Опекунского совета. — 1857, июля 16.

По высочайшему его имераторского величества соизволению, последовавшему на всеподданнейший доклад С.-Петербургского Опекунского совета за отлично усердную и полезную службу получил в награду 450 р. — 1858, июля 9.

С разрешения господина почетного опекуна поручено преподавание юридических предметов в старших классах института с 1858, августа 1.

Высочайшим приказом по ведомству учреждений императрицы Марии 25 января 1859 г. № 2 переведен инспектором классов Воспитательного общества благородных девиц и С. Петербургского Александровского училища — 1859, января 16.

Всемилостивейше пожаловано на под'ем и обзаведение по случаю перевода в означенную должность 450 руб. сер. — 1859, февр. 7.

Вступил в должность инспектора классов — 1859, февр. 10.

По случаю выпуска воспитанниц общества и училища всемилостивейше пожалован бриллиантовый перстень — 1860, февраля 27.

Определен с сохранением настоящей должности редактором журнала министерства народного просвещения с производством содержания по 1280 р. 64 к. сер. в год — 1860, в марте.

Из сумм воспитательного общества всемилостивейше пожаловано единовременное пособие на лечение — 700 руб. сер. — 1860, июня 9.

Правительствующим сенатом произведен за выслугу лет в коллежские советники со старшинством с 1 января 1860 г., о чем отдано в приказе по IV отделению собственной его императорского величества канцелярии 11 октября 1860 г. за № 5—1860, октября 11.

Приказом министра народного просвещения от 2 ноября 1861 г. № 37, уволен от должности редактора журнала, согласно прошению по болезни — 1861, ноября 24.

X. Был ли в походах против неприятеля и в самых сражениях и когда именно — не был.

XI. Был ли в штрафах, под следствием и судом, когда и за что именно предан суду, когда и чем дело кончено — Не был.

XII. К продолжению статской службы способен и повышения чином достоин ли, если же нет, то по каким причинам — Способен и достоин.

XIII. Был ли в отпусках, когда и на сколько времени, являлся ли на срок и если просрочил, то когда именно явился и была ли причина просрочки признана уважительною — Был в 1849 г. на 28 дней и с разрешения товарища министра народного просвещения продолжил еще на один месяц, по истечении же сего отпуска продолжен еще на 28 дней, по истечении коего явился на службу в срок. В 1858 и 1859 гг. на каникулярное время. В 1860 и 1861 г.г. на 29 дней свыше каникулярного времени и являлся на срок.

XIV. Был ли в отставке с награждением чина или без оного, когда и с которого по какое именно время. — Находился не у дел с 1 августа 1854 по 4 ноября того же года.

XV. Холост или женат, на ком, имеет ли детей, когда именно: год, месяц и число рождения детей, где они находятся и какого вероисповедания: — Женат на девице Надежде Семеновне. Имеет детей: сына Павла, родившегося 12 октября 1852 года и дочь Веру, родившуюся 9 июня 1855 года, находится при нем. Жена и дети вероисповедания православного.

Также дочь Надежду, род. 9 сентября 1856 года и сыновей: Константина, род. 17 февраля 1859 г. и Владимира, род. 6 февраля 1861 г. находятся также при нем, вероисповедания православного.

Член совета, генерал-лейтенант барон Фредерикс.

Правитель канцелярии Совета Леонид Бутовский.

Правитель канцелярии статский советник Николай Козлов.

Приложение № 6.

Об'яснение инспектора классов Воспитательного общества благородных девиц и Александровского училища, по поводу письменной жалобы, поданной на него и на некоторых выбранных им преподавателей госпожею начальницею сих заведений.[1]

В январе текущего года, при поступлении вашего сиятельства в должность члена по учебной части, г-жа начальница отозвалась вам с отличной похвалою обо мне, в особенности выражала свое удовольствие за хороший выбор преподавателей.

Через две или три недели, во время которых не было уроков, г-жа начальница начала уже жаловаться вашему сиятельству на меня, а через два месяца подала письменную жалобу как на меня, так и на выбранных мною преподавателей.

Причинами такой внезапной перемены в расположении ее превосходительства ко мне и к новым преподавателям, были следующие:

1. Я отказался выполнить сначала словесные, а потом уже письменные требования г-жи начальницы в отношении выпусков, потому что эти требования противоречили высочайше утвержденному журналу Главного совета женских учебных заведений и совершенно останавливали реформу, вводимую по высочайшему же повелению. Копию с сего требования, равно как и мой ответ на него, честь имею при сем приложить. Получив этот ответ, г-жа начальница должна была отказаться от своих желаний и с тех пор перестала говорить со мною и тогда появились всякого рода обвинения против меня.

2. Его императорское высочество, присутствуя при выпускном экзамене, соизволил приказать садиться г.г. экзаминаторам и они экзаменовали сидя, во все продолжение экзамена в 1 классе Общества, в присутствии его императорского высочества, вашего сиятельства, его превосходительства барона Фридриха и г-жи начальницы, прибывшей на экзамен позднее; но когда стали экзаменовать 1-й класс Училища, то г-жа начальница приказала одному из экзаминаторов, а именно г-ну Водовозову, встать и, несмотря на то, что я сообщил ей через посредство вашего сиятельства по чьему соизволению преподаватели экзаменуют сидя, повторила свое приказание. Вследствие чего некоторые из г.г. преподавателей, считая себя оскорбленными при целом классе своих учениц, на другой же день подали мне просьбы об отставке. В числе этих преподавателей были именно те, на которых теперь жалуется ее превосходительство. Соблюдая пользу заведений, я уговорил преподавателей об'ясниться с г-жею начальницею и действительно они удовлетворились ее об'яснением и уверениями в том,

[1] На тексте имеется следующая надпись В. И. Чернышева: „Об'яснение Ушинского по поводу жалобы, поданной на него начальницей Смольного института М. П. Леонтьевой, 9 листов. Весьма важный документ для истории удаления Ушинского из Смольного института". — Д. Л.

что она ими дорожит, понимая, какую пользу они приносят девицам, и остались на службе.

3. Г-жа начальница об'явила мне свое желание, чтобы 7 лучших девиц в III классе остались в нем на другой год, так как и для меня небесполезно будет представить отличный выпуск в 1864 году, когда предполагается празднование столетия Смольного института; на что я отвечал ее превосходительству, что выпуск и без этой меры будет хорош, и что эту меру я считаю положительно вредною для девиц.

Присутствуя потом на переводных конференциях (где по правилам, высочайше утвержденным, должны присутствовать только г-жи инспектрисы, классные дамы, инспектор классов, его помощник и преподаватели), г-жа начальница выразила то же желание, причем я и некоторые из г.г. преподавателей заявили свое мнение о вреде этой меры. Вашему сиятельству угодно было уступить желанию г-жи начальницы на том основании, что эти 7 девиц сами выразили желание остаться в классе. Но когда, через несколько дней я пришел в III класс, то оставшиеся девицы обратились ко мне с просьбою перевести их, так как они вовсе не желают оставаться и если выразили на то свое согласие, то единственно по той причине, что их уговорил к тому мой помощник г. Налетов, которому я вовсе не поручал этого делать. Я сказал девицам, чтобы они с своею просьбою обратились к г-же начальнице немедленно и заявил вашему сиятельству об этом происшествии.

В тот же день, вечером, призвал я моего помощника для об'яснения и сказал, что при таком антагонизме между инспектором и его помощником, который по закону не имеет никакой отдельной самостоятельной части, а исполняет единственно поручения инспектора, служить нам вместе становится трудно. Г-н Налетов немедленно выразил желание подать просьбу об отставке; я же не уговаривал его остаться, потому что уже давно был недоволен им и из последних работ его при переводах и выпусках вполне убедился, как мало он способен мне помочь даже в составлении простой бумаги. Г-н Налетов, вместо того, чтобы подать просьбу мне, как следует по закону, подал ее г-же начальнице. Это оскорбление в лице моем непосредственного начальника не помешало, однако же, г-же начальнице выразить свое непременное желание, чтобы г-н Налетов остался моим помощником, хотя выбор помощника по закону предоставлен инспектору классов.

5. Ваше сиятельство сами были свидетели как при подачи[1] мною в Совет программы распределения уроков, г-жа начальница выразила в самых жестких выражениях крайнее свое неудовольствие на то, что я по ее требованию не уменьшил числа уроков, хотя число их не превышало того, которое утверждено высочайшей властью. Вследствие всех сих неудовольствий, вызванных единственно тем, что осмелился отстаивать, против желаний ее превосходительства, исполнение высочайше утвержденных правил и реформу, вводимую по высочайшему же повелению, г-жа начальница:

[1] „при подачи" — так в подлиннике. — Д. Л.

1) Неоднократно жаловалась на меня вашему сиятельству, но вы нашли мои оправдания справедливыми.

2) Принесла личную жалобу ее императорскому величеству, но государыня императрица удостоила выслушать мои оправдания и повелено представить ей подробный доклад о числе и назначении уроков.

3) Тогда г-жа начальница подала на меня и на некоторых преподавателей письменную жалобу, из которой вам угодно было прочесть мне только те пункты, которые лично до меня относятся и предмет для которых взят из моей домашней жизни и моих домашних разговоров, сделавшихся известными начальнице по доносу законоучителя Гречулевича, а именно:

А. Будто я, призвав двух законоучителей на совещание по предмету закона божия, принял их в халате. На сие честь имею об'яснить, что, в о п е р в ы х, формального совещания у нас не было, так как формальные конференции собираются в библиотеке Общества и состоят из всех учителей; там рассматриваются всегда все программы, что же касается программы по закону божию, то я давно уже поручил составить самим г.г. законоучителям, но от них еще не получил. Я же пригласил г.г. законоучителей к себе для того только, чтобы переговорить с ними о некоторых выражениях, употребленных мною в том об'яснении распределения уроков, которое я приготовлял тогда для вашего сиятельства. Такие совещания с учителями бывают у меня ежедневно. Вот почему и в этот раз г.г. законоучители, свящ. Гречулевич и свящ. Головин, нашли у меня четырех преподавателей самых разнообразных предметов: преподавателя физики г. Пугачевского, преподавателя географии г. Лядова, преподавателя французского языка г. Алес-Мори и преподавателя русского языка г. Семенова. Я прочел законоучителям те выражения, в которых затруднялся, и по этому поводу начался между мною и г. Гречулевичем спор, в котором, впрочем, принимали участие все. Из этого уже видно, что это не была официальная конференция, а просто частная беседа. Во-в т о р ы х, если я был в халате, то никому кажется не запрещено ходить дома в чем угодно. Я же в этот день был болен и у меня лежали припарки из сала на груди и на спине, мешавшие мне надеть какой-нибудь другой костюм. В т р е т ь и х, я никак не предполагал, чтобы свящ. Гречулевич обиделся моим домашним костюмом, потому что, выходя от меня, он простился очень дружелюбно и даже выразил надежду, что спор наш останется без последствий, иначе я охотно бы перед ним извинился в том, что, будучи болен, пригласил его к себе. В ч е т в е р т ы х, доказательством, что это был только частный разговор, может служить и то, что я не придал никакого официального значения словам свящ. Гречулевича, когда он утверждал, что я будто-бы не имею права вмешиваться в преподавание закона божия, хотя по закону я обязан наблюдать за преподаванием этого предмета так же, как и за преподаванием других, и всякий раз за неудачные экзамены в нем подвергался замечаниям государыни императрицы. Если бы я придавал официальное значение нашему свиданию со свящ. Гречулевичем, то мог бы видеть в этих словах оскорбление начальника.

Б) Обвиняют меня в том, что я курил при г.г. законоучителях, но курить у себя дома никому, кажется, не запрещается. Курили, спорили и шутили все присутствующие и, конечно, никто из них, кроме свящ. Гречулевича, не мог предполагать, что этот частный разговор будет иметь официальные последствия.

В) На обвинение в том, что будто-бы я при этом споре выразил нежелание нигде не встречаться с преосвященным митрополитом Филаретом, честь имею об'яснить: первое, что о митрополите собственно разговора не было, а был о катехизисе, им составленном, и о способе пользования этим руководством: в т о р о е, что если я, может-быть, и употребил какую-нибудь фразу в роде той, которая приводится в обвинении, то, без всякого сомнения, она имела не тот смысл, который получила, когда ее передали отдельно, вырвав из целого, длинного спора. Так можно обвинить каждого после получасового разговора и в чем угодно, и если уж угодно обвинять меня за домашний разговор, то следует, по крайней мере, принять во внимание сущность разговора, а не отдельные фразы. Сущность же моего спора с свящ. Гречулевичем, в котором принимали участие все присутствовавшие при этом, состояла в следующем. Я вооружился против буквального изучения катехизиса и доказывал, что наизусть следует изучать только мотивы и тексты, взятые из св. писания, а не текст учебника, и что преосвященный Филарет, вероятно, не для того писал свой катехизис, чтобы его зубрили от доски до доски и что если бы сам преосвященный этого требовал, то поступал бы против правил педагогики. Говорил я еще кроме того, что буквальное зубрение каких бы то ни было учебников способно только убить живое чувство веры, врожденное человеку и что оно принесло у нас уже много зла и остановило навсегда нравственно-религиозное развитие многих людей. Законоучитель же Гречулевич доказывал, что дети должны непременно отвечать словами катехизиса, и что если они не все так понимают, как говорят, то это необходимо для присутствующих на экзаменах духовных особ; на что я отвечал, что в таком случае это будет весьма неприличный обман, да и ненужный, так как приезжающие к нам на экзамен духовные лица обыкновенно дают вопросы, доступные детскому пониманию и вовсе не требуют буквальных ответов. Потом разговор перешел на журнал „Странник", издаваемый свящ. Гречулевичем, и я не ручаюсь, чтобы самолюбие редактора не было задето моими заметками; но над журналом свящ. Гречулевича даже печатно издеваются лучшие духовные журналы.

Г) Обвиняют меня также в том, что к о г д а-т о и к о м у-т о я говорил, что всегда предпочту преподавателя атеиста, но человека честного и правдивого, ханже и фарисею. Не помню так ли и кому это говорил, но это действительно мое мнение, хотя и вовсе не значит того, чтобы я искал или терпел на службе заведомых атеистов. Я желал бы, чтоб все люди были религиозны, признаю религию необходимым основанием воспитания; мои собственные убеждения в этом отношении заявлены печатно. Я стараюсь внушить те же идеи и всем, кто занимается делом воспитания и в

том ссылаюсь на свящ. Головина, бывшего неоднократно свидетелем и участником подобных бесед; но считал всегда и считаю теперь, что ханжа хуже атеиста; потому что в ханже к неверию атеиста присоединяется еще ложь, лицемерие и страшная дерзость, так как он имя божие употребляет для своих корыстных целей.

Вот и все об'явленные мне обвинения. Но я не могу понять, ваше сиятельство, почему мнения мои, выраженные мною в кабинетных разговорах и в разное время я обязан теперь защищать официально? Неужели только потому, что я осмелился настаивать на исполнении высочайше утвержденных правил? Я желал бы, чтобы все мои служебные действия были подвергнуты подробному и открытому исследованию и убедительнейше прошу вас назначить надо мною формальное следствие; но имею, кажется, полное право просить также, чтобы моя домашняя жизнь и мои домашние разговоры были оставлены в покое. Нет ничего больнее, тяжелее и неудобнее, как защищаться от обвинений подобного рода! Мы, слава богу, имеем счастье жить в благословенное царствование императора Александра II, когда спокойная жизнь в своем доме обеспечена каждому.

В жалобе, поданной г-жею начальницей, обвиняются еще некоторые преподаватели. Но позвольте выразить вам мое глубокое огорчение, что эти обвинения, по неизвестной мне причине, скрыты от меня, тогда как по закону они прямо должны бы быть мне переданы для расследования их справедливости.

В продолжение всей моей службы я не слышал от г-жи начальницы ни одного обвинения на новых, приисканных мною преподавателей, кроме мелочных обвинений в том, что они иногда не ладят с классными дамами, привыкшими к старым порядкам. Не только эти мелочные обвинения, но даже и слухи, доходившие до меня со стороны, я не оставлял без должных розысканий, причем убедился, что именно эти слухи, доходившие до меня разными путями, были чистые сплетни. Что это было действительно так, в этом я ссылаюсь на г-жу инспектрису Александровского училища, которую я всегда просил разузнать от классных дам, насколько тот или другой слух справедлив, и всякий раз оказывалось, что эти слухи не имели никакого основания. Одни только классные дамы, присутствуя на каждой лекции, могут всегда знать, что читал и чего не читал преподаватель. Для избежания же всяких недоразумений, я циркулярно предписал не сообщать девицам ни книг, ни тетрадей, иначе, как через руки классных дам. Я даже ввел в том отношении большую осторожность, чем была до меня, потому, что разделил сочинения русских авторов на отдельные части, с тем, чтобы возможно было давать в руки воспитанницам только то, что прилично их полу и возрасту. Без сомнения, г-жа инспектриса сообщала обо всех этих розысках и г-же начальнице; почему же она тогда не сообщила мне своих опасений?

Если же я не удалял преподавателей по одним слухам и сплетням, то, согласитесь сами, ваше сиятельство, что какой же порядочный человек пошел бы по моему приглашению служить в Смольный институт, зная,

что не нужно доказанного факта, а довольно одной сплетни, чтобы его могли удалить со службы.

В заключение прошу всепокорнейше ваше сиятельство сообщить мне, в чем обвиняют определенных мною преподавателей, для того, чтобы я мог сделать надлежащий розыск: это моя прямая обязанность. Если же это признано будет невозможным, то убедительнейше прошу ваше сиятельство, по крайней мере, об'явить мне, каким поступком заслужил я то недоверие, которое выражено мне при этом деле? Неужели только тем, что употреблял все мои силы, чтобы оградить от нарушений высочайше утвержденные положения и отказался выполнить те требования г-жи начальницы, которые противоречили высочайше утвержденным постановлениям? Другой вины за собою по службе в Смольном Институте я никакой не знаю, и в справедливость этого еще раз прошу ваше сиятельство обнаружить формальным исследованием. На это по закону имеет право всякий обвиненный, а мне не показали даже бумаги, в которой меня обвиняют. Как прямого моего начальника, прошу вас покорнейше, ваше сиятельство, чтобы и со мною было поступлено по закону; я не желаю, чтобы на мне совершенно безвинно осталось пятно, что я не оправдал высочайшего доверия, тогда как вся моя деятельность к тому только была направлена. Вам, ваше сиятельство, мало известна моя служба, но прошу вас покорнейше с расспросом о ней обратиться к моим прежним начальникам, а именно, г-ну попечителю С. Петербургского учебного округа Ивану Давидовичу Делянову, который долго уговаривал меня принять тяжелую и опасную должность инспектора классов при Смольном институте, и который знает, как началась теперешняя рефрома; г-ну члену Государственного совета Авраму Сергеевичу Норову, который был свидетелем, каких трудов мне стоило введение этой реформы; г-ну товарищу министра иностранных дел Николаю Алексеевичу Муханову, настоянием которого я обязан тем, что мог ее окончить; прошу вас также, спросите обо мне члена Государственного совета Евграфа Петровича Ковалевского, который знает меня как редактора журнала министерства народного просвещения. Я уверен, что все эти лица будут удивлены, как я мог так скоро заслужить недоверие начальства. Неужели это награда мне за все трехлетние труды мои по введению реформы в Общество благородных девиц и Александровском училище? Неужели можно было ожидать, чтобы все эти нововведения не вызвали на меня обвинений в тех, кто не хочет привыкать к новому порядку? Нет, ваше сиятельство, я трудился добросовестно на пользу двух заведений и не далее, как три месяца тому назад,

г-жа начальница свидетельствовала об этом перед государыней императрицей и не прошло двух месяцев, как она говорила то же самое вам. Какое же преступление сделал я в это время?

Не думайте, однако, ваше сиятельство, что я напрашиваюсь на какую-нибудь награду. Нет, я желаю только справедливости, и, кажется, я имею полное право просить об одном, чтобы, проверив мою служебную деятельность, засвидетельствовали, что я служил честно и ничем не нарушил высочайшего доверия и исполнил свой долг.

Московский государственный литературный музей, фонд В. И. Чернышева.

Приложение № 7.

Письмо Александру Ильичу Скребицкому[1]

23 сентября 1862 г.

Добрый друг мой, Александр Ильич, прости, что так давно не писал к тебе; залечился, брат, совсем. Окончив свой сывороточный курс, я 2-го сентября отвез семью в Веве, а сам пустился в педагогическое путешествие. Осмотрев главнейшие заведения Швейцарии, я собрал все, что нужно, чтобы не совсем даром заедать казенные деньги. Теперь я опять в Веве и принялся за виноградный курс. Сыворотка мне помогла немного, правда, но все же я чувствую себя получше. Винограду ем теперь фунта по 4 в день и, кажется, действует недурно; только ночи сплю плохо, все какие-то тяжелые сны и около полуночи всякий раз просыпаюсь с сильным биением сердца, хотя и не было еще прежних испарин. Работаю понемногу, и это меня утешает и развлекает. Но где я буду зимовать? Кто должен бы это решить? Я сам ни на что не могу решиться, не зная здешнего климата. Мне очень бы хотелось зимовать в Гейдельберге, где живет много русских и Н. И. Пирогов, да оттуда и до Бонна недалеко. В этой зимовке еще и то преимущество, что я мог бы осмотреть кое-какие учебные заведения, в южной же Франции, а тем более в Италии, смотреть нечего.

Погода у нас стоит отличная; но едва ли я тебя увижу здесь, хотя бы мне очень и очень этого бы хотелось, но, по крайней мере, напиши мне, что ты делаешь теперь и как проводишь лето? Где Петр Владимирович с семейством? Передай им мой дружеский поклон. Право, не хочется мне забираться далеко от Веве.

Из России получаю часто письма и все самые печальные: от арестов все приуныли; цензура лютует, а доброго ничего не делается. Крестьянский вопрос, впрочем, улаживается благополучно и большинство идет на вы-

[1] А. И. Скребицкий (1827 — 1915) — доктор медицины, первый крупный русский ученый в области тифлопедагогики, ее создатель, автор ряда научных трудов. — Д. Л.

куп; но бесцельные преследования раздражают и спокойных людей: так, напр., графа Толстого, известного тебе писателя, который живет у себя в деревне, держит школу и издает педагогический листок, схватили, привезли в Москву и, продержав неделю, обыскали и отпустили, ничего не отыскав, Семевского, исторического писателя, тоже взяли при возвращении его в Петербург, обыскали, ничего не нашли и отпустили, но тем не менее не дали места, на которое он был уже назначен. Что сделали с писателями, которых взяли при их возвращении из-заграницы не знаю, но, вероятно, тоже подержат и отпустят. Все это показывает, что правительство решительно не понимает своего положения, и, как глупая старуха, боится домовых и привидений.

Я приготовил книгу к печати, но не знаю еще, когда начну печатать. Теперь готовлю письма из педагогической поездки; но все это пахнет какою-то вялой работой, которой недостает живой веры в лучшее будущее. Грустно сеять на поле, где завтра же могут все вырвать, что сегодня посеяно. Долго ли нам еще суждено толочь воду?..

Герцену вздумалось упомянуть в „Колоколе“ о моей особе и упрекнуть государыню, что она не разобрала дела по Смольному. Это мне крайне досадно и я жду большой неприятности от принца: того и смотри, что позовут в Россию, т. е. при теперешнем состоянии моего здоровья приговорят к смерти.

Посылаю тебе две наши физиономии, которые еще нашлись при перекладке вещей; сбереги их на память о людях, которые тебя искренно любят и уважают.

Преданный К. Ушинский.

Московский государственный литературный музей, фонд В. И. Чернышева.

Приложение № 8.

Дело № 4. О воспитанниках, помещенных на красную и черную доски.

(началось 1 марта 1845 г.).

Согласен. С. Ланской. Получено 9 января 1856 г.

Господину директору Гатчинского Николаевского сиротского института.

Пред'явить на утверждение г. почетного опекуна. *Исправляющего должность инспектора классов Ушинского*

РАПОРТ

Честь имею представить вашему высокородию 1, список воспитанников, которые по третным отметкам в успехах и по поведению могут быть удостоены к помещению на красную доску и 2, тех, имена коих должны быть сняты с нее.

1) Воспитанники, заслуживающие помещения на красную доску:

2-го парал. III класса Николай Карасинский
1-го „ II „ Дмитрий Симененко
Михаил Прохоров
2-го „ II „ Георгий Кристензен
3-го „ II „ Николай Татарчук
2-го „ I „ Александр Аристов
3-го „ I „ Александр Ковалев

2) Имя воспитанника 3-го парал. III класса Николая Ляпунова, как много ослабевшего в занятиях против прежнего, не может оставаться на красной доске.

Воспитанника же 3 параллельного IV класса Николая Блюма, за слабые успехи в учении, долгом считаю представить к исключению из старших, а на место его покорнейше прошу назначить, как лучшего ученика этого класса, Василия Волкова.

Исправляющий должность инспектора классов К. Ушинский.

*
* *

Исследователь архива Гатчинского института Васильев заявляет, что потом таких бумаг не встречается. Значит, этот обычай наивной старой педагогики был отменен именно при Ушинском. [1]

Московский государственный литературный музей, фонд В. И. Чернышева.

Приложение № 9.

4 марта 1859 года инспектор классов Ушинский просил выдать ему копию с формулярного списка для приложения при прошении о разрешении ему издавать журнал.

10 апреля 1859 года в Совет института последовал запрос от министра народного просвещения, тайного советника Ковалевского, [который] вследствие поступившей к нему просьбы Ушинского выдать ему разрешение на издание критико-флософского, педагогического и психологического журнала „Убеждение“, по представленной программе, обращается в Совет Воспитательного общества благородных девиц, не находит ли он препятствия к тому, чтобы Ушинский был издателем названного журнала.

При этой бумаге была приложена и следующая программа. [2]

Журнал „Убеждение“ предполагается издавать в С. Петербурге выпусками от 10 до 15 листов через каждые два месяца или ежемесячно полувыпусками от 6 — 8 листов с подпиской на полгода.

В журнале сем предполагается помещать:

1) Оригинальные и переводные статьи философского, психологического и педагогического содержания.

---

[1] Это раз'яснение принадлежит В. И. Чернышеву — Д. Л.
[2] Это раз'яснение принадлежит В. И. Чернышеву — Д. Л.

2) Критические обзоры различных философских, психологических и педагогических систем с религиозно-нравственной точки зрения.

3) Критико-философские разборы замечательнейших произведений как русской, так и иностранной литературы.

4) Обсуждение современных событий и вопросов общественной и семейной жизни с их нравственной, психологической и философской стороны.

5) Критика метода преподавания и учебников как русских, так и иностранных.

6) Рассказы различных случаев жизни, как истинных, так и вымышленных, в которых наглядным образом решаются какие-нибудь психологические вопросы.

7) Различные мелкие психологические, педагогические и философские замечания.

К. Ушинский.

Московский государственный литературный музей, фонд В. И. Чернышева.

Приложение № 10.

Мнение коллежского советника Ушинского о проекте преобразований, представленном из Гатчинского сиротского института

Какое бы преобразование ни предстояло Гатчинскому сиротскому институту, его главное назначение не может быть изменено. Прежде всего Гатчинский институт есть сиротское заведение, а потому главная его обязанность заботиться о физическом и нравственном воспитании сирот и о возможно лучшем устройстве их судьбы. Раз приняв сироту на свое попечение, институт обязан поступить в отношении его, как поступил бы добрый, умный и попечительный родитель, и с одинаковой ревностью заботиться как о злых, так и о добрых; как о талантливых, так и бесталанных, несомненно и то, что дети, обиженные судьбою, потребуют о себе больших даже попечений, чем те, которые одарены ею богато. Институт заменяет сиротам родителей, насколько, конечно, такая замена возможна, и в этом его главное основное значение, к которому все остальное в нем должно относиться, как средство к цели. Забвение этой истины было главною причиною множества тех ошибок, которыми так богата история Гатчинского института. Каких только назначений не давали этому заведению, забывая всякий раз главную цель, для которой он основан. Я возьму только два, более других державшиеся направления: классическое, подготовлявшее воспитанников к университету, и последнее — юридическое, подготовлявшее их прямо к гражданской службе. Оба эти направления,

сами по себе весьма полезные и практические, будучи приложены к Сиротскому институту, дали не только неудовлетворительные, но весьма печальные результаты. Правда, при классическом направлении гатчинские воспитанники отличались на университетских экзаменах превосходною подготовкой. Но много ли их появлялось, редко более шести-семи человек, а иногда и менее и надобно было заглянуть в середину заведения, посмотреть, чего стоила подготовка этих пятерых воспитанников и что делалось с остальными. Несмотря на талантливость и обширные педагогические сведения тогдашнего инспектора классов Гугеля, несмотря на строгие, почти жестокие меры, принуждавшие воспитанников к ученью, едва сотый из них достигал выпускного класса и поступал в университет (следовательно, причина дурного состояния института не в классическом направлении учебного курса, но в дурной администрации); все же остальное росло бесполезно и портилось нравственно в низших классах, где взрослые воспитанники, перемешанные с детьми, представляли самое безотрадное явление. Эта то пустота высших классов и безобразие низших, громадность употребляемых сумм и ничтожность результатов обратили на себя внимание государя императора Николая Павловича. И вот Гатчинский институт, при самых лучших надеждах (какие эти надежды?) на будущее, был преобразован в юридическое заведение с целью подготовить молодых людей в низшие должности гражданской службы. Что же вышло? Пользуясь при этом направлении отсутствием учебного контроля, который был прежде для гатчинских воспитанников при университетском экзамене, институт ослабил свои учебные требования для того, чтобы наполнить высшие классы. Дети переводились массами из класса в класс, почти без экзамена, а вместе с тем лень нерадение и неизбежные при этом шалости возрастали быстро.

Начальство, желая открыть какой-нибудь выход для безнадежно-испорченных воспитанников, учредило писарский класс, но потом скоро закрыло его, заметив, что все стремятся именно в этот класс, который должен был играть для заведения роль фантанели. Но как только закрыли писарский класс, и возвысили требование на экзаменах, младшие классы снова переполнились, а старшие опустели. Снова понизили уровень экзаменов и т д.

Вот та хроническая болезнь, которою страдает Гатчинский институт с самого своего основания, и это будет продолжаться до тех пор, пока учению в Гатчинском институте будут давать какое бы то ни было специальное направление, пока, словом, Гатчинский институт не обратится к главной своей цели — воспитанию сирот для всех возможных честных путей в жизни.

С этой именно точки зрения, я позволю себе взглянуть на предполагаемое преобразование в Гатчинском сиротском институте, который мне хорошо знаком, и на проект, представленный по этому поводу местным начальством. Извиняясь наперед краткостью данного мне срока, я обращу внимание только на главнейшие положения проекта, хотя, конечно, все это дело требует величайшей осмотрительности и подробнейшего рассмотрения.

В § 1 проекта сказано, что на обязанности Гатчинского института лежит „доставление воспитанникам общего образования по примеру гимназий".

Но русские гимназии в настоящее время оказались неудовлетворительными и в министерстве народного просвещения именно теперь рассматривается проект коренных и обширных преобразований гимназических уставов и программ. По примеру каких же гимназий хотят преобразовать Гатчинский институт? По примеру ли тех, которые существуют в настоящее время, оказались вполне неудовлетворительными и доживают уже свой век, или по примеру будущих, еще неизвестных, проект которых составляет до сих пор предмет самых жарких споров. Но ведь легко может случиться, что будущий гимназический устав министерства вовсе окажется неприложимым к Гатчинскому институту. Легче предположить, что при составлении Гатчинского проекта имелось в виду существующее устройство гимназии, которое, как я уже сказал, доживает свой век. Теперь следует взглянуть, годится ли теперешнее гимназическое образование Гатчинского института.

Ныне существующие гимназии имеют до сих пор одно назначение — приготовлять молодых людей к поступлению в университет; спрашивается: может ли учение в Гатчинском институте получить то же направление? Едва ли. Не трудно было показать невозможность такого направления для Гатчинского института, если бы оно не было вполне доказано опытом самого же института, который, как показано выше, имел уже совершенно такое назначение и оно оказалось для него совершенно непригодным. Не значило бы это неосмотрительно повторить ошибку.

В самих гимназиях едва десятый процент достигает выпускного класса, а в Гатчинском институте при бывшем гимназическом направлении достигал выпускного класса только один из ста воспитанников. Что было тогда, то, без сомнения, повторится и теперь, потому что тогда учебною частью заведывал лучший педагог того времени,[1] а новый университетский устав выставляет гораздо большие требования. Нет сомнения, что и теперь из Гатчинского института будут поступать в университет пять, шесть воспитанников, никак не более, то-есть один из ста. Я уверен, что ни директор, ни инспектор не поручатся за поступление большего числа. Возможно ли направить главным образом всю учебную часть заведения для приготовления пяти, шести, столь редких исключений. И сколько излишних, совершенно бесполезных трат на учителей, на классы для этих немногих молодых людей, тогда как вблизи от Гатчины есть множество гимназий, курс которых уже во всяком случае будет приспособлен к университетскому, и в которых содержание воспитанника на полном пансионе обходится почти вдвое дешевле чем в Гатчинском институте. В 3-й гимназии ученик на полном содержании обходится, если не ошибаюсь, 200 руб. Кроме того, нет никакой надобности насильно стараться об увеличении того университетского пролетариата, о котором говорит в своем рассуждении об университетах Н. И. Пирогов.

[1] Ушинский имеет в виду Гугеля — Д. Л.

Молодых людей, окончивших университетский курс и молодых медиков с аттестатами, ищущих место и остающихся, буквально, без куска хлеба, у нас и без того уже слишком довольно, чтобы и Гатчинскому институту стараться выдвинуть своих сирот без связей, без покровительства, без денег, без родных в эту вовсе незавидную колею жизни.

Вследствие всех этих соображений, я сильно держусь того убеждения, что Гатчинский институт менее всего должен думать о приготовлении своих сирот к университету, что из сиротских институтов должны поступать в университеты только самые счастливые, многообещающие натуры, которые и везде, а особенно в сиротских институтах являются самыми редкими исключениями. Устраивать же целые классы и целые ряды учителей для таких исключений было бы для Опекунского совета крайне нерасчетливо. Можно положительно сказать, что устройство высшего гимназического образования в институте обойдется Опекунскому совету не менее как в десять раз дороже, чем помещение десятка этих молодых людей на полное пансионное содержание московских или петербургских гимназий. Притом и молодой человек, поступив в гимназический пансион, в круг товарищей, не имевших несчастья быть сиротами, гораздо лучше приготовится к свободной университетской жизни, чем в институте.

Вот почему я полагал бы гораздо полезнее для Гатчинского института устроить вместо гимназии, приготовляющей в университет, общеобразовательное училище с четырьмя, пятью классами и с потребным числом параллельных отделений, основанное на общих рациональных, педагогических началах. Пользуясь большим числом параллельных отделений, которого необходимо потребует большое число воспитанников, институт мог бы легко сортировать учеников по их способностям, наклонностям и успехам и некоторым, конечно, мог бы дать возможность подготовиться к средним классам гимназии, чтобы не выпускать из стен своих воспитанников ранее пятнадцатилетнего возраста. Но главная учебная деятельность института должна быть направлена не на это небольшое число исключений, а на то огромное большинство, которое в университет не пойдет.

Вот почему я полагаю, что Гатчинский проект, положив в основание всей своей учебной деятельности гимназическое образование, сделал основную ошибку, из которой проистекают уже все дальнейшие.

О §§ 10, 11 и 12, определяющих всю внутреннюю жизнь заведения, столь мне знакомую, я позволю себе выразиться с полною откровенностью, без всякого отношения к личностям, составляющим нынешнее местное институтское управление, мне совершенно неизвестным.

В этих параграфах я вижу ту же неразграниченность должностей, ту же неопределенность властей, обязанностей, и ответственности разных лиц управления, то же смешение понятий, которые в продолжение пятидесяти лет мутили заведение и делали его местом не воспитания сирот и педагогических опытов, а скандальнейших чиновничьих проделок и опытов. Без сомнения, составители проекта люди новые и незнакомые с архивами Гатчинского института, а то они постарались бы в параграфы, определяющие отношении служебных лиц, внести более точности и ясности.

Нет сомнения, что в закрытом и в особенности в сиротском, т. е. строго-воспитательном заведении, все должно исходить из одной идеи, стремиться к одной цели, двигаться по одной воле и всякий разлад, всякая борьба между воспитателями прежде всего поразит само воспитание и отразится самыми грустными явлениями в характерах воспитанников. Вся скрытая, т. е. настоящая, а не официальная история Гатчинского института прошла в этой беспрестанной борьбе властей: инспектора с директором, директора с инспектором, инспектора со старшим надзирателем, надзирателей с учителями, учебной части с административною или канцеляриею. Если главную причину пятидесятилетних неудач Гатчинского института я вижу в ложном направлении ученья и воспитания, то другую столь же главную причину вижу я в той чиновничьей борьбе за власть и интересы, которая главным образом происходила от неопределенности в уставе отношений, прав и обязанностей служебных лиц. Ту же самую неопределенность представляет и вновь составленный проект. В § 8 проекта говорится: „Директор принимает меры к приисканию достойных лиц в деле воспитания, образования и управления. А в § 9 говорится: „Ближайшему ведению инспектора классов принадлежит учебная часть и выбор преподавателей". Разве проект не считает учителя главным лицом в деле воспитания и образования? Кто же собственно избирает учителей, кто представляет, кто утверждает? Может ли директор дать инспектору учителя, которого тот не хочет? Вопросов рождается многое множество. Кто имеет не только педагогический, но просто служебный опыт, тот не может не видеть, каким множеством неприятных, скандальных историй отзывается это столкновение властей в самом важном деле — в выборе воспитателей.

В § 9 сказано: „Инспектор классов есть прямой помощник директора по всем частям воспитания", а в § 10 говорится: „Старшие воспитатели суть ближайшие помощники директора во всем, что относится до здоровья, благоприличия, нравственности, а равно и умственного развития детей". Спрашивается, кто же ближайший помощник директора по воспитанию: инспектор классов или старший воспитатель?

В § 9 говорится, что „инспектор классов есть прямой помощник директора по всем частям воспитания" и в том же § говорится, что „не только преподаватели, но и старшие надзиратели и прочие служащие лица обязаны исполнять замечания инспектора во всех предметах, до учебной части относящихся". Спрашивается: имеет ли право инспектор делать замечания по воспитательной части? Отвечает ли он за нее? Обязаны ли старшие воспитатели выслушивать его замечания и сообразоваться с ними? С другой стороны, имеют ли право воспитатели вмешиваться в учебную часть, а они должны иметь право это, потому что, по словам проекта, они обязаны следить за умственным развитием детей. Даже самая неопределенность видна между учителями и классными надзирателями или просто „воспитателями", как называют их проект. Кто отвечает за успех класса? Воспитатель или учитель, директор ли со своими воспитателями, инспектор ли со своими учителями? Словом, власти и обязанности в проекте совершенно не разграничены, а это грозит множеством таких вопросов, решение кото-

рых, по утверждении проекта высочайшею властию, будет делаться уже не по закону, а по произволу и личным соображениям начальствующих лиц, откроется опять обширное поле для всевозможных интриг и Гатчинский институт будет продолжать свою печальную историю под новой вывеской, но с теми же последствиями для сирот и самого дела. Ясно, впрочем, что составители проекта вынуждены были к такой неопределенности действительною невозможностью разграничить в таком строго-воспитательном заведении, каково всякое сиротское заведение, воспитательную часть от учебной потому, что учение в таком заведении есть только главное средство воспитания, а с другой стороны самый успех ученья зависит от других воспитательных средств, которые обыкновенно не считаются принадлежащими к учебной части. Но что же выходит из такого неразграничения? Да то, что не будет ответственного лица: директор будет сваливать вину на инспектора, инспектор на директора и старших воспитателей, учителя на классных надзирателей, классные надзиратели на учителей, виноватого не будет и окажутся виноватыми только дети, и погонят их опять десятками и сотнями в солдатские роты для очищения заведения.

Позволю себе повторить еще раз, что в таком строго-воспитательном заведении, каково сиротское, заменяющее сиротам семью, вся власть и вся ответственность должны быть сосредоточены на одном лице и под условием какого-нибудь успеха, учебная и воспитательная часть должны быть тесно и неразрывно соединены. Главное лицо должно быть воспитателем в полном смысле этого слова, отцом сиротского дома.

На этом лице должна лежать вся тяжесть ответственности, оно должно быть не администратором только, не начальником, не чиновником, не контролером чужих действий, а воспитателем, потому что сиротское заведение есть строго-воспитательное заведение, а не департамент, не богадельня, не казарма и даже не простое учебное заведение.

Учебная часть должна, главным образом, принадлежать директору потому, что ученье есть главное воспитательное средство, скорее хозяйственная и, отчасти, административная часть могут быть несколько самостоятельны, но в подчинении главному воспитателю.

Кажется, нет ничего проще той истины, что в воспитательном заведении воспитательная часть и воспитатель должны стоять на первом плане, а непонимание этой простейшей истины и губит многие воспитательные заведения. Неужели же, преобразовывая в пятый или шестой раз, кажется, Гатчинский сиротский институт вносит в это преобразование прежнюю фундаментальную ошибку.

Я вполне убежден, что во главе заведения должен быть поставлен воспитатель, сколь возможно удовлетворяющий требованиям этого звания по своим знаниям и по своему характеру, и что лучше даже в этом случае ограничиться умеренными требованиями, чем предоставить управление воспитательного заведения той неопределенности, в какой оно до сих пор находилось.

В руках главного воспитателя должна быть сосредоточена вся власть—и воспитательная, и учебная, и административная, но он не должен быть таков, чтобы мог действительно указывать по всем этим частям и не мог говорить, что та или другая часть ему незнакома, а потому де он за нее и не отвечает.

Скорее ответственность по части экономической и хозяйственной, как это и бывает в заграничных заведениях, может лежать не на одном директоре, но и на особенном, для того назначенном комитете, и ответственность по воспитательной и учебной части должна вся лежать на главном начальнике, а, следовательно, ему одному должно принадлежать и право выбора всех должностных лиц по этим частям.

В помощь директору должны быть приданы, избранные им самим, старшие воспитатели по отделениям, которые заведывали бы как воспитательною, так и учебною частью своих отделений, жили бы в самом заведении, как и теперь они живут и для ближайшего знакомства со своими учениками и для непосредственного влияния на них—преподавали бы в своем отделении один из главных предметов.

В помощь к старшим воспитателям отделений должны быть приданы классные воспитатели, каждый из них в то же время должен необходимо преподавать в своем классе один из существенных предметов и быть старшим учителем класса, так, чтобы все остальные учителя класса ему подчинялись. Один из классов отделения, по преимуществу—старший, может не иметь особого классного надзирателя и старшего учителя, классным надзирателем и старшим учителем этого класса должен быть сам старший воспитатель для того, чтобы он мог проверить результаты воспитания и служить примером и образчиком для подчиненных ему классных воспитателей.

Классные воспитатели должны бы жить в самом заведении, по возможности среди своих воспитанников. Мне кажется, что при предлагаемом в проекте уменьшении числа воспитанников на 110 человек, при определении некоторых в гимназии и других в технические учебные заведения, такое помещение классных воспитателей в самом здании института не найдет затруднения.

Но если бы и нашлось некоторое затруднение, то предполагаемый мною порядок даст такое огромное сокращение в ежегодных расходах на заведение, что Опекунский совет, без сомнения, не затруднится, в виду таких ежегодных сбережений, сделать временную издержку на необходимую перестройку зданий института и поправку вновь лазарета и малолетней школы, которые думают теперь перенести в самые здания института.

Кроме старших и классных воспитателей, преподающих вместе с тем многие предметы, могут быть и особенные учителя, занимающиеся исключительно преподаванием и живущие, конечно, вне заведения. Но такие учителя должны быть в полном подчинении классному воспитателю того класса, в котором преподают.

Только при таком устройстве сиротско[го] заведени[я] можно разделить органически ту огромную и едва только по именам известную массу детей, в которой каждое отдельное дитя со своими индивидуальными способностями решительно тонет и дичает, лишенное всякого ближайшего надзора и всякого воспитательного влияния старших, потому что влияние и директора, и инспектора, проходящих по классам, учителя, являющегося, чтобы сдать урок и убежать домой, дежурного надзирателя, которого едва станет на то, чтобы заставить не слишком шуметь и кричать огромную толпу детей — все эти влияния внешние, мимолетные, ничтожные и не оказывают никакого прочного воспитательного действия. Наконец, только при таком устройстве можно внести в заведение тот семейный элемент, без которого воспитание сирот в закрытом заведении всегда будет неудачно.

§ II проекта совершенно неясен, в нем установляются три совещательные учреждения: а) воспитательный комитет, б) учебная конференция и в) общий педагогический совет. О ведомстве, власти, взаимном отношении, порядке заседаний всех этих установлений не сказано ни слова: так нельзя писать уставов, недоразумениям и спорам конца не будет. О хозяйственном управлении, более всего требующем комитетского устройства, вовсе не упомянуто. Неужели вся хозяйственная часть останется снова сосредоточенною в руках директора. В большинстве заграничных сиротских заведений, где вся воспитательная власть сосредоточена на одном лице, хозяйственное управление имеет особенное, комитетское устройство, сильно контролирующее распоряжения начальника.

В параграфе 15-м сказано, что дети, достигшие 10 лет, принимаются прямо в классы института, а в параграфе 16-м сказано, что дети, имеющие одного из родителей и достигшие уже одиннадцатилетнего возраста, должны для поступления в институт уметь читать и писать по-русски и [знать] первые четыре правила арифметики.

Но прием воспитанников в институт совершается заглазно баллотировкою в Опекунском совете и отсылать назад выбаллотированно[го] сироту и привезенного, может-быть, издалека на последние средства беднейшей матерью, отсылать потому только, что дитя имело несчастье до 11 лет не выучиться четырем правилам арифметики — было бы крайне нечеловеколюбиво: не знает — так надобно учить и выучить всему, чему можно выучить в продолжение остающихся ему пяти или шести учебных лет. Институт обязан сделать для сироты все, что может, а не непременно сделать из сироты студента университета.

В этих параграфах проекта упущено из виду чрезвычайно важное обстоятельство, на которое обращается особенное внимание во всех сиротских учебных заведениях за границею. Будучи несколько лет инспектором классов в Гатчине, я на опыте убедился, как много приносило вреда то, что на это обстоятельство не было обращено внимания. Нередко привозят в институт сирот 12 лет, уже сильно испорченных нравственно, с укоренившимся онанизмом, с наклонностями ко лжи, воровству и даже пьянству; я помню одного мальчика, которого привезли к нам прямо из тюрьмы, где он содержался вместе со своим отцом; у этого мальчика уже резко

выразилась наклонность к воровству и пьянству; неужели же подобных детей прямо ввести в классы института и спальни воспитанников и кинуть в массу детей такие живые начала нравственной порчи.

Я советовал бы институту всех вновь поступающих детей свыше десятилетнего возраста (ниже 10 лет дети поступают не в институт, а в пансион при малолетней школе), не помещая прямо в классы, отдавать благонадежным учителям на пробное время с тем, чтобы учителя эти и подготовили их к продолжению институтского курса. Только уверившись в безвредности дитяти для других детей, можно допустить его в институт.

В § 38, где говорится о физическом воспитании детей, следовало бы именно сказать о занятиях садовых, огородных и ремесленных.

По единогласному отзыву всех начальников заграничных закрытых заведений, в особенности же сиротских домов, в которых дети остаются даже по праздникам и на вакационное время, полевые, огородные, садовые и ремесленные работы являются могущественнейшим и самым правильным средством физического и даже нравственного воспитания детей, средством, которое действует на физическое воспитание даже гораздо лучше искусственной гимнастики, а на нравственное лучше всяких моральных наставлений, так скоро надоедающих ребенку; физические работы развивают в детях любовь и привычку к беспрестанному труду и делают для них праздность — скучною и невозможною, так что впоследствии времени несколько часов, проведенных в праздности, являются для них сильнейшим наказанием, любовь же и привычка к труду есть именно та почва, на которой могут успешно развиваться все добрые качества. Заведения, известные под именем спасительных заведений, основываются, единственно на принципе физического, но вместе с тем разумного труда. Под влиянием этого принципа самые испорченные дети меняются очень быстро. Попробовали бы в некоторых спасительных заведениях усилить учебные, книжные занятия в ущерб работам и немедленно же оказался упадок в нравственном отношении. Дитя, по самой природе своей, требует беспрестанно физической деятельности и этому требованию не может удовлетворить часовое занятие гимнастикою. Если это требование детской природы не удовлетворено, то развивающиеся силы дитяти приносят ему вред; хорошо еще, если ребенок сделается только шалуном и буяном, но бывают последствия еще хуже — ребенок делается онанистом, скрытным, злым мальчиком и устраивает для себя такую тайную сферу деятельности, в которую воспитателю нелегко проникнуть. В Гатчинском институте ни от чего дети так не портились и не гибли, как от развитой там ужаснейшей праздности. При слабости учебных занятий, причины которой я показал выше, гатчинскому воспитаннику и в учебные дни было весьма мало дела, но во время праздников и в вакационное время дети предавались совершенно самой развращающей праздности. Но так как постоянные умственные занятия для ребенка—отрока, даже юноши, не только бесполезны, но положительно вредны, то и следует ввести в институт всевозможные физические работы — огородные и садовые, если уже не полевые, а для зимы — ремесленные занятия, а именно: переплетное мастерство, токарное, столярное, сапожное,

портняжное и слесарное. Устройство таких мастерских, необходимых самому заведению, может стоить очень дешево, а дети при небольшом искусстве со стороны воспитателя, с жаждой кинутся на все эти занятия, из которых многие введены за границей не только в сиротские институты, но даже в самые богатые аристократические заведения, например: в частном пансионе знаменитого педагога Стоя в Иене. По недостатку времени я не могу изложить здесь подробностей устройства подобных работ.

§ 39 проекта следует весь переделать. Чем меньше фраз в уставе, тем лучше. Весьма опасна та мысль, что религиозно-нравственное образование лежит преимущественно на самом воспитателе, два же еженедельных урока закона божия не могут развить нравственно-религиозного чувства.

§ 41 проекта говорит, что учебный курс будет сообразоваться с курсом столичных гимназий, имеющих реальное направление. Сколько мне известно, таких реальных гимназий нет еще в наших столицах, о чем, впрочем, лучше знают составители проекта. Но как бы там ни было, я держусь того убеждения, что институтский курс должен быть весь построен на общих рациональных, педагогических основаниях и без реальных и без классических стремлений. Все, что можно допустить в сиротском институте, то это — разделение двух высших классов на две параллели с тем, чтобы в одном из этих параллелей преимуществовали естественные науки, а в другом классические языки. Это может быть сделано с тою целью, чтобы подготовить воспитанников—одних в средние классы гимназии (с целью поступления потом в университеты), а других в средние классы технических заведений, куда также очень полезно будет определять гатчинских воспитанников.

О § 42, где излагаются предметы преподавания, я замечу только, что, во-первых, в нем вовсе не выражено реального направления, а, во-вторых, что изучение обоих новейших иностранных языков, ведомое одновременно по всем классам института, как это выражено в программе и для всех воспитанников, никогда не достигало какого-нибудь порядочного результата и никогда не достигнет. Между преподавателями иностранных языков в Гатчинском институте было очень много порядочных; заботились об этом преподавании всегда более, чем о каком-нибудь другом, но посмотрите на воспитанников старших классов, много ли они успели в иностранных языках и к чему им пригодятся эти сотни две усвоенных ими иностранных слов, эти десятка два грамматических правил. Преподавать иностранные языки в институте возможно и даже полезно, но не для всех, и самый курс преподавания должен быть расположен совсем другим образом, если желают действительного успеха.

В § 43 число недельных уроков института поставляется в зависимость от числа уроков столичных реальных гимназий. Если такие гимназии и установятся в Петербурге, то зачем же ставить институтский курс в такую зависимость от курса других учебных заведений и притом еще не установившихся?

В § 45 назначаются вакации на два месяца, от половины июня до половины августа.

Вакации имеют смысл или только в открытых учебных заведениях, или в тех закрытых, где родители берут к себе детей на вакационное время, в закрытых же заведениях, где большая часть детей остается и в вакационное время в стенах заведения, не следовало бы допускать вовсе полных вакаций. Для некоторого же отдыха детей, воспитателей и учителей достаточно было бы, продлив даже вакационное время, уменьшить число учебных занятий на две трети с тем, чтобы эту остальную треть уроков, более повторительных, приняли на себя очередные воспитатели и учителя, дав возможность другим свободно воспользоваться вакационным временем. Педагоги-практиканты, о которых говорится ниже в проекте, могут оказать в этом случае важную услугу.

На все вакационное время следует организовать правильно садовые и огородные работы, а равно более или менее отдаленные прогулки, связав их с правильными наблюдениями природы, как, напр., с ведением, по системе Любена, журналов развития растений и насекомых. Очень сожалею, что недостаток времени не дает мне возможности развить подробнее эти мысли.

В § 45 говорится очень решительно: „При переводе из класса в класс воспитанникам не дозволяется оставаться в одном и том же классе более двух лет, но случаи такого оставления очень часты в Гатчинском институте и следовало бы тут же указать, что делать с воспитанником, который и на втором годовом экзамене окажется неспособным к переходу в высший класс, а таких неспособных при порядочных сколько-нибудь экзаменах будет многое множество, иногда большая половина класса. Если институтское начальство думает немедленно же, каким бы то ни было образом, удалять из института тех воспитанников, которые в два года не успели приготовиться к переходу в высший класс, то можно с уверенностью сказать, что оно встретит при этом непреодолимые затруднения и кончит тем, что понизит уровень экзаменационных трбований, а вместе с тем разовьется снова праздность и нравственная порча. Постановлять таких решительных правил о переводах в сиротских заведениях—невозможно, они годятся только в открытых учебных заведениях, где главное попечительство о детях лежит на самих родителях. В сиротском заведении, где воспитатели заменяют родителей, не должно ограничиваться только экзаменационной поверкою, успел ли воспитанник или нет, но должно открыть причины неуспеха и действовать против этих причин, а не против воспитанников. Слишком легка была [бы] обязанность воспитателя и родителя, если бы не удовольствовавшись результатами своей же собственной деятельности, они сбывали с рук неудавшихся детей, предоставляя их дальнейшее воспитание другим, но почему же эти другие должны быть лучшими воспитателями, чем воспитатели Гатчинского института? Нет, воспитатель сиротского заведения не должен думать, что при неуспехе ему остается только сбыть с рук воспитанника; если бы германские спасительные заведения поступали так, то они не заслуживали бы того уважения, кото-

рым пользуются. Нет, откройте причину неуспеха и действуйте против этой причины, если, например, причина лежит в природной малоспособности ребенка, то ограничьте круг его учебных предметов, дайте ему работу по силам и все-таки воспитывайте, вы берете на свое попечение детей и притом сирот, а не талантливых мальчиков, с которыми воспитателю так легко и приятно, и от сиротского заведения никто не в праве требовать, чтобы всякое дитя непременно усвоило бы весь определенный и обширный курс ученья. От этого то и не следует в сиротских заведениях установлять однообразный для всех курс.

Если причина неуспеха скрывается в нравственной порче, в привычке к лени, истинный воспитатель должен действовать против этой привычки: приучайте ребенка к труду мало-по-малу, снисходительно смотря на болезнь, в которой виноваты, может-быть, сами воспитатели или же прежнее сиротское положение воспитанника, поручите его лучшему из воспитателей, сделайте его предметом забот ваших педагогов-практикантов и добивайтесь неустанно возможно лучшего результата. При нынешнем состоянии Гатчинского института это положительно невозможно, но потому то его и следует преобразовать коренным образом, в истинно сиротское заведение. Преждевременное же удаление сирот из заведения может быть допущено единственно в том случае, когда воспитанник, несмотря на все употребле[нные] средства, не только сам не исправляется, но значительно портит других. Эти печальные случаи институт должен тщательно записывать, потому что они показывают ему его собственное несовершенство.

§ 48 говорит об ежегодных экзаменах по всем классам—огромная и бесполезная трата времени, которую совершенно можно избежать при том воспитательном устройстве заведения, на которое я имел честь указать выше; особенные экзамены нужны только там, где воспитатели не знают своих воспитанников, или где воспитателям нельзя доверять. Ни того, ни другого не должно быть в сиротском заведении.

§ 49 говорит о том, что учебная часть в институте, по возможности, будет сообразоваться с постановлениями и правилами министерства народного просвещения: это показывает, что составители проекта все еще не прониклись тою мыслью, что сиротское заведение есть совершенно особенное педагогическое явление, которое решительно должно быть основано на своих особенных началах и никак не может сообразоваться с постановлениями, программами и курсами открытых учебных заведений.

Главы 6, 7 и 8 проекта должны быть совершенно изменены: в них определяется выпуск и удаление воспитанников из заведения, все эти положения необыкновенно важны для заведения и воспитывающихся в нем сирот, а потому должны быть составлены с крайнею осмотрительностью, тогда как теперь в них скрываются значительные недосмотры, так, напр., в § 52 говорится, что воспитанники, окончившие курс ученья получают право на вступление в высшие учебные заведения без экзаменов, но надобно еще спросить эти высшие учебные заведения — примут ли они без экзамена воспитанников чужого ведомства, совершенно им неизвестных. В том же §

говорится, что воспитанники, выбывшие из высших классов, начиная с четвертого, пользуются правами, предоставленными с.-петербургским прогимназиям, но надобно еще спросить, согласится ли министерство признать эти права в некоторых случаях его касающхся.

Но эти ошибки легко еще удалить, снестись с министерством, главная же ошибка проекта состоит в том, что он забывает те обязанности, которые берет на себя Опекунский совет, принимая сироту на свое попечение, а именно—обязанность устроить его судьбу. Представтье же себе круглого сироту, у которого нет никакого имущества и никаких близких, пекущихся о нем, родных, которому дали в руки прогимназический аттестат, одели или, что все равно, дали 60 руб. экипировочных денег и выслали из Гатчины в Петербург. Не зная никакого ремесла, не имея ни одной души знакомых в столице, не имея средств уехать из нее в провинцию, без гроша в кармане, без всякой привычки к самостоятельной жизни, не будучи в состоянии даже на месяц нанять себе квартиру со столом, что будет он делать посреди петербургских улиц. Умножить полуобразованный, ни к чему неспособный столичный пролетариат не дело сиротского заведения, оно поступило бы лучше, если бы при таких условиях совсем не взяло бы сироты, или, прокормив его до 10 или 12 лет, отдало бы на выучку какому-нибудь ремесленнику или в прислуги. Еще хуже положение того, который не получил аттестата по дурному поведению, положим мальчик виноват, хотя и не совсем вина падает на него одного, но чем же виновато общество, куда бросают таких опасных пролетариев, не дав им никакого определенного направления? Не следует также оставлять и тех, которые окончили полный курс и получили 90 рублей экипировочных денег; экипировавшись на эти деньги, остатком нельзя прожить и двух, трех месяцев, а посмотрите, по скольку месяцев и даже лет скитаются без места молодые люди с кандидатскими аттестатами. В молодом же человеке без родных и добрых знакомых, несколько месяцев такого столичного скитальчества могут погубить все плоды воспитания.

Из всего этого видно, что Гатчинский институт должен заботиться о том, чтобы дать воспитавшимся в нем сиротам определенное положение в жизни.

К 7 главе „О наградах воспитанников“ следовало бы прибавить и главу о наказаниях, потому что, если нельзя допускать произвола в наградах, то тем более в наказаниях.

В § 61 странно поражает то, что определение молодых людей юнкерами в военную службу, считается наказанием за дурное поведение. Кроме того, здесь ничего не сказано, как поступать с теми воспитанниками, которые окажутся физически негодными к военной службе.

Сожалею очень, что время не позволяет мне рассмотреть девятую главу „Об экстернах“, хотя она требует полного пересмотра. Неприятно поражают слова в § 76, что начальство Института, „имея непрестанное попечение об экстернах, само никоим образом не подвергается ответственности за поступки экстернов и возлагает ее на наставников“. Нет, если началь-

ство обязывает себя попечением над экстернами, то на него же падает и ответственность, оно выбирает наставников, оно отдает им воспитанников, оно же обязано следить за наставниками и воспитанниками. Жалованье начальства не уменьшится при отдаче воспитанника на чужие руки.

Не знаю, до какой степени достигла испорченность заведения в настоящее время и насколько является необходимым во что бы то ни стало сбыть из заведения старших воспитанников, но ведь в проекте говорится не о сбыте и вся эта мера представляется как бы награда за хорошее поведение. Странно, однако, что тут же говорится, что если экстерн ведет себя дурно и исправительные меры на него не подействуют, то он подлежит „немедленному исключению и затем всякие с ним отношения института прекращаются", тогда как выше говорилось об отдаче таких воспитанников в военную службу. Уже одно это противоречие показывает, что эти главы должны быть вновь совершенно передуманы. Кроме того: исключить воспитанника легко, но едва ли приятно будет институту, если, как надобно и предполагать, полиция будет ловить этих исключенных воспитанников в нищенстве или в воровстве, а что же им делать, если у них и на пять дней нет куска хлеба, а в пять дней в Петербурге решительно невозможно приискать себе место. Вообще, проект как-то легко обращается со словом „исключение", забывая, что здесь дело идет о бесприютных сиротах, которых Опекунский совет принял на свое попечение, а вовсе не об учениках учебного заведения.

В главе X говорится о практическом учительском отделении при институте. Мысль сама по себе очень хорошая и практическая: при огромном требовании на учителей сельских, приходских, уездных и домашних институт действтельно мог бы найти превосходный и самый полезный для государства и общества сбыт своим воспитанникам, но для этого требуется хорошо устроить подготовление учителей, что весьма не легко. Глава же проекта об учительских отделениях крайне неполна, неопределенна и непрактична. Не имея совершенно времени для подробного ее разбора, я советовал бы только указать в уставе на необходимость такого учительского отделения при институте, но проект этого отделения обработать особенно, зрело его обдумав и сообразив все местные условия, пред[о]ставляемые Гатчинским институтом. В главе XI „О малолетней школе" есть незначительные промахи, принадлежащие прежнему времени, потому что вообще малолетняя школа основана Гугелем на здоровых педагогических началах, а потому и менять в ней не многое приходится. Следовало бы только ввести в нее классных учителей во все классы, вместо предметных, существующих в старшем классе.

Вот все те замечания, какие я мог только сделать в то короткое время, на которое мне дан был Гатчинский проект. В заключение скажу только одно, что имея в виду столько уже неудавшихся в Гатчине преобразований, стоивших столько денег и столько сиротских жизней, видя к чему ведут преобразования поверхностные или ошибочные, чувствуя, как больно подвергать заведение тем периодическим очищениям, при которых сот-

ни сирот, взятых в малолетнем возрасте Опекунским советом на свое попечение, выгоняются вон или размещаются куда попало, нравственно испорченными молодыми людьми, ничему порядочно невыученными, ни к чему дельному негодными и испорченными именно в заведении. Такие грустные опыты должны научить возможной осторожности в новом преобразовании.

Странным показалось мне еще то в проекте, что уменьшая число воспитанников на 110 человек, рассчитывая поместить других воспитанников в московские заведения, где находят как-то возможным поить, кормить, одевать и учить за 60 рублей в год. Считая на каждого гатчинского воспитанника 370 рублей, проект не говорит об огромных сбережениях, которые должны бы произойти от таких перемен, принимая даже в расчет те немногочисленные стипендии, которые будут выдаваться воспитанникам института, поступившим в университет или медицинскую академию, и которые постоянно выдавались и до сих пор (выдается только 250 рублей, тогда как из казны приходится на воспитанника 370, конечно, с учением и присмотром). Я нахожу, что при более внимательном расчете и при строгом педагогическом устройстве заведения (всегда обходящихся недорого) можно было бы сделать весьма значительные сбережения и употребить его именно на то, чтобы устраивать судьбу воспитанников, а не удалять их из заведения без гроша в кармане.

Весьма сожалею, что отсутствие мое за границею не позволило мне при моем специальном знакомстве с Гатчинским институтом и сиротскими заграничными заведениями, принять более деятельное участие в рассмотрении Гатчинского проекта. Если бы преобразование не было так спешно, то я просил бы всепокорнейше тех, от кого это зависит, пользуясь моим еще отсроченным на год пребыванием за границей, дать мне специальное поручение осмотреть знаменитейшие сиротские заведения за границею и представить подробные соображения и по поводу предстоящих преобразований в Гатчинском институте.

Коллежский советник К. Ушинский.

ЦГАВПК и Б СССР, фонд Гатчинского сиротского института, дело № 2103, ч. I, 1862 г., л. л. 179-189.

Приложение № 11.

Проект преобразований в Гатчинском сиротском институте, составленный К. Ушинским, в дополнение к мнению, представленному им же по поводу Гатчинского проекта.

Представив свое мнение о Гатчинском проекте, я считаю полезным представить краткий проект главнейших положений устава, который, как мне кажется, мог бы с пользою быть применен к Гатчинскому институту. По недостатку времени я не могу войти в подробности и выставлю здесь только главные основные положения.

Назначение Гатчинского сиротского института

1. Гатчинский институт дает возможно лучшее физическое, умственное и нравственное воспитание сиротам, которых Опекунский совет принимает на свое попечение и помещает в Институт.

2. Институт обязан давать сиротам такое образование, какое они по своим природным способностям и наклонностям принять могут, и обязан заботиться, чтобы это образование могло со временем служить для сироты средством к честной жизни и сделать из него полезного члена общества.

3. Институт дает образование сиротам или сам непосредственно, или помещая их в другие заведения, которые бы, продолжая образование, начатое институтом, приготовляли сироту к определенному практическому занятию в жизни: развивали бы его силы и сообщали бы ему познания, необходимые для самостоятельной жизни и самостоятельного труда.

4. Как попечитель сирот, Институт не оставляет наблюдать за их поведением и успехами и тогда, когда они находятся в других специальных заведениях, а по окончании сиротами курса учения, помогает им при первоначальном устройстве самостоятельной жизни и только тогда уже оканчивает свое попечительство.

Прием и комплект воспитанников

1. Прием воспитанников совершается по правилам, принятым для этого Опекунским советом.

2. Сироты, моложе 10 лет, определяются в малолетнюю школу, комплект которой полагается в сто человек.

3. Дети от 10 до 12 лет включительно определяются в самый институт, но каждый вновь поступивший воспитанник этого возраста, прежде чем принят будет в институт, должен быть помещен у благонадежных наставников с тем, чтобы они не только приготовили его к слушанию институтского курса, но и исправили бы в нем те недостатки воспитания, которые могли бы оказать вредное влияние на других воспитанников, уже находящихся в институте. Срок такого предварительного воспитания, вне заведения, может продолжаться от одного месяца до двух лет. Если бы паче чаяния, оказались воспитанники, не исправившиеся в продолжение этого времени настолько, чтобы их можно было поместить в самое заведение, без положительного вреда для других детей, то институт размещает их в ученье ремесленникам.

4. Комплект воспитанников института, за исключением малолетней школы, определяется в шестьсот человек, в числе которых считаются как размещенные по другим заведениям, так и отданные для обучения ремеслам и те, которым институт выдает пособия.

5. С наступлением 22-го года, если курс учения окончен, всякое пособие со стороны института прекращается, но институт должен заботиться все-

ми зависящими от него средствами, чтобы к этому времени всякий его воспитанник мог жить самостоятельным трудом.

6. Можно полагать приблизительно, что в самом институте единовременно будет находиться от 400 до 450 воспитанников, а остальные воспитанники от 150 до 200 будут состоять только под попечительством института и пользоваться его пособием.

Состав института

1. Гатчинский сиротский институт состоит из четырех главных частей: а) малолетней школы, воспитанники которой живут в частных пансионах под женским присмотром и только посещают особенно для того усмотренную школу, б) общеобразовательного училища, соответствующего прогимназии, которое находится в самом заведении, в) учительского отделения, воспитанники которого живут вне заведения, по квартирам наставников и под их ближайшим надзором, г) четвертую часть института составляют воспитанники, состоящие под его покровительством и находящиеся или в других учебных заведениях, или в обучении у ремесленников.

Малолетняя школа

1. Малолетняя школа состоит из трех классов: каждый из двух старших классов имеет своего классного учителя, а третий, младший класс, в котором находятся дети до шести, а при слабом здоровье — до 7 лет, должен состоять в непосредственном заведывании смотрительницы школы, которая, кроме того, обязана наблюдать за порядком и чистотою в школе и за порядком в классах, когда еще нет учителя.

2. Все учение в школе должно стремиться к тому, чтобы развить детей, приучить их к непринужденному выражению мыслей и приохотить к учению; беседы с детьми обо всем, что окружает и интересует их, должны составлять главное содержание учения в малолетней школе, чем уже определяется и самая метода этого учения. Из положительных знаний малолетняя школа сообщает уменье писать, читать по-русски, счет и первые четыре правила арифметики над простыми числами; наиболее доступные для детей рассказы из библейской истории и необходимейшие рассказы из библейской истории и необходимейшие молитвы. Но главным результатом учения в малолетней школе должно быть их умственное развитие: умение выражать свои мысли словесно и отчасти письменно, охота к учению и чистая детская нравственность.

Общеобразовательное училище (прогимназия)

1. Прогимназия института находится в самом заведении и состоит из пяти последовательных годовых классов, каждый класс делится на необходимое число параллельных отделений, число параллельных отделений

каждого класса может изменяться по необходимости, но общее число всех отделений гимназии не должно превышать 15-ти.

2. Такое число классных отделений гимназии дает воспитателям возможность сортировать и размещать воспитанников сообразно их возрасту, развитию, познаниям и тем наклонностям в ученьи, которые они уже выказали и, судя по которым, воспитатели будут предназначать им ту или другую карьеру.

3. Учебный курс всех пятнадцати классных отделений должен быть основан на здравых педагогических соображениях и сообразно тому практическому направлению, какое имеет институт при воспитании сирот.

4. Преподавание двух иностранных языков: французского и немецкого по возможности не совместное, а последовательное, должно быть допущено только для способнейших воспитанников. Преподавание одного из новейших языков, премущественно немецкого, должно быть допускаемо для воспитанников средних по способностям. При занятии же слабейших воспитанников следует обращать все внимание на язык отечественный и усвоение необходимейших сведений для той несложной практической деятельности, которая их ожидает в будущем.

5. Начальное изучение классических языков—латинского и отчасти греческого—допускается только в двух старших классах и в тех отделениях этих классов, в которых будут находиться воспитанники, оказавшие особенную склонность к занятию науками, и которых начальство предполагает поместить потом в высшие классы гимназии для поступления со временем в университет.

6. В двух старших классах могут быть также отделены два старшие отделения для воспитанников, оказавших особенные склонности для занятия математическими и естественными науками и, которых потому институт подготовляет к определению в артиллерийское и инженерное училища, в училище путей сообщения, в строительные училища, в технологический или земледельческий институт.[1]

7. Программы этих особенных отделений должны быть по возможности соображены с программами тех заведений, куда воспитанники приготовляются.

Воспитанники должны быть отправляемы в эти заведения ни в каком случае не ранее пятнадцатлетнего возраста и только тогда, когда начальство будет вполне убеждено, что они выдержат экзамен и что их развитие, успехи и характер вполне обеспечивают их будущее успешное заня-

[1] Так как в настоящее время приготовительные классы многих технических заведений закрыты, в том предположении, что общее приготовление будет в реальных и классических гимназиях, то и следует воспитанников института размещать по этим гимназиям. Но как это касается только самых способных, то их будет весьма мало и много если положить до 15-ти человек в год. — К. У.

тие тою или другою отраслью науки. Воспитанники, не выдержавшие экзамена или хотя и поступившие в какое-нибудь заведение, но оказавшиеся неспособными к успешному продолжению его курса, возвращаются снова в институт и получают иное назначение.

Учительское отделение

1. Учительское отделение разделяется на два класса: каждый с двухлетним курсом. Курсы эти для каждого класса должны быть соображены так, чтобы прием и выпуск воспитанников учительского отделения мог быть ежегодный, для этого следует один год проходить одни науки, а другой — другие.

2. Воспитанники первого класса учительского отделения приготовляются к занятию должностей: приходских учителей и учителей грамотности, воспитанники второго класса учительского отделения приготовляются к занятию должностей учителей уездных училищ, классных учителей и младших классов прогимназий и других равных им учебных заведений и домашних наставников.

3. Курс учительского отделения должен состоять: а) в педагогическом повторении всех тех предметов, которые учителю придется преподавать, б) в слушании краткого курса педагогики и дидактики, в) в практических упражнениях изложения урока письменно и словесно, г) в практических упражнениях в преподавании в классах института и малолетней школы, д) в педагогических беседах, на которых разбираются действия практикантов и обсуждаются все случаи институтской жизни, подающие повод к педагогическим вопросам.

4. На окончательном выпускном экзамене воспитанники учительского отделения, в присутствии депутатов от министерства народного просвещения, должны показать, что они удовлетворяют требованиям министерства и затем получают учительские аттестаты, название, соответствующее их познаниям, но институт содержит их до определения к местам, от которых воспитанники не имеют права отказываться.

5. В учительское отделение воспитанники должны поступать не моложе 16-ти лет. [1]

Воспитанники, состоящие на попечении института, но находящиеся в других учебных заведениях или в обучении ремеслам

Институт обязан постоянно наблюдать за такими своими воспитанниками и посылать одного из доверенных служащих лиц в институте для личного обозрения всех воспитанников, находящихся в Петербурге или

---

[1] Если воспитанник, из'явивший желание поступить в учительское отделение, окончит курс прогимназии до наступления 16-ти лет, то он останется в высшем классе прогимназии еще на год для повторительного курса. Если таких воспитанников соберется до 20-ти чел., то из них можно составить особое отделение. — К. У.

Москве, в успехах же и поведении других, находящихся в более отдаленных местах, удостоверяться письменно; кроме того все воспитанники института, помещенные вне Гатчины, должны находиться в постоянной переписке со своими гатчинскими воспитателями.

Выпуск воспитанников и определение их в другие учебные заведения

1. Непосредственно из института выходят только учителя, все же другие воспитанники вне института получают свое окончательное образование или приготовление к своей практической деятельности.

2. Каждый воспитанник, учитель получает 90 рублей экипировочных денег, то же самое получают и воспитанники, окончившие курс в других учебных заведениях.

3. Кроме того могут быть оказываемы единовременные пособия на первое обзаведение, от 100 до 200 рублей, по разрешению Опекунского совета, но это пособие должно быть оказываемо только в крайних случаях, по особенным, уважительным причинам, потому что издержка эта, будучи занесена в штатные расходы, оставит еще на год занятым штатное место, если не будет взята из экономических сумм. Состояние экономических сумм обусловливает число и величину таких пособий.[1]

4. Институт должен заботиться, чтобы содержание воспитанников в других учебных заведениях нигде не обходилось дороже 200 или, в крайнем случае, 250 р. сер. в год; воспитанникам института, слушающим курс университета или Медицинской академии, назначается в год 250 рублей, а при выпуске 90 р. экипировочных денег и 150 рублей единовременного пособия.[2]

5. В начале каждого года директор на общих советах со всеми воспитателями составляет расписание предстоящего через год окончательного выпуска воспитанников и следующих им пособий, а также и размещение воспитанников института вне Гатчины. По утверждении этого расписания Опекунским советом директор в продолжение года приготовляет его исполнение, входя в переписку с надлежащими местами и лицами. К этому расписанию должны быть приложены полнейшие сведения обо всей институтской жизни воспитанника, из ведущихся постоянно заметок воспитателя.

Личный состав воспитателей, административной и хозяйственной части

1. В институте полагаются следующие должностные лица: 1) директор-воспитатель, 2) четыре старшие воспитателя, 3) десять классных воспитателей, 4) два помощника воспитателей, 5) начальник учительского отделе-

---

[1] Так как в штате на каждого воспитанника будет назначено около 200 руб. серебром, а содержание многих из воспитанников, определенных или в обучение ремеслам или в школу садоводства (60 руб. в год) будет стоить гораздо менее, то это и даст возможность каждый год иметь значительный остаток от штатных сумм для пособий на первое обзаведение.

[2] Таких воспитанников будет, без сомнения, очень мало, как показал уже прежний опыт. — К. У.

ния, заведующий учебной частью малолетней школы, 6) два классные учителя малолетней школы, 7) пять учителей гимназии, живущих вне заведения, 8) священник-законоучитель, 9) диакон-законоучитель, 10) медик, он же и начальник лазарета, 11) помощник медика, 12) фельдшер, 13) эконом, 14) письмоводитель при директоре, бухгалтер, 15) смотрительница малолетней школы, 16) лазаретная дама, 17) наемная прислуга.

Директор-воспитатель

1. На директоре-воспитателе лежит главная ответственность по всем частям заведения, а потому директору принадлежит право выбора всех должностных лиц, которые, при согласии почетного опекуна, утверждаются Опекунским советом.

2. Директор-воспитатель должен вполне оправдывать свое назначение; не только должен быть главным администратором, но и главным воспитателем, поучая и поощряя подчиненных своим собственным примером.

3. Он читает не менее четырех педагогических лекций в учительском отделении и знакомит будущих учителей с искусством не только на словах, но и на практике, которую представляет подведомственное ему обширное заведение; от чтения лекций директор не может отговариваться незнанием искусства воспитания, потому что, принимая на себя должность директора Сиротского института, он уже тем самым принимает на себя важную воспитательную обязанность и с тем вместе должен уже уметь наставить своих подчиненных и словом и делом в деле воспитания. Вся служба в воспитательном заведении должна быть основана на истинном уважения воспитанников к своим воспитателям и младших воспитателей к своему старшему начальнику-воспитателю; подчиненный воспитатель должен знать, что он встретит в своем начальнике и совет, и указание, и пример, и истинную оценку своих действий.

4. Директор во всех, сколько-нибудь важных случаях и как можно чаще обязан советоваться с подчиненными ему воспитателями, старшими или младшими, не только потому, чтобы воспользоваться их мнением и обсудить вопрос со всех сторон, не только потому, что подчиненные ему воспитатели ближе к воспитанникам, чем он сам, но и для того, чтобы в этих советах образовывалось в воспитателях общее убеждение и чтобы вся их воспитательная деятельность вытекала из убеждения: так как воспитание есть главным образом дело совести, то простой начальнический приказ редко может иметь здесь место.

5. К этим совещаниям всякий раз, как только это возможно, должны быть призываемы практиканты учительского отделения и даже старшие из воспитанников прогимназии для того, чтобы они видели искренность в действиях своих воспитателей. Эта искренность есть единственная и лучшая связь между воспитателями и воспитанниками и одна только она дает возможность воспитателю иметь действительное влияние на нравственное развитие юноши. От старших же воспитанников перейдет и к младшим искреннее уважение к своим воспитателям.

Старшие воспитатели

1. Все воспитанники институтской прогимназии разделяются на четыре большие отделения от 100 до 120 чел. в каждом. Каждое отделение поручается вполне как по учебной и воспитательной части, старшему воспитателю.

2. Старший воспитатель, действуя совещательно со всеми воспитателями своего отделения, отвечает за успехи и нравственность своего отделения.

3. У каждого старшего воспитателя находится в особенном заведывании один из параллельных отделов одного из классов его отделения, по преимуществу старшего; в этом параллельном классе старший воспитатель исполняет все обязанности классного воспитателя и должен служить примером для подчиненных ему классных воспитателей.

4. Все четыре старшие воспитатели, начальник учительского отделения и священнослужитель институтской церкви, под председательством директора-воспитателя, составляют малый воспитательный совет; дела в этом совете решаются большинством голосов, но при несогласии директора-воспитателя дело переносится на рассмотрение высшего начальства, мнение члена совета, несогласное с общим решением, должно быть внесено в протокол.

Классные воспитатели

1. Каждое параллельное отделение класса поручается особенному классному воспитателю, который вполне отвечает за свой класс как по учебной, так и по воспитательной части.

2. Все учителя, преподающие в классе, подчиняются вполне классному воспитателю, который обязан преподавать в своем классе 18 уроков в неделю.

3. Должно стремиться к тому, чтобы учительское отделение образовало классных воспитателей, назначая способнейших из своих учеников к слушанию университетских курсов, но до того времени, в виде исключений по недостатку у нас учителей, способных преподавать несколько предметов, следует допустить, чтобы классный воспитатель из своих 18 уроков преподавал некоторые в других классах, но в таком случае, преподавая в другом классе, он подчиняется вполне классному воспитателю того класса.

4. Старшие и классные воспитатели живут в здании института и помещаются, по возможности, ближе к своим воспитанникам, классные воспитатели обедают со своими классами, ходят с ними на прогулки и вообще заботятся о том, чтобы и вне класса оставаться как можно более времени со своими воспитанниками.

5. Священнику-законоучителю института доверяется один из классов, с полными правами и обязанностями классного воспитателя, но в помощь ему по случаю лежащих на нем церковных обязанностей придается ему в осо-

бенности один из помощников-воспитателей, по собственному выбору законоучителя.

Для замены больных или отсутствующих воспитателей, для дежурств в классное время, в коридорах института, а равно и для облегчения ночных дежурств, назначаются два помощника-воспитателя, живущие вне заведения, но имеющие особое помещение в заведении при исполнении ими своих обязанностей. Заменяя собою больного или отсутствующего воспитателя, помощник воспитателя должен все это время жить в самом заведении.

Начальник учительского отделения

1. Начальником учительского отделения должно быть лицо, вполне знакомое как с педагогическою теориею, так и с практикою, он должен читать педагогические лекции в дополнение к лекциям самого директора, на нем лежит главная обязанность распоряжения практическими занятиями воспитанников учительского отделения, ему непосредственно подчинены все воспитанники учительского отделения как в учебном, так и в воспитательном отношении, он главным образом руководит педагогическими конференциями практикантов этого отделения, в частности, заведует малолетнею школою, он дает не менее 12 уроков как по педагогике, так и по предметам в учительском отделении.

Учителя

1. Для пополнения уроков как в учительском отделении, так и в институте назначается пять отдельных предметных учителей, живущих вне заведения.

2. Учителя вполне подчиняются классным воспитателям тех классов, в которых преподают, и начальнику учительского отделения, если преподают в этом отделении.

3. Кроме этих учителей назначаются: учитель гимнастики, учитель музыки и учитель пения. Учительское отделение должно заботиться, чтобы приготовить таких классных учителей, которые смогли бы со временем учить и пению, и музыке, и гимнастике.

Учебная часть

1. Пред началом каждого года, каждый классный воспитатель, в конференции с учителями своего класса, вырабатывает подробную программу ученья; все эти классные программы приводятся к единству на общем совещании воспитателей отделений и, наконец, все учебные программы отделений приводятся в общую программу учебных занятий института, в котором принимают участие все воспитатели заведения, начальник учительского отделения и учителя малолетней школы. Программа эта представляется на утверждение.

Хозяйственная часть

1. Все важнейшие соображения по хозяйственной части и поверка хозяйственных действий должны совершаться в особом хозяйственном комитете; члены этого комитета следующие: директор-воспитатель, председатель комитета, эконом, бухгалтер и два члена, избираемые воспитателями всего заведения по баллотировке из старших или классных воспитателей. Каждый воспитатель, избранный в хозяйственный комитет, освобождается от чтения 4-х уроков в неделю, но зато обязан исполнять возложенные на него комитетом поручения по счетной и хозяйственной части.

2. Пределы власти хозяйственного комитета должны быть строго определены, причем следует с точностью означить, что может разрешить эконом, что может разрешить директор, что может разрешить комитет и что должно быть внесено на разрешение высшего начальства, с мнениями членов комитета.

Канцелярия

1. Для ведения письменных дел придается директору письмоводитель с потребным числом писарей по найму.

Медицинская часть

1. При институте состоит старший врач, его помощник и фельдшер.

2. Старший врач есть начальник лазарета и помещается в одном с ним здании, тут же живет и помощник.

3. Институтская аптека остается на прежнем основании. Она устроена была очень хорошо.

4. При лазарете должна быть особая лазаретная дама и потребное число прислуги — женской и мужской.

Институтская прислуга

1. Институт не должен забывать, что воспитывает сирот и что должен приучать их к новой жизни, в которой бы они обходились без прислуги и научились прислуживать сами себе, а потому: очистка от сора комнат, классов и спален и внешняя очистка ватерклозетов, чистка одежды, уборка постелей, приготовление классов к занятиям, прготовление столовой к обеду, разноска пищи, уборка столовой после обеда, уборка сада, обработка принадлежащего институту огорода и сада, порядок в мастерских—все это должно лежать на обязанности самих воспитанников и все это весьма легко может быть исполняемо воспитанниками, если только будет заведен для этого определенный порядок, чтобы каждый знал что и когда он должен делать.

2. Кроме того назначается для общей прислуги по заведению для тяжелых работ не более 12 наемных людей.

3. При найме прислуги должно иметь в виду, что много дурных качеств переходит от прислуги к детям.

Огород, мастерские и прочие учреждения для физических работ

1. При институте должны быть устроены сад и огород, которыми заведует особый садовник, он же распоряжает садовые и огородные работы воспитанников; результата этих работ должно быть достаточно для найма садовника и покупки необходимых орудий.

2. При институте учреждаются на первый раз следующие мастерские: переплетная, столярная и сапожная. Работы учеников в этих мастерских должны быть правильно распределены.

3. Во главе каждой такой мастерской должен стоять искусный и честный мастеровой.

К. Ушинский.

ЦГАВПК и Б СССР, ф. Гатчинского сиротского ин-та, д. № 2103, ч. I, 1862 г., лл. 186-196.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ БИБЛИОТЕКА

ОГЛАВЛЕНИЕ

	стр.
Предисловие редактора	III
К. Д. Ушинский — Великий русский педагог	1
Глава I. **Философские и общественно-политические воззрения К. Д. Ушинского**	6—108
А. Философские воззрения	6—58
1. Оценки философской концепции Ушинского в работах о нем	10
2. Исходные принципы философии Ушинского	15
3. Натурфилософские воззрения	29
4. Взгляды Ушинского на общество	35
5. Гносеологические взгляды	44
6. О науке и ее роли в познании истины	53
Заключение	57
Б. Экономические и социально-политические взгляды	58—108
1. О путях экономического развития России	61
2. Социально-политические взгляды Ушинского	67
3. Отношение царского правительства к Ушинскому	90
Глава II. **Учение Ушинского об общих основах педагогики**	109—134
1. Педагогика как наука и как искусство воспитания	110
2. Философия — основа педагогики	115
3. Педагогика — общественная наука	117
4. Содержание педагогики как науки	118
5. Связь педагогики с другими науками	122
6. Принцип народности в педагогической науке	125
7. Значение педагогики и пути ее развития	130
Глава III. **Общепедагогические идеи**	135—189
1. Человек — предмет воспитания	135
2. Воспитание и его задачи	138
3. Принцип народности в воспитании	143
4. Труд — основа воспитания	153
5. Родной язык — душа воспитания	159
6. Школа, ее роль и задачи	167
7. Женское образование	174
8. Низшее профессиональное образование	181
9. Высшее образование	184
Глава IV. **Дидактическое учение**	190—291
А. Общие основы	190—216
1. Проблема теории образования в учении Ушинского	191
2. Обучение и закономерность его процесса	201
3. Воспитывающее обучение	207
4. Связь обучения с жизнью	211

5. Природосообразность в обучении 214
Б. Психологические основы обучения . . . . . 217—243
1. Психологическая концепция К. Д. Ушинского 217
2. Внимание 227
3. Память и запоминание 232
4. Мышление 236
5. Воля 239
6. Эмоции 241
В. Дидактические принципы . . . . . 244—262
1. Принцип сознательности и активности 245
2. Последовательность в обучении 251
3. Наглядность в обучении 253
4. Принцип прочности усвоения знаний и навыков . . . 259
Г. Организация и методы обучения . . . . . 262—278
1. Урок и его строение 263
2. Характеристика методов обучения 269
3. О домашних заданиях 275
4. Об оценке знаний и об экзаменах 276
Д. Применение дидактики к частным методам . . . . . 278—291
1. О преподавании родного языка 281
2. О преподавании иностранных языков 289
Глава V. **Учение о воспитании личности** . . . . . 292—314
1. Общие основы воспитания личности 293
2. Основные элементы воспитания личности 297
3. Основы методики нравственного воспитания 308
Глава VI. **Об учителе** . . . . . 315—321
Глава VII. **О директоре школы** . . . . . 322—328
Глава VIII. **Значение К. Д. Ушинского для развития педагогической мысли в Грузии** . . . . . 329—372
1. Проникновение учения Ушинского в Грузию 329
2. Я. С. Гогебашвили — последователь Ушинского 337
Библиография . . . . . 373—402
Приложения . . . . . 403—446

Корректор И. Андроникашвили

Подписано к печати 24/V-48 г. Кол. п. л. 28. УЭ 02455. Заказ № 254.
Тираж 3000.

Набрано, отпечатано и сделан переплет с 1 — 23 ф. включительно в Типолитографии Тбилисского Государственного университета, ул. Марра № 1.
В Комбинате Печати набраны и отпечатаны с 24 — 28 ф. включительно.
Заказ № 462.